Московский государственный институт международных отношений
(Университет) МИД России

Центр военно-политических исследований

А. И. Подберезкин

Евразийская воздушно-космическая оборона

Издательство
«МГИМО–Университет»

2013

УДК 327
ББК 66.4(0)
П44

По заказу Международной Конфедерации общественных сил
за евразийскую интеграцию

Рецензенты:
д.э.н. Антонов А. И., заместитель министра обороны РФ; Гладких С. А. помощник заместителя генерального директора по научно-техническому развитию ОАО «Концерн ПВО «Алмаз-Антей», полковник запаса; д.т.н. Чайковский М. М., ведущий эксперт Центра военно-политических исследований МГИМО(У), с.н.с. Института проблем Управления им. В. А. Трапезникова РАН, Коровин В. Н., эксперт.

Подберезкин А. И.
П 44 Евразийская воздушно-космическая оборона. М.: МГИМО–Университет, 2013. — 488 с.

ISBN 978-5-9228-0937-5

В книге профессора МГИМО(У) А. И. Подберезкина выдвигается идея возможности и необходимости создания ЕвразВКО, как главного направления в развитии евразийской интеграции. Автор считает, что в основе этого процесса, как и процесса европейской интеграции, должны лежать прежде всего интересы совместной безопасности. Рассматриваются также основные тенденции развития систем ВКО США и России в контексте развития военно-политической обстановки в Евразии.

ББК 66.4(0)

ISBN 978-5-9228-0937-5

© Московский государственный институт
международных отношений (университет)
МИД России, 2013

В книге использованы материалы электронных ресурсов, прежде всего, «Военное обозрение», «Центр военно-политических исследований МГИМО(У)» и фотоматериалы В. Н. Коровина.

Содержние

Предисловие ректора МГИМО(У) академика РАН А. В. Торкунова 5

Предисловие Генерального директора ОАО «Концерн ПВО «Алмаз-Антей» В. В. Меньщикова 9

От автора 13

1. Евразийская интеграция и евразийская безопасность 17
Отсутствие системы евразийской безопасности 24
Новые угрозы для России и евразийской безопасности 34
Евразийская безопасность: выбор России 48

2. Геополитика и ВКО Евразии 63
Новая политическая и военная роль ВКО в мире 69
Создание объединенной ВКО как наиболее актуальная евразийская проблема 76
Россия как центр формирования евразийской ВКО 93

3. ВКО как инструмент евразийской безопасности и интеграции 109
Евразийская безопасность и ВКО 115
ЕвразВКО как инструмент обеспечения безопасности 133

4. «Ядерное сдерживание» или ВКО Евразии? 155
Стратегическое неядерное оружие как главная угроза «ядерному сдерживанию» 158
Глобальная ПРО США и «ядерное сдерживание» 168

5. ВКО как альтернатива созданию стратегического наступательно-оборонительного комплекса 187
Два подхода к американской ПРО в России: история и современность 192
Дестабилизирующая роль глобальной системы ПРО США разница в оценках 201
Политическая «позиция силы» и ВКО 208
Возможность и необходимость создания ВКО России и Евразии 213

6. Основные проблемы создания российской и евразийской ВКО 225
Ликвидация «доктринальной пустоты» 231
Современное состояние российской ВКО: политические аспекты 242

Организационно-управленческие проблемы ВКО 247
Проблемы международного сотрудничества 256

7. Взаимосвязь модернизации России, развития национального человеческого капитала (НЧК) и воздушно-космической обороны (ВКО) Евразии 269
Военно-политические аспекты НЧК 277
Роль НЧК в развитии ОПК и ВКО 289
Кадровый потенциал ВКО 309
Основные проблемы развития НЧК ВКО 324
ЕвразВКО и «мягкая сила» 332
ВТС как инструмент развития ЕвразВКО 340

8. Информационная война, сетецентрическая война и кибервойна: взаимосвязь с ВКО 347
Новые стратегические концепции и ВКО 352
Единое информационное пространство Евразии 373

9. Евразийская ВКО: роль стратегических неядерных вооружений 381
Эволюция военного искусства и стратегические неядерные вооружения 385
Стратегические неядерные вооружения как необходимый предмет переговоров 395
Евразийская интеграция и стратегические неядерные вооружения 402
Евразия и стратегические неядерные вооружения 410

10. Практическая реализация идеи евразийской ВКО 419
Способность элит евразийских государств реализовать геополитический проект 422
Трудности в создании евразийской ВКО 426
Неизбежность военно-политической интеграции и нового уровня ВТС в Евразии 429
Общность интересов и ценностей как основа военно-политической интеграции в Евразии 438
Внешняя и военная политика России и международное сотрудничество в Евразии 441

Евразийская ВКО: основные выводы 449

Сокращения, используемые в работе 469

Предисловие

Уважаемые читатели,

Международные отношения в XXI веке характеризуются ростом нестабильности в целом ряде стран и регионов мира, но особенно в Евразии, на которую в последние десятилетия приходится 90% всех военных конфликтов. К сожалению, и в будущем высока вероятность возникновения новых очагов напряженности. Ведущие страны мира ведут ожесточенную конкурентную борьбу по вопросам взаимной торговли и валютных курсов, военно-стратегическим проблемам. В более широком международном контексте формируются конкурентные стратегии традиционных лидеров — стран «Группы семи» (G7), с одной стороны, и новых лидеров из числа стран с развивающимися рынками (БРИКС), — с другой.

В сложившихся условиях важную роль продолжают играть традиционные аспекты международной безопасности — поддержание геостратегического баланса ведущих стран мира — членов «Ядерного клуба», основанного на концепции взаимного гарантированного уничтожения. Российская Федерация, будучи одной из ведущих ядерных держав и членом «Группы восьми», является ответственным субъектом международного сообщества, последовательно выступающим за снижение напряженности в международных отношениях. Одно из доказательств тому — подписание в 2010 г. Договора между РФ и США о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений (СНВ-III).

Тем не менее, сегодня предпринимаются попытки изменить status quo в данной сфере, достичь асимметричных преимуществ в вопросах развития стратегических наступательных и оборонительных вооружений посредством формирования, например, Европейского ядерного щита, одобренного на саммите НАТО в 2010 г., либо развертывания стратегических неядерных вооружений. Помимо декларативных высказываний о необходимости защиты стран НАТО от иранской и северокорейской ядерной угрозы как основной цели создания такого щита, Российская Федерация так и не получила юридически обязывающих гарантий наших западных партнеров о ненаправленности создаваемой системы стратегической противоракетной обороны против РФ. Более того, похоже, что создаваемые США региональные системы ПРО складываются в единую глобальную систему.

Военно-политическое руководство любой страны мира при планировании исходит из реальных действий по укреплению потенциала вооруженных сил зарубежных государств, а не из деклараций о намерениях. В этой связи ответным шагом, предпринимаемым нашей страной и направленным на обеспечение национальной безопасности Российской Федерации, могло бы стать формирование единой системы воздушно-космической обороны евразийских стран, рассматриваемое в работе профессора МГИМО(У) МИД России А. И. Подберезкина.

Стоит отметить, что МГИМО(У) , являясь ведущим научно-образовательным центром страны в сфере международных отношений, традиционно большое внимание уделяет вопросам международной безопасности. Поэтому логично, что в октябре 2012 г. в МГИМО(У) был создан Центр военно-политических исследований под руководством профессора А. И. Подберезкина. Данная работа — один из первых исследовательских продуктов нового Центра. С ноября

2012 года у Центра есть и свой сайт «Евразийская оборона» . (http://eurasian-defense.ru), который стремительно развивается.

Хотел бы пожелать творческих успехов экспертам Центра, а читателям — получения новых знаний и знакомства с новыми концептуальными военно-политическими подходами!

Ректор МГИМО(У) МИД России
Академик РАН
А. В. Торкунов

Предисловие

Уважаемые читатели,

За последние 10 лет ситуация в оборонно-промышленном комплексе России, в частности, в производстве средств противовоздушной и противоракетной обороны, кардинально изменилась. На смену разрозненным предприятиям и конструкторским бюро, находящимся в тяжелейшем финансово-экономическом положении, пришел вертикально-интегрированный оборонный холдинг, объединивший разработчиков и производителей средств ПВО и ПРО — ОАО «Концерн ПВО «Алмаз-Антей».

И если на первом этапе основными задачами в деятельности концерна являлось сохранение и восстановление частично утраченного производственного потенциала предприятий холдинга, то сегодня перед нами стоят задачи иного характера — повышение производительности труда, омоложение персонала, модернизация производственных мощностей, формирование на их основе инновационных кластеров, наращивание общих объемов производства и экспорта продукции. Речь идет о том, чтобы оснастить ВС РФ современными средствами и системами ВКО, а также конкурировать на равных с ведущими мировыми производителями систем ПВО и ПРО, конкурировать … и побеждать в конкурентной борьбе!

Концерн совместно с Министерством обороны, другими федеральными ведомствами непрерывно осуществляет мониторинг разработки и производства новых средств воздушно-космического нападения зарубежных государств.

Исходя из данной информации, формируются требования к средствам противовоздушной и противоракетной обороны, которые учитываются при разработке и производстве средств ПВО и ПРО XXI века.

Однако традиционных экономических методов ведения конкурентной борьбы недостаточно для завоевания лидерских позиций на мировом рынке вооружений, который имеет свою специфику. На каждом из этапов производственной цепочки (разработка вооружений, материально-сырьевое обеспечение оборонных производств, производственно-технологическая кооперация и сбыт готовой продукции) формируются замкнутые внутри- и межгосударственные контуры, в т. ч. характеризующиеся общностью военно-политических интересов. На первый план выходят геостратегические интересы и соображения национальной безопасности.

В настоящее время наиболее мощным является военно-политический контур, включающий страны НАТО — основного поставщика как средств воздушно-космического нападения, так и средств ПВО и ПРО в мире. Усиливается ОПК и рынок вооружений КНР. Страны НАТО и их союзники, а также КНР заинтересованы в развитии собственных средств ПВО и ПРО, поэтому в долгосрочной перспективе они не могут рассматриваться перспективными рынками сбыта российской военной продукции. Фактически, перспективными покупателями наших систем являются регионы, не связанные прочными союзническими узами с НАТО (Азия, Африка, Латинская Америка), а также государства СНГ.

Последняя группа стран представляет особенный интерес. Во-первых, в связи с географической близостью они являются естественным продолжением российской системы ВКО. Во-вторых, представляет определенный интерес восстановление производственно-технологической кооперации предприятий ВПК стран СНГ.

В этой связи особую актуальность приобретает проблематика, затрагиваемая в монографии по воздушно-космической обороне Евразии, подготовленной Центром военно-политических исследований МГИМО(У) МИД России. В работе обозначены интересные, но не бесспорные взгляды и суждения, к обсуждению которых мы приглашаем и других авторов.

Генеральный директор
ОАО «Концерн ПВО «Алмаз-Антей»
В. В. Меньщиков

От автора

Быстрое изменение соотношения сил в мире делает проблему обеспечения безопасности в Евразии ключевой, так как, этот процесс сопровождается радикальными изменениями в вооружениях и военной технике (ВВТ), а также в концепциях их использования. На первую роль выходят новые способы применения военной силы для достижения внешнеполитических целей, прежде всего высокоточного оружия (ВТО) в авиационно-космических ударах. Проблемы безопасности, суверенитета и сохранения контроля над транспортными коридорами и ресурсами в этой связи становятся жизненно важными. В этих условиях идея создания евразийской ВКО может иметь определенное внешнеполитическое, военное и научно-техническое значение.

Предлагаемая работа представляет собой набор идей, объединенных в достаточно общую концепцию. Говоря о евразийской воздушно-космической обороне (ЕвразВКО) вообще, и российской ВКО в частности, надо отдавать отчет в том, что сегодня пока что не существует ни строгой, завершенной концепции ее создания, ни соответствующих интегрированных сил и средств. Существующая «доктринальная пустота» должна быть как можно скорее ликвидирована, ибо развитие средств управления, связи, поражения и обороны неизбежно ведет к их интеграции как по пространственному охвату, так и по способу административного и оперативного управления, а в оценке угроз, в стратегическом прогнозе и принятии соответствующих организационных решений ведет к серьезным, даже необратимым последствиям.

Эта новая доктрина должна четко сформулировать цель ВКО, потенциальных союзников, входящие в нее силы и средства, а,

главное, военно-политическую направленность. В частности, на мой взгляд, изначально она должна исходить из необходимости защиты территории и воздушно-космического пространства России и ее союзников в Евразии. Пока что эта концепция подкреплена решением о создании Объединенной системы противовоздушной обороны (ОС ПВО) СНГ, принятым в декабре 2012 года.

Исходя из стратегического прогноза развития ситуации в мире, оценки угроз, в военной доктрине и концепции ВКО будут формироваться и долгосрочные планы военного строительства, определяться приоритеты военных расходов и усилий в том числе тех государств, которые имеют вполне ограниченные ресурсы и возможности. Поэтому очень важно не ошибиться в выборе военно-политического курса страны и акцентах, которые необходимо сделать в евразийской интеграции. На первую роль выходит научно-обоснованный стратегический прогноз развития военно-политической ситуации в мире, тенденции развития ВВТ и ясность в долгосрочном планировании. И здесь особое значение приобретает четкий выбор приоритетов военной политики, в частности, приоритет в области создания ВКО.

Изначально важно определить политические приоритеты в обеспечении безопасности, выборе союзников и способах противодействия возможным противникам. От такого выбора во многом будет зависеть и готовность России к использованию в интересах безопасности своих национальных ресурсов, при том понимании, что основную тяжесть за такие решения неизбежно предстоит нести российской экономике и ее гражданам.

От выбора политических приоритетов и формулирования целей во многом будет зависеть мобилизация человеческих и иных возможностей российского ОПК, концентрация экономического и научно-производственного потенциала на основных направлениях НИОКР и производства. Эти аспек-

ты военной политики тесно связаны с задачей модернизации экономики и общественно-политической системы России.

Наконец, от постановки задач и выбора политических приоритетов будет зависеть и та система административного, стратегического и оперативного управления государством и Вооруженными Силами России, которая неизбежно должна будет сложиться в будущем.

Предлагаемая работа не претендует на законченное исследование. Ее цель стимулировать дискуссию, начатую в российском экспертном сообществе по вопросам евразийской интеграции после известных программных заявлений Президента России В. В. Путина, по проблемам развития стратегических наступательных и оборонительных сил нашей страны.

Эта книга стала одним из первых результатов работы Центра военно-политических исследований (ЦВПИ), созданного

в МГИМО(У) осенью 2012 года. В настоящее время Центром разрабатывается программа исследований по широкому кругу проблем, в центре которой находятся задачи, связанные с оценкой военно-политической ситуации в мире, стратегического прогноза соотношения сил, возможных угроз национальной безопасности России и разработки оптимальной внешней и военной политики России. За несколько прошедших месяцев было подготовлено более 50 аналитических и информационных материалов, статей и сотни комментариев на различных сайтах.

Центр предполагает активное присутствие в информационном пространстве. Уже создан и быстро развивается сайт Центра (www.eurasian-defence.ru), стремительно растет объем его информации, а численность сообщества в социальных сетях превышает несколько тысяч человек. Кроме того, Центром проведено в 2013 году серия круглых столов, семинаров и международных конференций, а также подготовлено несколько публикаций, аналитических записок и статей.

В настоящее время Центр формирует систему сотрудничества с органами законодательной и исполнительной власти России, академическим и экспертным сообществом, предприятиями отечественного ОПК и зарубежными партнерами. Мы надеемся на плодотворное сотрудничество со всеми заинтересованными экспертами.

1.
Евразийская интеграция и евразийская безопасность

Мы зачастую слишком мало говорим об эмоциональной стороне дипломатии и международных отношений, а она играет все большую роль[1]

А. Торкунов,
ректор МГИМО(У)

Новая региональная система ПРО в Азии будет строиться поэтапно, с использованием тех же решений, которые уже были испробованы в Европе[2]

М. Кридон,
помощник министра обороны США

Огромный евразийский континент в начале XXI века превращается не только в ведущий политико-экономический центр силы в мире, но и основной регион, в котором концентрируются мировые противоречия и военное противостояние, быстрее всего увеличиваются военные потенциалы и растет численность и масштабность военных конфликтов. Формирование таких военно-политических условий в XXI веке неизбежно подталкивает ведущие государства мира к созданию мощных стратегических потенциалов наступательных и оборонительных вооружений на континенте и в акваториях Тихого и Индийского океанов. Речь идет прежде всего о США, Китае, России, Индии. Но в этот процесс неизбежно втягиваются и другие евразийские государства. Уже сегодня в стратегической области можно выделить две лидирующие тенденции:

— создание потенциала стратегических неядерных наступательных систем ВТО и модернизацию СЯС, а также распространение ядерного оружия в таких странах, как КНДР, Пакистан;
— создание потенциалов стратегических оборонительных вооружений, прототипы которых уже испытываются в США и Китае. Так, в январе 2013 года США и Китай провели

[1] Рокоссовская А. Магистры мира // Российская газета. 2012. 27 сентября. С. 10.

[2] Новые планы США: система ПРО окружит Китай / РИА «Новый Регион». Версия 2.0. 29 марта 2012 г. / http://www.viperson.ru

очередные испытания ракет-перехватчиков, предназначенных для уничтожения баллистических ракет на средних участках полета[1].

Эти два направления будут основными в соперничестве за контроль над Евразией, важность которой во многом предопределяет развитие мировых процессов.

На это ещё в 1990-е годы указал З. Бжезинский в своей известной работе «Великая шахматная доска». Он привлек внимание к военно-политическому феномену Евразии, который еще в 1904 году заметил английский географ сэр Хэлфорд Джон Маккиндер, — основатель геополитики. Его работа называлась «Географическая ось истории» и в ней автор выделил зону «heartland» — как «сердцевинную землю».

При рассмотрении карты трудно не отметить, что эта зона практически совпадала с границами тогдашней Российской империи, что, собственно, объясняет, какое государство находилось в фокусе западной политики того времени и было причиной для беспокойства западной элиты. Труд Маккиндера

[1] Китайские военные успешно испытали противоракету / Эл. ресурс «Взгляд». 2013. 28 января / http://www.vz.ru/news/

также указывал на следующее: та сила, которая контролирует Мировой остров (Евразия с Африкой), оказывает решающее влияние на судьбы всего мира». Это же справедливо подчеркивает эксперт В. Юртаев[1].

Удивительно, но эти геополитические рассуждения вновь стали актуальны во втором десятилетии XXI века. Это связано прежде всего с изменением соотношения сил в мире и, как следствие, изменениями во внешней политике США. Прежде всего речь идет о Центральной Азии, но без внимания не остается и Арктика, и российский Дальний Восток, и Юго-Восточная Азия. «Постсоветская Центральная Азия во внешней политике Вашингтона прошла путь от „заднего двора“ России до одного из главнейших объектов американских интересов в мире. Прогнозируемое усложнение афганских проблем повлечет за собой и рост интереса США, России и Китая к региону. В этой связи возможны усиления противоречий этих держав в регионе»[2], — отмечает эксперт МГИМО(У) А. Казанцев.

[1] Юртаев В. Сердце Евразии / Эл. ресурс «Военное обозрение». 2013. 21 января / http://topwar.ru

[2] Казанцев А. А. Политика США в постсоветской Центральной Азии / Аналитическая записка ИМИ МГИМО(У). 2013. 5 февраля / http://eurasian-defence.ru

Евразийская воздушно-космическая оборона

Нет оснований считать, что впереди нас ожидает ослабление напряженности в Евразии или отказ США от противодействия интеграционным процессам на континенте. Совсем наоборот: будущее крайне неопределенно, что связано в том числе и с неопределенностью во внешней политике центральноазиатских государств, стабильности их общества и устойчивости экономического развития. «Разновекторность», практикуемая этими государствами, в действительности ведет объективно к усилению позиций США. Более того, страны Евросоюза в XXI веке активизировались также на этом направлении, что позволяет говорить о коалиционной военно-политической стратегии НАТО в Евразии.

«В 1996–2000 гг. соперничество США и России за влияние в ННГ стало характерной чертой американской внешней политики. В 1997 г. США включили Центральную Азию в „зону

ответственности“ командования Центральной группировки вооруженных сил США (CENTCOM), которая контролирует ситуацию на Среднем Востоке. При этом командующий CENTCOM генерал Т. Фрэнкс отметил, что действия его группировки в постсоветской Центральной Азии будут в существенной степени определяться тем, какую политику эти страны проводят в отношении России»[1] — пишет А. Казанцев.

Таким образом результаты евразийской интеграции во все большей степени будут зависеть от способности России активизировать этот процесс. Причем не только в экономической области, но и в относительно новых областях интеграции, среди которых на первый план выходит процесс интеграции в военно-политической области, прежде всего воздушно-космической обороне. Именно в этом процессе концентрируются новые перспективные направления евразийской интеграции — безопасность, научное, промышленное и гуманитарное сотрудничество, подготовка кадров и др.

[1] Казанцев А. А. Политика США в постсоветской Центральной Азии / Аналитическая записка ИМИ МГИМО(У). 2013. 5 февраля / http://eurasian-defence.ru

Отсутствие системы евразийской безопасности

Евразийский союз — открытый проект[1]

В. Путин

[1] Путин В. В. Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня // Известия. 2011. 4 октября.

Парадоксально, но факт: в современной Евразии не существует сколько-нибудь эффективной системы безопасности. Фактически, расширение НАТО на восток превратило этот блок из регионального в глобальный, включив в зону его ответственности всю Евразию. События в Ираке, Афганистане, позиция по отношению к Сирии и Ирану, свидетельствуют, что НАТО, как военно-политическая коалиция являются единственной действенной международной силой по обеспечению безопасности (в понимании блока) на континенте.

Альтернативами этой силы можно было бы считать ОДКБ, которая имеет потенциал для развития, но пока что себя не утвердила, и ШОС, которая в полной мере не соответствует ни представлениям о внешнеполитическом, ни о военно-политическом союзе.

Конечно, существуют и другие мощные, национальные военно-силовые факторы — военные потенциалы Китая, Японии, Индии, Пакистана, КНДР и Республики Корея, других стран, которые могут играть важнейшую роль в обеспечении безопасности, континента, но которые будут либо интегрированы в политику США и НАТО, либо ориентируются на самостоятельные цели, либо еще не определились.

В этой связи огромное — политическое, военное, историческое — значение будет играть политика России и ее способность предложить инструменты, которые смогут привести

в конечном счете к созданию евразийской системы безопасности. Одним из таких политических инструментов может стать Договор о воздушно-космической безопасности в Евразии, который был бы частью более широкой договоренности о коллективной безопасности на континенте.

Военно-политические особенности Евразии стали той изначальной первопричиной, которая привела к резкому усилению конфронтационности на континенте в XXI веке. Эти особенности, выражаются в частности в:

— особой геополитической, экономической и исторической роли Евразии в мире, которая в ближайшее десятилетие будет стремительно возрастать. И не только из-за быстрых темпов развития Китая, Индии и других государств, о чем много говорят, но и из-за выхода на политическую авансцену цивилизационных и геополитических противоречий, нараставших в последние десятилетия;
— возрастающей роли России в Евразии, которая сегодня и в будущем будет ключевой на континенте, но влияние которой пока не вполне соответствует этой роли. Особенно в регионах к востоку от Урала, где сосредоточен колоссальный потенциал и транспортные артерии мирового значения;
— концентрации мировых ресурсов, сосредоточенных в Евразии. Причем не только энергетических, но и земельных, водных, лесных. При этом огромный человеческий потенциал Евразии, качество которого стремительно увеличивается (только за годы реформ в Китае более 300 млн человек получили высшее образование), станет неизбежно играть ключевую роль в мировом развитии;
— относительная неуязвимость от внешнего воздействия «морских держав», — прежних мировых лидеров, — которая может быть ликвидирована только с развитием стратегических наступательных и оборонительных потенциалов.

Прежде всего авиационно-космических, которые определяют сегодня состояние евразийской безопасности.

В этой связи обращает на себя внимание долгосрочный прогноз, сделанный в декабре 2012 года Национальным советом по разведке США, в котором анализируется современное соотношение сил и роли страны в мире, а также делается попытка прогноза на долгосрочную перспективу.

[1] Global Trends 2030: Alternative Worlds. 2012. December / NIC 2012-001 / http://www.dni.gov/nic/globaltrends. P. 100.

Мощь США: основа международной системы[1]

Element of Power	Present Status	Trendline	Factors
Economic	The US share of world GDP was largely steady until 2005. It is currently around 24 percent (market rate) of world GDP. which makes the US still the single country with the largest share.	But the US share of world GDP will continue to drop, and the US will be the world's second-largest economic power in PPP terms.	China and India are gaining ground at an unprecedented rate (the US rise in the 19th century was slower as measured by gains in world GDP).
Military	The US ability to maintain near-current levels of defense spending is open to serious question. The trend for national defense spending as a share of the US economy has been downward for several decades.	Spending for major entitlement programs makes it difficult to reverse the trend of decreasing military spending.	The G-7 overall will account for a decreasing share of total global military spending. Although the US will remain the leading military power in 2030, the gap with others will diminish and Washington's ability to depend on its historic alliance partnerships will diminish even further.
Political	The US remains preeminent, though the unipolar moment has passed.	There is no competing alternative to the Western liberal order, though many rising states want less US "hegemonic" behavior.	The potential for an overstretched US facing increased demands is greater than the risk of the US being replaced as the world's preeminent political leader.

Element of Power	Present Status	Trendline	Factors
S &T	The US remains the world's leader, but Washington has growing worries about declining educational and skill levels.	China's large, sustained investments could make it close to a peer competitor by 2030.	Technology is increasingly a networked and international enterprise. Leadership in key fields will increasingly entail working with international partners.
Soft Powers	US preponderance across hard and soft powers makes it unique among great powers.	The gap with others almost certainly will narrow, but China is unlikely to rival the US in soft power in 2030.	US ability to integrate outsiders will remain a key strength for attracting the world's best talent and ensuring S&T and economic leadership.

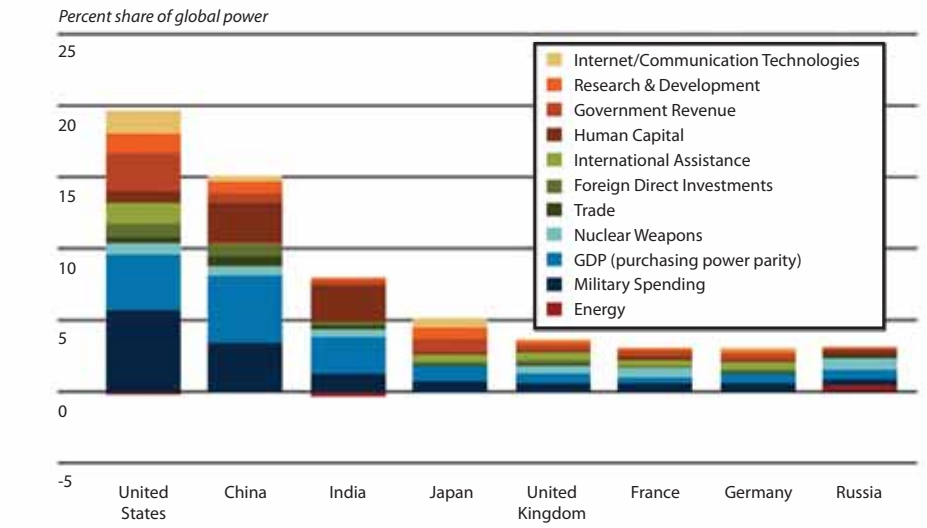
Как видно из оценки американских экспертов, выделяются пять ключевых факторов. При этом особое значение придается:

— падению относительного экономического могущества США;
— сохранению лидирующих военных возможностей до 2030 года;
— политическому лидерству США, выраженному, в том числе в развитии и продвижении системы ценностей;
— упрочению технологического лидерства;
— способности США «интегрировать наиболее талантливых личностей в науке и технологиях».

Примечательно и то, как эксперты Совета определяют критерии, которые будут определять могущество государств к 2030 году. К традиционному «набору» элементов государственной мощи — объему ВВП, военных расходов, масштабу торговли и энергетических запасов и др. — добавляются три ключевые фактора: лидерство в интернет-технологиях и связи, исследованиях и разработках, а также качестве человеческого капитала.

[1] Global Trends 2030: Alternative Worlds. 2012. December / NIC 2012-001 / http://www.dni.gov/nic/globaltrends. P. 101.

Элементы могущества ведущих стран в 2030 г.[1]

Source: International Futures Model.

Думается это не случайно. Эти три новых фактора в последние 20 лет уже стали играть ключевую роль в экономике и военной мощи современного государства. И они же, на мой взгляд, станут в среднесрочной перспективе наиболее приоритетными направлениями в экономике и военной политике США. От лидерства в этих ключевых технологиях, а также опережающем развитии науки и НИОКР, и человеческого капитала будет прежде всего зависеть военная мощь государства и качество национальной безопасности. Именно эти три фактора в решающей степени влияют и на качество ВВТ, военное искусство и эффективность вооруженной борьбы.

Примечательно и то, что эти три фактора дают вместе усиливающийся, синергетический эффект: лидерство в IT и технологиях связи во многом предопределяет лидерство в НИОКР, и, наоборот, — опережающие исследования и разработки, безусловно, влияют на темпы развития IT и технологий связи.

Важно и то, что оба эти фактора во все решающей степени влияют на человеческий потенциал, хотя формально ПРООН

и не считает их в этом ряду. В своих работах я вывел другой термин — национальный человеческий капитал (НЧК), где именно эти факторы играют ключевую роль[1].

Наконец, именно эти три фактора концентрируются в наибольшей степени в отраслях ВКО. Поэтому (и Р. Рейган, выдвигая в 1983 году программу СОИ, хорошо это понимал) любые усилия по развитию комплекса систем ВКО имеют не только военное, но и общенациональное значение.

Так, программы создания гиперзвукового оружия в США преследуют прежде всего цель разработать «прорывные» технологии. Именно поэтому определенные неудачи в области гиперзвуковых технологий не рассматриваются в США как катастрофические. «Как подчеркивают эксперты, в рамках нынешнего военного бюджета США и при наличии весьма жестких требований к выполнению заявленных НИОКР необходима прорывная концепция для привлечения заказчиков. Высокоскоростное гиперзвуковое оружие глобального радиуса действия как раз и является такой идеей. Здесь речь идет действительно о революционных достижениях науки, а не о различных технологических инновациях. Отказы в испытаниях являются неотъемлемой частью реализации концепций данного типа, поскольку база знаний, необходимых для достижения успеха, все еще находится в стадии формирования»[2].

И наоборот. Свертывание программ ВКО неизбежно ведет к замедлению в развитии этих факторов не только в военной, но и гражданской областях. Под каким предлогом это не происходило — отказа от «симметричного» ответа, как в 1980-е годы в СССР; «экономии средств», как у нынешних либералов; «перераспределения бюджета» в пользу социальных потребностей, как у финансистов — монетаристов.

С тех пор, когда вышла книга З. Бжезинского, ситуация, конечно, стремительно развивается. К сожалению, в опасном направлении. И хотя З. Бжезинский и его идеи уже не пользуется

[1] См.: Подберезкин А. И. Национальный человеческий капитал. — М.: МГИМО(У). Т. I; Т. II; Т. III. Изд-во МГИМО(У). 2011–2012 гг.

[2] Милованова Л. Гиперзвуковой прорыв ВВС США: Насколько обеспечен успех вновь разработанных планов по ударному оружию и средствам доставки? / Военно-промышленный курьер. 2013. 24 января / Цит по: http://eurasian-defence.ru

прежним влиянием, его прогнозы продолжают сбываться (хотя бы применительно к Евразии). Примеров множество, причем все они касаются так или иначе практически всех государств Евразии — от Сирии, Ирака и Афганистана, до стран Северо-Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии.

Так, в январе 2013 года США и Япония начали пересмотр руководящих принципов сотрудничества в области обороны впервые за 15 лет. Аргументом для этого явились заявления нового премьер-министра Японии Синдзо Абэ о территориальном споре с ядерным Китаем и ядерной Северной Кореей. Официально журналисты узнали от японского Минобороны лишь то, что токийские военные желают обсудить роль японских Сил самообороны и американских военных сил в перспективе на ближайшие 5, 10, 15 лет и на региональную безопасность в обозначенные периоды, которое объясняется резким изменением обстановки в области безопасности»[1], — отмечают российские исследователи. Некоторые из западных обозревателей даже предрекают войну Японии и США с Китаем уже в 2013 году[2].

Отдельно стоит вопрос о Центральной и Восточной Европе, где большинство стран ориентируются на США и НАТО, но, в то же время, уделяют внимание и своей безопасности. Так, военный бюджет Польши в 6 раз больше украинского, хотя их демографические и экономические потенциалы вполне сопоставимы[3].

Вот почему интеграция Белоруссии и Украины с Россией в военно-политической области — вопрос огромной важности не только для России, но и для Украины и Белоруссии, по отношению к которым существуют территориальные претензии.

Но, если Белоруссия достаточно интегрирована с Россией, в т.ч. и в области ПВО и ПРО, то Украина не только не интегрирована, но и в течение многих лет серьезно отстает по важнейшим направлениям, определяющим национальную безопас-

[1] Чувакин О. США и Япония: война против Китая в 2013 году / Эл. ресурс «Военное обозрение». 2013. 21 января / http://topwar.ru

[2] Там же.

[3] Украина и современные армии Европы: амбиции и угрозы / Эл. ресурс «Военное обозрение», 2013. 4 февраля / http://topwar.ru.

ность. Сами украинские эксперты отмечают «…если подвести итог всему вышесказанному, то нужно отметить, что основные усилия большинства стран направлены в первую очередь на укрепление системы ПВО и формирование щита за счет боевых самолетов, зенитно-ракетных систем, ракет и военно-морских сил. Проводятся закупки и разработки ударных комплексов, систем обнаружения и обработки данных. Интенсивно проводится усиление мобильного компонента за счет закупок вертолетов и самолетов. Украина, которая до настоящего времени практически не занималась закупками нового вооружения и техники, к сожалению, является очевидным аутсайдером. А если принимать во внимание те обстоятельства, что государства, входящие в военно-политические блоки, интенсивно вооружаются и перевооружаются, а также отсутствие плана немедленного перевооружения, то становится вполне очевидным, что подобная политика крайне неосмотрительна и может быть даже опасной для безопасности государства»[1].

[1] Украина и современные армии Европы: амбиции и угрозы / Эл. ресурс «Военное обозрение», 2013. 4 февраля / http://topwar.ru

Как и по отношению ко всему процессу евразийской интеграции, США и Евросоюз любыми способами будут препятствовать военно-политической интеграции славянских государств. Применительно к этой проблеме, для внешней политики недопущение интеграции России и Украины является приоритетом № 1 для внешней политики США не только в Европе, но и во всей Евразии.

В этих условиях евразийская интеграция, пожалуй, единственно возможный ответ России в политической, экономической и военно-политической области, который может оказаться эффективным. И, прежде всего, в ее наиболее важной и чувствительной области — ВКО, которая будет не только производным результатом от уровня развития науки и технологий, и НЧК в целом, но и сама станет мощным импульсом для их развития. Важно, чтобы это понимали не только в США, но и в России и других евразийских государствах.

Сегодня не существует не только сколько-нибудь связанной системы евразийской безопасности по аналогии с той системой, которая складывалась в Европе с начала 70-х годов прошлого века, но пока даже такой идеи, концепции. Пока что на эту роль реально претендует только НАТО, которая так или иначе распространяет свое влияние на весь континент.

Существует несколько возможных сценариев формирования такой системы, которые, сводятся в конечном счете к следующему:

1. Создание системы евразийской безопасности (по аналогии с ОБСЕ), куда входили бы все государства от Ирландии до Филиппин, предусматривающей не только политические обязательства, но и механизмы их реализации.
2. Формирование коалиционных систем международной безопасности, в центре которой находились бы ведущие державы и союзы континента:
   — США и Евросоюз;

— только Евросоюз;
— Китай;
— Индия;
— Россия.

3. Развитие существующих и создание новых военно-политических союзов (коалиций): ОДКБ, ШОС и т.д.

Есть, конечно, и наиболее реалистичный, четвертый сценарий. Для Соединенных Штатов и НАТО любые интеграционные инициативы в Евразии не просто не нужны, но даже опасны. Поэтому они будут любыми способами противодействовать складыванию любой коалиции, ведь их вполне устраивает существование единственной — НАТО.

У них есть много инструментов для того, чтобы не допустить такого развития, когда двустороннее или многостороннее сотрудничество в отдельных областях перерастает в военно-политическую коалицию в Евразии. В том числе с участием стран Евросоюза. Они активно противодействуют и будут противодействовать этому.

Вопрос в том, хватит ли понимания и воли у евразийских государств противодействовать этому?

Новые угрозы для России и евразийской безопасности

Парадигма, выражающая геополитическое самоутверждение России, должна стать руководством к активному действию в ближайшие год–два[1]

А. Торкунов,
ректор МГИМО(У)

Глобальное развитие становится все более неравномерным. Вызревает почва для новых конфликтов экономического, геополитического, этнического характера[2]

В. Путин,
Президент России

Во втором десятилетии XXI века резко усилился процесс роста военно-политической напряженности в Евразии, который все отчетливее приобретал черты военно-политического противостояния США и их союзников, с одной стороны, и России, Китая, целого ряда евразийских государств, с другой. В 2011–2012 годах, например, именно этот регион был признан США наиболее приоритетным с точки зрения безопасности США, оттеснив даже Ближний и Средний Восток.

Евразийская интеграция (как и политика противодействия интеграции), создание системы безопасности на континенте и развитие систем ВКО в Евразии — две важнейшие тенденции, которые начинают не только доминировать в международных отношениях, но и оказываются тесно связанными между собой. Причем на самых разных уровнях и относительно разных стран. Так, стремительно усиливая свой наступательный и оборонительный потенциал в АТР, направленный прежде всего против Китая и России, США не только формируют военно-политическую коалицию в Евразии, но и всячески развивают ВТС со своими нынешними и потенциальными союзниками. Ключевая роль в этой политике принадлежит сотрудничеству

[1] Торкунов А. В. Россия в изменяющейся геометрии современного мира / В сб. Научные проблемы национальной безопасности Российской Федерации. М. 2007. Вып. 4. С. 35.

[2] Путин В. В. Послание Президента Федеральному Собранию. 2012. 12 декабря / http://президент.рф

в области ПВО и ПРО, которое во многом является не только следствием избранного политического курса тем или иным государством, но и само оказывает влияние на политические, в т.ч. интеграционные процессы.

Иногда явно недооценивается возможность евразийских государств в ядерной и воздушно-космической области.

Перечень государств обладающих баллистическими ракетами малой дальности[1]

№№	Страна	Название (дальность полета, км)
1	Индия	Агни 1 (800 км)
2	Индия	Шаурья (600–700 км)
3	Пакистан	Газнави (350 км)
4	Пакистан	Абдали (200 км)
5	КНР	ДунФен 11 (350 км)
6	Китай	ДунФен-15 (600 км)
7	Иран	Фатех-110 (250 км)
8	Израиль	Иерихон 1 (500 км)
9	Россия	Искандер (до 500 км)
10	Индия	Притхви I (150 км)
11	Индия	Притхви II (250–350 км)
12	Индия	Притхви III (350–750 км до 1000 при 250 кг ПН)
13	Иран	Шахаб-2 (700 км)
	Турция	J-600T Йылдырым I (150 км)
	Турция	J-600T Йылдырым II (300 км)
	Республика Корея	Hyunmoo-1 (180–250 км)
	Республика Корея	Hyunmoo-2 (300–500 км)
	США	ATACMS (180 км)

[1] Матвеев О. В. Противоракетная оборона как фактор российско-американских взаимоотношений. М.: Военный университет, 2011. С. 156.

В настоящее время военно-технические и экономические возможности евразийских государств позволяют создавать не только системы ВТО, но и собственные системы стратегических наступательных и оборонительных вооружений, космические программы и собственную научно-техническую политику. Так, КНДР осуществляет уже не только собственную ядерную программу, но и проводит испытания МБР, выводит спутник в космос. Иран осуществляет широкий спектр разработок — от ядерных исследований и создания баллистических ракет до производства КР, беспилотников и других систем ВТО. Пакистан, Республика Корея, конечно, Япония и целый ряд других стран резко активизировали свою деятельность практически по всем направлениям. Все это говорит о том, что происходит не просто процесс расширения круга государств, приобретающих самое современное оружие, но и создание новой научно-технической и технологической базы современных ВВТ в Евразии.

Вместе с тем необходимо выделить качественно новые уже существующие и перспективные военно-политические угрозы для России, противодействовать которым нашей стране предстоит в ближайшие 20–30 лет. Это не просто тот срок, на который предлагал В. Путин «заглянуть за горизонт» с точки зрения ВВТ и в соответствии с периодом когда будет работать ВПК и Минобороны[1], но когда произойдут неизбежные тектонические сдвиги в мировой расстановке сил — экономических, политических, научно-технических и военных. Это будет безусловно, качественно новая ситуация в системе безопасности.

Появление в конце января 2013 года двух принципиально важных документов — плана обороны России и решения ВПК, что ГПВ-2025 будет базироваться на прогнозе угроз национальной безопасности — хотя и запоздалый, но, безусловно, крайне необходимый шаг, который еще недавно был абсолютно невоз-

[1] 30 января 2013 г. ВПК при Правительстве России постановила, что госпрограмма вооружений до 2025 года будет базироваться на прогнозе угроз национальной безопасности на тридцатилетний период. См.: ВПК определила правила подготовки гос-программы вооружений до 2025 года / ЦАМТ. 2013. 30 января / http://armstrade.ru

можен. И не только потому, что были крайне ограничены ресурсы, но прежде всего потому, что господство либеральной идеологии «экономизировало» всю общественно-политическую жизнь страны, отрицая не только госрегулирование, но и, как следствие, необходимость стратегических прогнозов и стратегического планирования.

Конечно, финансово-монетарные власти, продолжая во многом контролировать экономическую политику страны, будут и дальше влиять на формирование военной политики (и в части приватизации, и «менеджеризма» ВС), но следует признать, что на рубеже 2012–2013 годов в этой области произошел серьезный идеологический перелом: В. Путин и часть поддерживающей его элиты сумели внести новые элементы в политическую и экономическую жизнь государства, направленные на укрепление его суверенитета. Без такого поворота необходимость в стратегическом прогнозе и планировании были бы невозможны.

Если говорить очень коротко, то перечень наиболее приоритетных военно-политических угроз для России, формирующихся сегодня и, вероятно, сохраняющих свою актуальность до 2030 года, выглядит следующим образом:

1. **Растущее отставание России в темпах развития и качестве национального человеческого капитала (НЧК) от ведущих стран мира неизбежно ведет в свою очередь к отставанию в**:
   - — темпах роста, структуре и качестве ВНП, обрабатывающих отраслей в целом и ОПК, в частности;
   - — развитии наукоемких отраслей промышленности, современных технологий, включая военные, а в целом политике модернизации экономики страны;
   - — развитии государственных и общественных институтов, реализующих НЧП, включая неэффективность органов государственного и общественного управления;

— формировании «креативного класса», создающего основную часть национального богатства и ВВП страны;
— качестве НЧК в ОПК и ВС России.
— качестве и возможностях использовать «мягкую силу» в интересах обеспечения национальной безопасности.

2. **Депопуляция и деиндустриализация восточных регионов России (от Урала до Дальнего Востока)**. Здесь находятся основные природные и минеральные ресурсы страны и максимально близко к новым, быстро растущим центрам силы в Евразии и АТР. Следствием дальнейшего развития этой тенденции с военно-политической точки зрения может быть:
— ослабление влияния России в АТР и Евразии, ее вытеснение — экономическое, политическое, военное — более сильными державами, прежде всего, США, Китаем и Японией;
— потеря контроля над частью территории и ресурсами восточных регионов, которые могут стать предметом договоренностей между США, Японией и Китаем;
— утрата политических и экономических позиций в Центральной Азии и Закавказье, переход этих государств под контроль других государств и появление военной угрозы с южного направления, дестабилизация ситуации на юге России и в Поволжье;
— раскол в конечном счете страны на европейскую и азиатскую части при полной потере суверенитета над восточными и южными регионами России.

3. **Формирование военно-политической коалиции под контролем США в Центральной Азии и на Среднем Востоке, враждебной России**, что создает новый спектр угроз южного направления:
— создание военной инфраструктуры США, стран Евросоюза и их союзников в Центральной Азии и Закавказье, способной не только контролировать этот регион

Евразии, но и непосредственно угрожать Югу России, Западной Сибири, Уралу и Поволжью;
- приближение к центральным районам России сил и средств, способных к нанесению «обезглавливающего» и «обезоруживающих» ударов с помощью ВТО и неядерных стратегических вооружений;
- перенос политики «дестабилизации» политических режимов на территорию России, используя в этих целях национальные меньшинства, общественные, религиозные и иные общественные объединения.

4. **Создание США и их союзниками ВТО и стратегических неядерных вооружений (КР, боевых ударных беспилотников, и бомб ракет класса «воздух–земля», ГЗЛА), способными**:
   - интегрировать наступательные, оборонительные и информационные ВВТ в единый комплекс, способный обеспечить быстрый и эффективный переход от невоенного насилия (информационного и кибервоздействия) к прямому применению вооружений и достижению военной победы;
   - обеспечить угрозу применения военной силы в открытой (эксплицитной) или закрытой (имплицитной) форме для обеспечения интересов США и продвижения их системы ценностей в России;
5. **Внедрение новых концепций применения военной силы,** способных:
   - вернуть ей качество «используемого» политического инструмента против России;
   - формировать системы управления ВС и ВВТ, ставящей перед собой достижение геополитических целей с использованием коалиционной стратегии;
   - создавать концепции информационного и кибернетического воздействия в качестве первой силовой фазы военных действий;

— объединять, прежде всего, в воздухе и космосе (от высот в несколько метров до сотен километров) информационных и огневых средств нападения и защиты;
— создавать системы «сетецентрического» управления вооруженными силами и ВВТ.

6. **Потенциальная возможность раздела «сфер влияния» между США и их союзниками, с одной стороны, и КНР, с другой, в Евразии и АТР**:
   — быстрое развитие нового центра силы в мире — Китая — неизбежно поставит вопрос о партнерстве (противодействие США и их союзникам, что может привести к разделу сфер влияния в Евразии: «отдавая» Северо-Восточную и Юго-Восточную Азию Китаю, США могут претендовать на Центральную Азию (включая Казахстан);
   — по мере развития США и Китая их военные возможности, которые уже превышают возможности любой коалиции, могут превратиться в доминирующую в мире военную силу;
   — компромиссом договоренностей США и Китая могут стать восточные районы России, включая не только их ресурсы и материальные активы, транспортные коридоры, но и территории.
7. **Складывается устойчивое впечатление, что неравномерность в развитии отдельных государств и возникновение новых центров силы происходит параллельно с подготовительным этапом к более активным военным действиям, которые могут наступить после 2020 года**:
   — неравномерность экономического, технологического и военно-технического развития создает предпосылки к изменению соотношения военных сил в мире, прежде всего в Евразии, что, в свою очередь, является прямым стимулом к применению военной силы;

— «подготовительный этап» отчетливо просматривается в тенденциях развития ВВТ в пользу ВТО неядерного авиационно-космического компонента;
— завершение «подготовительного этапа» можно прогнозировать также исходя из концепции отказа от ядерного сдерживания, создания концепций первого, «обезоруживающего» удара и сетецентрических войн.

Индия, например, ведет разработку региональной эшелонированной системы противоракетной обороны, где роль ближних (к обороняющейся стороне) оборонительных эшелонов будут играть элементы израильских систем «Хец» и «Железный купол» (или их аналоги, разрабатываемые совместно с Израилем с начала 2000-х годов). Кроме того, Индия приняла на вооружение баллистические ракеты семейства «Агни», способные поражать цели в глубине территории Китая[1].

В свою очередь, Китай, наблюдая за этими приготовлениями, и опасаясь ВМС США (которые в случае войны блокируют пути поставок энергоносителей по морю), создает свою систему экономической и региональной безопасности. В частности, планирует строительство, или строит газо- и нефтепроводы, железные дороги, шоссейные трассы, логистическую инфраструктуру по маршрутам:

1. Китай — Киргизия — Узбекистан — Туркменистан — Иран;
2. Китай — Пакистан — Иран.

Главная задача этих путей сообщения — доставка энергоносителей в Китай, а также проецирование силы в регион бывшей советской Средней Азии (Центральной Азии — ЦА), и в регион Персидского залива. Причем работа уже кипит вовсю: строятся пути сообщения в Киргизии и Узбекистане, скупается все, что может иметь хоть какую-то ценность для Китая в ЦА, планируется строительство газопровода Иран — Пакистан»[2].

[1] Ракеты «Агни-5», впервые испытанные в 2012-м году, относятся к классу МБР и способны поражать цели на территории всего АТР, включая большую часть России. В 2013 г. успешно испытана модификация «Агни-3 SL», являющаяся БРПЛ, что теоретически позволяет рассматривать ее как оружие глобальной досягаемости.

[2] Воробьев А. Евразийский передел: Китай // Военное обозрение. 2013. 11 января / http://topwar.ru

В этом евразийском котле противоречий особенная роль принадлежит двум сильнейшим мировым державам — США и Китаю, чьи военные расходы уже многократно превышают уровень других стран. США, например, в целях сдерживания Китая, планируют привлечь в АТР большую часть своего военно-морского потенциала (до 60%), создание широкого фронта стран — соседей Китая, опасающихся подпасть под влияние, несовместимое с сохранением национального суверенитета. Особая роль в этом альянсе отводится Индии.

Важнейшее значение в этой связи приобретает евразийская военно-политическая интеграция и военно-техническое сотрудничество. Особенно в области ПВО–ПРО–ВКО.

Евразийская интеграция — тема, ставшая особенно популярной после известной статьи В. Путина, опубликованной 4 октября 2011 года в «Известиях», к сожалению, свелась пока практически к экономическому и таможенному сотрудничеству России, Казахстана и Белоруссии, хотя выдвигаются идеи усиления двухстороннего и многостороннего сотрудничества в ОДКБ, прежде всего, в наиболее чувствительной области —

ПВО–ПРО. В частности, Россия, Белоруссия и Казахстан (с января 2013 г.) находятся в процессе создания единой системы ВКО[1].

Этот акцент заведомо ограничивает масштаб и характер процесса интеграции узкоэкономическими «выгодами» и расчетами. За скобками дискуссии по интеграции остались такие ключевые проблемы, как единая ценностная система, внешняя и оборонная политика, которые являются приоритетными, например, в Евросоюзе. Странным образом эти ключевые проблемы пока что «выпали» из эпицентра «евразийского» дискурса. И напрасно, ведь именно они являются в действительности ключевым объяснением идеи евразийской интеграции. Хотят это признать правящие элиты или нет.

Надо признать, что постсоветским государствам, а также ряду других государств Евразии ещё предстоит более четкая самоидентификация в новых условиях. Прежде всего с точки зрения выбора внешнеполитической стратегии и военной доктрины. Этот выбор, в конечном счете, будет означать выбор между «разновекторностью», ложным пониманием суверенитета и ориентации на военно-политическую интеграцию с одним из центров силы в Евразии — США, Китаем, Россией или исламским миром. Такое самоопределение должно произойти неизбежно. «Маневрировать», совмещать разновекторность становится все труднее. Но для этого еще предстоит произвести переоценку ценностей внутри самих элит.

Этим национальным элитам еще предстоит так или иначе признать, что горбачевский развал СССР не принес их народам ничего — ни в экономике, ни в политике, ни в безопасности, — ради чего стоило бы цепляться за идеи суверенитета и «самостийности». Разваливая СЭВ и ОВД, в конечном счете СССР, элиты пошли вопреки доминирующим тенденциям мировой и региональной глобализации. Успешная интеграция, как показывает, пожалуй, единственный положительный

[1] Россия и Казахстан подписали соглашение о создании единой системы ПВО. Эл. ресурс «Евразийская оборона». 2013. 30 января / http://eurasian-defence.ru

пример в мире — Евросоюз — становится следствием не столько экономической выгоды (как почему-то общепринято считать), но и общности ценностей и интересов в области безопасности и военно-политического сотрудничества.

Такое утверждение становится еще более справедливым в начале XXI века, когда в мире наблюдаются процессы нарастания противоречий, конфликтности и резкого увеличения объема информации: во втором десятилетии нашего века ее удвоение происходило ежегодно, а еще в первой половине XX века — раз в 30 лет. Это сказывается на качестве управления, включая государственное, военное и общественное, что во многом предопределяет принятие эффективных политических и военных решений, ставит их в зависимость от способностей обрабатывать, систематизировать информацию, т. е. от качества информационных ресурсов государства. По этому поводу некоторые эксперты высказывают справедливое мнение, что «снижение качества управления оборачивается нарастанием хаоса и, как следствие, — военными угрозами передела сфер влияния, власти, собственности»[1]. От качества информационных ресурсов в решающей степени зависит сегодня и качество ВВТ, и эффективность концепций их использования.

В силу этих и целого ряда политических, экономических и военных причин во втором десятилетии XXI века стремительно увеличивается значение воздушно-космических средств нападения и обороны, которые превращаются в главный военно-силовой компонент, способный решать как политические, так и собственно военные задачи. Это хорошо видно

[1] Затуливетер Ю. С., Семенов С. С. Ориентир — достаточная оборона // Национальная оборона. 2012. № 11 (80). С. 30.

на практическом примере вывода американских войск из Афганистана. Не только эксперты, но и сами военные из Афганистана говорят о том, что национальная армия окажется небоеспособной потому, что не имеет ни собственных ВВС, ни систем ПВО, ни артиллерии[1].

Прежде всего речь идёт, конечно, о современном военно-политическом значении ВКО, но в системе силового обеспечения американской внешней политики, которая откровенно ставит своей задачей сформировать новый мировой порядок. Как заметил президент США Б. Обама в очередной «Стратегии национальной безопасности США», «так же, как Америка помогла определить курс XX столетия, мы должны теперь построить источники американской силы и влияния, и сформировать мировой порядок, способный к преодолению проблем XXI столетия»[2].

Очевидная установка на использование «мягкой» и «жесткой» силы во внешней политике США означает насильственное продвижение системы ценностей в мире. Это невозможно без обеспечения такой политики соответствующим военным потенциалом. Сколько бы ни говорилось о невоенных формах влияния, фактом остается, что военная сила в последние два десятилетия используется чаще и в больших масштабах, чем в период военно-политического противостояния двух блоков. Да и «мягкая сила», как оказывается, бывает эффективной лишь в том случае, когда она подкреплена возможностями «жесткой силы». И прежде всего — возможностями воздушно-космического нападения. Об этом вполне определенно сказал, например, один из ведущих политологов и участник Проекта по реформе национальной безопасности Дж. С. Най: «…определение необходимой силы зависит от ресурсов, то есть от того, что позволяет получить желаемое поведение или, скорее, достижение желаемого результата от демонстрации силы»[3].

[1] Сурков Н. Обама спешит свернуть войну в Афганистане // Независимая газета. 2013. 14 января. С. 8.

[2] Obama B. The National Security Strategy 2010. Wash., GPO, May, 2010. P. 3.

[3] Discourse of Power / Post — war Watch. 2012. June 23 / www.postwarwatch.com/2012/06/23

Этот общий принцип современной политики США вполне конкретно проецируется на Евразию, где «… одним из оснований внедрения в регион была выдвинута концепция „Большой Центральной Азии“, в которую, помимо пяти новых независимых государств Центральной Азии, входили бы и другие, лояльные США азиатские государства, тем самым отдаляя бывшие советские республики Центральной Азии от России»,[1] — считают эксперты МГИМО(У).

Стратегические интересы США в Центрально-Азиатском регионе впервые были четко зафиксированы в апреле 1997 г. в специальном докладе, направленном в Конгресс Государственным департаментом США. В документе указывалось, что США, будучи крупнейшим в мире потребителем энергоносителей, заинтересованы в «расширении и диверсификации» мировых энергетических ресурсов. Более того, констатировалось, что по своему характеру американские интересы в этом регионе носят не только экономический, но и стратегический характер, т.к. «проблема непосредственно касается обеспечения безопасности Запада».

Кроме того, совершенно очевидно, что США стремятся не допустить восстановления стратегического присутствия России на этой территории, а также создания политического союза между Москвой, Пекином и Тегераном. Немаловажным остается и то, что для США Центральная Азия служит стратегически важным плацдармом на случай эвентуальной конфронтации США с Россией и Китаем в регионе[2].

Подобные политические установки подкрепляются созданием такого военного потенциала, который смог бы обеспе-

[1] Земсков В. Н. Стратегия США в Центральной Азии / Аналитическая записка ИМИ МГИМО(У), 2013. Январь. С. 2.

[2] Там же.

чить глобальное использование военной силы за рамками традиционных представлений о ядерном сдерживании, которое остается единственным атрибутом России как великой державы и компенсирует очевидное американское информационное, военно-техническое и экономическое превосходство. Тем более, подобные политические установки угрожают государствам, не способным самостоятельно противодействовать воздушно-космическому нападению. Как показал опыт последних лет, именно эта форма использования военной силы стала превалирующей в боевых операциях. Соответственно возможности, способные нейтрализовать такое нападение средствами ПРО–ПВО, становятся решающим политическим инструментом.

Применительно к России и другим ядерным державам Евразии ликвидация последних компонентов ядерного сдерживания, или их нейтрализация — очевидная цель, преследуемая США в развитии систем ПРО и массовом производстве ВТО, прежде всего систем стратегического неядерного наступательного потенциала. Эти тенденции в политике США и их союзников заставляют по-новому рассмотреть не только области вероятного военно-политического противостояния в Евразии, но и его последствия для развития международных отношений и глобальной геополитической ситуации. Прежде всего в Евразии, которая стала эпицентром военных конфликтов.

Евразийская безопасность: выбор России

Истинный защитник России — это история; ею в течение трех столетий неустанно разрешаются в пользу России все испытания, которым подвергает она свою таинственную судьбу[1]

Ф. Тютчев

… достаточно сигналов, трубящих об одном и том же: Россия не может рассматривать свою территориальную целостность как нечто само собой разумеющееся[2]

В. Василец

В условиях резкого роста военного противостояния в Евразии, обострения территориальных конфликтов и стремительного роста военных потенциалов практически всех государств Северо-Восточной и Юго-Восточной Азии, Ближнего и Среднего Востока, а также усиливающейся нестабильности в Центральной Азии, России предстоит не только скорректировать свою внешнюю политику, но и фактически разработать новую военную доктрину в отношении своих союзников и партнеров в Евразии, т.е. сделать политический выбор. Это будет во многом выбор между европейским вектором развития, «многовекторной неопределенностью» и сохранением того самобытного и уникального исторического опыта, который, по словам В. О. Ключевского, предопределял социальную историю нашей страны.

Сегодня в российской элите наметился очевидный раскол по этому вопросу. Прежде всего потому, что «европейский выбор» по большому счету неизбежно наносит ущерб национальной самоидентификации, безопасности и суверенитету страны. Но и в азиатскую державу Россия не превратится — она останется в любом случае европейской страной со своей

[1] Цит. по: Торкунов А. В. Современная история России в международном контексте // Вестник МГИМО(У). 2012. №6. С. 9.

[2] Василец В. Пришла эпоха великого передела мира / URL: Эл. ресурс «Евразийская оборона». 2013. 21 января / http://eurasian-defence.ru

глубокой спецификой, которая будет противостоять «универсальным» либерально-протестанским ценностям.

У России, очевидно, другая роль: стать евразийским интегратором, продуцирующим в мире и в Евразии свою систему ценностей не только в культуре, духовности и экономике, но и в области международной безопасности. Для этого ей придется в еще большей степени, чем в последние годы акцентировать свою внешнюю и военную политику на южном и восточном направлениях. Тем более, что регионы «к востоку от Урала» становятся ее важнейшим политическим интересом.

Сегодня неизбежно должно произойти то же самое, что и в прежней истории России: она должна продвинуться на восток не только демографически и экономически, но и военно-политически. Она должна вернуть себе место и влияние в Евразии, без которых она превратится в Московское государство времен Ивана III.

Для этого нужна прежде всего смена политических приоритетов. Важнейшая часть этой новой доктрины в Евразии неизбежно будет относиться к обеспечению территориальной целостности, безопасности страны и ее союзников посредством создания и развертывания глобальной системы ВКО.

Евразийский выбор будет означать, кроме того, изменение характера отношений, приоритетов и средств влияния в отношении вероятных союзников и партнеров. Причем не только в ОДКБ и СНГ, но и по отношению к другим государствам Евразии и АТР.

Рассчитывать на то, что территориальную целостность, суверенитет и безопасность в Евразии удастся сохранить с помощью только международного права и международных институтов — наивность. Так же, как было наивно полагаться М. Горбачеву на «общечеловеческие ценности». Известно немало заявлений относительно того, что Россия не может «распоряжаться богатствами, скрытыми в недрах Сибири» или

«бесконечно править такими огромными просторами с такими запасами полезных ископаемых» (М. Олбрайт, М. Тэтчер, З. Бжезинский)[1], которые прямо противоречат международным нормам. Как, впрочем, и откровенные попытки использовать силовое давление и «мягкую силу» против России. «Исправить» эту несправедливость можно, по мнению ряда политиков, только пересмотрев государственные границы Российской Федерации, что отнюдь не выглядит в глазах западных политиков невозможным.

В этих целях может быть реализовано множество сценариев, наиболее безопасный и «политкорректный» из которых — вынудить Россию под угрозой использования военной силы самой отказаться от контроля над транспортными коридорами, ресурсами, а затем и территориальной целостности. Сегодня такие расчеты действительно существуют. Более того, история показывает, что подобное развитие событий чаще бывает правилом, чем исключением. И не только в древней, но и новейшей истории, где последними примерами стали СССР и Югославия.

Приходится констатировать, что пока в России существует определенная недооценка этого вызова, который уже в среднесрочной перспективе может превратиться в прямую угрозу безопасности страны. Эта угроза воспринимается как нереальная, абстрактная, очередная конспирологическая версия. И прежде всего потому, что правящая элита страны до последнего времени не задумывалась ни о стратегическом прогнозе, ни о последствиях проводимой ею политики. Сигналом к переоценке стало «евразийское» выступление В. Путина осенью 2011 года и последующие шаги по ускорению экономической интеграции.

Принятие Плана обороны России в январе 2013 года, а до этого создание командования Воздушно-космической обороны (ВКО) в декабре 2011 года и информация осени 2012 года

[1] Василец В. URL: Эл. ресурс «Евразийская оборона». 2013. 21 января / http://eurasian-defence.ru

о том, что новому руководству МО России «предстоит в течение полутора месяцев создать новую систему анализа и стратегического планирования в области противодействия угрозам национальной безопасности на период от 30 до 50 лет в интересах формирования госпрограмм вооружений»[1], приводит к мысли, что руководство страны проявило пусть запоздалую, но обеспокоенность развитием этих негативных тенденций на долгосрочную перспективу.

[1] Мухин В. Владимир Путин опасается звездных войн // Независимая газета. 2012. 12 ноября. С. 1–2.

На эту же мысль наводят и решения, принятые на заседание глав государств СНГ 4–5 декабря 2012 г. в Ашхабаде (Туркменистан), где говорилось о развитии объединенной системы противовоздушной обороны государств-участников СНГ (ОС ПВО СНГ). В СМИ также активно обсуждаются перспективы создания на постсоветском пространстве так называемой объединенной Евразийской ПВО и даже единой ПРО. И не только на постсоветском пространстве, но и в сотрудничестве с другими евразийскими государствами. В этом могут быть заинтересованы, кстати, и другие государства, включая страны Западной и Центральной Европы.

Вместе с тем, история создания Объединенной системы противовоздушной обороны на постсоветском пространстве

уходит в начало далеких 90-х годов. И ее нельзя назвать оптимистичной. Скорее даже наоборот. Нельзя игнорировать и те процессы, которые идут в евразийских государствах вразрез с интеграцией. Очевидно противоречие: основой и главным условием успешной интеграции в Евразии должно быть тесное военно-политическое и военно-техническое сотрудничество, которое идет вразрез с планами части национальных элит. Так, демарш Казахстана по поводу договора о космодроме «Байконур», срок аренды которого истекает только в 2050 году, ряд обозревателей прямо связывают со стремлением затормозить или даже избежать политической интеграции[1].

Но Казахстан и Белоруссия — ключевые звенья в евразийской военно-политической интеграции. Если допустить, что в результате внешнего и инспирированного извне внутреннего воздействия, эти государства станут подконтрольны другим странам, то положение России не просто ухудшится. Оно станет критическим. Коммуникации с Европой будут нарушены, а военно-политическая обстановка резко (радикально) ухудшена.

Еще хуже, если из процесса интеграции выпадет Казахстан. Россия не только перестанет фактически влиять на ситуацию в ЦА, но окажется в реальности разделенной на европейскую часть и регионы к востоку от Урала. Причем, если допустить враждебное использование территории Казахстана, под непосредственной угрозой окажутся Поволжье, Южный Урал и Западная Сибирь — регионы, где в советское время создан индустриальный и оборонный потенциал страны.

Фактически окажется похороненной и идея «транспортных коридоров» не только с севера на юг, но и с востока на запад, а, кроме того, Россия может лишиться регионов, где сосредоточены ее основные ресурсы.

Новая архитектура международной безопасности сегодня еще только в процессе обсуждения. Одной из ее главных задач является недопущение гонки вооружений в космическом

[1] Панфилова В. Над «Байконуром» — космическая напряженность // Независимая газета. 2013. 29 января. С. 1.

пространстве, распространение оружия массового поражения и стратегических неядерных вооружений. В полной мере такая оценка применима к Евразии, которая стала эпицентром военных конфликтов, но в еще большей степени может им стать в будущем.

Пока что прогресс на этом направлении развивается медленно. Если говорить о региональной безопасности на постсоветском пространстве, то возникают вопросы соотношения между уже формально существующей ПВО–ПРО в рамках ОДКБ и решением о создании новой ОС ПВО СНГ. Ведь, как известно, в рамках ОДКБ уже давно создаются объединенные военные системы. Возможно, конечно, что на их основе будет строиться и новая, объединенная система ПВО СНГ, однако ясности — политической и концептуальной — пока нет.

Важно отметить, что на заседании Ашхабадского саммита нашло поддержку предложение России о том, чтобы в систему были интегрированы российские части и подразделения созданных в 2011 году войск Воздушно-космической обороны (ВВКО)[1]. Это можно назвать первым шагом в направлении создания ЕвразВКО. На очереди — как интеграция в объединенную, а затем и единую ВКО постсоветских государств, так и привлечение других стран. В том числе через ВТС, достижение соглашений о взаимной обороне континента на пространстве от Ирландии до Владивостока и от Норвегии до Индии.

Пока что влияние этих новых вызовов находит свое понимание только в высшем политическом руководстве и военно-политических кругах некоторых стран, которые трезво оценивают новую ситуацию. Создание единой системы ПВО России, Беларуси и Казахстана — явно выраженная обеспокоенность руководства страны созданием системы ПРО по периметру границ России. Эти шаги могут быть расценены только как самая первая ответная реакция нашего государства. За ней неизбежно должны последовать соответствующие военно-

[1] Мехдиев Э.Т. Евразийская интеграция: шаги на пути к созданию единой ВКО / 25.12.2012. Евразийская оборона / http://eurasian-defence.ru

технические действия. В противном случае эта обеспокоенность останется политическим и дипломатическим демаршем.

Не секрет, что создание новых и модернизация существующих систем ПВО–ПРО требует не только огромных материальных, но и временных ресурсов. Как показывает практика, как минимум, нескольких лет (или даже десятков лет) и сотен миллиардов рублей. Ресурс времени и материальный ресурс в этом контексте становятся решающими, ведь от решения, какие страны будут объединены в единую ВКО, зависит не только скорость создания, но и производства всех элементов системы. Пока что такие возможности ограничены. Так, по оценке экспертов, к 2014 году в России будут построены два крупных завода по производству ЗРК С-400 «Триумф» и С-500 «Прометей», способных уничтожать боевые блоки баллистических ракет. Оба эти завода будут принадлежать ОАО «Концерн ПВО «Алмаз-Антей»[1]. Сегодня их строительство идет полным ходом, но производство новых систем зависит не только от Концерна, но и от сотен смежников, и от финансирования, и от кадров, и многих других причин.

Но, в конечном счете, главным является политическое решение и воля, определяющие состав участников ВКО, формы участия, уровень сотрудничества, т.е. решений, от которых зависят и масштабы финансирования.

[1] Стоимость строительства двух заводов по производству новых ракет для ЗРС С-400 и С-500 обойдется в 81 млрд долл. 29 ноября 2012 г. / http://www.armstrade.ru

Ориентировочно, из программы ГОЗ-2020 на цели ВКО выделяется около 10%, что составляет порядка 2,0–2,5 трлн рублей (или около 80 млрд долл.) на 10 лет, т.е. 7–8 млрд долл. в год. Учитывая, что все российские военные расходы составляют примерно десятую часть военного бюджета США (700 млрд долл.), это означает, что Россия потратит на ВКО в ближайшее десятилетие практически 10% своих средств, выделяемых на оборону.

Много это или мало? Конечно, любые средства, отпущенные на оборону, — это деньги, оторванные в конечном счете от социально-экономических программ. И в последние годы развернулась широкая дискуссия в экспертном и даже политическом истэблишменте, целью которой нередко является свертывание оборонных расходов. Дискуссия, которая привела к расколу элиты и даже крупным отставкам. Дискуссия, которая отнюдь не закончилась, но которая, в случае очередной победы либерал-демократов (для которых, собственно и стараются некоторые эксперты) приведет не просто к сворачиванию оборонных программ, но и окончательному развалу ОПК. На самом острие этой дискуссии находится тема создания ВКО и реакция на действия США в области ПРО, СЯС и стратегических неядерных вооружений. Целью такой дискуссии, как правило, становится убеждение политической элиты в том, что создание российской (а, тем более, — евразийской) ВКО — бессмысленная трата ресурсов.

С самого начала следует оговориться, что никакие оборонные «сверхрасходы» Россию не ожидают. Сегодня ее расходы на оборону менее 3% от мировых, в то время как для США — более 40%, а их союзников — еще столько же. В реальных цифрах это выглядит следующим образом — см. таблицу.

Как видно, российские расходы **на национальную оборону** в первом десятилетии нынешнего века не поднимались выше 2,84 процента в ВВП и 18,63 процента в расходах госбюджета

Таблица. ВВП, общие доходы и расходы госбюджета и расходы на обеспечение национальной обороны и национальной безопасности России

	1990 факт	2000 факт	2008 факт	2010 факт	2012 прогноз	2013 прогноз	2014 прогноз
ВВП (млрд руб.)		7306	41668	44939	58683,0	64803,0	72493,0
Доходы госбюджета (млрд руб.) Доля в ВВП (%)	159,5	1132,1 15,49	9275 22,26	8303,8 18,48	? 20,07	? 19,60	? 19,44
Расходы госбюджета (млрд руб.) Доля в ВВП (%)	151,0	1029,2 14,08	7570,9 18,16	10117,4 22,5	? 21,41	? 21,19	? 20,12
Общегосударственные расходы (млрд руб.) Доля в ВВП/в расх. ГБ%		25,0 2,43	839,4 2,0/11,1	887,8 1,97/8,7	? 1,27/5,92	? 1,15/5,42	? 1,0/4,97
Национальная оборона (млрд руб.) Доля в ВВП/в рас. ГБ%		191,7 2,63/18,63	1040,9 2,5/13,74	1276,5 2,84/12,6	? 1,61/7,51	? 1,51/7,12	? 1,36/6,74
Национальная безопасность (млрд руб.) Доля в ВВП/в рас. ГБ%		105,4 1,44/10,24	835,5 2,0/11,1	1085,4 2,41/10,7	? 2,32/10,9	? 2,40/11,32	? 2,25/11,17
Национальная экономика (млрд руб.) Доля в ВВП/в рас. ГБ%			1025,0 2,5/13,54	1222,7 2,72/12,1	? 2,9/13,9	? 2,56/12,07	? 2,17/10,81

и **имели тенденцию к уменьшению**, а расходы на национальную безопасность соответственно — 2,41 и 11,1 процента. В эти годы военные расходы США увеличились на 100% — с 350 до 700 млрд долларов. Только в 2013 году намечено некоторое сокращение военных расходов, которое на фоне их десятилетнего роста выглядит вполне символическим. Показатели первых лет нового десятилетия таким образом отнюдь не свидетельствуют об их росте[1], о чем так много говорят последние два года. При этом следует учитывать, что многие годы в России происходило катастрофическое недофинансирование ОПК. Как, впрочем, и сегодня.

[1] Пожаров А. Экономика России в начале XXI века / Эл. ресурс «Военное обозрение». 2013. 19 января / http://topwar.ru

Странным образом Россию упрекают, что ее военные расходы превысили расходы Великобритании и Франции (71,9 млрд долл. и 62, 7 и 62,5 млрд долл. соответственно), хотя известно, что изношенность основных фондов ОПК превышает 70%, а доля новых ВВТ (по разным оценкам) колеблется от 10% до 15%. Хроническое недофинансирование последних десятилетий выражается в том числе и в этом. Для того, чтобы его компенсировать (чего не нужно делать ни США с их 700-миллиардными расходами, ни Великобритании и Франции, где расходы даже в период кризиса были стабильными) потребуется, как минимум, не менее 10 лет устойчивого роста расходов.

Более того, в последние два–три года обозначилась тенденция, когда развитие ОПК рассматривается в качестве инструмента модернизации обрабатывающих отраслей промышленности, что не осталось незамеченным[1]. Это, безусловно, оправданно по нескольким причинам.

Во-первых, другие инструменты, прежде всего рыночно-финансовые, доказали свою неэффективность. Модернизация, как и «Стратегия социально-экономического развития России до 2020 года», по сути, провалились. Предложенные новые идеи, в том числе «Стратегия инновационного развития до 2020 года», — вполне аргументирована, но судя по всему, также не будут работать. Главная причина — мы научились формулировать идеи и цели, но не научились их реализовывать. Прежде всего из-за отсутствия механизмов и людей. Но в ОПК и первое, и второе есть.

Во-вторых, ОПК имеет ряд преимуществ по сравнению с другими отраслями, а именно:

— там сосредоточено более половины уцелевших российских ученых, конструкторов и технологов;
— наиболее высокий уровень НЧК;
— сохраняется возможность государственного контроля и нерыночных механизмов управления;

[1] Караваев А. Оборонная Россия: станут ли мечты реальность? // Независимая газета. 2013. 29 января. С. 5.

— наиболее технологичные и наукоемкие отрасли, особенно в ВКО, которые обладают международной конкурентоспособностью.

Что такое недофинансирование ОПК? Это может быть вынужденной мерой, следствием крайней ограниченности ресурсов. Но это может быть и способом, используемым коррупционерами для обогащения под видом обслуживания оборонных расходов. В такой ситуации военным финансистам приходится брать кредиты у частных банков по баснословным процентам. Расплачивается за них государство, обогащая олигархов и коррумпированных чиновников. То, как приходилось бороться с финансовыми махинациями на ниве недофинансирования оборонных расходов в 90-е годы прошлого века, убедительно показано в монографии бывшего начальника Главного ФЭУ МО генерал-полковника В. В. Воробьева (Воробьев В. В. «Финансово-экономическое обеспечение оборонной безопасности России: проблемы и пути решения». Санкт-Петербург, 2003).

Профессор А. Пожаров в своем труде, делает справедливый вывод: «Почти целое десятилетие существования ОПК в условиях недофинансирования и дробления в интересах приватизации его предприятий, утраты многого из того, что необходимо для обеспечения его адекватности угрозам и надежной конкурентоспособности, обусловили также и провал первых трех государственных программ вооружения в истекшем десятилетии. Это заставляет переосмыслить отношение к финансово-экономическим технологиям, понять их огромную как разрушительную, так и созидательную силу и умело использовать ее для созидания»[1].

Но оборонные расходы — это не зря потраченные деньги, ведь те же социально-экономические программы зависят во многом от способности страны обеспечить свой суверенитет и благоприятные условия развития страны. В том числе и защитить свои рынки, и своих граждан, и свою территорию, и свои ресурсы, и интересы своей промышленности и торговли.

[1] Пожаров А. Экономика России в начале XXI века / URL: Эл. ресурс «Военное обозрение». 2013. 19 января / http://topwar.ru

Более того, производство новейших образцов ВВТ, в частности, комплексов С-400, может быть ориентировано на экспорт. Сегодня уже ряд стран хотели бы приобрести С-400, а экспортные поставки, как известно, существенно компенсируют затраты на НИОКР и производство современных ВВТ. Более того, такие поставки могут давать существенную политическую и экономическую выгоду.

Но главное все-таки в другом, а именно: защитить Россию и ее суверенитет эффективнее всего на дальних подступах, вместе с союзниками, чья роль в мире будет неизбежно расти (что, кстати, хорошо понимают в США). Есть и военно-политические соображения: одной из важнейших характеристик эффективности ВКО является дальность обнаружения и поражения, а это означает, что чем дальше средства обнаружения и ЗРК будут размещены от центральных районов и позиционных районов, тем выше будет их эффективность.

Замедленная политическая реакция, тем более неудачи в области развития объединенной ВКО, уже не могут быть полностью компенсированы последующими действиями. Тем более, когда речь идет о таком сложном и долгом процессе, как международные договоренности, которые требуют, как показывает практика, многих лет или даже десятилетий. Поэтому важно, чтобы уже сегодня самые разные слои политической, экономической и интеллектуальной российской элиты страны определились и выработали четкую долгосрочную стратегию развития евразийского потенциала ВКО, рассчитанную на несколько будущих десятилетий.

Эта стратегия должна опираться на долгосрочный прогноз и стратегическое планирование, в минимальной степени зависящее от отдельных руководителей страны, Минобороны, Генштаба или Совбеза. Эта стратегия должна стать политической установкой для Правительства (Минфина, МИДа и др. министерств), всего ОПК, который не может эффективно разви-

ваться в условиях краткосрочной перспективы. Нужна, таким образом, долгосрочная программа развития, ориентированная на адекватную оценку не только современных, но и будущих угроз и реалий в мире, соотношения сил, а также потребностей и возможностей страны.

У политики есть своя история, без которой не может быть будущего. Это утверждение также верно и для военной политики. Многие современные ВВТ задумывались, создавались и производились десятилетия назад и еще какое-то время будут находиться на службе. Если говорить о СЯС и системах ВКО, то все они имеют свои школы и свою историю. Но надо понимать, что будущее системы ВКО должно опираться не только на историю их развития и сохраняющиеся школы, научно-технический и производственный потенциал, но и создаваться под новые задачи и угрозы, формируемые в новых исторических и материальных условиях.

Прежде всего, в условиях нового этапа военно-технической революции, особенности которого определяются «фазовым переходом» человечества, когда в том числе результаты НТР не могут четко прогнозироваться. Как заметил эксперт ЦВПИ МГИМО(У) В. Каберник, «…разработка новых доктрин, подразумевающих максимальную эксплуатацию технологического превосходства, столкнулась с рядом сложностей. Фактически, обозначенная трансформация как первый шаг в „революции в военном деле“ находится сегодня на начальном этапе. В то же время, исследования форм конфликтов будущего привели к осознанию принципиальных изменений в части расширения пространства конфликта, необходимости расширения операций в новые сферы. В этом свете отмечается необходимость „трансформации второго порядка“ — внесение изменений в доктрины, учитывающих возможности противостояния агрессии в комплексном измерении.

Таким образом, декларированная „революция в военном деле“, едва начавшись, выявила новый спектр проблем, кото-

рые, в свою очередь, также требуют революционных изменений в рассмотрении возможных конфликтов будущего и способов противостояния комплексным агрессиям (в том числе неуправляемым). Этой „второй революции“ только еще предстоит состояться»[1].

Довольно часто в последние десятилетия можно услышать от ведущих экспертов мысль о том, что «России-де никто не угрожает». Это прямое свидетельство идеологической борьбы, развернувшейся в российской элите, которую С. Караганов в беседе с корреспондентом «The New York Times» охарактеризовал весьма примечательным образом: «…сложность в построении патриотической идеологии (В. Путина) заключается в том, что моменты национального единства в российской истории всегда были связаны с противостоянием агрессору, а сейчас у России… попросту нет врагов…»[2].

Сразу же возражу своему давнему коллеге. Если у страны сегодня нет врагов, то это отнюдь не означает, что их не будет в будущем. И не через сто лет, а через несколько. В. О. Ключевский, говоря о законе, который можно было бы назвать «сменой национальной доминанты», приводил пример с Германией, которая в XVIII веке была «философской» страной, а в XIX превратилась в «угрозу воинственным галлам».

Можно привести и более близкие примеры, когда, например, воевавшая с фашисткой Германией Великобритания была готова направить экспедиционный корпус против СССР во время войны с Финляндией и т.д. Важно одно: политические намерения, «дружба» лидеров и «гуманистические ценности» меняются быстро, а военные потенциалы и вооруженные силы десятилетиями.

Наконец, можно спросить у С. Караганова: «Если у России нет врагов, то, рассуждая логически, зачем вообще нужна Армия и Флот? Может, оставить просто полицейские формирования? Но тогда зачем нужна система ПРО США, Польше?[3]

[1] Каберник В. Революция в военном деле: возможные контуры конфликтов будущего // URL: Эл. ресурс «Евразийская безопасность». 2013. 25 января / http://eurasian-defence.ru

[2] Цит. по: Минин С. Западные СМИ: Путину брошен беспрецедентный вызов 2012. 21 ноября // http://www.ng.ru/newsng/2012-11-21/100_obzor

[3] На создание национальной противоракетной обороны в Польше, например, ежегодно предполагается выделять до 1,6 млрд злотых. См.: Астровский Н. Старый свет на «щите ЕвроПРО» 12.27.2012 / Евразийская оборона / http://eurasian-defence.ru

Или Турции? Кто сегодня, используя выражение наших либералов, «собирается на них нападать»? А зачем вообще нужен Североатлантический блок? Почему за последние 10 лет расходы США на оборону выросли в два раза, достигнув почти 700 млрд долларов? И т.д., и т.п.

Пока что, как и в 80-е годы XX века, в российском обществе существуют самые разные оценки и подходы. От полного игнорирования угрозы, либо сведения ее только к одному сегменту — ЕвроПРО — до «призывов включения» ОПК (точнее, того, что от него осталось) на «полную катушку», которое неизбежно приведет к милитаризации экономики и негативно скажется на социально-экономическом развитии страны. В этой связи крайне важно найти ту «золотую середину», которая позволила бы как обеспечить надежную национальную безопасность России, так и не привести к излишней растрате ее ресурсов. Такая «середина» может быть найдена в логичной, научно-обоснованной военной политике и стратегии развития Вооруженных Сил страны, которая должна основываться на долгосрочном военно-политическом прогнозе и соответствующем стратегическом планировании.

При этом необходимо исходить из того безусловного факта, что новая геополитическая ситуация в Евразии неизбежно будет влиять на политику России в области ВКО. С политической точки зрения. Но также верно, что тенденции в развитии современных вооружений, прежде всего воздушно-космических, могут стать и мощным стимулом для евразийской интеграции. Безопасность едина, а интеграция — наиболее эффективный политический инструмент, способный обеспечить такую безопасность. И не только военно-политическую, но и научно-техническую, экономическую, образовательную и информационную. Может быть, нам стоит наконец последовать примеру Евросоюза, для которого военная интеграция стала реальным локомотивом интеграционного процесса?

2.
Геополитика и ВКО Евразии

… на переговорах НАТО и России по ПРО не удалось достигнуть абсолютно никакого прогресса[1]

А. Расмуссен, генсек НАТО

… она (Россия. — *Авт.*) органичная составляющая истории мировой, равно истории Европы и истории Азии…[2]

А. Торкунов, ректор МГИМО(У)

Принципиально важно изначально определить значение ВКО для России и всей Евразии в новом столетии. Оно во многом предопределяется общим развитием геополитической ситуации в мире, которое формирует тревожный военно-политический контекст для развития стратегических наступательных и оборонительных вооружений.

Ситуация в Евразии в этой связи становится еще более опасной, конфликтной и напряженной, сопровождающаяся массированными военными приготовлениями, быстрыми темпами роста военных расходов и разработкой новых концепций использования военной силы в качестве внешнеполитического инструмента. В том числе в целях разрешения территориальных споров и конфликтов, о которых З. Бжезинский писал еще в 90-е годы XX века, но которые с тех пор имеют очевидную тенденцию к обострению. В частности, он выделял следующие проблемы[3].

Раздел Кореи и нестабильность, присущая Северной Корее, которая приобретает ещё более опасный характер вследствие стремления Северной Кореи стать ядерной державой, создают опасность того, что внезапное столкновение может втянуть полуостров в войну, что, в свою очередь, вовлечет в конфликт Соединенные Штаты и косвенным образом Японию.

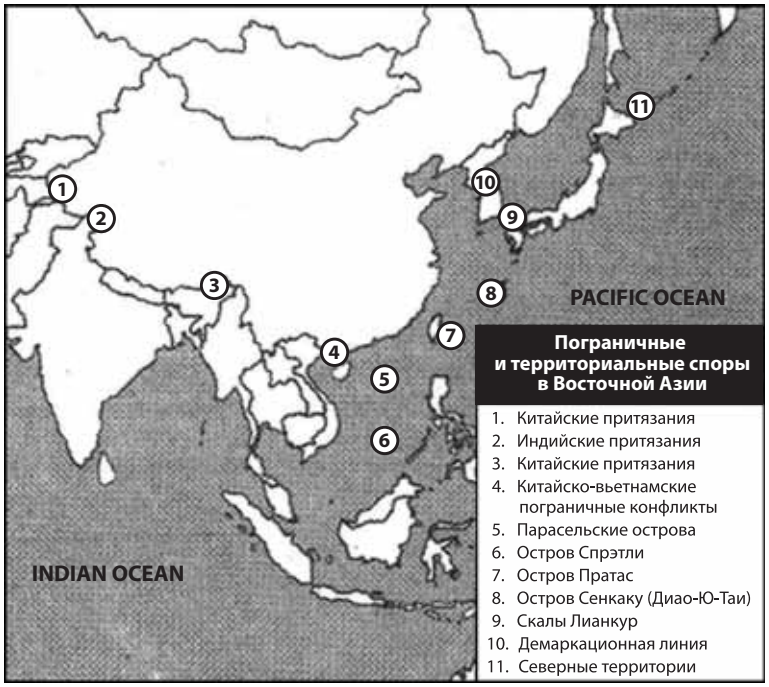
[1] Котляр В. Захочет ли Обама изменить ход истории // Независимая газета. 2012. 13 ноября. С. 3.

[2] Торкунов А. В. По дороге в будущее. М.: Аспект Пресс, 2010. С. 181.

[3] Бжезинский З. Великая шахматная доска (Господство Америки и его геостратегические императивы). М.: Международные отношения, 2010. С. 185.

Вопрос самых южных островов Курильской гряды, возвращенных СССР в ходе Второй мировой войны, по-прежнему парализует и отравляет российско-японские отношения.

В число других скрытых территориально-этнических конфликтов входят русско-китайские, китайско-вьетнамские, китайско-японские, японо-корейские и китайско-индийские пограничные вопросы; этнические волнения в провинции Синьцзян, а также китайско-индонезийские разногласия по поводу океанских границ.

Существуют и определенные опасения, связанные с ростом военной мощи Китая, прежде всего его ВМФ, который предназначен для защиты экономических интересов за рубежом. В частности, по данным агентства Синьхуа, товарооборот между Китаем и Африкой увеличился с 5 млрд долл. США в 1995 году до 150 млрд долл. США в 2010 году и достиг рекордной отметки в 166 млрд долл. США в 2011 году. Общий объём инвестиций КНР

в Африку превысил 40 млрд долл. США, причём 14,7 млрд из них составили прямые инвестиции. В 2011 году Китай стал крупнейшим торговым партнером Африки, а Африка заняла четвертое место в списке основных объектов китайских инвестиций[1].

[1] Зубрицкая Е. Зачем Китаю Аденский залив? // Мир и политика. 2012. Ноябрь. С. 173.

Китайская АПЛ класса Xia, вооруженная баллистическими ракетами

Складывается устойчивое впечатление, что такая масштабная концентрация военных усилий не случайна, что ряд ведущих государств сознательно готовятся к военному конфликту или даже войне не просто за влияние в Евразии, а за контроль над нею и устранение своих геополитических конкурентов. Объективно анализируя все возможности государств, неизбежно приходишь к выводу, что в среднесрочной перспективе назревает военный конфликт между США и Китаем, которых в той или иной степени будут поддерживать их союзники, где главными средствами вооруженной борьбы станут высокоточные средства воздушно-космического нападения, с одной стороны, и системы воздушно-космической обороны, объединенные в единый стратегический комплекс, с другой.

Этому способствовало то, что в начале XXI века в мире произошли тектонические, еще до конца не осознанные сдвиги. Их динамика заметно усилилась во втором десятилетии XXI века, когда политика основных игроков континента — США и Китая — приобрела отчетливо выраженные новые черты. Не всегда направленные на стабилизацию и ограничение военно-силовых методов реализации политических интересов.

Скорее наоборот: мы наблюдаем одновременно как усиление давления США, так и усиление сопротивления этому давлению. Любопытна в этой связи оценка одного из ведущих китайских экспертов итогов 2012 года относительно политики США и России: «Это год, когда единственная супердержава мира — США — по-прежнему придерживалась гегемонистских идей… Стратегический центр страны переместился на Восток, что усугубило вопрос с территориальными спорами отдельных стран, а США подчеркивали свое могущество и запугивали другие государства и районы»[1].

Безусловно, обращает на себя внимание и оценка китайским экспертом положения России: «Это год, когда Россия и другие страны с переходной экономикой в ключевой момент трансформации столкнулись с новыми трудностями. Так, путинская Россия встала перед лицом серьезного внешнего вмешательства, однако страна продолжала идти по пути становления сильного государства, развивая свои особенности»[2].

Эти перемены, на взгляд китайского эксперта, затронули и другие страны Евразии: «Это год, когда внутренние и внешние факторы слились воедино, нисколько не смягчив противоречия в горячих точках (Западная Азия и Северная Африка), больше осложнив ситуацию (Корейский полуостров), передавая сигналы тревоги (отношения между Израилем и Ираном)»[3].

Подобных оценок во втором десятилетии нового столетия появилось немало. Они свидетельствуют о том, что растущее противостояние в мире концентрируется на Евразии. Причем с очевидным акцентом на регионах стран «Большого Востока», Центральной и Юго-Восточной Азии, где рост конфликтности постепенно приобретает черты противостояния между великими державами, прежде всего в области ВТО и ВКО.

[1] Центральная Евразия / https://www.facebook.com

[2] Ситуация в Евразии в 2012 году — взгляд из Китая / Жэньбинь Жибао. 21 декабря 2012 г. / http://eurasian-defence.ru

[3] Там же.

Новая политическая и военная роль ВКО в мире

Продажа новейших комплексов ПВО «Фаворит» вместо Ирана Азербайджану — политический просчет, а точнее, геополитическая ошибка Дмитрия Медведева[1]

Л. Ивашов,
Президент Академии геополитических проблем, генерал-полковник запаса

Можно спорить о том, действительно ли продажа и отказ продавать третий дивизион С-300 ПМУ2 были ошибкой, но то, что такие действия имеют огромные политические и военные последствия — бесспорно. Только за один месяц, в январе 2013 года мы наблюдаем взрыв активности ведущих государств мира в области испытания и производства систем ПРО–ПВО. Приведем лишь некоторые примеры, которые имели место за этот короткий период времени.

[1] Мухин В. Карабахская противовоздушная рулетка // Независимая газета. 2013. 30 января. С. 1–2.

Две батареи зенитно-ракетного комплекса (ЗРК) «Пэтриот» 28 января 2013 года были введены в эксплуатацию на территории Турции близ сирийской границы, сообщало агентство Рейтер со ссылкой на представителя немецких органов безопасности. Речь идет о батареях «Пэтриот», направленных Германией в район турецкого города Кахраманмараш, в 100 километрах к северу от сирийской границы.

НАТО направила в Турцию всего шесть батарей, по две от США, Германии и Нидерландов. Первые две батареи, поставленные Нидерландами, заступили на дежурство 26 января в районе города Адама. По данным Рейтер, две американские батареи прибыли в Турцию 30 января и были введены в эксплуатацию через несколько дней[1].

— Военные США успешно испытали ракету-перехватчик в ходе программы по созданию системы противоракетной обороны наземного базирования для перехвата баллистических ракет на среднем участке траектории[2].

[1] Две батареи ЗРК «Пэтриот» заступили на боевое дежурство в Турции / Эл. ресурс «Евразийская безопасность». 2013. 29 января / http://eurasian-defence.ru

[2] США успешно испытали противоракету / Эл. ресурс «Евразийская безопасность». 2013. 29 января / http://eurasian-defence.ru

— 27 января 2013 года Индия успешно провела испытания баллистической ракеты морского базирования средней дальности «К-15», способной нести ядерный боезаряд. Новую ракету планируется взять на вооружение атомной подводной лодкой «Арихант», которую в настоящее время строят индийские специалисты.

Согласно сообщениям индийских властей, огневые испытания новой баллистической ракеты, дальность полета которой составляет полторы тысячи километров, проводились накануне в водах Бенгальского залива. Об этом сообщил научный советник министра обороны Индии В. К. Сарасват. По его словам, ракета успешно поразила цель на расстоянии 700 километров, передает агентство «Синьхуа»[1].

— Китай провел испытание противоракеты, предназначенной для перехвата баллистических ракет на среднем участке их траектории. Как сообщают сегодня местные СМИ, состоявшийся тестовый запуск прошел успешно. «На территории Китая было осуществлено повторное испытание технологии перехвата баллистических ракет на среднем участке траектории с помощью противоракеты наземного базирования, цели испытания достигнуты», — говорится в официальном заявлении Министерства обороны КНР[2].

— Как сообщили «Известия», командование войск воздушно-космической обороны определило сроки испытаний новой системы противоракетной обороны А-235 «Самолет-М». Некий источник в командовании войск ВКО сообщил изданию, что основные испытательные работы пройдут в следующем году. При этом источник не смог определиться с точными сроками. По его словам, ракеты и сопутствующая аппаратура будут испытаны в последние недели весны 2013 года или осенью. Вскоре после пробных пусков система А-235 будет принята на вооружение[3].

— Эти средства приобретают нарастающее политическое значение, когда любой предлог может быть использован для их

[1] Индия успешно провела огневые испытания баллистической ракеты морского базирования / Эл. ресурс «Евразийская безопасность». 2013. 28 января / http://eurasian-defence.ru

[2] Китай успешно провел испытание наземной системы ПРО / Эл. ресурс «Евразийская безопасность». 2013. 28 января / http://eurasian-defence.ru

[3] О противоракетных системах, прессе и компетентности / Эл. ресурс 2012. 18 декабря / http://topwar.ru

применения. Так, армия обороны Израиля разместила ракеты системы ПРО «Железный купол» на севере страны недалеко от границы с Сирией, сообщает израильская газета Jerusalem Post. Одна из батарей была развернута в районе города Хайфа, информирует издание.

Jerusalem Post отмечает, что военные пошли на такой шаг на фоне эскалации конфликта в Сирии и растущих опасений по поводу того, что сирийское химическое оружие может попасть в руки радикалов. Ранее вице-премьер Израиля Сильван Шалом заявил, что его страна нанесет удары по объектам в Сирии, если сирийское химическое оружие попадет в руки к исламистам, — передает «Интерфакс». «Такое развитие событий станет критическим моментом, который потребует другого подхода, в том числе превентивных операций, — сказал Шалом. — Концепция заключается в том, что это получение химического оружия исламистами не должно произойти. В тот момент, когда мы поймем, что это возможно, нам придется принимать решения», — подчеркнул израильский вице-премьер[1].

Не случайно, что эта активность в области ПРО–ПВО концентрируется на Евразии: совпадения географические и военно-технические говорят о многом.

[1] Израиль разместил ракеты рядом с сирийской границей / Эл. ресурс «Евразийская безопасность». 2013. 28 января / http://eurasian-defence.ru

В начале XXI века Евразия привлекла к себе внимание не только ведущих держав мира, но и целого ряда государств, расположенных как на этом континенте, так и за его пределами. Прежде всего, конечно, обострением ситуации в Афганистане, Ираке и Сирии. Палестино-израильская война ноября 2012 года, запуск спутника Северной Кореей[1], череда пограничных инцидентов вокруг Китая, «оранжевые революции» в республиках Средней Азии — все это говорит о том, что перенос «стратегического центра» в Евразию сопровождается явным ростом конфликтов и напряженностью.

На этом политическом фоне стали особенно актуальны проблемы обеспечения безопасности государств Евразии с точки зрения защиты от наиболее эффективного оружия — баллистических ракет и воздушно-космических систем —

[1] В начале 2013 года Южная Корея также запустила собственный спутник, используя ракету-носитель, созданную с участием российских специалистов. Таким образом, противостояние на корейском полуострове перешло в «ракетную» стадию: обе Кореи обладают баллистическими средствами доставки межконтинентальной досягаемости. При этом Южная Корея не заявляла пока о наличии ядерного оружия, но, несомненно, располагает научно-техническим потенциалом для его производства.

и, соответственно, создания эффективных систем ПВО и ПРО. Причем, для всех, без исключения, государств — от Сирии до КНДР. Это стало особенно заметно после силового свержения Каддафи именно с помощью использования ВТО. Как, впрочем, и взаимосвязь между этим военно-силовым инструментом, эффективностью ПВО и ролью России, которую незадолго до своего убийства бывший ливийский лидер сформулировал следующим образом: «Четыре месяца, — четыре месяца! — вы бомбите нашу страну, и все боятся даже сказать слова осуждения. Будь ещё в мире Россия, настоящая Россия, единая и великая Россия, защищавшая слабых, вы не посмели бы. Но её нет, её нет, и вы торжествуете. А зря. Вы забыли одно: жизнь умеет разворачиваться, и многое может случиться в будущем»[1].

Это предупреждение М. Каддафи не только точно отражает современные международные реалии и по-своему политически символично для других режимов (что подтверждают события в Сирии), но и подсказывает единственный вариант сохранения суверенитета — сотрудничество с Россией.

Кроме того, в этой оценке М. Каддафи есть и своего рода рекомендация тем, кто формирует стратегию России: без инициативы, возвращения себе лидерства, оставаясь обороняющейся державой, такая стратегия неизбежно окажется проигрышной. Нужно не пытаться реагировать каждый раз на действия США, а самостоятельно проявлять стратегическую инициативу. Как, впрочем, и во всякой войне или противоборстве. В данном случае такой долгосрочной инициативой может стать создание ЕвразВКО и расширение ВТС с евразийскими государствами. Важно точно определить политическую и военную роль и значение ВКО для России в мире и в Евразии. Так же, как, впрочем, и в отношениях с США. И не только на переговорах (на чем акцентируется внимание), но и в двухстороннем плане.

[1] Юртаев В. Россия: безальтернативность будущего / Эл. ресурс «Военное обозрение». 2013. 15 января / http://topwar.ru

И здесь есть, безусловно, поле для сотрудничества и компромиссов, которое хорошо известно и вполне четко очерчено. Как заявил в конце января 2013 года новый Госсекретарь США Дж. Керри, «Нам нужна помощь (из России). Россияне являются нашими партнерами, мы зависим или полагаемся на них во многих вопросах: Сирия, санкции против Ирана, разоружение, СНВ, КНДР, ВТО. И во многих вопросах их позиция крайне важна для нас»[1].

Таким образом, политическое и военное противоборство имеет не только конфронтационное содержание, но и определенное поле для диалога, которое, безусловно, надо использовать, четко определяя интересы России и ее союзников. Прежде всего в Евразии.

[1] Табак М., Ворошилов Д. Сенат утвердил Джона Керри на посту госсекретаря США // Риа Новости. 2013. 30 января.

Создание объединенной ВКО как наиболее актуальная евразийская проблема

… ближайшие годы будут решающими и, может быть, даже переломными, и не только для нас, а практически для всего мира…[1]

В. Путин

… главным направлением внешней политики России и активности соответствующих российских структур должна стать именно масштабная интеграция интеллектуального капитала и совместного осмысления общих проблем (евразийских государств. — *А. П.*)…[2]

В. Парамонов, политолог, Узбекистан

Формирование нескольких центров военной силы в Евразии ориентировано на создание потенциалов стратегических наступательных и оборонительных вооружений, и прежде всего авиационно-космических ВТО различного назначения, в т. ч. внеядерном оснащении. Это характерно прослеживается сегодня применительно к США, но также неизбежно втягивает в свою орбиту Россию, Китай, Индию и другие страны, которые обладают разными экономическими и военно-техническими возможностями. Складывается устойчивое впечатление, что в среднесрочной перспективе (до 2018–2020 гг.) ожидается завершение подготовительного этапа, в ходе которого будут созданы принципиально новые ВВТ и разработаны и апробированы концепции их использования. Вкупе с девальвацией идей «ядерного сдерживания» и ростом противоречий между новыми центрами силы это означает, что страны, обладающие таким новым военным потенциалом могут перейти к активной фазе его использования. Как справедливо заметил доктор военных наук К. Сивков, «Анализ динамики геополитических

[1] Путин В. В. Послание Президента Федеральному Собранию. 2012. 12 декабря / Сайт Президента России / Президент РФ/ news.17118

[2] Панфилова В. Полный текст комментария Владимира Парамонова. 2013. 24 января / http://eurasian-defence.org

процессов последних лет показывает, что интенсивность и напряженность межгосударственного противоборства имеет волнообразный характер — периоды высокой напряженности сменяются на относительно спокойные. Во время высокой интенсивности подобной конфронтации сторонами предпринимаются попытки решить, как правило, конкретные геополитические задачи. В предшествующие им относительно мирные отрезки страны готовятся к активным действиям»[1].

Другими словами, у России остается не более 5–7 лет до конца «подготовительного» этапа, после которого с высокой степенью вероятности может быть использована военная сила в Евразии ведущими государствами и формирующимися вокруг них военно-политическими коалициями. Поэтому крайне важно определить основные особенности этого «подготовительного» этапа с тем, чтобы попытаться представить себе характер и масштаб возможных военных действий. На мой взгляд, эти военно-политические особенности следующие:

— интеграция высокоточных неядерных средств воздушно-космического нападения, средств ВКО и информационных систем в единый наступательно-оборонительный комплекс, задачей которого будет нанесение «обезглавливающего» и «разоружающего» удара с последующим закреплением победы посредством использования спецподразделений и оккупации;
— достижение информационно-технологического превосходства, способного на первом этапе военных действий (до применения оружия) дестабилизировать ситуацию у противника, нарушить управление, дезорганизовать его вооруженные силы. Эта возможность прямо зависит от технологического превосходства и эффективности инструментов «мягкой силы»;
— создание военно-политической коалиции, в которой должен быть широкий круг участников, готовых к достижению единой военно-политической (геополитической) цели.

[1] Сивков К. По новым правилам / Военно-промышленный курьер. 2013. 30 января. № 4 (472) / http://vpk-news.ru

При этом ни один из этих формирующихся центров силы не готов к реальному военно-политическому сотрудничеству с другими. США, объединяя вокруг себя потенциалы Японии и Евросоюза, очевидно, будут создавать систему, ориентированную исключительно на собственные национальные интересы, которые во многом противоречат интересам Китая, России и исламского мира. Этот же вывод справедлив и для КНР, и для Индии, и для России, у которой, однако, существует потенциал для сотрудничества на определенных условиях с Китаем, Индией и даже США. Вопрос только в том, есть ли такой потенциал и желание у других центров силы?

Остается Россия, которая может и должна привлечь к реализации идеи евразийской ВКО максимально широкий круг участников, среди которых могут быть не только ее союзники по СНГ и ОДКБ, но и другие страны, не исключая никаких стран евразийского континента. Как показывает анализ экономического и производственного потенциалов государства, Россия ограничена финансовыми ресурсами для создания всех компонентов ПРО. Решение этой задачи требует международного сотрудничества, подкрепленного соответствующими политическими усилиями. «Битва за Евразию», сама ее возможность и конечный результат будут зависеть от военно-технических возможностей стратегических наступательных и оборонительных вооружений и развития индустрии по производству их компонентов. Они же станут, таким образом, и главным аргументом в споре за то, кто будет контролировать и формировать новый мировой порядок.

Но изначально, необходимо, ясно определиться с целями интеграции вообще и военно-политической, в частности. Если экономические перспективы интеграции прописаны более или менее внятно, то военно-политические еще требуют проработки. Причем такой, которая стала бы убедительной для потенциальных союзников. Так, эксперт из Узбекистана

В. Парамонов спрашивает: «…какие общие экономические интересы защищает или призвана защищать интеграция в военной сфере в рамках того же ОДКБ?» И отвечает: «Пока таких интересов нет. Получается, что военная интеграция — это самоцель…»[1].

Действительно, о внешнеполитических и военно-политических целях евразийской интеграции и средствах их совместной реализации говорится крайне мало. Более того, из этого публичного процесса практически исключена общественность, эксперты и чиновники. Ряд дискуссий был организован, в т. ч. и по инициативе Председателя Госдумы С. Е. Нарышкина. И они демонстрируют свою полезность и эффективность, но таких дискуссий крайне мало и они не становятся приоритетом в освещении СМИ и деятельности политических партий, хотя опыт стран Евросоюза показывает, что на это нужно тратить в приоритетном порядке время, энергию и деньги.

Может быть поэтому актуальность евразийской ВКО, казалось бы, очевидная, не стала предметом дискуссии, оставаясь уделом узкого круга профессионалов внешнеполитических и оборонных ведомств.

Иначе говоря, с геополитической точки зрения к проблеме российской ВКО необходимо изначально подходить как к проблеме евразийской (а не только российской) безопасности. Вряд ли можно суживать идею участия в создании ВКО Евразии только до стран-участниц ОДКБ или даже СНГ, хотя пока что именно такая точка зрения преобладает. Более перспективно рассматривать ее в широком политическом и геополитическом контексте, не исключая ни одного европейского или азиатского государства: предложение должно быть сделано для всех потенциальных участников — от стран Евросоюза до КНДР, Ирана, Пакистана, а, тем более, Китая и Индии.

Нельзя сужать эту проблему и до рамок ЕвроПРО, что, к сожалению, часто делается экспертами в России и за рубежом.

[1] Панфилова В. Полный текст комментария Владимира Парамонова. 2013. 24 января / http://eurasian-defence.org

Этот подход прямо вытекает из политики США и НАТО, которые дезинформируют мировую общественность, говоря о региональном характере системы ПРО. Политические преимущества такого широкого подхода очевидны: российское предложение в конечном счете нацелено на создание евразийской системы безопасности, а не части континента.

Активизация военной политики США и НАТО в области стратегических обычных вооружений в Евразии имеет уже сегодня очевидные негативные военно-политические последствия для России. Как в широком военно-политическом контексте, так и в области ВКО, которая становится наиболее опасной сферой нарастающего соперничества на континенте и в прибрежных акваториях Мирового океана из-за размещаемых компонентов ПРО США морского базирования. Эта опасность, безусловно, осознается в российской элите, но еще до конца не осознана в европейских и азиатских странах.

Необходимо объяснять, что в военно-политическом контексте это означает стремление США вернуть военную силу

в качестве эффективного и используемого внешнеполитического инструмента, способность обеспечить широкий спектр экономических, политических и финансовых интересов США в Евразии в новых условиях.

«Ядерное сдерживание» для США становится обузой, а финансово-экономические интересы США в условиях кризиса должны быть обеспечены силовой поддержкой. Именно на новых условиях и особенностях использования военной силы, выдвигая инициативу по ЕвразВКО, следует остановиться подробнее, ибо они радикально отличаются даже от тех, которые существовали недавно. Так, например, выступая на XX Ассамблее СВОП, в конце 2012 года, известный американский

эксперт Р. Блэквилл откровенно заявил: «…государства (речь идет о США и их союзниках. — *А. П.*) неизбежно будут использовать военную силу ради политических целей, но вопрос сегодня заключается в критериях, в соответствии с которыми она будет использоваться». Далее он перечислил эти критерии, которые целиком можно отнести к принципам военной политики США в Евразии. По его мнению, они таковы:

— руководство страны должно четко понимать, что войну можно выиграть;
— руководство должно осознавать, что войну нужно выиграть быстро и решительно;
— военную силу необходимо рассматривать как последний внешнеполитический инструмент;
— применение военной силы должно сопровождаться параллельными мероприятиями по оказанию помощи обществу»[1].

Эти критерии, вероятно, являются в настоящее время вполне устоявшимися и являются своего рода правилами внешнеполитического поведения и нормами для использования военной силы. В частности, они отдают безусловный приоритет использованию воздушно-космических сил и ВТО, оставляя в истории проведение масштабных сухопутных операций, свойственных XX веку. Ясно, что наступил новый этап в использовании отдельных видов вооруженных сил, который объективно выводит на первый план стратегические высокоточные неядерные вооружения и ВКО.

Очевидно, что подобный подход США к использованию военной силы требует широкого обсуждения, включая международные форумы и дискуссию в СМИ между политиками и экспертами России, ее союзников и партнеров, проясняющие актуальность, даже неотложность решения этой проблемы. Как, впрочем, и возможных новых способов ведения военных действий, использования «мягкой силы» в Евразии.

[1] Выступление Р. Блэквилла на пленарном заседании Ассамблеи СВОП 1 декабря 2012 г. Запись.

Блок разведения боевых частей МБР LGM-118 Peacekeeper
с 10-ю ядерными боеголовками индивидуального наведения

В этой связи обращает на себя внимание важное замечание Р. Блэквилла, который процитировал Б. Гейтса: «Использование крупных сухопутных сил возможно только после консультации у психиатра». Это важное признание означает ни что иное как фактическое признание того, что в соответствии с современными американскими критериями должны использоваться не сухопутные армии, а средства и силы другого рода. Эти средства и силы могут быть только высокоточными системами воздушно-космического нападения в неядерном оснащении. Не случайно в последние годы особое внимание в планах военного строительства уделялось массированному производству КР, БПЛА и другим видам ВТО. Причем — что характерно для Евразии — не только сухопутного, но прежде всего морского базирования. Именно в силу этой особенности резко возрастает значение ВКО (ПВО и ПРО) как главного инструмента противодействия использованию военной силы как в прямой форме — воздушно-космического нападения, — так и косвенной — политической угрозы такого нападения для до-

стижения самых различных целей: от «защиты» транспортных коридоров, до «демократизации».

Понятно, что если главным средством ведения войны в первой четверти XXI века становятся средства воздушно-космического нападения, то резко возрастает значение средств защиты от ответных ударов. Как ядерных, так и обычных. Это объективно, так как существует прямая взаимосвязь между «обезглавливающим» ударом по центрам военно-политического руководства и «разоружающим» ударом (средствам ответного удара), предназначенным для уничтожения уцелевших средств возмездия. Еще сохраняется точка зрения, в соответствии с которой мобильные МБР, защищенные ПУ МБР и БРПЛ обладают неуязвимостью от высокоточных ударов, однако оценки российских ученых показывают, что в ближайшем будущем эту проблему удастся решить с помощью ВТО.

Это объясняет также, почему создание эффективных средств ПРО–ПВО в США идет параллельно с развертыванием средств нападения. Так, например, создание по периметру российских границ — от Японии и Юго-Восточной Азии до Ближнего Востока и Западной Европы — средств ПВО–НПРО США и НАТО — это та геополитическая тенденция, которая во втором десятилетии XXI века стала реальностью. Если допустить (как планируют в США), что к 2018–2020 годам будет создан неядерный потенциал ВТО для нанесения первого удара, а к тому времени развернута глобальная эшелонированная система ПРО (что также планируется), то многое становится понятным. Если же добавить к этому, что примерно к тому же времени будет создан потенциал ведения кибер и сетецентрической войны, то сомнения окончательно исчезают. США, используя технологическое превосходство, закончат «подготовительный» период, который сделает военную силу вновь инструментом глобальной политики. Даже, если к этому времени произойдет модернизация СЯС других государств.

Важно также отметить, что создание глобальной системы ПРО Соединенными Штатами вкупе с потенциалом «разоружающего» удара предполагает опережающее развитие информационно-коммуникационных и иных передовых технологий, а также созданных на их основе ВВТ. На практике это означает установку на сохранение военно-технического превосходства, так как охватывает очень широкий спектр наземных, воздушных и космических систем. Это хорошо видно на примере, иллюстрирующем компоненты, составляющие уже сегодня систему ПРО США.

Развертывание глобальной ПРО требует высокой степени военно-политического и военно-технического сотрудничества (а часто внешнеполитического давления на «партнеров»), что неизбежно ведет к созданию формальной (или полуформальной) военно-политической коалиции. Такая коалиция сегодня существует, это НАТО, — однако не исключается, что она может быть расширена за счет потенциальных союзников США в Евразии.

Процесс расширения сотрудничества США и их союзников в области ПРО идет одновременно и во многом как следствие смены внешнеполитических приоритетов США, в центре которых становятся государства Евразии. Геополитические тенденции в этом смысле смыкаются с военно-стратегическими концепциями и развертыванием средств нападения и защиты. Более того, они взаимно дополняют и усиливают друг друга, что позволяет добиться синергетического эффекта.

Такая политика в конечном счете имеет антироссийскую направленность. Но не только. Фактическими заложниками этой стратегии становятся все государства Евразии, причем не только азиатские, но и европейские. Развертывание позиционных районов ПРО на территории государств Европы автоматически делает именно их целью первого контрудара в глобальном противостоянии. Однако главная мишень — все-таки Россия, которая становится основным препятствием между

возможными компромиссами и договоренностями США и Китая о разделе сфер влияния в Евразии за счет третьих стран. Так, известный французский эксперт Ж.-Б. Пинатель полагает, что «…Китай и США уже работают негласно совместно, чтобы поделить мир и не допустить появления третьего игрока»[1] (России — Евросоюза. — *А. П.*)

Понятно, что Китай пока что занимает осторожную позицию, продемонстрированную в очередной раз в ноябре 2012 года на XVIII съезде КПК. Для Китая сегодня мирное развитие, даже сотрудничество с Россией — важнейшая тактическая задача, — которая предназначена для стабилизации ситуации в стране и на континенте. Даже прагматическая. Насколько эта тактика сохранится в будущем, никто точно ответить не сможет. Китайский эксперт по этому поводу замечает: «На этом пространстве США представляются относительно слабой силой, однако наступательной, Россия же — сравнительно сильная в регионе, но стоит в обороне. Соперничество этих двух стран будет продолжительным. С точки зрения российско-китайско-американских связей в этом регионе, очевидна роль китайско-российских отношений всестороннего стратегического взаимодействия и партнерства, Китай в большинстве случаев является вспомогательной силой России, а отношение Пекина и Москвы к США в значительной степени зависят от американской политики»[2].

Иными словами, понимая всю сложность ситуации, пока что Пекин будет пытаться выстраивать стратегические отношения с Россией, осознавая, что без нее он останется «один на один» с США, которые фактически, поддерживают его противников. И это создает хорошие предпосылки для сотрудничества в области ВКО по линии Москва — Пекин. В частности, речь идет о закупке КНР современных ВВТ у России, предназначенных для систем ПРО Китая. Причем, как свидетельствует практика, эти закупки ведут впоследствии к самостоятельному производству и даже экспорту ВВТ под китайскими брендами.

[1] Пинатель Ж.-Б. Россия — Европа: жизненно важный союз / перев. с франц. Д.Х. Халиллуллиной. М.: Книжный клуб 36.3, 2012. С. 10

[2] Ситуация в Евразии в 2012 году — взгляд из Китая / Жэньбинь Жибао. 21 декабря 2012 г. / http://eurasian-defence.ru

Но не только для целей защиты от СЯС США. Особое значение для Китая приобретают сегодня усилия для создания эффективной системы ВКО против стратегических неядерных вооружений. По оценкам некоторых экспертов, уже сегодня США могут уничтожить до 100% сил ответного удара КНР с помощью высокоточного оружия, а по мере наращивания потенциала ВТО на ВМС США в непосредственной близи от китайских границ, такая возможность будет сохраняться, несмотря на все усилия КНР.

Пока что совершенно не изучена взаимосвязь неядерных стратегических вооружений и политики «мягкой силы». Между тем она, безусловно, существует. ВТО создает благоприятный политический фон для активных политических мероприятий. Прежде всего для политического и психологического давления на местные правящие элиты, которые хорошо помнят, чем закончили С. Хусейн и М. Каддафи и каким оружием они были уничтожены (для справки: во второй кампании в Ираке и в Ливии 100% налетов было совершено с использованием ВТО). Это, естественно, не остается незамеченным в экспертном сообществе. Так, российские эксперты справедливо отмечают, что «…очевидно выдавливание нас с традиционных территорий, рост военной угрозы нашей стране, а также попытки любой ценой наращивать свое присутствие на постсоветском пространстве. К примеру, сегодня одна из стратегических целей НАТО на постсоветском пространстве — установление военного присутствия на Каспии и в Средней Азии. Регионах, богатых природными ресурсами. Ради этого Запад пытается купить местные элиты, привлекая их выгодными нефтегазовыми контрактами. Потом этих князьков можно скинуть и переформатировать местное государственное устройство. Для размещения своих баз на Каспии альянс найдет поводы — как нашел он их при вторжении в Ирак и Ливию»[1].

Таким образом, продвижение американских ценностей и интересов в Евразии обеспечивается по сути шантажом по-

[1] Михеев С. Планы США и НАТО в Каспийском регионе и Средней Азии и следствия для Евразийского проекта России / В кн.: НАТО: мифы и реальность. Уроки для России и мира. М.: ИНВИС-СИН, 2012. С. 108.

литических элит, которым может угрожать массированный удар с применением высокоточного оружия. Как показал опыт войны между Израилем и ХАМАС в ноябре 2012 года, такой удар может уничтожить в течение часа половину военно-политического руководства страны и практически все наступательные вооружения.

Иногда полагают, что международные институты не позволят реализовать этот план. Не стоит заблуждаться о потенциале ООН и других международных организаций. Опыт Югославии, Ирака, Ливии, Сирии и других стран показывает, что пропагандистская война против этих стран может быть не только быстро выиграна, но и создает все условия для поддержки «мирового общественного мнения». По сути информационная война и кибервойна становятся **первым этапом военных операций**.

Создание эффективной системы глобальной (под эгидой ООН) или евразийской безопасности (под эгидой аналога ОБСЕ) в нынешних условиях становится скорее ритуальным процессом и декларацией о намерениях, а не реальной политикой, хотя некоторые исследователи и полагают, что не стоит противопоставлять процесс конкретному результату, а следует рассматривать их как «два параллельных подхода»[1].

К сожалению, пока что в реальности реализуется один, односторонний подход обеспечения безопасности западноевропейской части евразийского континента с помощью военной коалиции — НАТО — и за счет безопасности остальных евразийских государств. Как следствие — остальные евразийские государства могут рассчитывать либо на повышение надежности национальных систем безопасности (прежде всего в области ВКО), либо на региональные объединения, где существуют общие мотивы и геополитические предпосылки. Но приходится признать, что и такие международные объединения без надежных военно-технических и современных средств малоэффективны.

[1] Towards a Euro-Atlantic and Eurasian Security Community. From Vision to Reality. Hamburg, Paris, Moscow, Warsaw 2012. P. 5.

Пока что только страны НАТО и Евросоюза доказали свою способность к совместной военно-политической стратегии, оставляя «за скобками» интересы безопасности других государства Евразии, которые не смогли реализовать собственные региональные модели обеспечения безопасности, либо находятся лишь в самом начале этого пути (как, например, страны СНГ и ОДКБ). Не случайно именно страны НАТО доказали свою способность и готовность к созданию современных ВТО и средств защиты от него.

Необходимость создания и развития новых концепций и моделей обеспечения региональной безопасности, в основе которого лежат решения в области ВКО, становится в силу ряда причин все более очевидной и актуальной. И, прежде всего, в силу того, что «процесс» формирования единой модели глобальной и общеевропейской безопасности может так и остаться всего лишь процессом, не дав сколько-нибудь конкретного результата. Соответственно такие модели совместно могут стать рабочими только при долгосрочном прогнозировании и военно-политическом планировании этих государств. В частности, при долгосрочном совместном планировании (например, в рамках СНГ) можно было бы исходить из строительства дополнительных мощностей, включая участие в их финансировании, подготовке кадров, сервисов и т.д. по производству современных ЗРК С-400 и работе над ЗРК С-500, предназначенных для обороны всей Евразии. Сегодня, как известно, Концерном «Алмаз-Антей» успешно строятся два завода, которые выйдут на полную мощность после 2015 году, а ведь могло бы быть и три, четыре, пять, если будет такая потребность у союзников России. Для этого нужна прежде всего политическая воля и готовность к совместным долгосрочным действиям. При этом надо исходить не только из существующей сегодняшней ситуации, а понимания того, что может быть в будущем, через 20–30 лет. В том числе и в случае появления самого «плохого сценария».

В этом смысле евразийская военно-политическая интеграция — долгосрочный процесс, который должен учитывать множество неопределенностей. Простая макроэкономическая экстраполяция, к которой привыкли авторы экономических прогнозов непригодна. Нужна системная оценка будущих угроз и вызовов, которая возможна при использовании нескольких методик. Учитывая, что она затрагивает области военного искусства, такая оценка и прогнозы должны готовиться широким спектром экспертов — от, естественно, специалистов в области ВВТ и НТР до социологов, международников, экономистов и политологов. Как справедливо заметил российский эксперт В. Захаров, «…военно-политический прогноз, который мог бы лежать в основе создания международных систем безопасности, становится больше искусством, чем наукой, так как отсутствуют проверенные и научно обоснованные методы его оценки, и решающее значение приобретает человеческий фактор. Поэтому значительное внимание сейчас уделяется принципиально новой ситуации, в которой военно-политическое сотрудничество ориентируется на неопределенность (в современном политическом лексиконе неопределенность фактически является синонимом понятий „опасность“

и „угроза“). Подобная ориентация стала чрезвычайно важным доктринальным новшеством, поскольку концепция „реагирования на неопределенность“, в отличие от конкретно ориентированных концепций „баланса сил“, „сдерживания“ или „устрашения“, не только значительно расширяет систему военных опасностей и угроз, но и не позволяет предопределять необходимую реакцию на них, что исключает системный характер военно-политической интеграции»[1].

На первом плане должны быть уже не только оценки военно-технических прорывов и возможностей, но и оценки систем ценностей, геополитических интересов. Действительно, если прежде военно-политическая безопасность определялась прежде всего соотношением экономических и военных сил, то сегодня на первый план выходит конкуренция государств и союзов в продвижении политических приоритетов и ценностей, где достижение компромиссов гораздо сложнее, если вообще возможно. Так, в странах Евросоюза и США подход, ориентированный на единую систему ценностей, а не на национальные интересы, уже фактически вытеснил последний, точнее, превратил его в политико-ценностной подход. Что откровенно признается западными экспертами: «…государства обладают различными взглядами на то, что нужно сделать (для предотвращения войны)… Некоторые концентрируются на военно-политическом „жестком“ подходе к вопросам безопасности, а некоторые — подчеркивают приоритетную важность „создания общей системы ценностей“»[2].

В настоящее время мы наблюдаем четыре потенциальные цивилизационно-ценностные системы:

— либерально-западную, реально опирающуюся на экономическую и военную мощь НАТО;
— социально-конфуцианскую, обладающую огромным потенциалом развития и будущего влияния на мировые дела;

[1] Захаров В. Евразийский проект // Национальная оборона. 2012. Август. № 8.

[2] Towards a Euro-Atlantic and Eurasian Security Community. From Vision to Reality. Hamburg, Paris, Moscow, Warsaw, 2012. P. 5.

— исламскую, как наиболее пассионарную, быстро интегрирующую усилия отдельных государств, организаций и течений;
— индийскую, имеющую большой потенциал роста и сегодня трудно прогнозируемые военно-политические последствия.

К сожалению, пока что не активна российско-евразийская ценностная система, которая еще только находится в стадии формирования, но имеющая огромный, вполне конкурентоспособный потенциал, историческое, культурно-социальное и интеллектуальное наследие. Активизация этого потенциала может превратить его в мощный фактор обеспечения международной и евразийской безопасности.

Разница в подходах к обеспечению безопасности, основанная на национальных интересах или системе ценностей, становится все более очевидна. Если компромиссы в области обеспечения национальных интересов достижимы, то в конкуренции ценностных систем — маловероятны. Как очевидно и то, что западное сообщество фактически навязывает (в том числе и силой) остальным странам свою систему ценностей, которая (что важно) подкреплена единой системой обеспечения безопасности, точнее — военной силой, а прежде всего средствами воздушно-космического высокоточного поражения. Понятно,

что государствам, оставшимся за пределами такой ценностной и военно-политической общности, предстоит либо войти в нее (лишившись идентичности), либо создать свою. И ценностную, и военно-политическую.

Это надо хорошо понимать. Причем, уже сегодня. Если вы выбираете западную систему ценностей и готовы расстаться с национальной идентичностью и суверенитетом (а таковых в России среди либералов не так уж и мало), то вам незачем гарантировать свой суверенитет новыми военно-техническими возможностями. Они есть у тех, кто вас интегрировал насильно. В этом случае все разговоры о том, «кто на вас собирается нападать?» — имеют смысл.

И, наоборот, если вы собираетесь сохранить свою систему ценностей, суверенитет и идентичность, то практически остается единственное решение — обеспечить такую решимость посредством создания современного ВВТ. Лучше всего вместе с союзниками. Даже если эти союзники пока что до конца и не понимают масштаба угрозы. А это для России можно сделать сегодня только в условиях евразийской интеграции. Поэтому усилия по формированию евразийской идентичности как альтернативы другим ценностным системам должны сопровождаться созданием средств защиты такой идентичности. Это две важнейшие задачи, стоящие перед Россией в Евразии. «Военно-политические интеграционные процессы сегодня связываются не столько с парированием плохо формулируемых вызовов и угроз, сколько с ценностной ориентацией. В этой ситуации Россия, претендуя на роль лидера на постсоветском пространстве, кроме демонстрации своих политических, экономических, военных и прочих возможностей, должна сформулировать для стран-партнеров систему общих ценностей, не разделяя проблемы идентичности и безопасности», — справедливо отмечает российский исследователь в военно-политической области В. Захаров[1].

[1] Захаров В. Евразийский проект // Национальная оборона. 2012. Август. № 8.

Россия как центр формирования евразийской ВКО

В мире XXI века на фоне новой расстановки экономических, цивилизационных, военных сил Россия должна быть суверенной и влиятельной страной[1]

В. Путин,
Президент России

Логика развития глобальных процессов в современном мире ставит на повестку дня вопрос о необходимости объединения усилий стран, противостоящих экспансии Запада и создания ими системы военно-политических союзов[2]

М. Маринов

Укрепление военно-политического союза, во главе которого стоят США, как и глобальное распространение ответственности такого союза, в т.ч. на всю Евразию, — очевидный факт. Судя по имеющейся информации, этот процесс будет развиваться и в будущем, втягивая в свою орбиту новые государства. Так как в Европе таковых фактически не осталось, то можно допустить, что ими будут развитые страны Евразии и АТР. Собственно это и рассматривается США в качестве основной гарантии безопасности в Евразии.

В этой связи возникает вопрос, какой союз может быть создан и кто станет ядром такого союза в Евразии? Это, теоретически, может быть Индия, но она слишком втянута в интересы США и Великобритании. Это может быть Китай, но он ориентирован на модель национально-цивилизационного развития, предполагающую не союзы, а сотрудничество. Остается только Россия, которая не только территориально, но и исторически играла роль ядра Евразии.

Рассуждения о глобализации и универсализации не должны вводить в заблуждение: России никуда не деться в новых

[1] Путин В.В. Послание Президента Федеральному Собранию. 2012. 12 декабря / Сайт Президента России / Президент РФ/news.17118

[2] Маринов М. Российско-китайская ось евразийства / Эл. ресурс «Евразия», 2012. 27 июля / http://evrazia.org

геополитических условиях ни от политического, ни от идеологического лидерства. Так, как было всегда в ее истории. И что, кстати, не раз спасало мир и Европу от агрессии — степных захватчиков, крестоносцев, французской и немецкой экспансии.

Видимо, России предстоит вновь выполнять свою роль евразийского защитительного ядра. Об этом сегодня достаточно много говорят. И не только в России, что встречает, естественно, очень резкую реакцию — как положительную, так и отрицательную. Например, М. Маринов полагает, что «Процесс, связывающий социально-историческую среду с географической обстановкой, есть процесс двусторонний. Евразийское месторазвитие, на основе которого сформировалась евразийская цивилизация, включает Восточно-Европейскую, Западно-Сибирскую и Туркестанскую равнины вместе с возвышенностями, отделяющими друг от друга (Уральские горы и так называемый Арало-Иртышский водораздел) и окаймляющими их с востока, юго-востока и юга (горы русского Дальнего Востока, Восточной Сибири, Средней Азии, Персии, Кавказ, Малой Азии), и представляет собой особый мир, единый в себе и географически отличный как от стран, лежащих к западу, так и от стран, лежащих к юго-востоку и к югу от него.

Таким образом, внешние контуры Евразии в основном совпадают с границами „Великой степи“, протянувшейся от Паннонии до Маньчжурии, где Россия занимает основное пространство земель Евразии. На этом громадном пространстве, на особом евразийском материке формировалась особая русская культура, в которую органически вплетены элементы нескольких культурных традиций: византийской, оказавшей наибольшее воздействие на русскую культуру в X–XII веках; „степной“, оставившей глубокий след в истории России, особенно в XIII–XV веках; и наконец, европейской, пик влияния которой приходится на XVIII век и которое длится по настоящее время»[1].

[1] Маринов М. Российско-китайская ось евразийства / Эл. ресурс «Евразия». 2012. 27 июля / http://evrazia.org

Именно православно-славянская идентичность лежала в основе удивительных способностей нашей нации побеждать более сильного противника. И сегодня наша страна должна предложить Евразии не только энергоресурсы, производства и мощности отечественного ОПК, но и привлекательную евразийскую идею, и модель интеграции в области безопасности. Практической моделью такой ценностной, интеллектуальной и военной интеграции может стать создание объединенной системы ВКО Евразии. Так же, как в середине первого тысячелетия военные союзы славян, которые успешно противостояли натиску Византийской империи.

Понятно, что такое предложение во внутриполитическом плане встретит серьезное сопротивление самых разных элит и потребует проявления политической воли в выборе пути развития. Собственно в России, СНГ, да и других государствах, не входящих в систему ценностей НАТО и военно-политическую систему безопасности. Надо признать, что в России и СНГ существуют нередко противостоящие друг другу элиты, которые ориентированы на разные способы решения проблемы евразийской безопасности — либо ориентированные на вхождение и фактическую ассимиляцию в западную систему ценностей и безопасности, либо на укрепление и создание собственной, национальной. История в очередной раз повторяется.

Иногда этот выбор приобретает характер отношения к России и русским. Причем не только у неславянских народов, но, как ни странно, и у славян. Русофобство становится идеологическим обоснованием политического выбора. И наоборот. При этом очень быстро местные элиты стирают историческую

память у своих народов, что в конечном счете становится идеологической и политической основой «равноудаленности» и «разновекторности». Как точно заметил армянский экономист В. Авагян, «Не знаю, как украинец, но любой нормальный армянин с молоком матери получает простую мысль: сперва думай о России, а уже потом о себе. И это не какие-то тонкие материи, а простой расчет: не станет России — пыли не останется и от Армении, и от армянства. Слова «Россия» и «Жизнь» на протяжении многих веков нашей истории были для нас синонимами. Можно сказать — «живем», а можно сказать — «есть Великая Россия» безо всякого ущерба для смысла…

Верность России — не только священный долг евразийских народов, но и банальное условие их выживания[1].

Противоборство различных групп национальных элит, борьба между русофилами и русофобами в международной жизни проявляется в таком популярном в Евразии политическом явлении как «многовекторность». В ее основе лежит также и экономический прагматизм, стремление воспользоваться ресурсами других государств, что, в конечном счете приводит к недальновидной внешней политике, военно-политической неопределенности и неизбежно наносит ущерб суверенитету и национальной безопасности. Ярким примером экономического ущерба такой политики для постсоветских государств является Украина, чей ОПК, по оценке представителя Минобороны А. Артющенко, «загружен военными заказами всего на три–четыре процента»[2], что заставляет его работать исключительно на экспорт.

Борьба этих групп национальных элит сегодня в России, например, четко прослеживается во влиянии как на выбор политического курса, так и в отношении к ВКО и ЕвроПРО. Более того, практически по всем вопросам, где затрагивается суверенитет и национальная идентичность, — от отношения к РПЦ, истории страны до отношения к пресловутой группе

[1] Вазген А. Верность России — не только священный долг евразийских народов, но и банальное условие их выживания / Эл. ресурс «Военное обозрение», 2013. 7 февраля / http://topwar.ru

[2] Фланговый удар по российскому ОПК / Эл. ресурс «Военное обозрение», 2013. 5 марта / http://topwar.ru

«Пусси райот», или возможности экспортировать собственных детей за границу. Таким образом политический выбор вектора развития предопределяется идеологическим и ценностным выбором.

В сложившейся ситуации для местных элит нередко оказывается выгодной позиция, нацеленная на сохранение неопределенного внешнеполитического статус-кво любыми усилиями. Даже если такая неопределенность фиксируется в документах как достижение «национальной многовекторной» политики. Отказ от неопределенности требует изменений во внешнеполитическом курсе, что дается с трудом. Примечательно, что ни страны СНГ, ни ОДКБ не выразили внятной политической поддержки России, в ходе грузино-осетинского конфликта 2008 года, что невозможно даже представить в отношении стран-членов НАТО. Этот отказ — надо признать честно и, может быть, не очень дипломатично — чаще всего продиктован желанием элит сохранить сложившуюся систему сдержек и противовесов, придерживаясь максимально бесконфликтного курса с возможностью при случае переметнуться под крыло НАТО. Проблема, для них, однако, заключается в том, что вступление в блок не вызывает никакой заинтересованности у контрагентов.

Вместе с тем стремительно теряется время на создание системы ВКО, которое сжато до ближнесрочного периода в несколько лет. Адекватная схема военно-технического сотрудничества в области ВКО должна предусматривать большой комплекс мероприятий, а не просто закупку ВВТ: строительство сети базирования вооруженных сил, подготовку кадров и т.д., что является долгосрочным проектом. Это — общее правило, — тем более справедливо для систем ВКО, ввод которых в эксплуатацию может занимать десятилетия. Предельно важно поэтому донести до национальных лидеров критичность этой ситуации — «сейчас или никогда», — поскольку позднее

вступление какого-либо государства, региона в оборонительный союз приведет лишь к бессмысленному росту расходов без получения каких-либо ощутимых выгод как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе.

Рост политической конфликтности и противостояния систем ценностей в Евразии стремительно ускоряется ростом неопределенностей в развитии военных технологий и военного искусства (новых способов использования этих возможностей). Это в полной мере и прежде всего относится к области ВКО, где усиливается историческое соперничество между наступательными и оборонительными системами ВВТ. Уже сегодня ученые спорят и пытаются прогнозировать не только новые политические и экономические конфликты, но и их будущие формы, вытекающие из революционных изменений в гражданских и военных технологиях. Для евразийских государств, не объединенных в военно-политический союз, категорически невозможно будет в одиночку противостоять этим вызовам.

Пока уже ясно, что:

— происходит новый этап военно-технической революции, который закончится в 2020-е годы полной сменой ВВТ, ставшими устаревшими и неэффективными;
— радикально, революционно меняются все области военного искусства, делая устаревшими все прежние представления о ведении военных действий;
— выдержать в этой технологической гонке можно только опираясь на опережающее развитие национального человеческого капитала (НЧК), фундаментальной науки, НИОКР, образования, производственных информационных технологий;
— решающим качеством в таком соревновании окажется такое качество человеческого потенциала, как эффективность в области государственного, национального и обще-

ственного управления, создании и развитии институтов реализации НЧК;

— критически важным будет развитие творческих социальных групп людей, получивших название «креативного класса», которые сегодня создают основную долю ВВП.

Естественно, что в более частной, военной области эти закономерности будут проявляться по-разному. Так, сотрудник Центра военно-политических исследований МГИМО(У) В. Каберник, например, делает следующие выводы:

1. Широкое распространение технологий двойного назначения приводит к сглаживанию технологического отрыва в военной сфере развитых государств от государств «второго эшелона».
2. Высокотехнологичные системы и компоненты непрерывно дешевеют и уже в среднесрочной перспективе будут доступны заинтересованным акторам, как минимум, в варианте кустарных аналогов продвинутых боевых систем со сравнимыми характеристиками.
3. Стоимость комплексных НИОКР в военной сфере непрерывно растет, что является элементом стратегии удержания военно-технического превосходства. В то же время ряд таких проектов оказывается чрезвычайно дорогостоящим для внедрения даже в развитых государствах[1].
4. Целый спектр таких сверхдорогостоящих НИОКР является по своей сути «защитным», не столько нацеленным на внедрение, сколько предназначенным для создания непреодолимого научно-технологического отрыва.

Очевидно, что развитие этих технологических тенденций не может не внести своего дестабилизирующего элемента в конфронтацию систем ценностей и военно-политической безопасности в Евразии в сторону усиления их неопределенности. Так, сказанное выше означает, например, что создание эффективной ВКО евразийской территории возможно только

[1] Каберник В. Революция в военном деле: возможные контуры конфликтов будущего 2012. 3 октября / Эл. ресурс http://eurasian-oborona.ru

совместными усилиями нескольких или даже многих государств. Пока что единственные российские войска ВКО сформированы в 2009–2012 годах на базе Московского округа ПВО. В декабре 2011 года было создано Командование ВКО, а в декабре 2012 года — принято решение о создании Единой системы Командования ВКО, куда включаются системы ПВО Белоруссии и Казахстана, а, возможно, и Армении. Сегодня таким образом для этого уже существует организационная и политическая основа, на которой может развиваться ВКО Евразии.

В данный момент ВКО контролирует воздушное пространство над центральным промышленным районом России и отвечает за противовоздушную оборону Москвы. Войска прикрывают в общей сложности свыше 140 объектов государственного управления, промышленности и энергетики, транспортных коммуникаций, а также атомные электростанции. Это — та реальность, которая существует сегодня. Она отражает современные, но не будущие реалии[1].

В будущем можно ожидать, что развитие системы ВКО произойдет не только на территории России, но и стран-участниц ОДКБ, а, может быть, и других государств Евразии, которые либо самостоятельно ведут работы в области ПРО и ПВО (как Китай, Индия, Иран и другие страны), либо приобретают эти системы в рамках ВТС с США, Россией, Францией и Израилем. Надо понимать, что создание ВКО Евразии потребует производства значительного числа ВВТ, в частности, ЗРК С-400 и С-500, а также высокоскоростных ракет-перехватчиков и ЗРК малой и средней дальности.

Если будет политическое решение, то создание ЕвразВКО это всего лишь экономическая задача, которую способна решить наша промышленность в течение нескольких лет. Как, впрочем, и создание других оборонительных систем — космического, морского, наземного базирования. Ничего технически не решаемого в перспективе в этой задаче нет. Может быть толь-

[1] Путин подчеркнул важность сил Воздушно-космической обороны для России. 26 июля 2012 г. / URL: http://www.km.ru/v-rossii/2012/07/26/category/tegi/vladimir-putin/putin-podcherknul-vazhnost-sil-vozdushno-kosmichesk

ко создание системы ПРО–ПВО против КР и других систем ВТО для всей территории страны и союзников, которая, впрочем также не представляется неразрешимой. Многие технические задачи успешно решены уже на современном этапе, другие — решаются, а главной целью сегодня является налаживание производства и создание эффективных технологических цепочек, утраченных с распадом СССР, формирование системы сотрудничества с другими государствами Евопы и Азии.

Уже сегодня накоплен определенный опыт. Так, на учениях «Чистое небо–2012» и «Нерушимое братство–2012» отрабатывались вопросы взаимодействия государств-участников ОДКБ «по отражению массированных ракетно-авиационных ударов условного противника».

Самолет ДРЛО А-50 российских ВВС на учениях Чистое Небо-2012

Таким образом, ЕвразВКО может быть использована как защита против внешних — политических и военных — угроз, актуальность которых после событий в Югославии, Ираке, Ливии и других странах уже не ставится под сомнение, так и против попыток дестабилизировать ситуацию, как это происходило в 2012 году в Ливии и Сирии, которые опирались бы на внешнюю информационную и авиационную поддержку.

Не случайно в Ливии решение о бесполетной зоне (no-flight zone) фактически означало применение высокоточных вооружений и средств РЭБ по сути дела по беззащитным центрам политического и военного управления. Даже руководитель страны М. Каддафи был обнаружен и ликвидирован с их помощью. Пример для евразийских государств очень нагляден.

Пока что трудно прогнозировать, для какого района или государства Евразии угроза «сетецентрической войны» и воздушно-космического нападения станет актуальной, но общая тенденция развития ВВТ такова, что акцент в военном строительстве и военном искусстве все более переносится на информационные средства и средства ВТО воздушно-космического нападения, а сухопутные силы по сути превращаются в полицейские или оккупационные формирования. Это особенно актуально для тех государств Евразии, которые не имеют выхода к морю, а сухопутные операции трудноосуществимы в силу географических, климатических и иных условий. Таких. например, как Афганистан.

По существу сегодня мы наблюдаем устойчивую тенденцию переноса боевых действий в воздушно-космическое пространство, где интеграция наступательных, оборонительных и информационных систем позволяет по-новому подойти к проблеме использования военной силы в международных отношениях. Это — очень важный новый геополитический аспект.

На этом фоне важным становится развертывание группировок ПРО и ПВО на потенциальных ТВД. Нападающая сторона, используя ВТО, должна гарантировать свои ударные авианосные группировки и морские платформы от возможной ответной реакции. Не случайно общей тенденцией в политике США становится развертывание морских ПРО в отдельных регионах, либо создание таких возможностей совместно с союзниками. Это видно особенно отчетливо на фоне целенаправленной и очень активной деятельности США

Батарея ЗРК Patriot PAC-3, имеющих возможности выполнения функций ПРО

в области ПРО, которые выделили только на развитие систем ПРО на 2013 ф.г. 7750 млрд долл. Агентству по противоракетной обороне страны[1]. Всего же за 1985–2012 годы на эти цели уже истрачено 149,5 млрд долл.[2]. Это примерно вдвое больше ежегодных оборонных расходов России. А если допустить, что почти все эти средства шли на НИОКР, то в 20 раз больше. Возникает вопрос: почему вкладываются такие огромные средства? Кто угрожает США? Хорошо бы, чтобы российские противники военных расходов аргументированно ответили на эти вопросы.

В этой связи утверждения некоторых российских экспертов, которые рассматривают эти траты и угрозы в качестве «пропагандистских мифов», а тем более, как «некомпетентные», «алармистские» и т. д.,[3] очень напоминают их позицию в 80-х годах прошлого века, которая в конечном счете привела к развалу ОВД и СССР, деградации ОПК и фактической остановке перспективных НИОКР в области ВКО. Особенно, если учесть, что расходы на ВКО США и НАТО за эти годы выросли в 6 раз.

[1] US Department of Defense Missile Defense Agency (MDA). Fiscal Year 2013 Budget Outline / http://www.mda.mil/global/documents/pdf/

[2] US Department of Defense, Missile Defense Agency, Historical Funding for MDA FY 85-12, млрд долл. США. Fiscal Year 2013 Budget Outline / http://www.mda.mil/global/documents/pdf/histfunds.pdf

[3] Десять лет без Договора по ПРО. Проблема противоракетной обороны в российско-американских отношениях / РСМД. 2012. № 5. С. 62.

Из таблицы видно, что в некоторые финансовые годы происходило снижение и даже падение роста расходов, но в целом они практически всегда обеспечивали выполнение планов НИОКР, а усилия в этой области были вполне последовательными.

История финансирования Агентства по ПРО*

Fiscal Year (FY) $ in Billions

	FY 85	FY 86	FY 87	FY 88	FY 89	FY 90	FY 91	FY 92	FY 93	FY 94	FY 95	FY 96	FY 97	FY 98	FY 99	FY 00	FY 01	FY 02	FY 03	FY 04	FY 05	FY 06	FY 07	FY 08	FY 09	FY 10	FY 11	FY 12
President's Request	1.8	3.7	4.8	5.2	4.5	4.6	4.5	5.2	5.4	3.8	3.2	2.9	2.8	2.6	3.6	3.3	4.5	8.3	6.7	7.7	9.2	7.8	9.3	8.9	9.3	7.8	8.4	8.6
House Authorization	1.4	2.5	2.9	3.1	3.5	3.1	2.3	3.5	4.3	2.7	2.8	3.5	3.5	3.8	3.7	3.7	5.2	7.9	6.9	7.8	8.9	7.9	9.1	8.3	8.6	7.8	8.6	8.9
Senate Authorization	1.6	3.0	3.9	4.5	4.5	4.5	3.6	4.6	4.3	2.8	2.8	3.4	3.7	3.6	3.5	3.7	4.7	5.8	5.9	8.2	9.0	7.8	9.4	8.6	8.9	7.8	8.6	8.4
House Appropriations	1.1	2.5	3.1	3.1	3.2	3.1	2.3	3.5	4.3	2.8	2.8	3.5	3.5	3.7	3.4	3.6	4.6	7.9	7.4	7.5	8.7	7.6	8.9	8.6	8.4	7.8	8.6	8.6
Senate Appropriations	1.6	3.0	3.4	3.6	3.1	4.3	3.6	4.6	3.8	2.8	2.8	3.4	3.7	3.6	3.4	3.9	4.8	6.3	6.2	8.2	9.2	7.9	9.4	8.7	9.0	7.8	8.4	8.4
Authorization Passed	1.6	2.8	3.2	3.6	3.7	3.6	2.9	4.1	4.1	2.8	2.8	3.5	3.7	3.7	3.5	3.7	4.8	8.4	6.6	7.7	8.9	7.8	9.3	8.5	8.9	7.8		8.5
Appropriation Passed	1.4	2.8	3.2	3.6	3.7	4.0	2.9	4.1	3.8	2.8	2.8	3.4	3.7	3.8	3.5	3.6	4.8	7.8	7.4	7.7	9.0	7.8	9.4	8.7	9.0	7.9	8.5	8.4

*Historical Funding levels are for SDIO, BMDO, and MDA

Критикам оборонных НИОКР в области ВКО в России следовало бы ответить, что за те же годы такие программы в нашей стране были радикально сокращены, либо вообще свернуты. Исчезли целые научные школы, КБ, а предприятия приватизированы и перепрофилированы. Сегодня трудно сказать точно, как сказалось хроническое недофинансирование на возможностях ОПК, — оценки от «деградации» до «разрухи». Важно, однако, отметить, что часть потенциала удалось сохранить и,

как показывает опыт ОАО «Государственного Обуховского завода» ОАО «Концерна ПВО «Алмаз-Антей» — в короткие сроки даже вывести на прибыль.

Важно отметить, что создание мощной евразийской ВКО с военно-технической точки зрения возможно при выполнении всего лишь нескольких условий. Необходимо:

— вернуться к практике создания передовых отечественных технологий, которая делала внешние заимствования исключением;
— полное финансирование гособоронзаказа;
— вернуть активы ОПК;
— главное, воспитать новое поколение кадров, без которого невозможно реализовать никакие планы.

Понятно, что основой евразийской ВКО в ближайшие годы может быть только российская система, хотя уже сегодня некоторые европейские и азиатские страны — Польша, Франция и Германия, с одной стороны, Индия, Япония и Китай — с другой, обсуждают вопрос о создании собственной системы ВКО. В настоящее время эффективная система ВКО предполагает наличие десятков головных КБ и предприятий, которые кооперируются с сотнями других предприятий и КБ разного уровня. Важно только, чтобы процесс выздоровления ОПК России не затянулся, чтобы решения принимались своевременно и точно. А это уже проблема качества управления, которое во многом зависит от правительства и Минобороны.

Фактическое интегрирование стратегических наступательных и оборонительных вооружений в единый комплекс, с одной стороны, и превращение неядерных вооружений в стратегические, объединение в этот комплекс космических и информационных систем возможно только на базе ОПК двух стран — США и России, — да и то (как в случае с Японией и странами Евросоюза) при кооперации с другими странами.

Ни одна страна не может сделать этого в одиночку. Так, например, внешнеполитическое ведомство США выступало за принятие японским правительством «стратегического решения» в отношении поставок совместно разработанного с США блока «2-Эй» (2А) корабельной противоракеты «Standard SM3», что «позволило бы связать отдельные региональные части ПРО в глобальную систему». Кроме того, власти США и Японии договорились о размещении еще одного американского радара раннего оповещения о пусках ракет, действующего в сантиметровом диапазоне в дополнение к уже действующей РЛС в префектуре Аомори[1].

Нужна широкая международная кооперация. В данном случае евразийская. Не избежать обсуждения этой проблемы и евразийским государствам, в частности, Вьетнаму, Мьянме, Сингапуру, Малайзии, Индонезии, обеим Кореям[2]. В любом случае эта проблема становится актуальнее с каждым годом в силу логики развития наступательных и оборонительных воздушно-космических ВВТ и способов их использования.

Можно даже сказать, что будущее того или иного государства в Евразии будет преимущественно обеспечиваться эффективностью национальных воздушно-космических средств нападения и обороны. Наземные, морские и даже традиционные воздушные средства ведения войны будут в возрастающей степени зависеть от воздушно-космического потенциала и систем боевого управления, связи, разведки.

Более того, судя по существующим тенденциям, классические пространства для военных действий — суша, вода, воздух безусловно уступают место интегрированному на основе новейших информационных технологий и концепций ведения войны воздушно-космическому пространству, победа (или поражение), в котором предопределяет политические результаты военных действий. Такая новая роль стратегических вооружений предопределяет и роль ВКО.

[1] Пановкин Д. Японский «ядерный зонтик» для США // ИА «Росбалт», 18 сентября 2012 г. / http://rus.ruvr.ru

[2] Дисунковский В.Т. Республика Мьянма (бывшая Бирма) — на распутье выбора военно-политического и социально-экономического развития / Эл. ресурс «Евразийская оборона». 2012. 13 ноября / http://eurasian-defence.ru

Мобильная морская РЛС X-Band, используемая в решении задач оповещения о запусках в интересах ПРО США

Геополитически Евразия, таким образом, становится не только единой территорией суши, но и воздушно-космического пространства, где полностью исчезают границы, а суверенитет государства во все большей степени зависит от отношений с соседями по воздушно-космическому пространству. Создается новая геополитическая реальность. Уже не на суше, а в воздухе и космосе.

Соответственно способность эффективной защиты в этом пространстве означает уже не только возможность избежать поражения, но и способность противостоять политическому шантажу и способность сохранить суверенитет и национальную идентичность. В борьбе этносов на пространстве Евразии это имеет решающее значение. Поэтому, говоря о системе безопасности Евразии будущего, геополитических реалиях наций и этносов, можно сказать, что их судьба будет предопределена возможностью их национальных, региональных и евразийских систем ВКО.

3.
ВКО как инструмент евразийской безопасности и интеграции

… сохранение культурного ядра русской, российской цивилизации должно быть решающим аргументом при выборе тех или иных инструментов и ценностей современной модернизации России[1]

А. Торкунов, ректор МГИМО(У)

… известны планы провоцирования развала России посредством дальней дестабилизации обстановки в регионах Средней Азии, Кавказа и Поволжья, отделения от РФ Сибири и Дальнего Востока[2]

С. Небренчин, профессор

Эффективное обеспечение национальной безопасности зависит от многих факторов, но, главное — от реальных возможностей (ресурсов) государства или коалиции государств, влияющих на соотношение сил в мире или регионе. Это общее правило не является исключением для Евразии, как, впрочем, и то, что источниками такой силы выступает целый ряд факторов. Среди основных из них один из мировых лидеров в политологии Дж. С. Най выделяет военную мощь, экономическую успешность и «мягкую силу»[3].

[1] Торкунов А. В. Современная история России в международном контексте // Вестник МГИМО(У). 2012. № 6 (27). С. 8.

[2] НАТО: мифы и реальность. Уроки для России и мира. М.: ИНВИССИН, 2012. С. 115.

[3] Discourse of Power / Post — war Watch. 2012. June 23 / www.postwarwatch.com/2012/06/23

Есть все основания согласиться с таким утверждением, что позволяет выделить особую роль, принадлежащую ВКО как в первом «источнике силы», так и в двух других. Более того, добавить, что евразийская интеграция, опирающаяся только на идеи Таможенного союза или ЕвраАзЭС, представляется по большому счету малоперспективным проектом для Евразии. По четырем основным (хотя есть и много других) причинам.

Во-первых, потому, что идеи «многовекторной» политики и дипломатии бывших советских республик остаются их национальной стратегией. Правящие элиты будут и впредь пытаться играть на противоречиях великих держав, прежде всего России, США, Китая и стран Евросоюза, стараясь получить выгоду, ничем не пожертвовав взамен. Собственно пример Узбекистана, вышедшего в разгар обсуждения идеи евразийской интеграции из ОДКБ, — показателен, хотя в том или ином виде эта политика характерна даже для Казахстана и Белоруссии. Тем более, что она находится среди приоритетов США и стран Евросоюза.

Во-вторых, сами национальные элиты заняты не только удержанием политической и экономической власти (о чем говорят все), но и формированием национальной идентичности (о чем говорят мало), изначально враждебной России и общему имперско-советскому наследию. За исключением Белоруссии и, отчасти Армении, во всех государствах — от Украины до Киргизии — сознательно, целеустремленно и планомерно проводится антироссийская политика в области образования и культуры. Тем самым закладывается не просто антироссийский фундамент, но и мина под евразийский интеграционный процесс, который сводится к простой торгово-экономической выгоде.

В-третьих, глобальная политика США и стран Евросоюза по большому счету направлена на дестабилизацию, прежде всего военно-политическую, в Евразии и других странах.

Поэтому не только экономическая интеграция, но и военно-политическое сотрудничество в Евразии будут первоочередными и наиболее приоритетными мишенями такой политики. Что, собственно, демонстрирует опыт этой политики в странах Северной Африки, Ближнего и Среднего Востока последних лет. Как справедливо признает В. Воробьев, «…Евросоюз вместе с США не собирается учиться на собственных ошибках. Наоборот, эти „ошибки“ они вписывают в рассчитанные на десятилетия стратегии укрепления своего глобального влияния. Иными словами, Северная Африка явно не станет последнем полем битвы западной цивилизации с все более дерзкими ячейками „Аль-Каиды“ и других террористических организаций. С террористами ведь можно бороться до бесконечности, если сначала называть их „революционерами“ и раздавать тоннами оружие. Возможно, как раз на это и рассчитывают вашингтонские стратеги»[1].

Иными словами, на интеграционные процессы в Евразии США и страны Евросоюза будут реагировать негативно в политическом и экономическом аспектах своей глобальной стратегии, что, собственно говоря, и не особенно скрывается. Более того, совершенно не исключается, что эти страны перенесут акценты своей политики дестабилизации с «Большого Ближнего Востока» на Центральную и Юго-Восточную Азию, где к такой политике могут присоединиться и другие страны. И не только Япония и Австралия, но и те союзники США, которых попытаются «активизировать».

Этой усиливающейся тенденции может противостоять только другая — военно-политическое сотрудничество и интеграция. Прежде всего в наиболее приоритетной области, воздушно-космическая оборона. Вот почему проблема интеграции в Евразии должна рассматриваться не только существенно шире, чем сегодня, но и подкрепляться совершенно конкретными программами, наполненными военно-политическим

[1] Воробьев В. Вооружай и властвуй // Российская газета. 2013. 18 января. С. 8.

и военно-техническим содержанием. Наиболее перспективной из них представляется создание зоны евразийской безопасности, обеспеченной объединенной евразийской ВКО.

Наконец, в-четвертых, у России, Китая, Индии и государств на постсоветском пространстве есть общая и основная экономическая проблема создания передовых и конкурентоспособных отраслей обрабатывающей промышленности, изменение качества роста их ВВП. Во многом эта проблема решается, если у евразийских стран появится некая общая программа изменения структуры их экономик, в основе которой могла бы быть программа развития национальных ОПК и кооперации в этой области. Эта четкая программа развития наукоемких отраслей могла бы дать мощный импульс развитию, изменению структуры экономики, в котором нуждается не только Россия (о чем не раз говорилось в последнее время[1]), но и другие страны Евразии.

[1] Куликов С. Власти ищут тормоз экономики // Независимая газета. 2013. 17 января. С. 1, 4.

Евразийская безопасность и ВКО

… События последних двух десятилетий и задачи созидания новой России поставили наше общество перед необходимостью определения новой российской идентичности[1]

А. Торкунов,
ректор МГИМО(У)

Без политической и военной интеграции евразийских государств, обеспеченной сознательной информационной и культурно-образовательной (идеологической) политикой, проект евразийской интеграции превратится со временем в простое соглашение о торговле.

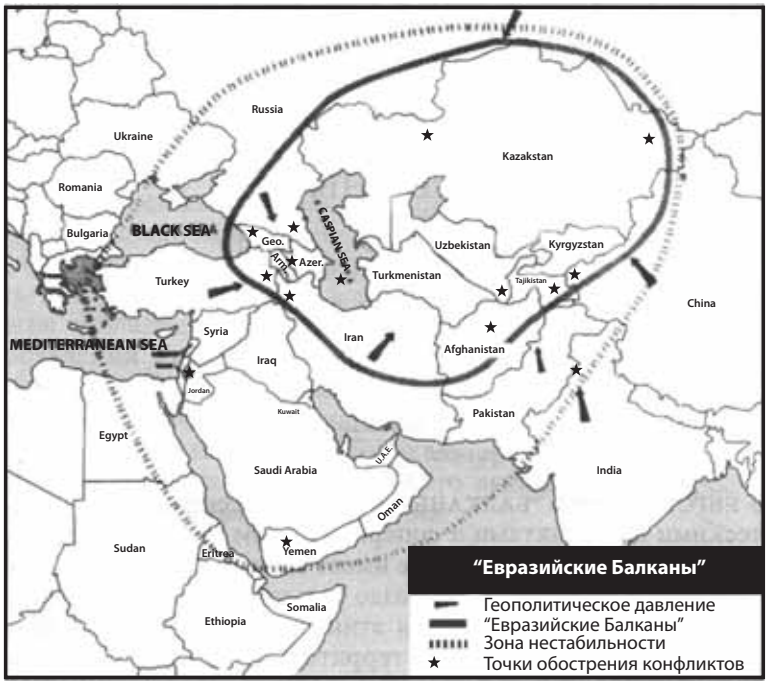
Между тем, в силу разного рода объективных и субъективных причин вопросы безопасности в Евразии станут в ближайшие годы наиболее приоритетной проблемой, которую возможно решить исключительно с помощью евразийской интеграции. И не только экономической и торговой — о чем много говорится, — но и военно-политической. Прежде всего, в области ПВО, а в перспективе — ВКО. Альтернативы этому процессу с точки зрения обеспечения безопасности государств Евразии нет.

Таких важнейших причин несколько. И связаны они с изменением в соотношении мировых сил, новой ролью Евразии, развитием ВВТ и новейших технологий, радикальными изменениями основных грузопотоков и мировой торговли. Но главной причиной остается геополитическая ситуация в мире, где роль Евразии вообще и региона, который З. Бжезинский назвал «Европейскими Балканами», стремительно возрастает. Можно по-разному относиться к З. Бжезинскому, в том числе

[1] Торкунов А. В. Современная история России в международном контексте // Вестник МГИМО(У). 2012. № 6 (27). С. 8.

полагая, что его взгляды устарели и не отражают современного понимания американской элитой международных реалий, но представляется, что именно он лучше других показал роль этого региона в современном мире, откровенно и ясно изложив существующую, а не декларативную американскую стратегию в Евразии.

В частности, в своей известной книге, название которой политологи часто приводят не полностью, — «Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы» — он откровенно писал: … «Евразийские Балканы» гораздо больше по своим размерам, еще более густо населены и этнически неоднородны. Они расположены на огромной территории, которая разграничивает центральную зону глобальной нестабильности,… и включает районы Юго-Восточной Европы, Средней Азии и части Южной Азии, района Персидского залива и Ближнего Востока.

«Евразийские Балканы» составляют внутреннее ядро огромной территории, имеющей удлиненную форму (см. карту), и имеют весьма серьезное отличие от внешней окружающей зоны: они представляют собой силовой вакуум. Хотя в большинстве государств, расположенных в районе Персидского залива и Ближнего Востока, отсутствует стабильность, последним арбитром в этом регионе является американская сила. Нестабильный регион внешней зоны является, таким образом, районом гегемонии единственной силы и сдерживается этой гегемонией…

…«Евразийские Балканы», расположенные по обе стороны неизбежно возникающей транспортной сети, которая должна соединить по более правильной прямой самые богатые районы Евразии и самые промышленно развитые районы Запада с крайними точками на Востоке, также имеют важное значение с геополитической точки зрения. Более того, «Евразийские Балканы» имеют важное значение с точки зрения исторических амбиций и амбиций безопасности, по крайней мере, трех самых непосредственных и наиболее мощных соседей, а именно России, Турции и Ирана, причем Китай также дает знать о своем возрастающем политическом интересе к региону. Однако «Евразийские Балканы» гораздо более важны как потенциальный экономический выигрыш: в регионе помимо важных полезных ископаемых, включая золото, сосредоточены огромные запасы природного газа и нефти»[1].

Примечательно, что к «зоне нестабильности» З. Бжезинский относит не только страны Северной Африки и Ближнего и Среднего Востока, но и часть европейских районов России (Поволжье) и восточные области Украины. Эпицентром же этого турбулентного региона он справедливо выделяет Казахстан, Киргизию, Таджикистан и Узбекистан.

Другая причина, объективно способствующая заинтересованности евразийских государств в создании ВКО, —

[1] Бжезинский З. Великая шахматная доска (Господство Америки и его геостратегические императивы). М.: Международные отношения, 2010. С. 149–150.

изменение удельного веса в экономике, торговле и политики стран Евразии и АТР. В том числе и для России. В. Никонов считает, например, что «…в ближайшие пять–десять лет доля рынков стран АТР в России будет как минимум сопоставима с европейской, на которую сейчас приходится половина нашей внешней торговли»[1]. Подобные радикальные сдвиги не могут не отразиться на всем комплексе военно-политических отношений в Евразии, отдельные регионы которой уже объявлены приоритетными для национальной безопасности России, США и других государств. Не случайно именно в этом контексте можно рассматривать идею ЕвроПРО. Как пишет академик А. Арбатов, «…очевидно, что ЕвроПРО НАТО, запланированная без участия России и вопреки ее возражениям, не является базой для сотрудничества… А российская ВКО … будет плохо совмещаться с общей (или сопряженной) системой ЕвроПРО России — НАТО»[2].

Эти процессы происходят на фоне активизации военной политики практически всех евразийских государств и, в более широком контексте, стран АТР, где военные расходы за последнее десятилетие выросли на 100%. Стремительно меняются ВВТ и концепции их использования, растут риски и стратегические неопределенности, усиливается конфликтность практически на всем континенте — от Центральной до Юго-Восточной Азии.

Объективно процесс евразийской интеграции противостоит двум влиятельным существующим в мире военно-политическим реалиям. Во-первых, очевидному военно-технологическому превосходству США в XXI веке, которое правящие круги этой страны рассматривают как условие существования этого государства в мире. «Сегодня у Соединенных Штатов нет равных в военной мощи…», — заявил в «Стратегии национальной безопасности США»[3] в 2002 году Дж. Буш. Надо сказать, что сохранение технологического и военного превос-

[1] Никонов В. А. Стена больше не нужна // Российская газета. 2012. 14 ноября. С. 9.

[2] Арбатов А. Г. Противоракетные дебаты: в поисках согласия // Воздушно-космическая оборона. 2012. № 4(65). С. 22

[3] National Security Council. The National Security Strategy of the United State of America. Wash, DC.: USGPO, 2002, September, P. 1.

ходства США в мире никем не ставится под сомнение в правящей элите страны. Ни демократами, ни республиканцами. Споры идут о том, каким образом развить это превосходство, на каких направлениях, и с какой эффективностью. И в этом суть научно-технической политики страны, где приоритеты НИОКР и технологий уже многие десятилетия остаются главными приоритетами.

Во-вторых, США осуществили формирование военно-политической коалиции в Евразии с участием широкого круга государств, обеспечили стремительный рост поставок ВВТ в эти страны, создание объединенной системы ПРО от Австралии до Аляски. США стремятся вовлечь в свою политику (естественно, на своих условиях) многие государства — от Японии и Филиппин до Вьетнама и Монголии, создавая благоприятные условия для проекции своей военной силы на континенте. В частности, как отмечает профессор С. Небренчин, «…переход к постиндустриальной экономике знаний знаменует начало азиатского цикла накопления капитала, а это означает новый виток геополитического противоборства вокруг Евразии, где уже сейчас протекает около 80% войн и вооруженных конфликтов. При этом в эпицентре столкновения глобальных интересов оказывается все постсоветское пространство»[1].

Этот процесс развивается стремительно, а его последствия (в т.ч. военно-политические) проявляются достаточно быстро. Динамика изменений измеряется годами, а не десятилетиями. Так, по оценке китайских экспертов, например, «в 2012 году политико-экономическая ситуация в АТР претерпела глубокие изменения, что существенно сказалось на глобальной политической, экономической, дипломатической обстановке и в сфере безопасности. Судя по ситуации в этом регионе, мир, процветание и сотрудничество остаются главной тенденцией развития, но во внутренней и внешней политике ряда стран внутри и вне региона произошли некоторые изменения,

[1] Небренчин С. Иран в евразийском контексте внешней политики России / НАТО: мифы и реальность. Уроки для России и мира. М.: ИНВИССИН, 2012. С. 111.

в результате чего обстановка в регионе стала усложняться, а неопределенности — увеличиваться»[1].

Похоже, что стремительное развитие событий в Евразии и АТР намного опережает прежние оценки, подход к которым формировался в предыдущие десятилетия. Возможно, что правящие элиты евразийских государств просто не успевают осознавать то, что происходит в мире, оставаясь в плену инерции мышления. К сожалению, это относится не только к экономическому аспекту отношений, но и к военно-политическому. Известный китайский эксперт Ли Шэньминь по этому поводу написал в конце 2012 года: «США в слепой самоуверенности направили острие атаки против двух держав — России и Китая. Однако в ближайшие годы Америка как государство-империя будет слабеть, и для замедления этого процесса ей придется все больше опираться на Европу, Японию и другие страны. Пока сложно предсказать, каким окажется через 20–30 лет результат сотрудничества, конкуренции, игр и борьбы между крупнейшими государствами и группировками мира, однако уже сейчас ясно одно: с момента начала мирового финансового кризиса и до 20–30-х годов нынешнего века, а возможно и до его середины, мировая архитектура будет находиться в состоянии сильной турбулентности и даже потрясений»[2].

Средства воздушно-космического нападения в новых геополитических условиях становятся главным инструментом военной политики, а концепции их использования — новыми направлениями в развитии военного искусства. Это — характерная черта, ставшая реальностью еще при ведении военных действий в Югославии и Ираке, но она особенно отчетливо проявилась в войне против Ливии, где основными средствами поражения стали авианалеты и крылатые ракеты морского базирования.

В силу этого средства ПРО и ПВО стали основой потенциалов обороняющихся держав, от качества которых зависело,

[1] Взгляд из Китая: глубокие изменении в политико-экономической обстановке АТР в 2012 году // «Жэньшинь Жибао. 2012. 28 декабря / Эл. ресурс «Евразийская оборона» / http://eurasian-defence.ru

[2] Китайский аналитик Ли Шэньмин: о глобальной роли США в обозримой перспективе 2012. 20 сентября / Эл. ресурс «Евразийская оборона» / http://eurasian-defence.ru

сможет ли тот или иной режим защитить себя и суверенитет страны. Наличие или отсутствие таких средств изначально рассматривается в качестве главного условия обеспечения безопасности государства. Сильная ПВО Сирии, в отличие от слабой ПВО Ливии, позволила ей сопротивляться внешнему давлению не несколько недель, а более двух лет. Сильная ПРО Израиля позволила ему нейтрализовать потенциал ХАМАСа в течение нескольких дней, фактически сведя на нет политические расчеты на террористические пуски.

Эта же тенденция превращает средства ВКО в политический инструмент и предмет переговоров. Причем в политический инструмент евразийской интеграции. Так же, как в свое время в Европе ядерное оружие и базы США стали главным политическим инструментом при создании НАТО. Учитывая, что удельный вес воздушно-космических средств нападения и обороны в общих военных потенциалах замещает в ряде случаев традиционные средства, можно сделать вывод: они неизбежно станут предметом обсуждения не только на экспертном, но и на самом высоком политическом и военном уровнях. Речь, конечно, идет не только о проблематике ЕвроПРО, но и в целом о ВКО как в евразийском, так и двусторонних аспектах.

Причем не только в традиционном понимании — ограничение ВВТ, — но и в широком контексте, а именно: создание системы региональной безопасности, военно-политического и военно-технического сотрудничества, возможного формирования новых коалиций и союзов, например, в области создания объединенных или даже единых систем ПВО и ПРО. Наравне с набирающими силу в Евразии интеграционными процессами, военно-политическая интеграция в области ВКО может стать главным интеграционным стимулом, оттеснив на второй план даже соображения экономической выгоды.

Возможные переговоры по проблематике ВКО можно условно разделить на функциональные, — посвященные отдельным

видам наступательных и оборонительных вооружений, например, стратегическим неядерным крылатым ракетам (СКР) или гиперзвуковым летательным аппаратам, а также роли ядерного оружия вообще, в частности, нестратегического, — и на двусторонние — посвященные развитию или ограничению ВТС с отдельными государствами Евразии. Классический пример — отказ России от поставок в Иран ЗРК С-300, закупка систем ПВО Сирией, Вьетнамом и другими странами. Это уже признается на Западе. Как отмечает Федерация американских ученых в своем докладе, посвященном обзору позиции «НАТО в области сдерживания и обороны (DDPR)», нестратегические ядерные силы не являются ни причиной, ни решением вопроса европейской безопасности, однако недостаток политического руководства ведет к тому, что эти системы обладают легитимностью, которой они не должны обладать»[1].

«Недостаток политического руководства» выражается в том, что отсутствует сам предмет переговоров — ограничение неядерных стратегических вооружений, — что, в свою очередь, неизбежно ведет к тому, что другие страны начинают (или усиливают) собственное производство таких систем. Так, в течение ряда лет в России фактически не велись работы по ГЗЛА и ударным БЛА, однако, учитывая действия США, руководство страны было вынуждено, например, принять решение о создании холдинга, который будет заниматься разработками гиперзвуковых технологий, в том числе и в сотрудничестве с Индией[2].

Эти тенденции практически иллюстрируются тем, что сегодня в США реализуется, например, проект создания высокоточных неядерных систем вооружений, при помощи которых можно поражать любую точку земного шара в течение одного часа (Prompt Global Strike) после получения приказа. Понятно, что создать ВКО всей территории страны (стран) или континента для защиты от десятков тысяч высокоточных КР и ЛА

[1] Non-Strategic Nuclear Weapons. FAS Special Report. № 3 / Эл. Ресурс Федерации американских ученых / http://www.fas.org/pubs/

[2] Развитие отечественного гиперзвука — реальность / Эл. ресурс «Военное обозрение 2012. 7 ноября / http://topwar.ru

будет малореально, и Россия будет вынуждена отвечать своими СНВ, что, собственно, и было отражено в новой редакции Военной доктрины страны 2012 года.

Важно подчеркнуть, что растущая активность США в военной области вообще, и в области ВКО в Евразии, в частности, являются частью их общей евразийской стратегии дестабилизации и дезинтеграции стран Евразии, которая прикрывается рассуждениями о внедрении в этих странах американской системы ценностей. Так, в докладе помощника Госсекретаря США по вопросам Южной и Центральной Азии Р.О. Блейка-младшего говорится: «Расширение нашего взаимодействия с правительствами стран Центральной Азии направлено не только на безопасность и экономические вопросы, но неизменно включает в себя откровенные и открытые дискуссии о необходимости политической либерализации, предоставления большей свободы гражданскому обществу, а также о необходимости уважать общепризнанные права человека»[1].

Процесс евразийской интеграции в узком понимании — как торгово-экономическая интеграция трех стран (плюс, возможно, Киргизии и Таджикистана) — пока что обходит вниманием проблему создания единой системы воздушно-космической обороны (ВКО) на всей Евразии (ограничиваясь на данном этапе созданием объединенной системы ПВО СНГ), либо, хотя бы, на первом этапе, — на территории постсоветских государств. Между тем, реалии таковы.

С экономической точки зрения адекватные военные усилия каждого из евразийских государств по отдельности невозможны, так как их потенциалы несопоставимы с возможностями США и их союзников. Это хорошо иллюстрирует сравнение военных расходов США и других стран в 2011 году, из которого, например, видно, что в абсолютных величинах военно-экономические возможности России сопоставимы с возможностями Франции, Великобритании или Японии (71,9 млрд

[1] Помощник Госсекретаря США Роберт Блейк — о концепции присутствия США в Центральной Азии. 27 июля 2012 г. Эл. ресурс «Фергана» / http://www.fergananews.com

долл. — Россия; 62,5 млрд — Франция; 62,7 млрд долл. — Великобритания и 59,3 млрд долл. — Япония), при том, что относительно ВВП расходы этих государств ниже, чем российские.

SIPRI Yearbook 2011 - World's top 15 military spenders

Rank	Country	Spending ($ Bn.)[1]	% of GDP	World Share (%)	Spending ($ Bn. PPP)[2]
—	World Total	1,630	2.6	100	1562.3
1	United States	711.0	4.7	41	711
2	China[y]	143.0	2.0	8.2	228
3	Russia[y]	71.9	3.9	4.1	93.7
4	United Kingdom	62.7	2.6	3.6	57.5
5	France	62.5	2.3	3.6	50.1
6	Japan	59.3	1.0	3.4	44.7
7	Saudi Arabia[z]	48.2	8.7	2.8	58.8
8	India	46.8	2.5	2.7	112
9	Germany[y]	46.7	1.3	2.7	40.4
10	Brazil	35.4	1.5	2.0	33.8
11	Italy[y]	34.5	1.6	2.0	28.5
12	South Korea	30.8	2.7	1.8	42.1
13	Australia	26.7	1.8	1.5	16.6
14	Canada[y]	24.7	1.4	1.4	19.9
15	Turkey[y]	17.9	2.3	1.0	25.2

Безусловными мировыми лидерами по военным расходам являются США (711 млрд долл.) и Китай (143,0 млрд долл.), чьи доли в мире составляют 41% и 8,2% соответственно. Если же учесть военные расходы других союзников США — Германии, Саудовской Аравии, Италии, Южной Кореи, Канады и Турции, — то становится ясно, что военные возможности России (даже с учетом расходов КНР) никогда не будут в ближайшие годы даже сопоставимы с расходами ведущих развитых государств[1].

Пытаться соревноваться, имея соотношение в экономических и военных силах 10:1, в принципе бессмысленно. Безопасность будет необходимо обеспечивать асимметричными мерами по наиболее приоритетным направлениям. Таковым направлением, безусловно, является создание ВКО, способное нейтрализовать как ядерный, так и неядерный стратегический наступательный потенциал. Доля расходов на ВКО в общих расходах на оборону может составлять 15–20%.

[1] U.S. Military Expenditures US. Other Countries // http://images.yandex.ru

С геополитической точки зрения, очевиден растущий потенциал военного присутствия США и НАТО в Центральной Азии, Юго-Восточной и Северо-Восточной Азии. Учитывая удаленность от США, а также создание новых систем воздушно-космического нападения, этот потенциал все больше приобретает черты наступательно-оборонительного стратегического потенциала, используемого в воздушном и космическом пространстве. Этот потенциал — главный ресурс в силовом геополитическом противостоянии в Евразии. Традиционные сухопутные и морские силы в такой стратегии малоэффективны, а геополитические амбиции США столь сильны, что их реализация без угрозы использования военной силы маловероятна. Причем эти амбиции сформулированы не только в концептуальных наработках ученых и экспертов типа З. Бжезинского, но и в официальных документах. Как отмечают эксперты, «… идея „Шёлкового пути“ не только существовала, но и была оформлена в проект закона ещё в 1997 г. — задолго до начала войны США в Афганистане. В 1999 г. палата представителей США приняла „Закон о стратегии Шёлкового пути“, и сенат включил его в бюджетный „Закон по зарубежным операциям, экспортному финансированию и связанными с этим программами“ на 2000 финансовый год. (FY 2000 Foreign Operations, Export Financing, and Related Programs Appropriations Act)»[1].

В целом на всех потенциальных ТВД для России сложилось крайне неблагоприятное соотношение сил, когда военные возможности отмечаются не в разы, а на порядки. Это означает, что должна быть избрана такая военная доктрина и военная стратегия, которые соответствовали бы этим реалиям. Соответственно, из такой военной доктрины должны исходить и планы военного строительства, которых, по признанию авторитетных экспертов, сегодня нет[2]. В частности, необходимо выделить два наиболее приоритетных направления военного

[1] Крашенинникова В., Росс А. В Стамбуле: «Новый шёлковый шампур» для Ирана, России и Китая / В кн.: НАТО: мифы и реальность. Уроки для России и мира. М.: ИНВИССИН, 2012. С. 133–134.

[2] Рукшин А. Некоторые итоги реформы Вооруженных Сил // Эл. ресурс «Евразийская оборона» / http://eurasian-defence.ru

строительства — создание эффективной системы ВКО территории страны (и союзников) и развития СЯС. Эти направления должны быть основой обеспечения безопасности России, ОДКБ, СНГ и, возможно, других стран. И в их пользу необходимо перераспределить национальные ресурсы, понимая, что Сухопутные силы, ВМФ, ВВС, ВДВ и другие виды войск становятся вспомогательными видами объединенной ВКО и СЯС.

В этой связи обращает на себя внимание политическая логика руководства США в отношении Евразии, которая наглядно просматривается, например, в подходе главного информационно-консультативного органа правительства страны — Центрального разведывательного управления (ЦРУ). На официальном сайте этого ведомства Россия вместе с постсоветскими государствами Средней Азии представлена как эпицентр Евразии, «за скобками» которого остается европейская часть континента и восточные регионы (Восточная Сибирь и Дальний Восток).

Такое представление о России и Евразии не случайно. Если исходить из приоритетного внимания США к среднеазиатским постсоветским республикам, то подразумевается, что их дестабилизация (особенно Казахстана) приведет к распаду России на европейскую и азиатскую часть (у З. Бжезинского — Поволжья). При этом наиболее развитые районы Южного Урала и Западной Сибири и коммуникации, которые проходят с запада на восток и с севера на юг по Челябинской, Омской, Новосибирской и другим областям, окажутся под непосредственной угрозой. «Транспортные коридоры» — как идея транзита из Европы в страны АТР — также окажутся под фактическим контролем, впрочем, как и основные российские запасы природных ресурсов[1].

Собственно экономическое значение ЦА невелико. В том числе и для России. И не стоит его переоценивать с точки зрения евразийской интеграции. Как отмечают исследователи МГИМО(У), «Пять Центрально-Азиатских государств создают всего около 11,1% от общего ВВП СНГ, в каждом из них насчитывается не менее трети убыточных предприятий, и каждое обременено международными долговыми обязательствами. В целом, фактически только российское сотрудничество с Казахстаном обеспечено по-настоящему рентабельными проектами, а в других случаях рентабельность взаимодействия носит условный характер»[2].

И, опять же, возвращаясь к карте З. Бжезинского, удивляешься ее совпадению с представлениями ЦРУ о роли транспортных коридоров и транзита — сырьевого и промышленного — из Европы в страны АТР.

Это подтверждается и другими изображениями политических карт Европы и Азии, на которых Евразия четко делится на две политические части — европейскую и азиатскую[3], в центре которой находятся государства ЦА.

Так, в представлении западных геополитиков Европа и ее безопасность ограничиваются безопасностью государств Запад-

[1] Информационный ресурс: «Официальный сайт ЦРУ «The World Factbook» / http://www.cia.gov/library/

[2] Боришполец К. П. Перспективы экономического развития государств Центральной Азии. Аналитические записки ИМИ МГИМО(У). 2012. Ноябрь. С. 8.

[3] Информационный ресурс: «Официальный сайт ЦРУ «The World Factbook» // http://www.cia.gov/library/

ной, Центральной и частью Восточной Европы (включая страны Прибалтики, Белоруссию и Украину), а также Турцией. «За скобками» этой архитектуры безопасности находится российская часть Восточной Европы, Поволжья, страны ЦА и Сибирь.

Возвращаясь к ВКО, точнее, к ее политическим аспектам, во главе угла которых находится формирование коалиции в Евразии, обнаруживаешь, что в настоящее время сотрудничают с США или ведут переговоры о создании и размещении компонентов ПРО следующие страны:

— **Великобритания** — производит системы радиоразведки и РЭБ, поставляет компоненты для ПРО США (а также не исключает возможное размещение ПРО США на ее территории);
— **Ирландия** — поставляет компоненты для ПРО США (поддерживает развёртывание ПРО США в Европе и Японии);
— **Германия и Франция** — поставляют сложное коммуникационное оборудование для ПРО США (также не исключают возможное размещение ПРО США на своей территории);
— **Польша —** ПРО США уже строится;
— **Эстония, Литва, Чехия** — ведутся переговоры по размещению ПРО США;
— **Дания** — поставляет компоненты для ПРО США (Дания также не исключает, что на ее территории появится ПРО США);
— **Финляндия и Швеция** — поставляют компоненты для ПРО США (также ведутся переговоры о размещении РЛС);
— **Южная Корея** — поставляет сложные и наукоемкие микросхемы для ПРО США (также Корея не исключает, что ПРО США появится и на Корейском полуострове);
— **Сингапур и Малайзия** — ведутся переговоры о размещении ПРО США;
— **Канада** — ведёт переговоры с США по размещению ПРО США и интегрирование ПРО Канады в систему ПРО США;
— **Япония** — поставляет самые сложные компоненты для ПРО США, размещает РЛС, производит ракеты, а также скоро будут размещены ПРО США с ядерными установками в Японии (Хоккайдо);
— **Мексика** — ведутся переговоры о вступлении Мексики в систему ПРО США;
— **Монголия** — ведутся переговоры о размещении ПРО США;
— **Азербайджан** — ведутся переговоры о размещении ПРО США;

— **Румыния** — поставляет компоненты для ПРО США (также ведутся переговоры о размещении ПРО США в Румынии);
— **Грузия** — ведутся переговоры о размещении ПРО США в Грузии;
— **Австралия** — строится РЛС США с интегрированной системой «ПРО США — Новая Зеландия — Сингапур — Япония»;
— **Словакия** — ведутся переговоры о строительстве ПРО США;
— **Италия** — поставляет ОС для ПРО США (также не исключает возможность строительства ПРО США в Италии);
— **Норвегия** — поставляет детали и ОС для ПРО США[1].
— **Вьетнам** — планируются переговоры по размещению ПРО США.

Это свидетельствует, безусловно, не просто о сотрудничестве, но о формировании крупной военно-политической коалиции, которая (пока что) не имеет ни четких целей, ни участников, но ясно демонстрирует нарастающую тенденцию, в которой особое место отводится Евразии, точнее, странам АТР и Евразии, а в узком контексте — России и Китаю.

Возвращаясь к законодательному обеспечению геополитической стратегии США, эксперты отмечают: «Этот закон обязал исполнительную власть США прилагать все необходимые усилия для построения в регионах Средней Азии и Южного Кавказа „открытых демократических систем“ и „открытых рыночных экономик“. „Открытый“, в терминологии США, значит доступный для американского проникновения. Белому дому было предписано „активно продвигать участие американских компаний и инвесторов в планировании, финансировании и строительстве инфраструктуры коммуникаций, транспорта, включая воздушные сообщения, автодороги, железные дороги, порты, морские перевозки, банки, страхование, телекоммуникационные сети, газовые и нефтяные трубопроводы“. Проекты должны реализовываться силами частного капитала, что подразумевает приватизацию местных ресурсов и инфраструктуры»[2].

[1] Противоракетная оборона США / http://ru.wikipedia.org/

[2] Крашенинникова В., Росс А. В Стамбуле: «Новый шёлковый шампур» для Ирана, России и Китая / В кн.: НАТО: мифы и реальность. Уроки для России и мира. М.: ИНВИССИН, 2012. С. 134.

При этом особое значение придается дестабилизации режимов в Казахстане и других странах бывшей советской Средней Азии, но, прежде всего, все-таки Казахстана, который (как видно из карты ЦРУ) занимает ключевое место в американской геополитике. Не трудно заметить, судя по этой карте, что важнейшие районы Поволжья, Южного Урала и Западной Сибири (т. е. по сути индустриальный и логистический центр России) находятся в непосредственной близи от Казахстана, а транспортные коридоры — «запад–восток» и «север–юг» — проходят через его территорию.

В этой связи понятна и адекватная реакция правительства Казахстана, которое осенью 2012 года закрыло восемь газет, телеканал «К+» и 23 интернет-ресурса за разжигание экстремизма[1].

В мае 2006 г. с учётом военных реалий «Закон о стратегии Шёлкового пути» был основательно обновлён и дополнен.

[1] Прокуратура Алма-Аты подала иски в суд в отношении ряда казахстанских и зарубежных СМИ / Эл. ресурс «Казахинформ. 12 ноября 2012 г. // http://www.inform.ru/

В частности, США взяли на себя обязательство по «развитию внутреннего оборонного потенциала и обеспечению безопасности границ» государств «Шёлкового пути»[1].

Как объясняют исследователи из вашингтонского Центра стратегических и международных исследований (CSIS), «Современный Шёлковый путь» является «частью противоповстанческой стратегии США в регионе». Как и Северная сеть доставки (NDN) — пути снабжения оккупационных войск США и НАТО в Афганистане, проходящие через Россию, которую в Вашингтоне считают первым шагом к реализации «Шёлкового пути»[2].

Таким образом, «Новый Шёлковый путь» продолжает американскую стратегию Большой Центральной Азии и преследует массу важных целей одновременно: 1) освоение природных ресурсов Афганистана, оцененных Геологической службой США в один триллион долларов; 2) получение доступа к рынкам, насчитывающим более двух миллиардов человек — почти четверть населения планеты; 3) строительство капитализма в регионе, многие районы которого находятся на феодальной стадии развития; 4) получение предлога для расширения военного присутствия и размещения военных баз — «для защиты трубопроводов»; 5) перенаправление природных ресурсов региона от Китая в Индию и Пакистан; 6) наконец, создание региональной организации «государств Шёлкового пути» в противовес ШОС и ОДКБ.

Что касается России, то она незримо присутствует в законе 2006 г., где ставится целью «предотвращение установления любой другой страной монополии на энергоресурсы или энергетическую транспортную инфраструктуру в странах Центральной Азии и Южного Кавказа, которая бы ограничила доступ США к энергоресурсам»[3]. Другими словами, США и их союзники недвусмысленно заявляют о своих претензиях на контроль над значительной частью Евразии, являющейся в том числе и частью территории России.

[1] Крашенинникова В., Росс А. В Стамбуле: «Новый Шёлковый шампур» для Ирана, России и Китая / В кн.: НАТО: мифы и реальность. Уроки для России и мира. М.: ИНВИССИН, 2012. С. 134.

[2] Там же.

[3] Там же.

ЕвразВКО как инструмент обеспечения безопасности

… ведущие страны мира стали заметно чаще
и откровеннее прибегать к силе и угрозе ее применения[1]

А. Торкунов,
ректор МГИМО(У)

Очевидное нарастание конфликтности и готовности ведущих мировых держав использовать военную силу в Евразии сопровождалось последнее десятилетие стремительным ростом военных потенциалов. Это было видно из фактически удвоения военных расходов за 10 лет, которое произошло практически во всех странах АТР, но, прежде всего, в США, чья доля в мировых расходах на военные цели превысила 40%. Значительная часть этих средств шла на развитие возможностей использования военной силы в Евразии. Так, из запрошенных Б. Обамой на 2013 год финансовых средств (более 650 млрд долл.) почти 80 млрд специально выделялось на обеспечение действий в Афганистане.

В этой связи наиболее актуальной угрозой в Евразии стала угроза воздушно-космического нападения, возможные сценарии которой были уже апробированы США в Ираке и Ливии. Понятно, что единственным реальным средством противодействия становятся средства ВКО. Они же, будучи оформлены в адекватную военную доктрину, могут стать и главным инструментом военно-политической интеграции.

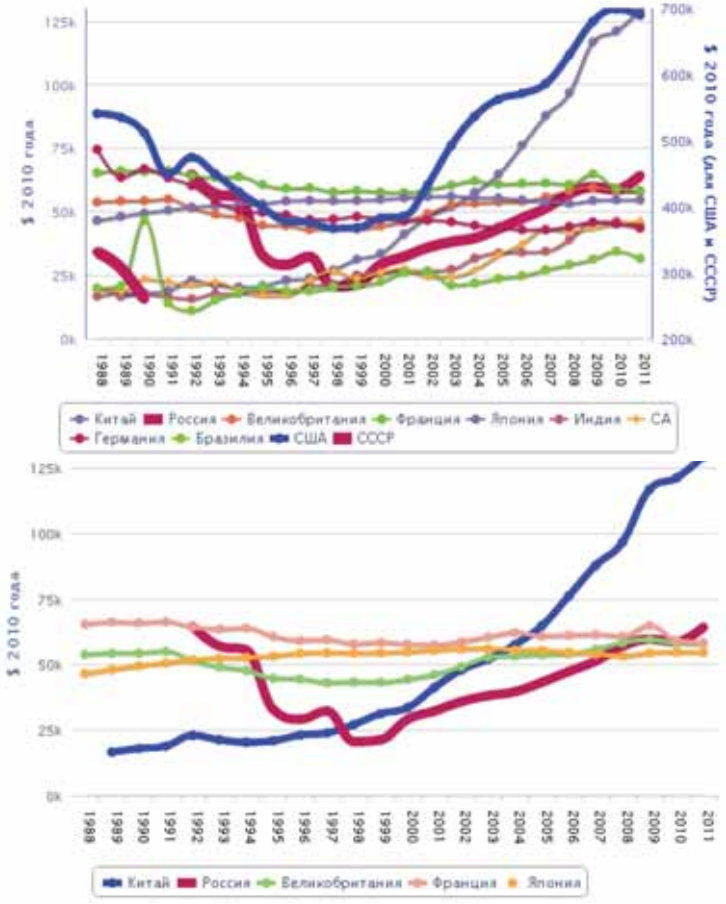
Вот почему необходимо рассмотреть аргументы в пользу этой идеи. Идея, которая может стать главным инструментом интеграции и лечь в основу общей военной доктрины и планов военного строительства.

[1] Торкунов А. Российская модель демократии и современное глобальное управление // Международные процессы. 2006. Январь–апрель. Т. 4. № 1(10).

1. Ни одна из стран СНГ, в силу финансовых проблем, не способна обеспечить ВКО своей территории самостоятельно, без сотрудничества с Россией и другими государствами СНГ и Евразии.

Уровень такого сотрудничества определяется уровнем военно-политического сотрудничества, общностью системы ценностей и пониманием необходимости усиления позиций в конкуренции этносов в Евразии. Простой пример. За последнее десятилетие военные расходы США выросли с 300 до 700 млрд долл., а расходы на разведывательную деятельность — 80 млрд долл.[1].

[1] Alfergood D. Intelligence Spending Drops for a Second Year. October 31st, 2012. / http://www.fas.org/libeary/2012/10

Другие союзники США — Япония, Великобритания, Франция, Германия — тратят на военные цели примерно столько же, сколько Россия, а Канада, Саудовская Аравия, Южная Корея — несколько меньше. В целом же военные расходы США и их союзников примерно в 20 раз превышают российские, что делает военное соревнование по всем направлениям военного строительства бессмысленным. Неизбежно придется выбирать и концентрироваться на одном-двух направлениях. Вероятнее всего, на ВКО и СЯС, которые во все большей степени превращаются в единый стратегический комплекс.

Вместе с тем евразийская кооперация может позволить странам не только создать национальные системы ПВО и ПРО, но и объединенную систему ВКО Евразии.

Другими словами, потенциально у Евразии есть организационная и промышленная структура, способная при определенных условиях решить задачу евразийской ВКО.

2. Последние 20 лет продемонстрировали, что военная сила развитых государств, активно использовавшаяся США и их союзниками против Югославии, Ирака, Ливии и других государств, представляет собой прежде всего способность к нанесению высокоточных ударов авиацией и крылатыми ракетами (КР), а ее нейтрализация зависит от развитой системы ВКО.

В последние годы этот потенциал пополняется новыми типами ВТО, чья скорость и дальность существенно увеличены. Эти новые типы и системы оружия, разрабатываемые в рамках концепции «Быстрого глобального удара», например, гиперзвуковые аппараты и КРМБ, позволяют наносить неядерные высокоточные удары по любой точке планеты в течение часа[1].

Важно отметить, что эти программы переходят из стадии разработок и испытаний в стадию полномасштабного развертывания, которая уже измеряется не десятилетиями, а годами. Иначе — формирование потенциала для воздушно-космического нападения и защиты от уцелевших средств противника перешло в заключительную фазу.

Аргументы о том, что эти системы направлены против Ирана, не выдерживают критики. По признанию представителей Пентагона, ракетные потенциалы Тегерана надежно нейтрализованы 24 батареями системы ПВО/ПРО «Пэтриот», размещенными в шести государствах Персидского залива (это от 96 до 384 ракет в зависимости от их типа); корабельными ракетами-перехватчиками ВМС США SM-3 с БИУС «Иджис», расположенными в его зоне (боекомплект до 300 ракет, поскольк-

[1] Пентагон испытал гиперзвуковую бомбу AHW. 2011. 18 ноября / http://www.infox.ru

ку в Аравийском море постоянно находятся несколько таких кораблей), а также эффективными средствами ПРО Израиля. «Возражай, не возражай против такой мощной противоракетной инфраструктуры — она все равно уже развернута»[1], — считает В. Козин.

К этому надо добавить еще две батареи противоракетной системы THAAD (в общей сложности 96 ракет-перехватчиков с двумя РЛС), которые США решили в конце декабря 2011 года поставить ОАЭ на сумму 3,48 млрд долл. В 2011 году Вашингтон дал добро на продажу Кувейту 209 ракет «Пэтриот» повышенной точности GEM-T-104E, а также на замену ракет «Пэтриот» РАС-2 на РАС-3 в Саудовской Аравии. О потенциальных возможностях Пентагона по сдерживанию «иранской ракетной угрозы» говорит также тот факт, что в период войны против Ирака в 2003 году Соединенные Штаты сконцентрировали в зоне конфликта в общей сложности 1015 ракет-перехватчиков ЗРК «Пэтриот» РАС-2 и 54 ракеты РАС-3[2].

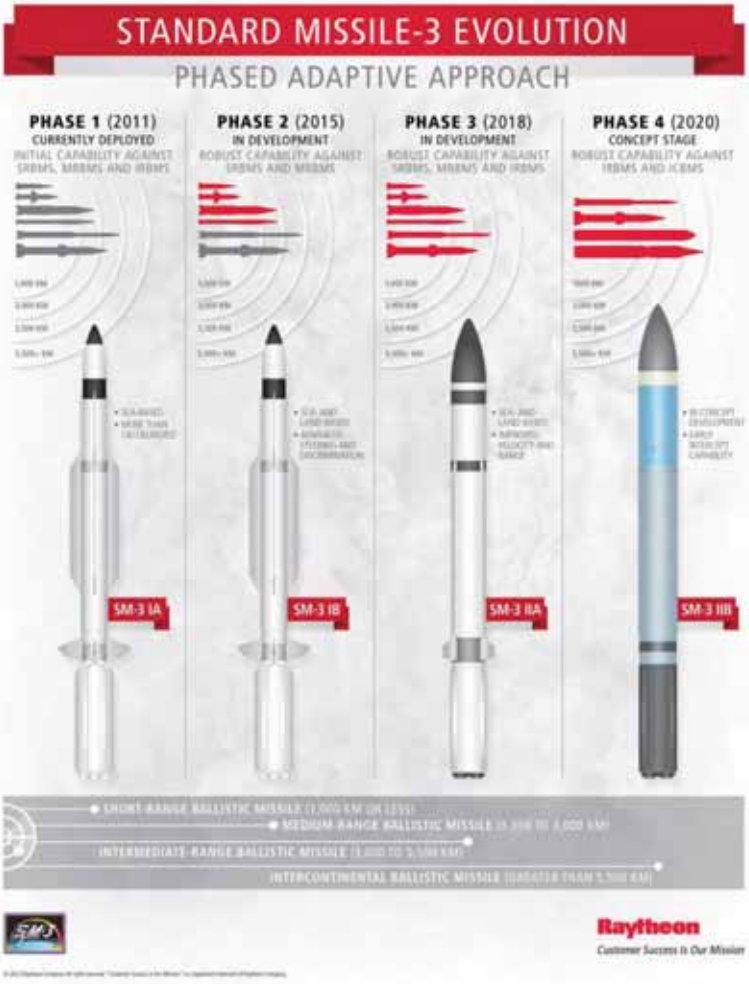
Особенно дестабилизирующими станут новые типы противоракет SM-3 IIB, которые будут предназначены для перехвата баллистических ракет. Как показали слушания в Конгрессе США в феврале 2013 года, эти ракеты «будут обладать значительно большими возможностями, чем предыдущие типы SM-3»[3]. Обращает на себя внимание и то, что в ходе доклада отмечается, что наиболее эффективной дислокацией этих ракет признается размещение на судах ВМС США в Северном море, что абсолютно дезавуирует идею «иранской угрозы» с юга.

Собственно в создании интегрированного — наступательного и оборонительного потенциала в Евразии и по периметру ее границ — аккумулируются сегодня основные усилия США. Причем этот потенциал переходит в плоскость возможности его практического использования. Осенние учения 2012 года успешно продемонстрировали возможности США по отражению ракетной угрозы, состоящей одновременно из пяти целей

[1] Козин В. П. ЕвроПРО — это установка на первый ядерный удар // Независимая газета. 2012. 27 января. С. 3.

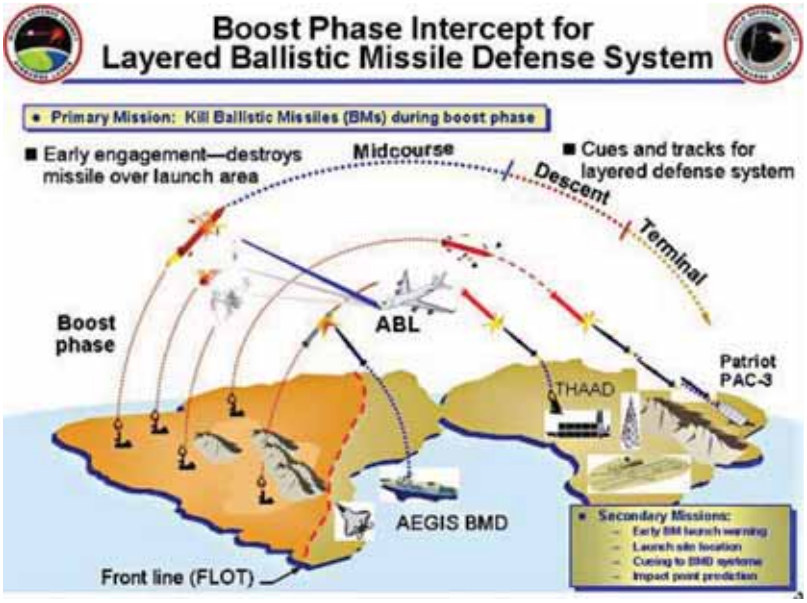
[2] Там же.

[3] Standard Missile-3 Block IIB Analysis of Alternatives / GAO report, Ferbruary, 11, 2013.

Эволюция противоракеты SM-3. RIM-161 Standard Missile 3 (SM-3) — американская зенитная управляемая ракета семейства «Стандарт». Находится на вооружении ВМС США, устанавливаются на крейсеры и эсминцы. Кинетическая боевая часть имеет собственный двигатель. Наведение производится автоматически с помощью матричной инфракрасной головки самонаведения, имеющей высокое разрешение. Предназначены для уничтожения воздушных целей, в том числе баллистических ракет и боеголовок на заатмосферных высотах.

и ракет различного радиуса действия. Эти испытания укладываются во второй раунд создания глобальной системы ВКО США и заключаются в отработке всех систем региональной ПРО, которая будет реализовываться сначала в Европе и Юго-Восточной Азии. Так как система имеет значительную мобильность, то возможности ее использования не ограничиваются только этими регионами, и она может быть развернута практически в любой точке мира. Практически это означает, что по периметру Евразии формируется глобальная система ВКО США.

Впервые установки типа THAAD отразили угрозу удара ракетами средней дальности (MRB), комплекс Patriot Advanced Capability-3 (PAC-3) уничтожил крылатую ракету малой дальности (SRBM), двигавшейся на предельно малой высоте вдоль водной поверхности.

Демонстрация боевых возможностей региональной системы ВКО была проведена в районе атолла Кваджалейн и прилегающей к нему западной части Тихого океана, что позволило

отработать действия комплекса ПРО морского базирования (Aegis Ballistic Missile Defense (BMD), а также системы THAAD и PATRIOT на островах и мобильных морских платформах[1].

Это означает, что в ближайшие 3–5 лет у США и их союзников появится военно-техническая возможность использования военной силы в Евразии в любой точке по своему усмотрению в любое время и против любого противника. Иран, КНДР или Афганистан, конечно, не являются главными целями такой политики. Уже имеющихся у США в настоящее время средств вполне достаточно, чтобы решить эти задачи. Главной целью являются Россия и Китай, точнее, их возможность контролировать ситуацию в Евразии и АТР.

Единственным практическим средством нейтрализации угрозы воздушно-космического нападения становится создание объединенной системы ВКО евразийских государств, если, конечно, исходить из того, что эти страны хотят сохранить свой суверенитет во внутренней и внешней политике.

3. В последнее десятилетие складывается ситуация, когда США фактически создают единую систему ПРО вокруг и в самой Евразии, состоящую из отдельных территориальных систем в Европе, на Ближнем Востоке и в Юго-Восточной Азии. Предположительное завершение создания единой системы ПРО к 2020 году может привести к такой ситуации, когда США смогут без особого риска использовать во всей Евразии высокоточные системы наступательных вооружений, превратив их фактически в потенциал первого, «разоружающего» удара. Традиционное ядерное сдерживание перестанет существовать, а вместе с ним и последний атрибут великой державы для России. Вместе с тем, ряд экспертов, например, академик А. Арбатов, полагают, что имеющиеся у России комплексы средств преодоления ПРО (КСП ПРО) уже сегодня «на порядок более эффективны…, чем запланированная к 2020 году система США/НАТО»[2].

[1] Гебеков М. План мероприятий по созданию глобальной системы ВКО США продолжается / Эл. ресурс «Евразийская оборона». 2012. 15 ноября / http://eurasian-defence.ru

[2] Арбатов А. Г. Противоракетные дебаты: в поисках согласия // Воздушно-космическая оборона. 2012. № 4(65). С. 20.

Думается, что эти оценки излишне оптимистичны. Проблема в том, что они не учитывают важнейшей характеристики средств ПРО: буферности системы. Предположим, что оценка верна, и вероятность поражения баллистической цели одной ракетой действительно стала на порядок хуже, то есть 0.09 вместо 0.9. Таким образом, для доведения вероятности поражения до приемлемой величины потребуется на порядок больше ракет. В США прекрасно осознают эту потребность, и количество противоракет уже сегодня превышает количество перехватываемых целей более чем в 3 раза. При сложившемся темпе наращивания численности перехватчиков одновременно с ростом их потенциала декларируемое «превосходство на порядок» будет сведено к нулю через 10–12 лет по самым пессимистичным оценкам. А с учетом слабой вариативности траекторий боевых блоков и повышенного потенциала перехватчиков класса GBI, размещенных на основных направлениях возможного удара, превосходство даже самых передовых

боевых частей будет нивелировано на этих направлениях за 5–7 лет. Реальность такова: мы стоим на пороге того периода, когда ядерное сдерживание перестает быть эффективным, а само ядерное оружие становится бесполезным. Более того, его могут объявить «вне закона» не только применительно к Ирану, КНДР, но и к другим странам.

4. Под угрозой находится стратегическая стабильность, сложившаяся в последние пять десятилетий. Утеря Россией возможности ядерного сдерживания неизбежно отразится не только на ее военных возможностях, но и на внешнеполитических позициях и прочности суверенитета, а также на позициях ее союзников по ОДКБ, более того, на всей ситуации в Евразии. Фактически большинство этих государств могут оказаться объектом для шантажа населения с применением массированного воздушного удара по всей своей территории. Пример с Ливией очень показателен: война была выиграна с помощью КР и авиационных ударов без наземной операции.

При этом главной угрозой стратегической стабильности становится развертывание глобальной системы ВКО США.

Сегодня наблюдается системное и достаточно быстрое, заранее спланированное наступление на стратегическую стабильность. Так, за 2011 год модернизированы:

— система обнаружения и слежения (UEWR) различных видов ракет, которая направлена на околоземное пространство, РЛС раннего предупреждения ракетного пуска;
— три комплекса наземных пусковых установок в Форт Грейли;
— установлено улучшенное программное обеспечение по управлению системы перехватчиков (GMD Fire Control) и новый узел контроля управления системой слежения и выявления целей FGA;
— закончено строительство основных конструкций Missile Field-2.

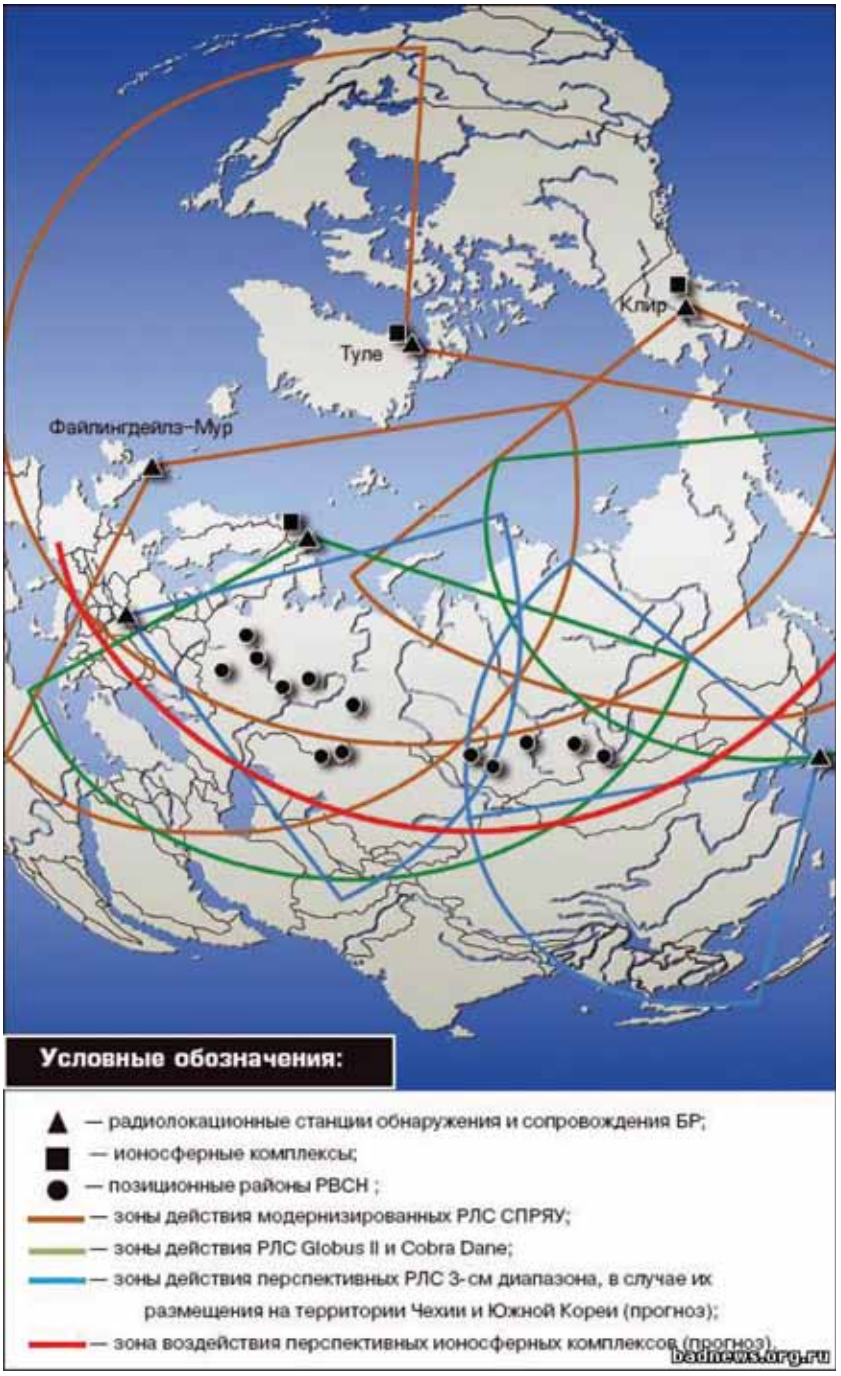
К началу 2012 года ВКО США состояла из:

— 30 наземных комплексов (GBI) ПРО от Аляски до Калифорнии;
— 23 комплексов морского базирования (BMD), рассчитанных на противодействие ракетам малой и средней дальности и для выполнения операций по наблюдению и слежению за ракетами дальнего радиуса действия (LRS&T);
— 87 комплексов ракет перехватчиков SM-3 и 72 комплекса SM-2 морского базирования;
— двух систем THAAD;
— шести радаров типа AN/TPY-2;
— 903 ракет типа PATRIOT (PAC)-3 новой модификации;
— 56 узлов огневой поддержки типа PAC-3[1].

5. Рост конфликтности в Евразии — очевидный факт, имеющий прямое отношение не только к Центральной Азии, но и к Юго-Восточной и Северо-Восточной Азии, где территориальные и экономические проблемы становятся все более острыми, а готовность к их разрешению снижается. В немалой

[1] Цит. по: Гебеков М. План мероприятий по созданию глобальной системы ВКО США продолжается / Эл. ресурс «Евразийская оборона». 2012. 15 ноября / http://eurasian-defence.ru

Евразийская воздушно-космическая оборона

степени этому способствует и растущая конкуренция в мире, борьба за ресурсы и влияние.

Сказанное говорит о том, что проблема создания эффективной ВКО — это отнюдь не только российская, а евразийская проблема, в решении которой должны быть заинтересованы по большому счету все государства континента. Но и для России, следует подчеркнуть, необходимо решительнее выходить за рамки идеи создания национальной ВКО, которая не может быть реализованной только ресурсами нашего государства. Тем более такая система ВКО не может «разорвать» решение проблемы евразийской безопасности на сугубо «российскую» и «остальную». Как справедливо заметил академик А. Торкунов, «При рассмотрении любого исторического феномена необходима своеобразная шкала мер, элемент сопоставления. Российскую государственность, степень консолидации российского суверенитета можно понять только на общем фоне международных отношений конкретного периода, только в сопоставлении с состоянием дел у ближайших соседей и лидеров мирового порядка»[1].

6. В этой связи важно подчеркнуть тезис, который постоянно пытаются игнорировать в последние десятилетия: в международных отношениях военная сила остается (порой, решающим) инструментом внешней политики, несмотря на рост влияния «мягкой силы» и экономических средств воздействия, несмотря на все процессы глобализации и «гуманизации». При этом важно понимать, что военная сила по-прежнему, как и в XX веке, реализуется в двух формах — политико-психологической (давление, шантаж) и прямой, военной. Для того, чтобы политико-психологическая (в т. ч. «эмоциональная») форма была эффективна, нужно, чтобы угроза использования военной силы выглядела абсолютно реальной. Здесь играют главную роль не намерения («intentions»), а возможности («capabilities»).

[1] Торкунов А. В. Россия в системе международных отношений (ретроспективный взгляд) // Вестник МГИМО(У). 2012. № 5 (26). С. 46.

Поэтому, когда мы рассуждаем об изменении соотношения военных сил и неприемлемом ущербе использования военной силы, необходимо иметь в виду, что стремление ведущих государств обеспечить себе силовые позиции неизбежно должны быть обеспечены материальными возможностями — соответствующими вооружениями, военной техникой, вооруженными силами и концепциями их использования. Сегодня речь идет прежде всего о высокотехнологических и высокоточных системах наступательных и оборонительных вооружений, которые (вкупе с информационными и коммуникационными) средствами составляют единый наступательно-оборонительный комплекс. Эти средства, как видно из рисунка, стремительно развивались в последние 20 лет, что отражает очевидную тенденцию создания все более совершенных средств ведения войны. Прежде всего в области ВТО, ВКО и систем боевого управления ими.

Ложные рассуждения о «недопустимости войны», ее «невозможности», «аморальности» и «бесчеловечности» не имеют ничего общего с реальной политикой. Политические декларации имеют некоторый смысл лишь до определенной степени. В действительности мы наблюдаем стремительное и бесконтрольное развитие ВВТ по всем направлениям, ко-

торые достаточно четко определяются военно-политическим руководством ведущих государств. Что видно из простого подсчета появления новых систем оружия, проведенного экспертами[1].

7. Главной целью в Евразии в среднесрочной перспективе становятся Казахстан, Киргизия и Таджикистан, против которых ведется системная и последовательная политика, направленная на дестабилизацию. Центром военной активности США в Средней Азии, помимо Киргизии, стал Таджикистан, отмечается в пресс-релизе армии США. В Таджикистане Центральное командование ежегодно проводит от 50 до 60 программ и мероприятий в сфере безопасности (в 2011 г. — более 70)[2]. В частности, закончено строительство Национального центра боевой подготовки, создаются системы межведомственной связи для правительства Таджикистана, построен мост через реку Пяндж с пограничным

[1] Вооруженные силы Российской Федерации: модернизация и перспективы развития / под ред. И. Коротченко. М.: Национальная оборона, 2010. С. 27.

[2] CENTCOM, Tajikistan expand security partnership. U.S. Central Command press-release. June 29, 2010. http://www.centcom.mil/press-releases/centcom-tajikistan-expand-security-partnership

и таможенным постами на таджикско-афганской границе — комплекс, который «способствует увеличению коммерческого обмена, укрепляющего связи Таджикистана с его южным соседом»[1].

Проникновение США в Евразию идет по всем направлениям. Так, институт иностранных языков Министерства обороны США провел два 16-недельных курса английского языка для таджиков, закончена реконструкция Академии МВД Таджикистана, оказывается содействие в обучении кадров. Построены пограничные заставы в Шурабаде и Яхчи-пуне, на открытие которых в июне 2011 г. приезжал сам Браунфилд — там даже установлены «полы с обогревом»[2]! Военный партнер

[1] CENTCOM, Tajikistan expand security partnership. U.S. Central Command press-release. June 29, 2010. http://www.centcom.mil/press-releases/centcom-tajikistan-expand-security-partnership

[2] Tajikistan: US Government rebuilds border guard facilities in Shurobod // Fergana News Information Agency. June 30, 2011. http://enews.fergananews.com/news php?id =2108.

Таджикистана — Национальная гвардия штата Вирджиния — также расширяет военное сотрудничество: проведение боевой подготовки и обмен информацией в 2011 г. дополнены формированием «миротворческого подразделения», подготовкой «ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций» и военно-гражданской медицинской готовности[1] — отмечает российский эксперт Г. Бородин. Отчасти именно эти тенденции ведут к росту «привлекательности» ядерного оружия, которое стремительно расползается по Евразии.

[1] НАТО: мифы и реальность. Уроки для России и мира. М.: ИНВИССИН, 2012. С. 157.

8. Думается, что полагаться в очередной раз на «асимметричный ответ», развивая СЯС России, уже нельзя. Реальность такова, как она описывается серьезными исследователями в области ядерной стратегии. Как отмечают эксперты, в 1998 году из 6 тыс. ЯБЗ российских СЯС гарантированно достигли бы США не более 600 (т. е. 10%). Но на самом деле ситуация выглядит еще сложнее. Как отмечают эксперты, «Выполнение планов ядерной войны обеспечивается поддержанием в ВС США

боезапаса около 5000 ядерных боезарядов (ЯБЗ), а во Франции, Великобритании и Китае ядерного боезапаса по 200–300 ЯБЗ у каждой страны. К югу от РФ, в Азии, находятся все остальные ядерные страны мира, осуществляющие качественное и количественное наращивание ядерных вооружений (сначала ближней, затем средней, и потом большой дальности) — Израиль, Индия, КНДР, Пакистан. С завершением создания в Иране шиитской ядерной бомбы вокруг РФ почти замкнется дуга из ядерных стран»[1].

В этих условиях дальнейшее сокращение СЯС России и США становится все более проблематичным, тем более, что это сокращение не затрагивает ядерные потенциалы союзников США и не связано, как прежде, с ограничениями по развертыванию НПРО. Тем более такие сокращения не связываются с массовым производством стратегических неядерных вооружений.

[1] Маркелл Ф. Б. Калькулятор стратегического сдерживания // Независимая газета. 2012. 31 августа.

Не случайно, США категорически отказываются вести переговоры об ограничении неядерных стратегических вооружений Так, «при обсуждении п. 2 ст. V ДСНВ американская сторона заявила, что новые виды неядерных вооружений, обладающие стратегической дальностью, не будут ею рассматриваться в качестве «новых видов СНВ», подлежащих ограничениям нового договора. Тем самым она дала понять, что программы, развиваемые в рамках концепции БГУ, не будут ограничиваться новым Договором.

К настоящему времени США находятся на этапе НИОКР по программам БГУ, решения о том, какие именно системы будут развернуты, пока окончательно не принято. Вместе с тем, можно предположить, что новый Договор СНВ не будет создавать каких-либо препятствий для развития или ограничений на развертывание в отношении следующих перспективных типов стратегических неядерных вооружений:

— тяжелых бомбардировщиков (ТБ), переоборудованных в носители неядерных вооружений, включая неядерные баллистические ракеты «воздух — земля» (БРВЗ) и неядерные КРВБ большой дальности. В частности, Договор не будет запрещать развертывание неядерных КРВБ большой дальности на ТБ B-1B.
— Новых ТБ, оснащенных для неядерных вооружений, включая неядерные БРВЗ и неядерные КРВБ большой дальности.
— Боевых самолетов, не являющихся ТБ (дальность менее 8000 км), но вооруженных неядерными КРВБ большой дальности.
— Крылатых ракет наземного и морского базирования с дальностью более 5500 км в неядерном оснащении[1].

Понятно, что в России анализируют ситуацию и предпринимают действия по ее нейтрализации. В том числе в области

[1] Мясников Е. О взаимосвязи стратегических ядерных и неядерных вооружений в новом Договоре СНВ. 2010. 16 июля / http://www.armscoutrol.ru

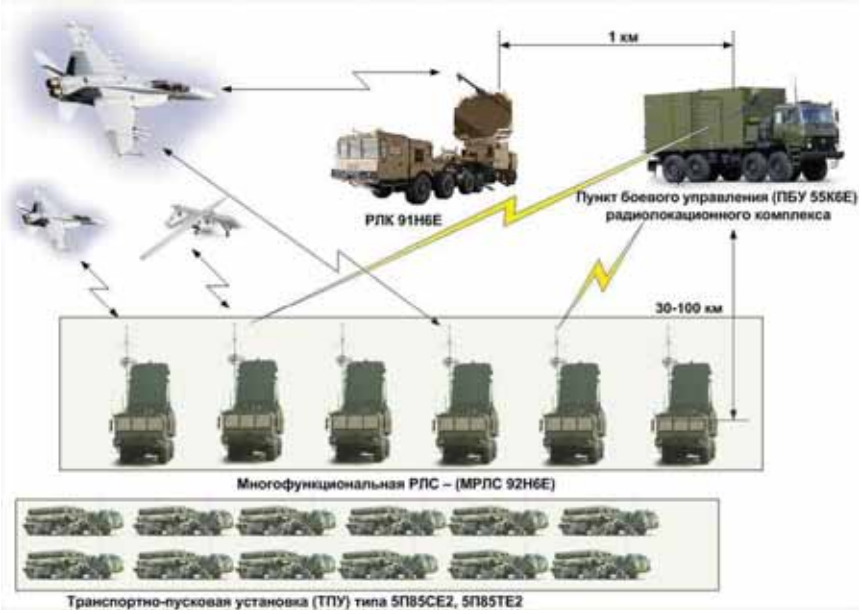
ВКО. Конкретно речь идет о программе воздушно-космической обороны (ВКО), являющейся приоритетом Государственной программы вооружения до 2020 года (ГПВ-2020). Но вопрос заключается в том, насколько быстро и эффективно эта программа может быть реализована.

Другая проблема — создание объединенной ВКО ОДКБ или СНГ.

В 2011 году на базе Космических войск был сформирован новый род войск — войска ВКО. В ГПВ-2020 на программу выделено порядка 20% всех средств — около четырех триллионов рублей (примерно 130 млрд долл.), что в принципе сопоставимо с затратами США на глобальную ПРО. Помимо модернизации существующих и создания новых элементов системы предупреждения о ракетном нападении (СПРН), планируются массовая закупка зенитных ракетных комплексов С-400 «Триумф» и С-500, модернизация Московской системы ПРО (А-135), а также главное — создание интегрированной информационно-управляющей системы ВКО[1]. Предусматривается, что система управления создается в рамках ряда ОКР, система уничтожения МБР, КР и ВТО — С-500.

Вместе с тем остаются без ответа два главных вопроса: создание единого командования и системы управления всеми силами и средствами ВКО России, а в перспективе — ОДКБ и других государств, а также создание системы, способной уничтожать ВТО, неядерные стратегические вооружения, МБР, БРПЛ стратегических сил возможных агрессоров. Решение этих задач представляется неизбежным и будет необходимым еще до 2020 года. На доктринальном, политическом и военно-техническом уровне эти задачи должны решаться уже сегодня, ибо от того, как они будут решены, зависит реализация всей идеи ВКО и обеспечение безопасности Евразии.

[1] Арбатов А. Г. Противоракетные дебаты: в поисках согласия // Воздушно-космическая оборона. 2012. № 4(65). С. 21.

1 км
РЛК 91Н6Е
Пункт боевого управления (ПБУ 55К6Е) радиолокационного комплекса
30-100 км
Многофункциональная РЛС – (МРЛС 92Н6Е)
Транспортно-пусковая установка (ТПУ) типа 5П85СЕ2, 5П85ТЕ2

4.
«Ядерное сдерживание» или ВКО Евразии?

4.

… обе структуры (СНГ и ОДКБ) являются скорее имиджевыми, нежели реально функционирующими…[1]

А. Дубнов, обозреватель «Московских новостей»

Традиционная концепция стратегической стабильности, … состоит в том, что … безопасность обеих сторон обеспечивается их обоюдной возможностью причинить друг другу неприемлемый ущерб в ответном ударе, даже приняв на себя первый удар противника[2]

А. Арбатов, академик РАН

То, что на протяжении десятилетий предотвращало глобальную войну, — «ядерное сдерживание» или возможность взаимного гарантированного уничтожения (MAD), — похоже, в начале XXI века уже перестает существовать. К сожалению, это произошло в период нарастания нестабильности в мире и стремительного роста военно-политического противостояния. «Остатки» сдерживания уже не гарантируют от начала войны в период резкого обострения. Новые реалии XXI века, в особенности мировой системный кризис 2008–2012 годов, показали, что мир стоит на пороге радикальных изменений в экономической и социально-политических областях, которые не могут не отразиться на военно-политической области.

Сегодня влияние этой области, в том числе и на интеграционные процессы, недооценивается, хотя, по сути, успех европейской интеграции объясняется не столько экономическими мотивами, сколько интересами безопасности и военно-политического сотрудничества в Европе. В этой связи ключевым вопросом является вопрос о том, насколько лет еще хватит «остатков» сдерживания. Ясно, что речь идет не о десятилетиях, а о годах, но… все-таки.

[1] Дубнов А. Ташкент ушел, проблемы остались / Россия в глобальной политике. 2012. Т. 10. № 4. С. 72.

[2] Арбатов А.Г. Противоракетные дебаты: в поисках согласия // Воздушно-космическая оборона. 2012. №4(65). С. 21.

Стратегическое неядерное оружие как главная угроза «ядерному сдерживанию»

Единство, целостность
и суверенитет России безусловно[1]

В. Путин,
Президент России

Опасна продолжающаяся недооценка значения военно-политических аспектов евразийской интеграции, способных укрепить «ядерное сдерживание». Девальвация «ядерного сдерживания» разрушает и саму идею евразийской интеграции, а с ней и ведущую роль России в мире и в Евразии. Это противоречие с неизбежностью ставит вопрос о формировании нового внешнеполитического и военно-политического курса евразийских держав. По этому поводу ректор МГИМО(У) А. Торкунов справедливо заметил: «Россия — „срединный континент“» (между Китаем, Тибетом и «западным полуостровом» — Европой), «сухопутный океан, пространство российской цивилизации…, называемой Евразией, оказалась перед необходимостью выработки нового внешнеполитического курса…»[2].

Концепция «ЕвразВКО» определенно исходит не только из необходимости укрепления режима ядерного сдерживания и недопущения понижения порога использования ядерного оружия и распространения ядерного сдерживания за пределы традиционно ядерных государств — США, России, КНР, Великобритании и Франции, а также включения в понятие «ядерное сдерживание» неядерного компонента и ВКО.

Представление о ядерном сдерживании в XXI веке должно формироваться с учетом появления и массового распростра-

[1] Путин В. В. Послание Президента Федеральному Собранию. 2012. 12 декабря / Сайт Президента России / http://президент.рф/news.17118

[2] Торкунов А. В. Россия в системе международных отношений (ретроспективный взгляд) // Вестник МГИМО(У). 2012. № 5 (26). С. 48.

нения неядерных стратегических вооружений и, видимо, неизбежном массовом распространении систем ВКО не только в ядерных государствах, но и повсеместно в других странах.

Гиперзвуковой модуль, разрабатываемый в рамках программы Prompt Global Strike, неядерное оружие стратегической досягаемости

Еще в 2003 году, описывая возможные сценарии будущей войны, И. Капитанец писал: «В основе замысла вероятного начала агрессии заложена идея о возможности одновременного уничтожения Стратегических ядерных сил (СЯС) РФ обычными боезарядами крылатых ракет (КР) в первом «обезоруживающем ударе». Цель первого удара достигается применением высокоточных крылатых ракет большой дальности преимущественно морского базирования. Этим оружием в первом, массированном, одновременном, «обезоруживающем» ударе подавляются: командные пункты (КП) и грунтовые пусковые установки (ГПУ) РВСН, объекты ПВО, аэродромы, командные пункты армии, системы управления и связи, выводятся из строя важнейшие военные объекты и информационные центры.

По мнению американских аналитиков, первый удар США может считаться достаточным и эффективным только в случае, если будут гарантированно уничтожены более 85% сил СЯС РФ (от численности ЯБЗ РФ в 2010 г. по договору СНВ-3 2003 г.)[1].

[1] Несложно посчитать, что в этом случае потенциал ответного удара в рамках договоренностей по развернутым боевым блокам СНВ-3 составит не более 230 боеголовок, запускаемых с использованием порядка 50 МБР. Согласно стратегическим оценкам экспертов, для уверенного уничтожения военно-промышленного потенциала США требуется от 700 боевых частей. Таким образом, даже если игнорировать фактор ПРО, ответный удар окажется заведомо недостаточным для гарантированного возмездия.

В этом случае США удастся избежать невосполнимого ущерба для своей территории, так как американская ПРО будет в состоянии уничтожить все баллистические ракеты РФ (или большую их часть), запущенные в ответном ударе[1].

После выхода США из договора по ограничению ПРО в 2002 г. противоракетная оборона США непрестанно развивается и совершенствуется. В случае успешности работ по совершенствованию ПРО США к 2020 г. процент допустимо не уничтоженных сил СЯС РФ может повысится до 30–25. Носителями высокоточных крылатых ракет с обычными боезарядами являются крейсера УРО, эсминцы УРО, подводные лодки и стратегические бомбардировщики и (что возможно, хотя и запрещено действующими договоренностями) грунтовые ракетные установки (ГПУ КР)»[2].

Соответственно, по мере увеличения дальности КР и появление ГЗЛА, районы, из которых потенциально могут наноситься удары, значительно расширяются. Что и происходит сегодня.

Важен и другой аспект: реализация планов возможного использования неядерного ВТО в стратегических целях возможна только в том случае, если будет развернута глобальная система ПРО, гарантирующая защиту от уцелевших СЯС ответного удара со стороны России.

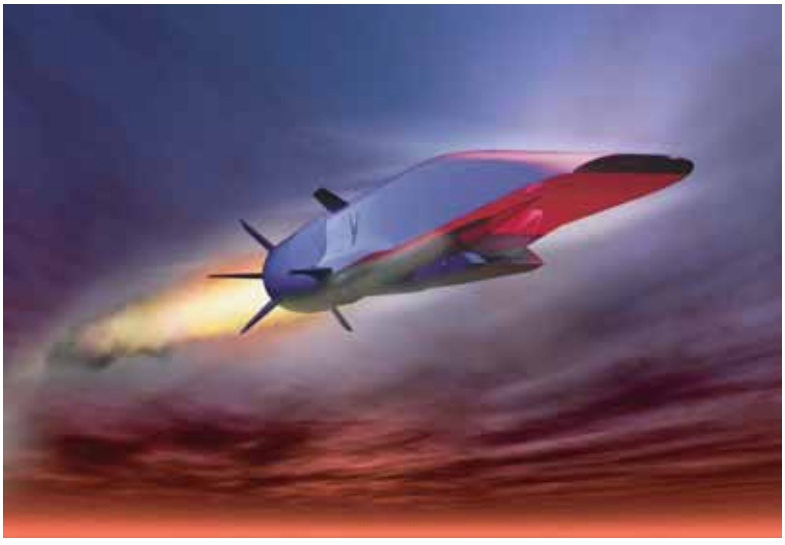
И, наоборот, — невозможность нанесения «разоружающего» удара может быть обеспечена только посредством создания эффективной системы ВКО страны (либо значительного числа объектов), либо… нанесения упреждающего удара по ПУ КР и местам сосредоточения ВМФ США и ПЛА. Выбор — политический и заведомо невыигрышный для России, если она будет делать ставку на упреждающий удар[3]. Но, с другой стороны, она уже поставлена перед фактом возможного «разоружающего» удара со стороны США с помощью КР разных типов базирования. В этом ударе СЯС США играют второстепенную роль, а создающаяся система ПРО — основную. И чем глубже будут

[1] Буферность системы ПРО США оценивается не менее чем в 500 боевых блоков (без уточнения их типа)

[2] Капитанец И. М. Флот в войсках шестого поколения. М.: «Вече», 2003.

[3] С учетом традиционно большого веса морской компоненты, используемой в качестве платформ для нанесения удара КР, потребуется практически одновременно поразить несколько сотен крейсеров, эсминцев УРО и подводных лодок, что невозможно даже в теоретическом рассмотрении проблемы.

сокращения потенциалов СНВ России и США, тем сильнее будет проявляться эта тенденция. Тем более что развитие и модернизация СНВ России вряд ли можно назвать достаточным. Как заметил С. Топалов, описывая эту сложную взаимосвязь, «Почему-то они никогда не задумывались над тем, сколько из стоящих на дежурстве межконтинентальных баллистических ракет (МБР) не сможет стартовать из шахт по причине технической неисправности, а из стартовавших сколько по той же причине не преодолеет и полпути до территории противника, сколько боевых блоков будет уничтожено противоракетной обороной (ПРО) противника, сколько из прорвавшихся сквозь ПРО боеголовок упадет слишком далеко от объекта поражения или сработает не на полную мощность. Но, главное, при рассмотрении вопросов ядерного противостояния большинство авторов зацикливаются на сценариях классической ядерной войны, когда агрессор поражает стратегические объекты противника исключительно ядерными средствами. Для них до сих пор остается незамеченной провозглашенная Америкой еще в 1980-х годах теория глобальной неядерной войны»[1].

Экспериментальный гиперзвуковой аппарат X-51, элемент системы Prompt Global Strike

[1] Топалов С. Шаткая концепция эшелонирования стратегических сил // Независимое военное обозрение. 2005. 22 апреля.

Между тем ситуацию заведомо осложняют программы массированного развертывания ВТО в неядерном и ядерном («чистом») варианте сверхмалой мощности[1]. По разным оценкам, к 2015 году предполагалось, что США будут иметь до 100 тыс. единиц ВТО[2].

Опыт последних конфликтов также весьма показателен. Так, ноябрьская война 2012 года в секторе Газа показала, что, во-первых, с помощью высокоточных средств поражения Израиль уже в первые часы не только ликвидировал часть руководства ХАМАС, но и большинство иранских ракет «Фаджр-5» и прочих ракет, способных наносить удары до 40–75 км, качественно изменив военную ситуацию в свою пользу.

Во-вторых, созданная Израилем тактическая система ПРО «Железный купол» доказала свою эффективность, обнаруживая 100% запущенных неуправляемых ракет, уничтожая (по оптимистичным оценкам) до 90% (система способна прогнозировать их попадание, не уничтожая те ракеты, которые попадут в незаселенную зону). Территория, которая эффективно

[1] «Чистые» ядерные боеприпасы не обязательно ограничены по мощности. Технически вполне возможно создание «чистых» зарядов мегатонного класса. В гонке «классических» ядерных вооружений во главу угла всегда ставилось достижение максимальной мощности заряда, что диктовало использование нейтронных отражателей, изготовляемых, например, из соединений урана. Если мощность не является приоритетом, создание «чистой» бомбы может быть сведено к замене части отражателей на свинцовые поглотители. Это было продемонстрировано в испытаниях «Царь-бомбы», советского ядерного устройства АН602 проектной мощностью в 100 Мт, преднамеренно сниженной до 57 Мт установкой поглотителей вместо части отражателей. Будучи самым мощным испытанным ядерным устройством в мире, она одновременно стала и самым «чистым» из них.

[2] Ягольников С., Шушков А. Соединенные Штаты пересматривают ядерную политику. 2008. 10 февраля.

прикрывается одной батареей, достигает 150 км^2, дальность поражения 4–70 км (по некоторым сведениям — 150), а высота — 10 км. Такая эффективность позволила свести потери до минимума. За 2011 год при 229 ракетных обстрелах погибло всего три человека.

Таким образом, **сочетание** высокоточных неядерных средств поражения и систем противоракетной обороны продемонстрировало очень высокую эффективность: фактически за несколько дней было уничтожено военно-политическое управление, средства поражения (включая подземные ПУ) при минимальных потерях гражданских лиц и полностью нейтрализован потенциал ответного удара.

Этот пример демонстрирует не только эффективную интеграцию средств нападения и обороны в современной войне, но и возможность одной небольшой страны (пусть высокоразвитой) создавать эффективный наступательно-оборонительный потенциал, а также роль высокоточных неядерных систем поражения и современные возможности ПРО и ПВО. Поэтому, когда говорят о создании региональной (региональных), а тем более глобальных систем ПРО, следует иметь в виду, что, в отличие от 70-х годов прошлого века, необходимо учитывать как принципиально новые возможности неядерных средств нападения и защиты, так и их комплексное использование. Так, в США разрабатываются гиперзвуковые ЛА разных типов, способные летать со скоростью до 10 М, т. е. преодолеть расстояние в тысячу километров менее, чем за 5 минут[1]. Собственно этот потенциал и лег в основу концепции «Быстрого глобального удара» (Prompt Global Strike), предполагающей нанесение в течение часа разоружающего удара неядерными боеприпасами в любой точке мира. Некоторые неудачи, которые постигли американцев на этом направлении, не должны обескураживать. То, что эта проблема решаема технически, доказал еще опыт СССР, где еще в 1990-х годах была создана лаборатория «Холод» на базе раке-

[1] Обратим внимание на то, что гиперзвуковые ЛА не обнаруживаются существующими системами предупреждения о ракетном нападении, имея время реакции, сопоставимое с МБР.

ты ЗРК С-200. «В ходе летного испытания ракета сумела развить скорость в 5,2 числа Маха (около 6 тыс. км/ч). На основе этого проекта машиностроительное КБ „Радуга“ в Дубне разработало стратегическую крылатую ракету Х-90, более известную на Западе как AS-X-21. Непритязательный с виду аппарат длиной 12 м и со складывающимися крыльями размахом 7 м, будучи запущен с борта Ту-160М, улетает со скоростью 5 М за 3 тыс. км, имея на борту две ядерные боеголовки индивидуального наведения. Х-90 была способна подниматься на высоту более 30 км и активно маневрировать в полете»[1].

По оценкам военных специалистов, гиперзвуковые средства воздушного нападения характеризуются очень малой уязвимостью в современной системе ПВО. Это объясняется чрезвычайно малым временем обстрела гиперзвуковой цели, узким «окном пуска». По этой характеристике гиперзвуковые средства поражения превосходят системы, создаваемые с использованием стелс-технологий, где сужение «окна пуска» достигается не высокой скоростью, а низкой заметностью и, соответственно, уменьшенным радиусом их обнаружения. В то же время, использование стелс-технологий в разработке гиперзвуковых средств поражения потенциально способно сделать их практически неуязвимыми для всех существующих и создаваемых систем ВКО. Такие разработки уже ведутся.

Уже сегодня для многих ясно, что создание ЕвроПРО в Европе и других регионах планеты не ограничатся третьей и четвертой фазами — за ними неизбежно последуют другие, но вот сколько их будет и какие в итоге системы ПРО будут созданы, где они будут развернуты, — остается до сих пор загадкой. Уже говорят о системе ПРО в Юго-Восточной Азии и глобальной ПРО. Как справедливо заметил Д. Рогозин, «На вопрос: „А будет ли после третьей, четвертой фазы пятая, шестая, седьмая…?“ … нам улыбаются в ответ. Конечно, мы понимаем, что после четвертой фазы будут и пятая, и шестая, седьмая»[2].

[1] Глобальный ответ. Россия запустит гиперзвуковые ракеты / Эл. ресурс «Военное обозрение». 2012. 7 декабря / http://topwar.ru

[2] Рогозин Д. О. Выступление на научно-практической конференции РСМД «Евроатлантическое сообщество безопасности: мир или реальность». М., 23 марта 2012 г. // РСМД. 2012. № 3. С. 52.

Видимо, процесс развертывания систем ПРО необратим. Поэтому есть смысл говорить не терминами XX века, вспоминая о Р. Макнамаре и стратегии взаимного гарантированного уничтожения (MAD — Mutual Assured Destruction), а использовать новые категории.

Нельзя исходить, например, как считают некоторые авторы, в т. ч. в России, что решению об использовании СЯС будет предшествовать кризисный период, который исключает нанесение внезапного ядерного удара или массированного использования высокоточных неядерных средств поражения. Вот почему любое движение в создании региональных ПРО предполагает изначально высокую степень риска, непредсказуемости.

«Евразийский аспект» американской системы ПРО хорошо известен, хотя о нем говорят значительно меньше, чем о европейском. Как отмечает эксперт В. Евсеев, «далеко не всегда замечается, что создаваемая американцами система ПРО носит глобальный характер, а основные ее компоненты развернуты не в зоне ответственности НАТО, а в далеком от Европы Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР).

Этот восточный сектор противоракетной обороны планируется создать от Австралии через Филиппины, Тайвань, Республику Корею и Японию до Аляски. Ее составными частями являются американские военные объекты на Гавайских островах и в Калифорнии. Несомненно, что создаваемая система направлена против все более усиливающегося основного американского геополитического противника — Китая, хотя с формальной точки зрения она предназначена для отражения северокорейских ракетных угроз»[1].

Не стоит забывать в этой связи о НАТО, который превратился в военно-политический союз, претендующий на глобальную ответственность. Как отмечают эксперты МГИМО(У), анализирующие его деятельность, «Партнерство с „восходящими державами“ — Китаем, Индией, „форматом“ БРИКС или тем

[1] Евсеев В. В. Восточный рубеж американской ПРО // Независимая газета. 2012. 5 октября. С. 4.

более ОДКБ не относится к приоритетным задачам НАТО (несмотря на заинтересованность в кооперативной безопасности). На встрече в Чикаго подтвердился „обычный“ эгоцентрический подход НАТО, исключающий изменение курса на военно-политическое доминирование в Европе и мире, признание реального равноправия и взаимный учет интересов в области безопасности. Содействие урегулированию международных проблем и кризисных, конфликтных ситуаций рассматривается не с позиции обеспечения всеобщей безопасности, а исключительно в ключе интересов членов альянса в соответствии со статьей 5 Вашингтонского договора 1949 года.

В современной стратегии НАТО институирована политика новых азимутов вне атлантической зоны ответственности, „свобода рук“ в географических координатах от Японии до Австралии и Новой Зеландии. К политике „эффективного и гибкого партнерства“, своего рода „инновационной системе“ в рамках продвигаемой доктрины „кооперативной безопасности“, предполагается подключить эвентуальных партнеров по всему миру, включая Монголию»[1].

Таким образом, и военно-политически, и военно-технически США расширяют свое глобальное присутствие, которое должно быть обеспечено прежде всего средствами воздушно-космического нападения и защиты. И если политика «ядерного сдерживания» России еще какое-то время может работать, то ее необходимость в АТР и Евразии уже отпала.

Не стоит исключать полностью из этой логики и собственно Китай, военные возможности которого стремительно увеличиваются вслед за экономическим потенциалом, а политические амбиции существенно возрастают. Смена политического руководства страны осенью 2012 года мало что проясняет. С одной стороны, новый генсек Си Цзиньпин считается близким к военной элите, а, с другой, он «психологически возлагает очень большие надежды на продолжение хороших связей с США»[2].

[1] Воронин Е. Р. Отношения Россия–НАТО: состояние и перспективы. Аналитическая записка ИМИ МГИМО(У). 2012. Декабрь. С. 3.

[2] Скосырев В. Коррупция может победить Китай // Независимая газета. 2012. 20 ноября. С. 7.

Неопределенность в оценке внешнеполитического курса Китая сохраняется, тогда как приобретение им потенциала СНВ и ПРО стало реальностью, не позволяя игнорировать замечания некоторых исследователей о том, что Китай может договориться с США за счет России. Таким образом в уравнение ядерного сдерживания последних лет добавляется новый компонент — стратегические и оборонительные возможности Китая.

Стратегическая стабильность в мире на протяжении шести десятилетий обеспечивалась ядерным сдерживанием — возможностью СССР (России) и США нанести ответный удар, который свел бы к нулю вероятные политические и военные преимущества от использования ядерного оружия. Нравится это или нет, но такая ситуация на протяжении всего периода удерживала стороны от прямого военного столкновения даже в тех случаях (в Корее, Вьетнаме, на Кубе и т.д.), когда вооруженные силы сторон вступали в непосредственное столкновение. Пока что политические и военные конфликты в мире не ставили под сомнение эту данность, но это отнюдь не означает, что так будет и впредь, что это устраивает США. А кроме того, объективные процессы развития ВТ средств поражения и обороны демонстрируют стремительное старение представлений о классическом ядерном сдерживании.

Сегодня есть все основания полагать, что в стратегическом прогнозе и планировании нужно учитывать, что ядерное сдерживание стремительно превращается в отживший анахронизм, который сможет просуществовать какое-то время, если будет продолжена модернизация СЯС и прекратятся их сокращения, а сами стратегические вооружения и системы управления ими будут надежно защищены ВКО.

Кроме того, эти меры должны учитывать и необходимость нейтрализации кибер атак, информационного воздействия и обладать способностью уничтожать стратегические ВТО.

Глобальная ПРО США и «ядерное сдерживание»

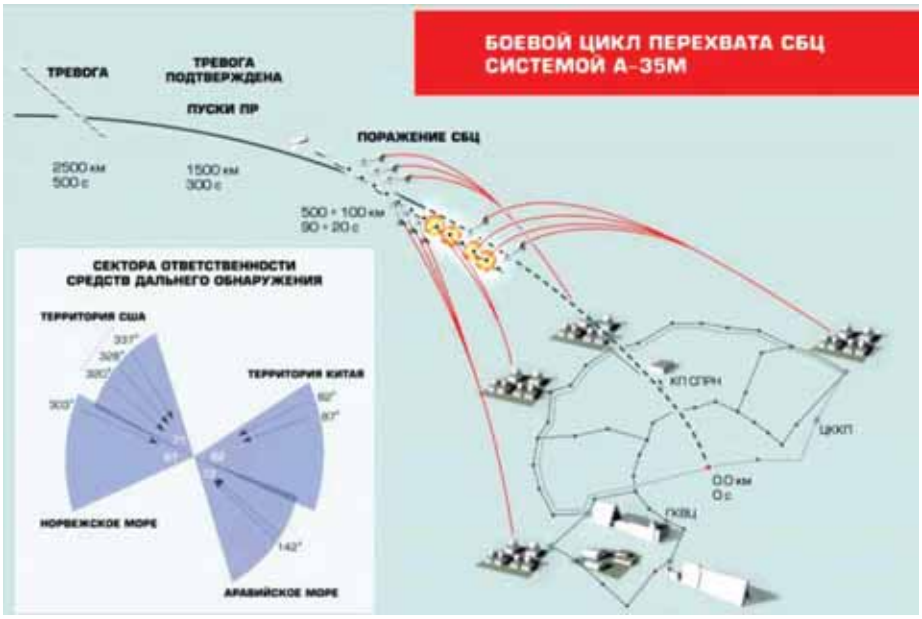
… война в Ливии… велась с помощью
спутниковых установок на Шпицбергене.
Это крайне опасно, потому что вся эта территория,
весь архипелаг … является
демилитаризованной зоной[1]

А. Норберг,
вице-председатель Шведского совета мира

Прежде, вплоть до последнего времени, политиками и экспертами понималось, что создание глобальной системы ПРО США, безусловно, дестабилизирует ситуацию. Что, собственно говоря, и явилось главным мотивом заключения Договора по ограничению ПРО 1972 года. Сегодня, говоря о дестабилизирующем значении ПРО, некоторые эксперты полагают, что внезапный ядерный удар невозможен в принципе. Ему должен предшествовать политический и военный конфликт. Как пишут авторы доклада РСМД, излагая такую точку зрения, «прежде всего необходимо учесть, что ядерная война не может возникнуть внезапно, как и невозможен внезапный ядерный удар. Даже в разгар «холодной войны» такой сценарий не относился к числу вероятных сценариев. Без сомнения, ядерной войне будет предшествовать период крайнего обострения политической конфронтации, выполнения мероприятий по повышению готовности войск, создания группировок на угрожаемых направлениях, частичного или полного выполнения мобилизационных мероприятий и т.д. С высокой вероятностью ядерному конфлик-

[1] Роблес Дж. Арктика: милитаризация в целях контроля природных ресурсов? Цит. по: Эл. ресурс «Евразийская оборона». 2013. 5 февраля / http://eurasian-defence.ru

ту будет предшествовать военный конфликт с применением только обычного оружия. Отсюда следует, что военно-политическое руководство каждой из сторон будет в готовности к своевременному реагированию на факт ядерного нападения. Тем более, не вызывает сомнения готовность боевых расчетов на всех пунктах управления и готовность самой системы боевого управления. Подводные лодки со стратегическим оружием будут находиться на патрулировании, мобильные МБР рассредоточены, самолеты стратегической авиации в готовности к взлету или частично в режиме дежурства в воздухе»[1].

Хотелось бы, однако, серьезно возразить такой позиции. Уже говорилось об автоматизме в принятии решений, когда ответная реакция реализуется на основе разработанных сложных (и поэтому не всегда совершенных) алгоритмов. Но необходимо добавить следующее. Во-первых, военно-политическая обстановка и отношения могут меняться стремительно,

[1] Десять лет без Договора по ПРО. Проблема противоракетной обороны в российско-американских отношениях: науч. докл. / [Рогов С. М. и др.]. — М. Спецкнига, 2012. С. 40–41.

в течение нескольких дней, а иногда и часов (конфликт с Грузией 2008 года — очевидный пример), а военные потенциалы — десятилетиями. Никто не может гарантировать, тем более, если у одной из сторон будет эффективная ПРО, что в случае резкого обострения она не воспользуется такой потенциальной возможностью. Во всяком случае игнорировать этот факт — наивно, хотя именно это и делают некоторые политики и ученые. В том числе и в России. Особенно если противоположные стороны будут знать, что вероятность безнаказанного использования СНВ будет высока.

Во-вторых, сама по себе потенциальная возможность нанесения разоружающего удара (обладая гарантией безнаказанности) ставит другую сторону в заведомо невыгодную позицию, когда ей можно диктовать (или пытаться) политические условия и даже шантажировать. Это «косвенное» использование военной силы сродни «мягкой силе», но является на деле наиболее эффективным внешнеполитическим инструментом. В этих условиях США могут пойти даже на одностороннее сокращение СНВ (или их ликвидацию). Как следует из доклада движения «Global Zero», подготовленного авторитетными американскими специалистами, одностороннее сокращение ядерных вооружений вполне даже компенсируется высокоточными обычными средствами, если Россия не развернет свою систему ВКО. В докладе также отмечается, что сокращение и снижение уровня боеготовности ядерных сил США создадут условия для договоренностей России и США по ПРО. Судя по отношению академика С. Рогова к этому докладу, он всерьез рассматривает такую возможность[1], хотя и без того ясно, что «замена» СНВ США на высокоточные системы, вкупе с глобальной ПРО, ведет к простому снижению, даже уничтожению «ядерного порога» и превращает саму идею ядерного сдерживания в архаизм. Понятно, что это вполне бы устроило США, но насколько это будет устраивать Россию?

[1] Рогов С. М. ПРО для США стала религией // Независимая газета. 2012. 7 июля.

По мере совершенствования потенциалов СЯС обеих сторон, появления качественно новых систем боевого управления, стратегических неядерных вооружений и новых технологий противовоздушной и противоракетной обороны ситуация становится принципиально иной: усиление ПРО (до способности нивелировать стратегический потенциал) по мере сокращения СНВ сторон может рассматриваться как нарушение стратегической стабильности и ядерного сдерживания, а взятые оба процесса в комплексе, — как очевидная угроза национальной безопасности нашей страны. Понятно, что потенциал ответного удара обесценивается не только с военной, но и с политической точки зрения.

Надо понимать, что количественное сокращение потенциалов СНВ России и США неизбежно не только в силу достигнутых договоренностей по ДСНВ-3, но и в силу морального и физического устаревания СЯС обеих держав, их вытеснению высокоточными стратегическими неядерными вооружениями.

Во многом это естественный процесс морального и физического устаревания, но развертывание в перспективе глобальной ПРО уже сегодня ставит трудноразрешимую проблему: каким образом компенсировать нарастающую дестабилизацию, ведь сегодня нет соглашений ни по ограничению СНВ Китая, Франции и Великобритании, ни ограничений на массированное развертывание СКР или ударных беспилотных ЛА, ни будущих ГЗЛА.

Остаются расчеты только по СНВ США и России, которые выглядят следующим образом[1] — см. рис. «Стратегическое ядерное оружие России и США».

Даже сегодня, учитывая тенденции развития ПРО, систем боевого управления, ВТ и вооружений, соотношение СЯС России и США не выглядит убедительным. Особенно, если учитывать темпы ввода в строй новых поколений МБР и БРПЛ в России и «провальные» десятилетия в НИОКР в российской ВКО. Тем более это соотношение будет неопределенным после 2020 года, когда потенциал российских РВСН во многом девальвируется. Рассчитывать на то, что средства преодоления и уничтожения американской ПРО будут эффективны изначально — иллюзия. США, надо полагать, уже просчитали эти возможности и будут готовы к их нейтрализации в том числе стратегическими неядерными вооружениями, с помощью которых уже сегодня они могут уничтожить в первом ударе не менее 30% ключевых целей в России и 100% целей в КНР.

Понятно, что руководство нашей страны учитывает и эти варианты. Как отметил президент России В. Путин, «Вероятность глобальной войны ядерных держав друг против друга невысока, таковая означала бы конец цивилизации…

…Однако нужно учитывать, что научно-технический прогресс в самых разных областях, начиная от появления новых образцов вооружений и военной техники и заканчивая информационно-коммуникационными технологиями, привёл к качественному изменению характера вооружённой борьбы.

[1] Стратегическое ядерное оружие России и США / Эл. СМИ. Газета «Взгляд». 2009. 21 мая / http://vz.ru/infographics/2009/5/21/289078.html

Так, по мере массового принятия на вооружение высокоточных неядерных средств большого радиуса действия всё более чётко будет проявляться тенденция закрепления за ними роли оружия решительной победы над противником, в том числе и в глобальном конфликте»[1].

Это вполне реальная среднесрочная перспектива до 2020–2022 года, которая уже подкреплена соответствующими решениями в стратегическом планировании, конкретными программами, НИОКР и финансированием. Это — реальность, от которой США не откажутся ни при каких обстоятельствах.

Но возможны, более того, вероятны, новые технологические прорывы, заделы которых были сделаны в предыдущие десятилетия. Как отметил В. Путин, «Большое, если не решающее, значение в определении характера вооружённой борьбы будут иметь военные возможности стран в космическом пространстве, в сфере информационного противоборства, в первую очередь — в киберпространстве. А в более отдаленной перспективе — создание оружия на новых физических принципах (лучевого, геофизического, волнового, генного, психофизического и др.). Всё это позволит наряду с ядерным оружием получить качественно новые инструменты достижения политических и стратегических целей»[2]. Эти прорывы сегодня трудно прогнозировать. Но, как показывает человеческая история, они неизбежны, если для этого есть соответствующий «социальный заказ». А он есть: кризис 2008–2012 годов показал, что не только в мире ослабли позиции США и модель их поведения доказала свою неэффективность и опасность, но и в самих США можно ожидать радикальные кризисные явления. И не только финансовые, экономические, но и социальные, и политические. Как в этих условиях поведут себя правящие круги США, никто не знает.

Пока что можно констатировать, что в настоящее время параллельно стремительно увеличиваются возможности США

[1] Путин В. В. Быть сильными: гарантии национальной безопасности для России // Российская газета. 2012. 20 февраля.

[2] Там же.

в области ПРО в различных регионах, которые направлены на нейтрализацию СНВ не только России, но и Китая. Может быть, даже прежде всего Китая. Развертывание морских (мобильных) систем ПРО означает, что они могут быть в короткие сроки переброшены в любой регион мира, что вкупе с создаваемым США «поясом» ПРО от Австралии до Аляски, может серьезно изменить соотношение сил в АТР. И это не далекая перспектива, а уже нынешняя реальность. Так, противоракета второго поколения Standard Missile — 3 (SM-3) Block 1B, запущенная с корабля ВМС США, поразила учебную боеголовку баллистической ракеты среднего радиуса действия, стартовавшей с полигона на Гавайских островах в ходе испытаний в июне 2012 года.

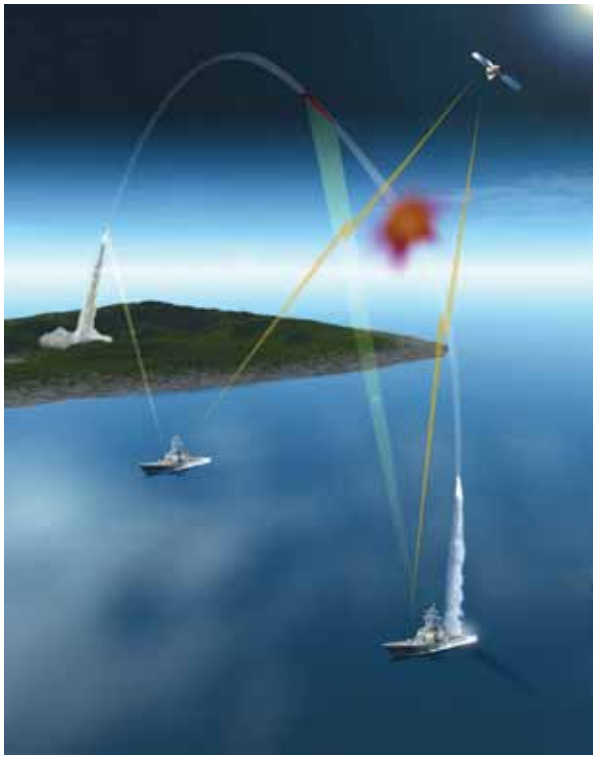

Схема перехвата баллистической цели системой ПРО морского базирования с использованием противоракет Standard SM-3

В мае 2012 года противоракета второго поколения Standard Missile — 3 (SM-3) Block 1B системы ПРО Aegis, запущенная с корабля ВМС США в районе Гавайских островов, поразила учебную баллистическую ракету ближнего радиуса действия. Это второе подряд успешное испытание новейшей противоракеты.

Таким образом, мобильные системы ПРО ракет среднего и ближнего радиуса уже испытаны и стали фактом. Как сообщалось в прессе, в рамках создания европейской системы противоракетной обороны Соединенные Штаты разместят на базе в Роте (Испания) четыре ракетных эсминца, оснащенных многофункциональной боевой информационно-управляющей системой Aegis. Эти системы легко могут быть направлены в любой регион планеты, а численность их развертывания доведена практически до любого уровня. Платформ — судов и других, в т.ч. наземных средств, — более, чем достаточно.

В 2014 финансовом году, который начинается 1 октября 2013 года и заканчивается 30 октября 2014 года, на базу в Роте уже будут переведены эсминцы Ross и Donald Cook с базы в Норфолке, штат Вирджиния. В 2015 финансовом году на базу в Роте будут переведены эсминец Porter, также базирующийся в Норфолке, и эсминец Carney из Мейпорта, штат Флорида. По сообщению МО США, эти боевые корабли должны быть задействованы не только в противоракетной обороне Европы, но и в случае необходимости могут быть переброшены в распоряжение Центрального командования ВС США, т. е. в регион Персидского залива и Аравийского моря[1].

Об этом сообщает Wall Street Journal, ссылаясь на чиновников американского Министерства обороны. «Наша риторика сфокусирована на Северной Корее, — сказал Стивен Хилдрет, эксперт исследовательской службы Конгресса США. — Но на самом деле мы в долгосрочном плане смотрим на слона в комнате, то есть на Китай».

[1] США испытали противоракету для ЕвроПРО / Эл. СМИ «Взгляд». 2012. 27 июня / http://vz.ru/news/2012/6/27/585761.html

Система ПРО будет покрывать все большие пространства Азии. Новый радар разместится в Японии, а еще один — возможно, в Юго-Восточной Азии, например, на Филиппинах. Они будут связаны с кораблями и наземными базами, на которых располагаются ракеты-перехватчики.

Этот план представляет собой часть новой стратегии президента США Барака Обамы, которая предусматривает переброску военных ресурсов в Азиатско-Тихоокеанский регион.

Сейчас в распоряжении США есть 26 кораблей, оснащенных противоракетным оружием. К 2018 году их число увеличится до 36[1]. Ключевую роль в сохранении американского влияния в Азии играют авианосцы[2], но, видимо, в будущем эта роль перейдет к платформам, оснащенным системами ударного наступательного и оборонительного оружия.

На этом фоне ухудшение отношений КНР и Японии достаточно символично. Оно демонстрирует фундаментальные в своей основе разногласия между двумя странами — в области безопасности и системы ценностей. Как справедливо заметил эксперт в этой области А. Лукин, «Экономическая и политическая мощь Китая, основанная на длительном периоде успешного экономического роста, год от года увеличивается. Рост китайской экономики способствует углублению экономического сотрудничества с основными партнерами, в том числе и с Японией. Объем торговли между двумя странами в прошлом году достиг 345 млрд долларов США. Япония является крупнейшим инвестором в китайскую экономику, для нее Китай — ведущий торговый партнер, как в области импорта, так и экспорта.

Казалось бы, двум странам необходимо решительно избегать любых споров. Ведь серьезный конфликт нанесет непоправимый ущерб обеим странам, каждая из которых испытывает экономические сложности. Но экономические соображения не всегда определяют отношения между странами. Достаточ-

[1] Здесь следует сказать, что считать собственно корабли-носители ракет, обладающих способностями ПРО, бессмысленно. Существующие оценки базируются на подсчете количества противоракет, фактически развернутых на кораблях. В то же время применять эти противоракеты способен любой эсминец или крейсер УРО ВМФ США — достаточно просто взять их на борт. Таким образом, потенциальное количество платформ ПРО ВМФ США составляет 84.

[2] Скосырев В. США создают противокитайский ракетный щит // Независимая газета. 2012. 24 августа. С. 1, 4.

но вспомнить, что накануне нападения Германии на СССР в 1941 году две страны были тесными экономическими партнерами. Экономическая взаимозависимость, конечно, является фактором, сдерживающим японо-китайскую конфронтацию. Но есть еще соображения политического, националистического, психологического характера»[1].

Поэтому отношения Китая с Японией, да и рядом других государств Юго-Восточной Азии, вряд ли можно назвать стабильными в будущем. Тем более, что не только не решены многие территориальные вопросы, но и возникают новые. В этом контексте проблема ядерного сдерживания уже распространяется не только на российско-американские отношения, но и на китайско-японские, китайско-индийские, китайско-вьетнамские, китайско-индонезийские, тайваньские и др. отношения государств Юго-Восточной Азии. При этом Соединенные Штаты вносят свой, безусловно, дестабилизирующий элемент в это ядерное уравнение, развертывая свои наступательные и оборонительные системы, продвигая на рынки во все больших масштабах свои высокоточные вооружения.

Иранские ПКР Наср-1, созданные, предположительно, при участии китайских специалистов и с использованием китайских наработок по ПКР С-701

[1] Лукин А. Токио — Пекин: психология конфликта / Эл. Ресурс. Портал МГИМО(У). 2012. 3 октября / http://www.mgimo.ru

Очень важная сторона проблемы, о которой пока еще мало говорят, заключается в том, что стремительно совершенствующийся и растущий количественно потенциал высокоточного неядерного оружия в Евразии девальвирует не только ядерное сдерживание, но и серьезно, качественно понижает порог использования военной силы, делает этот инструмент более привлекательным для многих стран. Причем существует определенная неконтролируемая тенденция «расползания» ВТО в Евразии. Так, по версии, продвигаемой спецслужбами США и Израиля, Китай плотно сотрудничает с Ираном в области ракетных и ядерных технологий. В частности, выявлены три варианта двух противокорабельных ракет, которые в Иране строятся под другими названиями. Среди них новейшие разработки C-701T с электрооптической системой наведения и ее вариант C-701R, оснащенный системой наведения на сигнал радара.

С учетом получаемых ЦРУ данных, США ввели санкции против девяти китайских компаний, которые были уличены в иранской программе по строительству баллистических ракет (China Great Wall Industry Corporation, Norinco, Catic и др.). По данным иностранных СМИ, начиная с 1990-х годов Китай поставляет Ирану крылатые ракеты воздушного, наземного и морского базирования, а также компоненты к ним. С началом нового тысячелетия источники ЦРУ стали обращать внимание, что иранское ракетное оружие, а также подводные лодки Ирана, его мины и торпедные катера могут быть использованы против военно-морских сил США на Ближнем Востоке и, соответственно, нарушить поставки нефти из стран Персидского залива.

Согласно тем же источникам, Китай поставил в Иран «важные компоненты» для разработки ядерного оружия, производства отравляющих газов, ракетного топлива, а также, в американской интерпретации, «реактор для научных исследований»[1].

[1] Мочульский А. Ф. Пекин и иранская проблема. Аналитические записки ИМИ МГИМО(У). М. 2012. Декабрь. С. 5.

Ряд аналитиков отмечают, что подобные действия России, Китая и Ирана вполне естественны и являются ответными на действия США по развертываю ПРО. Так, индийский исследователь отмечает: «Пентагон делает все, чтобы окружить Евразию и Евразийский тройственный союз, состоящий из Китая, России и Ирана. Каждое действие, однако, порождает ответную реакцию.

Ни одна из этих трех евразийских держав не будет смирно сидеть, представляя собой пассивные цели для США. Пекин, Москва и Тегеран принимают собственные контрмеры, противодействуя военной стратегии Пентагона.

В Индийском океане китайцы развивают свою военную инфраструктуру, которую Пентагон называет китайским „жемчужным ожерельем". В Иране идет процесс расширения, целью которого является развертывание в водах Персидского и Оманского заливов своих военно-морских сил все дальше и дальше от своих берегов. Все три евразийские державы вместе с несколькими своими союзниками размещают свои военные суда на береговой линии Йемена, Джибути и Сомали в геостратегически важном морском коридоре Аденского залива.

Американская глобальная система ПРО является составной частью стратегии Пентагона по окружению Евразии и этих трех держав. В первую очередь, эта военная система направлена на создание ядерного преимущества США для нейтрализации любого русского или китайского ядерного ответа на атаку США или НАТО. Глобальная система ПРО направлена на предотвращение какой-либо реакции или ядерного „ответного удара" со стороны русских и китайцев на „первый ядерный удар" Пентагона»[1].

Очень показателен в этой связи пример с Израилем, армия которого за несколько дней в ноябре 2012 года уничтожила все военно-политические центры управления, руководство

[1] Nazemroaya M. D. Россия противодействует расширению системы ПРО США с моря. 2012. 17 ноября / http://rostend.su/?q=node/340

ХАМАС и практически, все ракеты. Ситуация легко может быть экстраполирована с Ближнего Востока на всю Евразию. Этому фактически способствует и процесс ограничения и сокращения СНВ, который поддерживается США и Россией. Возникает ситуация, когда Россия собственными усилиями не укрепляет, а ослабляет свою безопасность, особенно в контексте увеличения наступательного неядерного потенциала США, который уже фактически превратился в часть эффективного потенциала стратегических наступательных вооружений (СНВ). Что особенно заметно с конца 1980-х годов. Уничтожение Красноярской РЛС, сокращение тяжелых МБР и ликвидация ракет средней и малой дальности, безусловно, негативно повлияло на возможности ядерного сдерживания России на востоке страны и в целом в Евразии. В новых геополитических условиях актуальной проблемой становится пересмотр этих решений. Как отмечают в этой связи эксперты «Военного обозрения»: «парадоксально, что с сокращением ядерных вооружений до самых низких уровней вероятность его применения станет возрастать из-за снижения суммарного уровня наносимого им ущерба». И далее: «Смысл ядерного сдерживания устрашением в настоящее время состоит в двух положениях. Показывать вероятному противнику свою силу, возможности и способность для нанесения заведомо неприемлемого ущерба. Убеждать вероятного противника в своей воле и решимости применить по нему при необходимости ядерное оружие: сначала демонстративно в виде ограниченных или выборочных ударов, а затем и массированно в виде контрсиловых („разоружающих“ и „обезглавливающих“) и контрценностных („сокрушающего возмездия“ по городам) стратегических ядерных ударов»[1]. Очевидно, что при любом из этих сценариев роль ВКО приобретает особое, принципиальное значение. Особенно до начала или на ранних стадиях конфликта.

[1] Маркелл Ф. Б. Калькулятор стратегического сдерживания // Независимая газета. 2012. 31 августа.

Понятно, что такое качественное изменение в политике ядерного сдерживания имеет отношение прежде всего к ситуации в отношениях между Россией и США. Но не только. Очевидно, что в этот процесс втягиваются и другие страны. По сути дела на карту поставлена стратегическая стабильность и процесс ограничения и сокращения вооружений, более того, суть военно-политического равновесия, за которое боролся СССР всю вторую половину XX века.

Так, очевидно, что новой сферой противоборства становится космическое пространство (которое Россия и Китай предложили определить начиная с высот в 100 км)[1], в котором можно размещать уже не только военную технику, но и оружие. Если не удается этого предотвратить, то высоты свыше 100 км будут также являться полем боя, где будет размещено ударное вооружение. В том числе новые системы ВТО, обладающие повышенной дальностью и скоростью, что делает проблему защиты от них еще более трудной, чем используемые технологии «Стелс». Вот почему в 2007 г. Россия заявила о подготовке совместно с Китаем проекта полномасштабного договора по предотвращению размещения оружия в космосе (ПРОК). В 2008 г. в рамках Конференции по разоружению этот проект был официально внесен на рассмотрение международного сообщества. Такой договор должен закреплять юридические обязательства на паритетной основе — без разделения стран на тех, кто «может иметь» оружие в космосе, и тех, кто «не может».

Основные обязательства по этому проекту договора сводятся к следующему:

— Не выводить на орбиту вокруг Земли любые объекты с любыми видами оружия, не устанавливать такое оружие на небесных телах и не размещать такое оружие в космическом пространстве каким-либо иным образом.
— Не прибегать к применению силы или угрозе силой в отношении космических объектов.

[1] Ранее использовался еще более строгий рубеж в 60 км.

— Не оказывать содействия и не побуждать другие государства и международные организации к участию в деятельности, запрещаемой договором[1].

По мере девальвации военно-стратегического равновесия все большую роль начинают играть уже не только великие ядерные державы, но и государства, способные обеспечить себе определенные позиции с точки зрения возможностей коалиционной и даже национальной военной стратегии, в которой используются высокоточные неядерные вооружения и военная техника (В и ВТ). Так, проблемы с безопасностью России возникают не только с западного, южного и восточного, но и северного направлений. В сентябре 2012 года в Норвегии прошла встреча представителей военных ведомств североевропейских государств — Норвегии, Финляндии Дании, Швеции и Исландии, — на которой обсуждались вопросы военной интеграции, совместной военной политики и оценки потенциальных угроз.

При этом, как оказывается, у всех этих стран есть «проблемы» в отношениях с Россией. В 2011 году, например, по оценке экспертов, «после принятия Россией проекта по освоению архипелага Шпицберген и начала его реализации, из Осло послышались слова протеста. Именно тогда впервые тема аркти-

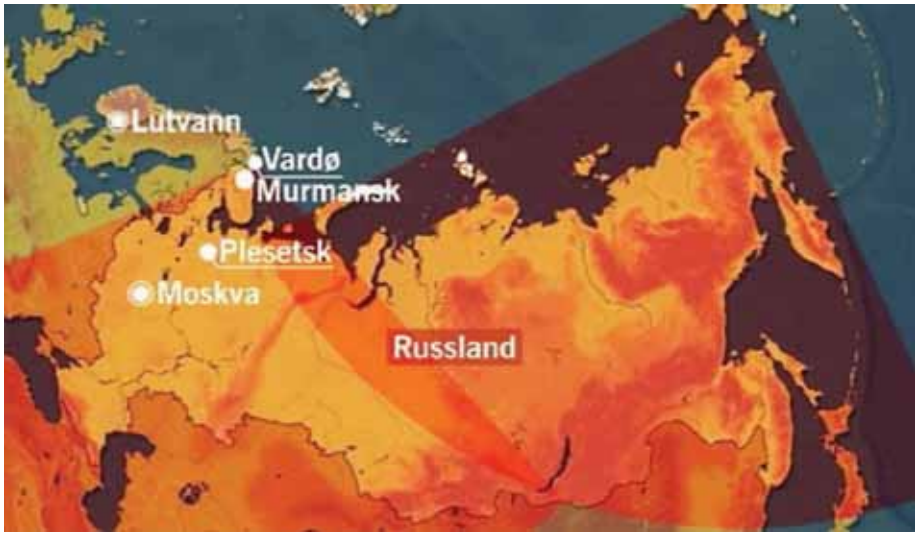

[1] Антонов А. И. Международно-правовое регулирование военно-космической деятельности // Вестник МГИМО(У). 2012. № 4(25).

ческой безопасности приобрела резкие черты. Очевидно, что норвежские власти решили просто окончательно прибрать Шпицберген к рукам, а потому российский проект явно в их планы не вписывался. Более того, использовать его в военных целях.

«Запад принялся за милитаризацию Арктики в попытке установить контроль над ценными ресурсами региона, а НАТО усиливает экспансию в этом регионе. Такое мнение в интервью „Голосу России“ высказала вице-председатель Шведского совета мира и член наблюдательного совета Глобальной сети против оружия и ядерных испытаний в космосе Агнета Норберг. Она, в частности, заявила, что „правительство Норвегии разрешило США разместить там радарные установки: в сочетании со спутниками они используются для ведения войны. Это совершенно новые способы ведения современных войн“»[1].

С другой стороны, все остальные радарные установки используются для навигации военных самолетов и информирования пилотов о цели бомбардировок. Если посмотреть на карту, то она вся покрыта американскими радиолокационными установками. Получается, с одной стороны,

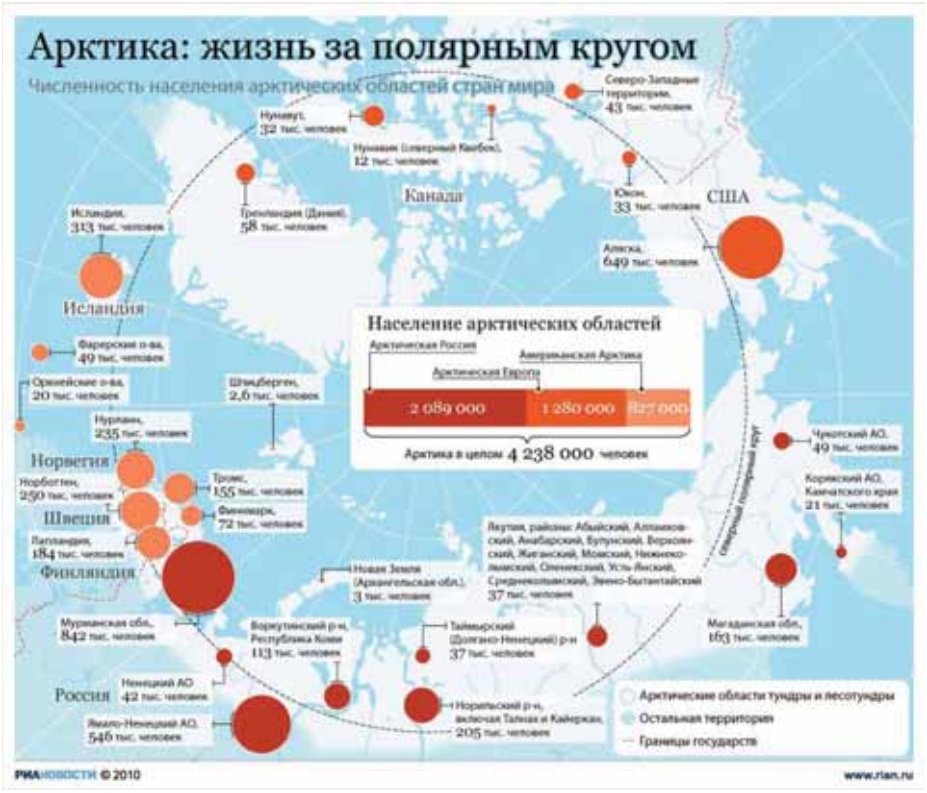

[1] Арктика: милитаризация в целях контроля природных ресурсов? / Цит. по: Эл. ресурс «Евразийская оборона». 2013. 5 февраля / http://eurasian-defence.ru

у тебя есть система ПРО, которая может быть использована в оборонительных целях, а с другой стороны, может быть использована в качестве наступательного вооружения. И один из радаров этой системы ПРО установлен вблизи границ России в норвежском Вардё.

«Я была удивлена, — продолжает известный общественный деятель, — когда русские эксперты, приехавшие на семинар по Арктике, который мы устраивали в Стокгольме в октябре, не согласились, что ситуация в регионе довольно опасная. Единственный, кто со мной согласился, был Борд Вормдал, журналист, который написал книгу „Спутниковая война“. Мне кажется, что это все из-за неосведомленности об установках вблизи границ России. А это достаточно опасно»[1].

[1] Арктика: милитаризация в целях контроля природных ресурсов? / Цит. по: Эл. ресурс «Евразийская оборона». 2013. 5 февраля / http://eurasian-defence.ru

Самостоятельно Норвегия на антироссийские действия вряд ли решится, поэтому сегодня для нее важно собрать своеобразную команду «единомышленников», которые под лозунгами арктической безопасности могут продавить инициативу об отмене положения о равноправной экономической деятельности на Шпицбергене[1]. Особенно актуальными в этой связи становятся проблемы, связанные с Арктикой.

«Финляндия, — отмечают эксперты, — несмотря на достаточно внешнее политическое спокойствие, устами правых сил заявляет, что пора бы поднять вопрос о статусе Карелии. И хотя здесь до Арктики далековато, но так кто же, в конце концов, будет измерять расстояние от Петрозаводска до арктических льдов с помощью линейки на географической карте. Главное — создать прецедент, а там уже погромче обозначить свою обеспокоенность»[2].

Казалось бы, что у других стран северной пятерки к России нет больших претензий, но это на самом деле не так. Если рассматривать Швецию, то оказывается, что после российско-грузинского военного конфликта шведские власти очень активно заявляли о российской «агрессии в Грузии» и о том, что эта агрессия угрожает Западу, косвенно призывая к активным действиям по нейтрализации российской «угрозы». Мало того, нейтральная Швеция все активнее заявляет о том, что видит свое дальнейшее развитие при активном сотрудничестве с НАТО.

К Дании у официальных российских властей тоже есть свои вопросы. Взять хотя бы проведение в этой стране так называемого Мирового чеченского конгресса, на котором собралась вся террористическая «малина», представители которой были в свое время объявлены в международный розыск. Даже Исландия не является страной, нахождение которой в этом своеобразном списке союзников по борьбе с фантасмагоричной арктической опасностью вызывает много вопросов»[3].

[1] На Россию наступают с Севера? / Эл. ресурс «Военное обозрение». 2012. Август / http://topwar.ru

[2] На Россию наступают с Севера? / Эл. ресурс «Военное обозрение». Август 2012 г. / http://topwar.ru

[3] На Россию наступают с Севера? / Эл. ресурс «Военное обозрение». 2012. Август / http://topwar.ru

Евразийская воздушно-космическая оборона

Создание Соединенными Штатами региональных систем ПРО в Европе, Северной Америке, на Ближнем Востоке и в Юго-Восточной Азии неизбежно приводит к выводу, что в конечном счете создается глобальная система ПРО, способная гарантировать защиту не только собственной территории страны и их союзников, но и вооруженных сил НАТО и других стран, размещенных на различных ТВД по всему миру. В случае использования Соединенными Штатами военной силы в любой ее форме такая возможность, безусловно, гарантирует им безопасность и способность понизить «ядерный порог» до приемлемого уровня.

5.
ВКО как альтернатива созданию стратегического наступательно-оборонительного комплекса

… за 20 лет своего существования ОДКБ нигде и ни в чем себя не проявила. По-прежнему неясен механизм реализации ее потенциала[1]

Р. Сайфулин, политолог

Спасение нашего государства — в создании современной ВКО, где должны быть задействованы и СЯС, и ударная авиация, и другие компоненты Вооруженных Сил[2]

М. Гареев, президент Академии военных наук, генерал армии

Для объективных наблюдателей очевидно, что развитие стратегических сил и вооружений США перешло к началу второго десятилетия в стадию формирования единого стратегического наступательно-оборонительного-информационного комплекса. Эта тенденция проявилась еще в начале 80-х годов XX века, когда развитие СЯС США и систем боевого управления, связи и разведки было «запараллелено» с программой СОИ. Во всяком случае я писал об этом еще в своей докторской диссертации в 1989 году[3].

Как отмечают сегодня российские исследователи, «…наступательный ударный компонент включает: стратегическое и нестратегическое ядерное оружие; обычные средства поражения, высокоточное и некинетическое оружие, в том числе на новых физических принципах; средства радиоэлектронной борьбы и воздействия на информационные сети. В министерстве обороны США подчеркивают, что неядерные ударные силы существенно снижают зависимость от боевого состава ядерных сил и обеспечивают военно-политическому руководству США максимальную гибкость в принятии решений при реагировании на возникающие кризисные ситуации. Отмечается, что часть задач по поражению критически важных

[1] Сайфулин Р. Как рождаются мифы // Россия в глобальной политике. 2012. Т. 10. № 4. С. 83.

[2] Гареев М. А. Задачи надо решать сообща // Воздушно-космическая оборона. 2012. № 4(65). С. 15.

[3] Подберезкин А. И. Значение систем боевого управления, связи и разведки в военной доктрине США / Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. ДА МИД СССР / www.viperson.ru

и стратегических объектов вероятного противника, в условиях выполнения договорных обязательств по сокращению СНВ, будет возложена на МБР и БРПЛ в неядерном оснащении и высокоточное оружие большой дальности»[1].

[1] Вильданов М., Русанов И. Ключевое средство устрашения // Национальная оборона. 2012. № 9 (78). С. 50.

Единственной альтернативой созданию наступательно-оборонительного потенциала США может быть развертывание эффективной системы ВКО, способной уничтожать широкий спектр средств нападения — от высокоточных стратегических неядерных вооружений (прежде всего КРМБ, ГЗЛА, ударные беспилотники и др.) до «классических» СЯС. Полагаться на то, что уцелевших сил ответного удара России будет достаточно — беспрецедентная наивность. И не потому, что их мало и все они находятся в зоне поражения, но и потому, что немногие уцелевшие МБР и БРПЛ могут быть эффективно перехвачены создающейся глобальной системой ПРО США, которая очевидно будет не только создаваться и дальше, но и совершенствоваться, а ее компоненты размещаться по периметру границ России.

Наконец, полагаться на силы ответного удара смогут в будущем только Россия и отчасти Китай. Что же касается других евразийских государств, в т.ч. союзников России, то им придется либо полагаться на ядерные гарантии нашей страны (что,

как и в случае с гарантиями США своим союзникам, выглядит не очень убедительно), либо создавать совместную объединенную систему ВКО.

Реальность такова: объединенные системы ПРО–ПВО–ВКО, в сочетании с ВТО неядерным оружием, могут создаваться либо военно-политическими коалициями (что и делают уже США), либо в сотрудничестве с другими странами. При том понимании, что оперативное управление этими объединенными системами в конечном счете будет происходить из единого центра, в котором концентрируется вся информация от сенсоров. Что, собственно, подтверждается решением Совета НАТО в мае 2012 года в Чикаго, в котором неоднократно (пункты 8, 20, 32) говорилось о «сочетании ядерных вооружений с обычными вооружениями и системами ПРО»[1].

В этой связи становится понятно, что защита России и ее союзников в Евразии возможна только в том случае, если наравне с созданием современной системы боевого управления и развитием СНВ должное (я бы сказал, приоритетное) внимание будет уделено созданию эффективной системы ВКО.

Следует также заметить, что такой вывод предполагает отказ от широко рекламируемого до сих пор решения, в соответствии с которым стратегические вооружения способны гарантированно нанести ответный удар, а, значит, подобный «асимметричный» ответ делает создание ВКО затратным и бессмысленным. К сожалению, еще с 1980-х годов такой подход наносит серьезный ущерб, фактически ведя к свертыванию НИОКР в области ВКО, разрушению научных и конструкторских школ, растаскиванию материальной базы и техническому отставанию. Его ошибочность должна быть признана, а тем, кто его пропагандирует — предложена достойная аргументация.

Важно, чтобы как и в США, в российской элите сложился консенсус в понимании и подходе к проблемам ВКО, который не допускал бы прежних ошибок.

[1] Козин В. Точка невозврата / Алмаз-Антей. 2012. № 2. С. 57.

Два подхода к американской ПРО в России: история и современность

… современная администрация США продолжает развертывать систему противоракетной обороны, способную в перспективе защитить США от угрозы ракетного удара любого возможного противника, в том числе российских МБР[1]

О. Матвеев,
профессор, полковник

Следует понимать, что общая тенденция создания наступательно-оборонительно-информационного комплекса в США диктует свои принципы, один из которых — противостояние наступательных и оборонительных вооружений — существовал всю историю вооружений, включая ее ядерную фазу.

Надо сказать, что как в США, так и в СССР (а потом и в России) программы создания систем ПРО никогда не прекращались. Так, вспоминая об этом периоде, авторы работы «Ядерный щит» пишут: «Прогресс в создании межконтинентальных баллистических ракет инициировал в СССР работы в области отечественной противоракетной обороны. Работы эти велись поэтапно, соответственно техническому уровню средств ракетного нападения. Первый период характеризуется созданием противоракет и их оснащения, обладающих возможностью надежного поражения моноблочных головных частей. Важнейшей компонентой совершенствования ПРО являлось создание специализированных зарядов для этой системы. Вначале работы концентрировались в основном на создании зарядов, которые поражали бы моноблочные головные части рентгеновским излучением.

[1] Матвеев О. В. Противоракетная оборона как фактор российско-американских взаимоотношений. М.: Военный университет, 2011. С. 123.

Во ВНИИЭФ работы по зарядам для ПРО были инициированы Е. М. Рабиновичем при активной поддержке Ю. Б. Харитона. Необходимо отметить, что эта деятельность велась в весьма жесткой конкурентной борьбе с коллективом ВНИИТФ, где значительных успехов добились Ю. А. Романов, В. Розанов, Ю. Диков…

Оснащение Военно-морских ядерных сил США разделяющими головными частями, способными соединяться в многоэлементные баллистические цели, состоящие из боеголовок и ложных целей для прорыва системы противоракетной обороны, поставило перед разработчиками отечественной ПРО новые задачи: наша система должна была с высокой вероятностью нейтрализовать боеголовки в составе сложной баллистической цели, включающей до 10 боеголовок; прикрытых дипольными отражателями, легкими и тяжелыми ложными целями. Важнейшей компонентой совершенствования системы ПРО являлось создание для нее специализированных зарядов.

По мере усложнения задач (главным образом с появлением разделяющихся головных частей) от разработчиков потребовалось при обеспечении радиусов поражения цели в несколько сотен метров кардинально уменьшить мощность взрыва для наведения противоракеты на цель в условиях множественных взрывов ядерных зарядов других противоракет. Этим задачам в наибольшей степени отвечали заряды, специализированные по поражению боеголовок нейтронами, а также рентгеновским излучением. Решению этих задач в значительной степени способствовало оснащение вычислительного комплекса ВНИИЭФ ЭВМ нового поколения, позволяющими проводить более сложные теоретические расчеты»[1].

Надо сказать, что в СССР, а затем (до сих пор) и в России политико-идеологический подход, игнорирующий стремление США создать наступательно-оборонительный комплекс, в котором дальнейшая роль принадлежала бы глобальной

[1] Грешилов А. А., Егунов Н. Д., Матушенко А. М. Ядерный щит России. М.: Логос, 2008. С. 189–191.

системе ВКО США, прослеживается еще со времен выдвижения в 1983 году Р. Рейганом так называемой программы «звездных войн». Он основывался, если коротко, на пяти основных и достаточно спорных идеях:

— во-первых, технической невозможности осуществления перехвата межконтинентальных ракет;
— во-вторых, на установке правящей элиты США на «экономическое изматывание» СССР в гонке противоракетных вооружений;
— в-третьих, на способности СССР достаточно просто «асимметричными» мерами (т.е. совершенствованием способности СНВ СССР преодолеть ПРО) нейтрализовать все усилия США;
— в-четвертых, создании глобальной ПРО — как спорной идеи, по которой в американском истэблишменте пока нет консенсуса;
— в-пятых, возможные меры по ПРО СССР идут вразрез с идеями «разрядки» и «нового мышления».

После прихода к власти М. Горбачева эти идеи получили не просто свое развитие, но и оказались востребованы политической элитой в качестве очередного обоснования политики разрядки, компромиссов и часто неоправданных уступок со стороны СССР. Рационально-прагматический подход, который в 1972 году привел к подписанию Договора по ПРО между СССР и США, постепенно уступил место опасной политике бесконечных (и часто даже не ожидаемых) уступок. Апофеозом такой политики стал фактический отказ М. Горбачева в 1990 году от взаимосвязи процессов ограничения СНВ и ПРО. Надо понимать, что подобный пересмотр принципиального подхода взаимосвязи СНВ и ПРО был продиктован экономическими причинами, которые уже поставили СССР в зависимость от США, а не объективными обстоятельствами военно-стратегического характера.

Все эти годы США успешно и эффективно развивали передовые военные технологии, которые в разное время и по-разному были обеспечены политически и финансово идеей глобальной ПРО, от которой никто и никогда в руководстве США и не думал отказываться. Просто до определенного времени программы НИОКР находились в стадии, когда шли споры о том, нарушают они Договор по ПРО или нет, но когда Договор стал уже абсолютно не совместим с реальной военно-технической политикой, от него в Вашингтоне просто отказались.

Странным образом, но этот подход части российской элиты к созданию систем ПРО, оказавшейся абсолютно провальным, вновь реанимирован во втором десятилетии XXI века. По сути дела с теми же аргументами, которые практически не модифицируются теми же авторами.

Говоря о возникновении нового феномена в военной политике США, — формировании единого стратегического наступательно-оборонительного (иногда добавляют и информационного) комплекса, — критики этого подхода сразу же сталкиваются с замечаниями, которые приобрели определенную популярность у части политиков и экспертов вроде «А кто собирается нападать на Россию?» Или «Зачем оружие?»[1]

Самый простой ответ на эти вопросы — попытаться спроецировать эти вопросы на США. Кто собирается нападать на США, у которых две безопасные границы и окружены двумя океанами, но тратят в последние десятилетия ежегодно уже не 300, а 700 млрд долл. на военные расходы? Неужели КНДР и Иран, против которых планируют развернуть сотни и даже тысячи систем перехвата? Кстати, критикуемая сегодня как «излишне амбициозная» программа перевооружения России до 2020 года (23 трлн руб. или 750 млрд долл.) примерно равна одному финансовому году расходов на оборону США.

Анализ военных программ США, таким образом, зависит не от реалий — планов и финансирования, — а от отношения,

[1] Караганов С. А. Зачем оружие? // Россия в глобальной политике. 2012. Т. 10. № 5. С. 8–23.

оценок, нередко идеологически и политически предвзятых и непрофессиональных. Хотя авторы, исследующие их, нередко и критикуют своих оппонентов за «непрофессионализм». Так, в докладе РСМД, в частности, с самого начала говорится: «К сожалению, обсуждение проблемы противоракетной обороны у нас зачастую ведется крайне некомпетентно, на уровне пропагандистских мифов и стереотипов. При этом доминируют алармистские оценки, многократное преувеличение военно-технических возможностей американской ПРО. У общественности создается ложное представление о ненадежности нашего потенциала ядерного сдерживания. Полностью игнорируются уже имеющиеся и новейшие российские средства преодоления ПРО. Складывается впечатление, что и у нас возобладали оценки, основанные на наихудшем сценарии развития противоракетной обороны США»[1].

Это утверждение уважаемых экспертов выглядит странно по меньшей мере, по нескольким причинам.

Во-первых, Министерство обороны России не раз публично заявляло о том, что при реализации третьего и четвертого этапов ЕПАП (к 2018–2020 гг.) появится реальная возможность поражения российских МБР и БРПЛ на различных этапах траектории их полета. Конечно, представителей МО и ГШ можно назвать «некомпетентными» людьми и «алармистами», но представляется, что публичные заявления такого рода, даже в атмосфере царящей безответственности, даром пройти не могут.

Но не это главное, а то, что создание новых систем ПРО США в комплексе с увеличенными возможностями по точности и дальности стратегического ВТО в неядерном оснащении, а также новые возможности управления и связи, сетецентрические и кибернетические потенциалы в совокупности могут позволить США в среднесрочной перспективе рассчитывать

[1] Десять лет без договора по ПРО. Проблема противоракетной обороны в российско-американских отношениях: науч. докл. / [Рогов С. М. и др.]. — М.: Спецкнига, 2012. С. 62.

на создание потенциала «обезглавливающего» и «разоружающего» удара.

Тем более вряд ли можно согласиться с выводом доклада РСМД, в котором оптимистично утверждается, что, «как показывает объективный анализ (?!) фактической ситуации, через 10 лет после выхода из Договора по ПРО у США нет и в обозримом будущем не будет стратегической противоракетной обороны, способной отразить ответно-встречный и даже ответный удар российских стратегических ядерных сил»[1].

Странно, но многие эксперты, в т.ч. и в США, вполне уверены, что такая глобальная система ПРО создается. И создается успешно. Более того, по мнению НГШ ВС РФ В. Герасимова, такая конфигурация ПРО (США) представляет угрозу для российских стратегических сил, размещенных в любом регионе страны. «Развернутые средства американской ПРО уже сегодня имеют потенциал перехвата российских ракет, а информационная подсистема ПРО США в настоящее время обеспечивает охват всей территории России»[2].

При таком идеологизированно-политическом подходе остается одно: изначально согласиться, что угрозы создания глобальной ПРО США нет, что американское правительство (тратя сотни миллиардов долларов) изначально выбрасывает их на ветер.

Как-то трудно верится, что детальные планы, рассчитанные на десятилетия (и выполняемые довольно успешно), — блеф, за которым стоит авантюра. Тем более не верится, что достаточно успешно проводимые НИОКР через 10 лет не дадут искомого стратегического результата.

Между тем по информации Агентства по противоракетной обороне США (MDA) 25 октября 2012 года успешно прошли одни из крупнейших тестовых учений по отражению ракетной угрозы состоящей одновременно из пяти целей и ракет различного радиуса действия. Эти испытания укладываются

[1] Десять лет без договора по ПРО. Проблема противоракетной обороны в российско-американских отношениях: науч. докл. / [Рогов С. М. и др.]. — М.: Спецкнига, 2012. С. 62.

[2] Козин В. Точка невозврата / Алмаз-Антей. 2012. № 2. С. 57.

во второй раунд создания глобальной системы ВКО США и заключаются в отработке всех систем региональной ПРО, которая будет реализовываться в начале в Европе и Юго-Восточной Азии.

Одновременное выявление, слежение и уничтожение пяти целей реализовано благодаря отладке интегрированной системы управления, контролирующей составные части комплекса региональной ПРО, расположенные на земле, воздухе и воде. Впервые установки типа THAAD отразили угрозу удара ракетами средней дальности, а комплекс Patriot Advanced Capability-3 (PAC-3) уничтожил крылатую ракету малой дальности (SRBM), двигавшуюся на предельно малой высоте вдоль водной поверхности.

Аэробаллистическая ракета большого радиуса действия (E-LRALT) была сброшена с самолета ВМС США C-17 над океаном к северу от атолла Уэйк, после чего радар AN/TPY-2, расположенный вместе с системой THAAD на острове Мек, отследил ее, а перехватчик THAAD успешно уничтожил (системой перехвата управляли подразделения 32 AAMDC).

РЛС AN/TPY-2 комплекса THAAD,
развернутая на атолле Кваджалейн в ходе учений

Другую ракету малого радиуса действия запустили с мобильной морской платформы, расположенной к северо-востоку от атолла Кваджалейн, после чего комплекс PATRIOT, укомплектованный солдатами 94 AAMDC, обнаружил и отследил ее, а перехватчик PAC-3 успешно ее уничтожил.

Главной задачей испытаний, как заявлялось, была отладка взаимодействия всех составных звеньев региональной системы ПРО, координированное выполнение задач различных родов войск (ВМС, ВМФ, СВ, ПРО) с использованием новейшей системы управления и контроля боевыми операциями (C2BMC), которая **в глобальном варианте будет реализована к 2020 году**. Боевые испытания дали отличную возможность исследователям на основе полевых данных доработать существующие системы[1].

Сегодня можно уже говорить о том, что формирование единого наступательно-оборонительного комплекса США выходит за рамки одного государства и даже НАТО. Его элементы складываются в глобальном геополитическом пространстве — от Австралии и Аляски до Европы. Нельзя не признать, что это уже та геополитическая реальность, о которой публично говорят политические и военные руководители России[2].

Она объективно противостоит другой, уже исторической реальности, которую ректор МГИМО(У) А. Торкунов описал следующим образом: «Отсутствие природных границ на территории Евразии — естественная причина, исторически провоцировавшая населяющие ее народы к объединению всех ее территорий, инициировавшегося как с Востока, так и с Запада. Во взаимодействии евразийских народов на протяжении всей их истории прослеживается одна и та же закономерность: пульсирующее чередование двух периодически сменяющих друг друга геополитических форм организации евразийского пространства — единой государственности и системы государств»[3].

[1] План мероприятий по созданию глобальной системы ВКО США продолжается / Эл. ресурс «Евразийская оборона». 2012. 15 ноября / http://eurasian-defence.ru

[2] Козин В. Точка невозврата / Алмаз-Антей. 2012. № 2. С. 57.

[3] Торкунов А. В. Россия в системе международных отношений (ретроспективный взгляд) // Вестник МГИМО(У). 2012. № 5 (26). С. 48.

В этом смысле создание объединенной евразийской системы ВКО можно рассматривать как единственную военно-политическую и военно-техническую возможность не только нейтрализации новой угрозы, но и стимула для евразийской интеграции. Этому аспекту пока что уделяется мало внимания, хотя именно общность военно-политических интересов перед угрозой создания наступательно-оборонительного комплекса США и его союзников в Евразии становится той базой, на которой может проходить успешно интеграционный процесс. Не случайно и то, что позиции противников евразийской интеграции и создания эффективной ВКО в Евразии практически совпадают.

Наверное, это общая тенденция: так или иначе, формирование региональных военно-политических и идеологических союзов — закономерность XXI века, которая, к сожалению, медленнее всего реализуется пока что в Евразии. В полной мере это замечание относится к стратегическим наступательным и оборонительным вооружениям (ядерным и обычным) в Евразии.

В целом процесс развития как СНВ и системы ПРО в США и России, так и неядерных вооружений говорит о том, что в этих, да и ряде других государств складывается единый наступательно-оборонительный комплекс[1], когда возникает возможность применения первого «разоружающего» удара с уверенностью, что ослабленный ответный ядерный удар будет нейтрализован будущей глобальной системой ПРО. Пример войны Израиля с ХАМАС в ноябре 2012 года — очень показателен. Он «в миниатюре» демонстрирует военную эффективность идеи, ее технологическую реализуемость. То, что после этого конфликта в Израиле активизировались усилия в этом направлении, более того, резко увеличились масштабы и были внесены коррективы в планы использования ВТО и ПРО, — лишний раз подтверждает устойчивость этой тенденции.

[1] Еще в конце 1980-х годов это достаточно хорошо просматривалось. В частности, это был один из выводов докторской диссертации А. И. Подберезкина. См.: Эл. ресурс «Рейтинг персональных страниц» / http://www.viperson.ru

Дестабилизирующая роль глобальной системы ПРО США разница в оценках

… учитывая неразрывную взаимосвязь между стратегическими наступательными и оборонительными вооружениями, могут возникнуть основания для выхода нашей страны из договора об СНВ[1]

Д. Медведев,
Президент России

Поручение В. Путина о разработке долгосрочного прогноза и стратегическом планировании применительно к евразийской интеграции и ВКО становится следствием точных оценок действительности, реалистичности подходов.

Дестабилизирующая роль формирующейся глобальной системы ПРО США очевидна не только в политико-дипломатической и военно-политической области, но и в таких, казалось бы, далеких областях как гуманитарное сотрудничество. Более 80% тематики российско-американских отношений так или иначе связано с контролем над вооружениями, из которого США упорно избегают договоренностей по ограничению военно-космической и противоракетной тематики.

С точки зрения процессов евразийской интеграции политика США по созданию глобальной ПРО является крайне дестабилизирующей и опасной. Что подчеркивается российскими экспертами: «Особое место занимает тема ПРО. Нерешенность проблемы тормозит формирование нового уровня безопасности на континенте. Развертывание ПРО в ущерб российским интересам становится существенным дестабилизирующим фактором»[2], — считает, например, заместитель министра обороны России А. И. Антонов.

[1] Медведев Д. А. Заявление Президента РФ Дмитрия Медведева в связи с ситуацией, которая сложилась вокруг системы ПРО стран НАТО в Европе / Цит. по: ЕвроПРО: сотрудничество или конфронтация / Алмаз-Антей. 2012. № 1. С. 7.

Евразийская воздушно-космическая оборона

Стратегические оборонительные силы, включающие в себя силы и средства системы предупреждения о ракетно-ядерном ударе, противокосмической обороны и контроля космического пространства, противоракетной обороны и противовоздушной обороны Северо-Американского континента, по существу в настоящее время представляют единую систему воздушно-космической обороны (ВКО) США. Если в России и других евразийских государствах еще только начался этот процесс, то в США он идет несколько десятилетий и достиг достаточно продвинутой стадии. Это стало логическим продолжением последовательной политики США на протяжении более трех десятилетий. Еще в середине 1980х гг. в связи с принятием программы СОИ американское военно-политическое руководство провозгласило концепцию, в которой определялось, что «развитию вооруженных сил США должно быть присуще стремление не к соревнованию с Советским Союзом в числе мотострелковых и танковых соединений для ведения наземных сражений, а к использованию преимуществ американского промышленного и технологического потенциала для создания высокоточного оружия морского и воздушно-космического базирования в виде космических боевых средств, пилотируемых и бесплотных авиационных средств, роботизированных разведывательно-ударных комплексов[1].

В СССР и России на протяжении нескольких десятилетий, вплоть до самых последних лет, политика в этом вопросе была не логична и не последовательна. И сегодня, недооценка дестабилизирующей роли глобальной ПРО США лежит как в основе оценок действий США в этой области, так и критики программ создания и развертывания ВКО России и Евразии у части российского экспертного сообщества и правящей элиты. Эта недооценка, как уже говорилось, стала своего рода традицией, укрепившейся со времен М. Горбачева. Несмотря на огромный вред, который такой подход нанес отечественно-

[1] Матвеев О. В. Противоракетная оборона как фактор российско-американских взаимоотношений. М.: Военный университет, 2011. С. 121.

му ОПК и перспективным НИОКР, этот подход остается, более того, актуализируется и сегодня.

Особое значение имеют оценки перспектив создания глобальной системы ПРО США, которые сегодня в российской элите достаточно конкретны. Речь идет даже не о том потенциале ПРО, которым США будут обладать в 2020–2022 годах, а о военно-политической и военно-технической тенденции, которая свидетельствует о стремлении создать такую систему «абсолютной неуязвимости», во-первых, и стимулирование развития научно-технических направлений, реализуемых в США сегодня, во-вторых. Это важно учитывать потому, что сегодня анализ основывается на уже устаревших оценках. Так, в среднесрочной перспективе (до 10 лет) ситуация, по мнению экспертов РСМД, может выглядеть следующим образом[1].

[1] Десять лет без договора по ПРО. Проблема противоракетной обороны в российско-американских отношениях: науч. докл. / [Рогов С. М. и др.]. — М.: Спецкнига, 2012. С. 21–22.

Противоракетная оборона США и России

США 2012 г.		
Стратегическая ПРО	Трехступенчатые GBI	30 (+6 в резерве)
Нестратегическая ПРО	Patriot PAC-3	791
	SM-3 Block IA & IB	104
	THAAD	50
Россия 2012 г.		
Стратегическая ПРО	А-135 ((противоракеты 53Т6М)	68
Нестратегическая ПРО	С-300 (48Н6)	несколько сотен
	С-400 (40Н6)	несколько десятков
США 2015 г.		
Стратегическая ПРО	Трехступенчатые GBI	30 (+17 в резерве)
	Двухступенчатые GBI	?
	SM-3 Block IIA Эшор	15 (в Румынии)?
Нестратегическая ПРО	Patriot PAC-3	~900
	SM-3 Block I A & IB	236
	THAAD	226

Евразийская воздушно-космическая оборона

Россия 2015 г.		
Стратегическая ПРО	A-135	68
Нестратегическая ПРО	C-300	?
	C-400	?
США 2018 г.		
Стратегическая ПРО	Трехступенчатые GBI	30 (+27 в резерве)
	Двухступенчатые GBI	несколько штук?
	SM-3 Block IIA Эшор	48 (в Польше, Румынии)?
	SM-3 Block IIB	0
Нестратегическая ПРО	Patriot PAC-3	> 900
	SM-3 Block I A & IB	356
	THAAD	330
Россия 2018 г.		
Стратегическая ПРО	A-135	84 (68+16 дополнительно)?
Нестратегическая ПРО	C-300 ПМУ-2	несколько сотен
	C-400	?
	C-500	?
США 2020 г.		
Стратегическая ПРО	Трехступенчатые GBI	30 (+27 в резерве)?
	Двухступенчатые GBI	несколько штук?
	SM-3 Block IIB Эшор	48 (в Польше, Румынии)?
	SM-3 Block IIB	несколько десятков?
Нестратегическая ПРО	Patriot PAC-3	> 900
	SM-3 Block I A & IB	472
	THAAD	330
Россия 2020 г.		
Стратегическая ПРО	A-135	84
Нестратегическая ПРО	C-300 ПМУ-2	1280?
	C-400	1856?
	C-500	320?

К сожалению, стратегический прогноз, сделанный экспертами РСМД, основывается на оценках современных планов и уровня НИОКР в США, известных в официальных документах. О начальных и даже продвинутых стадиях НИОКР, которые не известны научной общественности, по понятным причинам трудно говорить, хотя очевидно, что такие научно-технические заделы существуют. Что признают сами эксперты. Так, авторы доклада РСМД отмечают, что «в целом же, пока окончательные параметры американской противоракетной обороны, прежде всего стратегические компоненты, не определены. Более или менее сформулированы планы на период до 2018 г. (первые три этапа ЕПАП), но четвертый этап и последующие шаги пока не ясны»[1].

Противоракета шахтного базирования GBI устанавливается на пусковой позиции позиционного района ПРО на Аляске

Сегодня очевидно, что США стремятся создать глобальную систему ВКО прежде всего посредством создания региональных поэтапных планов (РАА) в Европе и Юго-Восточной Азии.

Российские исследователи отмечают слабые места программы: «В настоящее время американская стратегическая

[1] Десять лет без договора по ПРО. Проблема противоракетной обороны в российско-американских отношениях: науч. докл. / [Рогов С. М. и др.]. — М.: Спецкнига, 2012. С. 21.

ПРО включает 26 перехватчиков GBI на Аляске (Форт-Грили) и четыре перехватчика в Калифорнии (авиабаза Ванденберг). Следует отметить, что Пентагон ни разу не проводил испытаний перехвата МБР[1], а также группового запуска противоракет GBI. Кроме того, как подчеркивается в докладе Главного управления отчетности, «способность СЕ-1 и СЕ-2 поражать цели в условиях применения противником средств преодоления ПРО не установлена». Первое испытание противоракеты GBI по перехвату МБР намечено на 2015 г., второе — лишь на 2021 год»[2].

Представляется, что не очень-то скрываемый пессимизм российских экспертов не обоснован. С точки зрения развития современных вооружений и НИОКР, срок в 2–3 года и даже 8–10 лет не является каким-то заоблачным. Он вполне укладывается в среднесрочные программы планирования.

Совершенно другое дело, если придется догонять. Очевидно, что такие научно-технические заделы США, которые быстро превратятся в превосходство, нейтрализовать будет невозможно. Поэтому современные оценки имеют мало общего с будущей реальностью. Так, авторы доклада РСМД пишут: «Модифицированный вариант перехватчика SM-3, якобы способный перехватывать МБР, должен поступить на вооружение лишь к началу следующего десятилетия. Количество закупаемых противоракет SM-3 Block 2B и их технические параметры пока не известны[3].

Сомнительность перспектив создания глобальной ПРО США для российских авторов доклада очевидна, хотя, исходя из опыта последних 30–40 лет, можно говорить, что в целенаправленности и последовательности Вашингтону отказать нельзя. Более того, количество «неизвестных противоракет» не является проблемой. Тот же опыт Израиля показывает, что развертывание пяти батарей системы «железный купол» заняло полтора года, а сами сроки развертывания были даже сокра-

[1] Учебный перехват мишени FTG-06, проведенный 15 декабря 2010 года был неудачным. В этом испытании предпринята первая попытка перехвата цели на дистанции свыше 7000 км, что несколько ниже характеристик дальности современных МБР, но вплотную приближается к максимальной дальности БРПЛ.

[2] Десять лет без Договора по ПРО. Проблема противоракетной обороны в российско-американских отношениях: науч. докл. / [Рогов С. М. и др.]. — М.: Спецкнига, 2012. С. 20–21.

[3] Там же.

щены. Поэтому при оценках и прогнозах на долгосрочную перспективу необходимо исходить из долгосрочных тенденций. Прежде всего анализа интересов и ценностей, продвигаемых США в мире, планов НИОКР и военного строительства, а не из намерений той или иной части республиканской или демократической элиты США, которые по большому счету в долгосрочной перспективе совпадают. О чем свидетельствует, в том числе, и реализация идеи глобальной ПРО США.

Политическая «позиция силы» и ВКО

… в Чикаго Североатлантический альянс.. создал специфическую новую «триаду», состоящую как из ядерных, так и обычных вооружений, как из оборонительных противоракетных систем, так и наступательных ракетно-ядерных потенциалов США[1]

В. Козин,
эксперт РИСИ

[1] Козин В. Точка невозврата / Алмаз-Антей. 2012. № 2. С. 57.

Даже создание простого впечатления о возможном безнаказанном воздушно-космическом нападении радикально усиливает внешнеполитические возможности США и их союзников. Даже, если предположить, что дело до прямого применения военной силы и не дойдет. В политике косвенное использование военной силы — шантаж, либо «создание впечатления» о такой возможности — во многом не только предопределяет политический результат, но и делает достижение такой цели возможным более эффективным, политическим способом. Важно, правда, оговориться: чтобы шантаж или блеф были эффективными, они должны выглядеть абсолютно реальными, т. е. обеспечены военно-техническими возможностями.

Во всяком случае, получение политико-психологической «позиции силы» расширяет спектр возможных угроз и форм использования военной силы. В том числе и в Евразии, к границам которой легко можно передислоцировать компоненты, оснащенные «Иджисами», создав в короткие сроки очевидное военное превосходство. Как отмечают эксперты, «при условии реализации планов и, главное, создания надежной ПРО, США

к 2019–2020 гг. может игнорировать внешний уровень стратегических угроз и закрепить за собой реальную роль мирового гегемона, а Россия полностью утратит фактор ядерного сдерживания»[1]. Что, естественно, немедленно отразится не только на ее внешнеполитических позициях, но и на внутриполитической ситуации в стране.

Эволюцию взаимосвязи наступательных и оборонительных вооружений США наглядно описал 1-й зампред КМД Госдумы РФ Л. Калашников: «Проектируемая сегодня архитектура американской ПРО характеризуется высокой мобильностью большей части носителей. Это позволяет оперативно перенацеливать эту систему против практически любой страны, ракетный потенциал которой США захотят блокировать. Судите сами: к 2015 году около половины американских ракет-перехватчиков составят системы «ти-эйч-эй-эй-ди» (THAAD), которые могут быть быстро переброшены с континента на континент военно-транспортной авиацией. Почти всю другую половину составят перехватчики «Иджис» эс-эм-три морского базирования. Корабли — носители этих перехватчиков также могут быть достаточно оперативно переброшены к берегам любой страны. Что касается наземных позиционных районов размещения перехватчиков, то пока все районы за пределами территории самих США проектируются вблизи российских границ — в Румынии и Польше»[2].

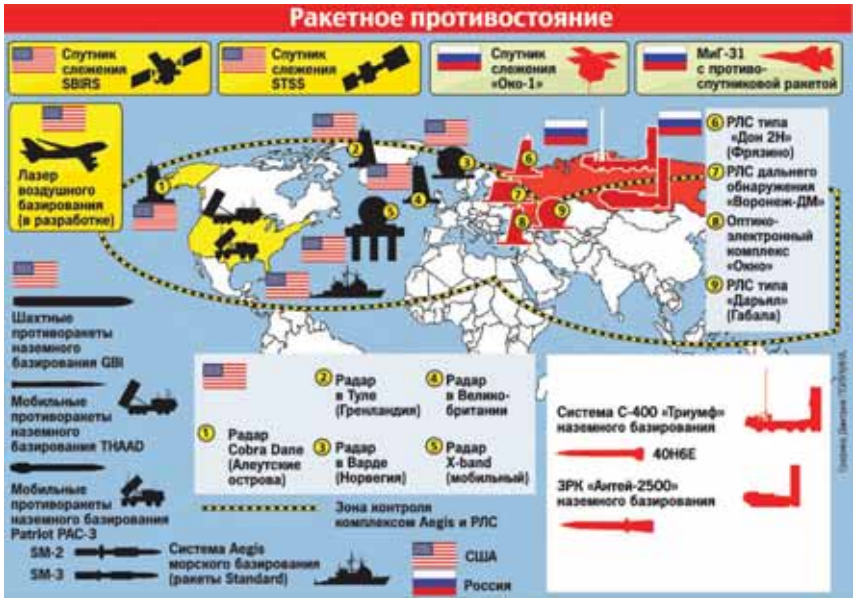
Возможности зенитных ракет, как и противоракет, значительно шире, чем кажется неспециалистам. Американцы изначально, еще для самых ранних своих зенитных ракет, предусматривали возможность применения их не только по воздушным, но и наземным целям. Ракета SM-3 (Standard Missile-3) — говорят, — вещь сугубо оборонительная. Но в США есть и план развития семейства ракет SM-3 для корабельной системы боевого управления «Иджис», которая обеспечивает поражение целей на суше и воде, под водой

[1] Щит России: системы противоракетной обороны. — М.: Изд-во МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2009. С. 3.

[2] Калашников Л. Повестка дня саммита НАТО в Чикаго: место России в планах альянса / В сб.: НАТО: мифы и реальность. Уроки для России и мира. М.: Кучково поле. 2012. С. 37.

и в воздухе. И этот план чудесным образом является продолжением работ по созданию и принятию на вооружение ракеты LASM (Land Attack Standard Missile) для высокоточного поражения наземных целей[1].

Ракета SM-3 Block IB уже может перехватывать цели на космических орбитах — на высоте до 320 км и на дальности до 770 км. Таким образом с передовых позиций у границ России американские противоракеты могут выполнять стратегические задачи даже лучше межконтинентальных ракет.

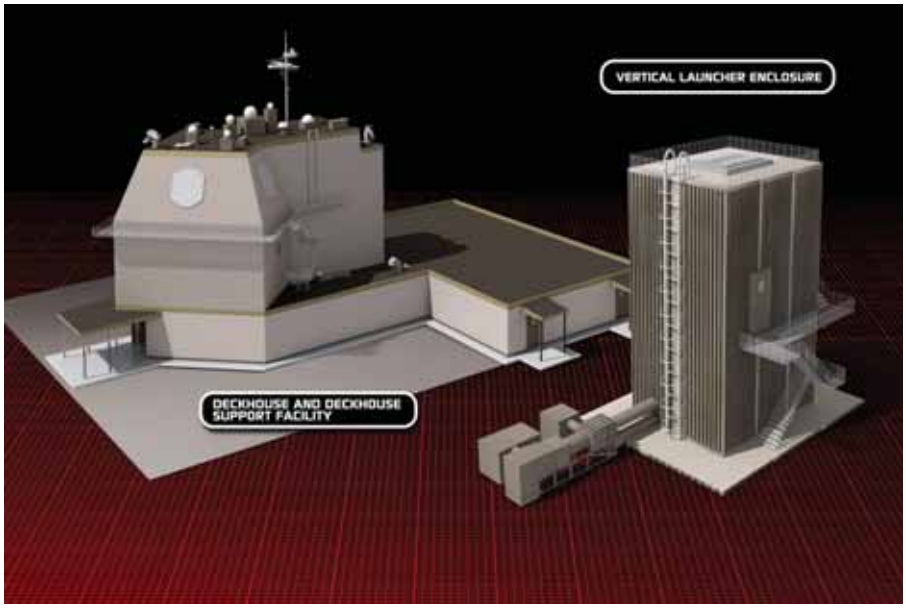

В целом, как отмечал бывший исполнительный директор НИИРП (ГСКБ) С. Курушкин, «Декларируемой целью американских работ по программе ПРО остается поэтапное развертывание в течение ближайших 10–15 лет многоэшелонной глобальной системы противоракетной обороны с многочисленными элементами различных видов базирования (наземного, воздушного, морского и космического) для защиты территории США, их союзников и значительных по размерам зон ТВД от ударов БР всех типов.

[1] Справедливости ради следует сказать, что техническая возможность применения ЗУР по наземным целям обеспечивается и российскими комплексами ПВО. Однако эта возможность считается нештатным случаем применения, и разработки специализированных платформ не ведутся.

Принцип эшелонирования, заложенный в основу системы ПРО, предусматривает разработку и развертывание:

— средств перехвата баллистических целей на конечном участке траектории;
— средств перехвата баллистических целей на среднем участке траектории;
— средств перехвата баллистических целей на активном участке траектории;
— системы боевого управления и связи;
— информационно-разведывательных средств»[1].

Проект системы ПРО берегового базирования Aegis Ashore, создаваемой на базе компонентов ПРО морского базирования и использующей противоракеты Standard SM-3

При этом особое внимание уделяется разработке и развертыванию систем раннего обнаружения (не более 10–15 сек), что является основным принципом многоэшелонной ПРО, в частности системы SBARS (высокоорбитальными — SBIRS-high и низкоорбитальными — SRIRS-low) компонентами,

[1] Курушкин С. Противоракетный щит США / Эл. ресурс «Армейский вестник» / http://army-news.ru/2011/12/protivoraketnyj-shhit-ssha/

модернизации РЛС дальнего обнаружения «Бимьюс» и РЛС X-диапазона, завершению развертывания противоракет дальнего перехвата в Форте-Грили и завершению комплектования двух батарей ТХААД.

Кроме того, предполагается глубокая модернизация многофункциональной системы управления оружием «Иджис» в интересах ПРО и противоракет «Стандарт-3» для обеспечения возможности поражения баллистических ракет, в том числе межконтинентальных баллистических ракет не только на активном и восходящем участках, но также на конечном участке траектории. Важная роль принадлежит и модернизации системы боевого управления и связи, способной выполнять задачи ПРО.

На этом фоне часто остается незамеченной роль поддерживающих систем, не входящих непосредственно в СПРН США и не причисляемой к средствам ПРО. В то же время, комплексная программа модернизации систем связи и навигации США вовсе не остается в стороне от решения задач ВКО. Так, например, начиная с блока IIA, спутники глобальной навигационной системы NAVSTAR (известные также как GPS) оснащаются комплексом оптических, ИК, ЭМ и гамма-датчиков, которые, согласно заявлениям производителя, предназначены для обнаружения ядерных испытаний. Этот же комплекс датчиков может быть использован в решении задач СПРН, контроля поражения целей противника с использованием ядерного оружия (вероятно, это их главное назначение, поскольку наземные ядерные испытания повсеместно запрещены), а также сопровождения траекторий баллистических целей, дополняя существующую инфраструктуру ВКО. Глобальное покрытие системы NAVSTAR позволяет без дополнительных усилий реализовать эффективную систему слежения, дополняющую специализированные средства. В дальнейшем спектр устанавливаемых датчиков может быть расширен.

Возможность и необходимость создания ВКО России и Евразии

Достижения постсоветской интеграции последних лет, вероятно, связаны с двумя обстоятельствами — ростом реальной интеграции «снизу» в 2000-е гг. и глобальным экономическим кризисом[1]

Е Винокуров, А. Либман

Такой же прорыв, который произошел в экономической интеграции, можно и нужно ожидать и в интеграции военно-политической. И в том числе по тем же причинам: осознанием общности интересов, включая интересы безопасности, в элитах и углублением конфликтности как следствия продолжающегося мирового кризиса.

В силу целого ряда причин, таким образом, складывается потенциальная основа для военно-политической интеграции, в том числе и в области ВКО, что, в частности, проявилось в решении Ашхабадского (декабрь 2012 г.) саммита. Немаловажное значение имеет и то, что только у России существует материальная основа для создания единой системы ВКО ОДКБ–СНГ–Евразии.

У СССР есть опыт создания ракет-перехватчиков баллистических ракет, в частности, у НИИРП ГСКБ, которая 4 марта 1961 года впервые в мире осуществила перехват и поражение на высоте 25 км ГЧ БР Р-12, летевшей со скоростью более 3 км/с. Достигнутые к 1961 году результаты в реализации принципов построения системы ПРО и большое количество натурных экспериментов в радиолокации баллистических целей, наведения противоракет (ПР) и поражения ГЧ осколочно-фугасными боевыми частями до сих пор остаются

[1] Винокуров Е., Либман А. Постсоветский интеграционный прорыв // Россия в глобальной политике. 2012. Март–апрель. Т. 10. № 2. С. 35.

существенной частью фундамента созданных в России уникальных боевых систем ПРО.

Вся совокупность этих экспериментальных работ заложила фундамент создания первой системы ПРО г. Москвы — А-35 (генеральный конструктор Г. Кисунько). Основными отличиями технических требований к системе А-35 от требований к системе «А» было существенное увеличение дальности и высоты действия ПР. Институт решил эту задачу. Государственная комиссия в своем акте констатировала, что система «А-35» отвечает предъявляемым к ней требованиям. Постановлением ЦК КПСС и Совмина СССР она была принята на вооружение Советской Армии. Противоракеты и средства наведения размещались на четырех объектах на расстоянии 70–80 км от Москвы: в районах Клина, Загорска, Наро-Фоминска, Нудоли.

В дальнейшем система А-35 была модернизирована (система А-35М, главный конструктор И. Д. Омельченко) для перехвата БР, оснащенных комплексом средств преодоления ПРО и была принята на вооружение в 1977 году[1].

Важно понимать, что создание наступательно-оборонительного комплекса будет тем эффективнее, чем меньше способность ответного удара у оппонента. Существует немало оценок потенциала СЯС России, которые зависят в конечном счете не столько от возможностей ОПК, сколько от политической воли руководства страны. Хроническое недофинансирование последних десятилетий сыграло с ним злую шутку: не только промышленные возможности, но и НИОКР деградировали практически до уровня конца 80-х годов XX века. Так, Л. Калашников оценивает перспективы следующим образом: «Посмотрим теперь, какой ракетный потенциал может иметь Россия через четыре года, когда США развернут почти тысячу ракет-перехватчиков. Сегодня Россия имеет менее 80 новых межконтинентальных баллистических ракет с пример-

[1] Научно-исследовательский институт радиоприборостроения (НИИ РП). Эл. ресурс: http://www.raspletin.ru

но 90 боеголовками. Когда я говорю о новых ракетах, я имею в виду ракеты постсоветского производства. Обновление парка российских МБР ведется с 1998 года средним темпом всего по 5–6 МБР в год. Таким образом, к 2015 году можно ожидать наличия у России всего 100–105 новых МБР. Если будет сохранена ставка на моноблочные МБР „Тополь-М“, как основу российских РВСН, то эти МБР будут нести в общей сложности всего порядка 110–115 боеголовок»[1].

Очевидно, что новых межконтинентальных ракет будет недостаточно: если по ним будет нанесен упреждающий удар, вероятность их применения будет близка к нулю.

Остается советский потенциал, который Л. Калашников описывает следующим образом: «Что касается МБР советского производства, состоящих сегодня на вооружении российских РВСН (это ракеты Р-36, УР-100 и мобильные „Тополь“ — прошу не путать с „Тополь-М“), то этим ракетам к 2015 году будет от 25 до 35 лет. В результате многократных продлений срока службы этих МБР часть из них в 2015 году, вероятно, ещё будет стоять на боевом дежурстве. Однако, по оценке некоторых экспертов-ракетчиков, реальной возможности применить эти ракеты может уже не быть. Боеспособности ракет Р-36 угрожает старение зарядов и растрескивание горючей смеси стартовых газогенераторов, ракетам „Тополь“ — старение горючей смеси блоков твердотопливных двигателей, всем без исключения ракетам — старение металла корпуса. Может получиться, что формально стоять на дежурстве ракеты ещё смогут, но попытка их запуска приведёт лишь к разрушению ракет.

Для сравнения отмечу: американцы заменили на своих МБР „Минитмэн-3“ и топливные заряды, и системы наведения, то есть, это, фактически, новые ракеты»[2].

Фактически это означает, что советские ракеты окажутся малоэффективны, если вообще боеспособны. Таким образом, — продолжает Л. Калашников, — примерно ста российским МБР

[1] Калашников Л. Повестка дня саммита НАТО в Чикаго: место России в планах альянса / В сб.: НАТО: мифы и реальность. Уроки для России и мира. М.: Кучково поле. 2012. С. 38.

[2] Там же.

со 110–115 боеголовками к 2015 году могут противостоять 400 американских ракет-перехватчиков дальнего действия. Не забудем при этом об огромном американском потенциале первого обезоруживающего удара, который заключается, прежде всего, в нескольких тысячах крылатых ракет морского базирования, способных скрытно приблизиться к целям в глубине атакуемой страны. Число этих крылатых ракет не ограничено никакими международными договорами. При подготовке Договора СНВ-3 американцы снова вывели эти ракеты из-под действия соглашения. Хотя в условиях господства флота НАТО в Мировом океане эти крылатые ракеты являются по отношению к России не тактическим, а именно стратегическим оружием, и, как таковые, должны подпадать под соглашения об ограничении стратегических вооружений. Но наши дипломаты уже в который раз приняли позицию, угодную США, сколько бы абсурдной эта позиция не была. Так вот, с учётом американского потенциала первого обезоруживающего удара, надо констатировать, что в случае войны, большая часть российских МБР может вообще не взлететь»[1].

[1] Калашников Л. Повестка дня саммита НАТО в Чикаго: место России в планах альянса / В сб.: НАТО: мифы и реальность. Уроки для России и мира. М.: Кучково поле. 2012. С. 38.

МБР мобильного базирования Тополь-М

В этой связи развитие потенциала ВКО России — совершенно естественный и объективный процесс, который, однако, осложнен рядом не выясненных до конца военно-политических проблем. Как справедливо заметил академик А. Арбатов, «…радикальное повышение акцента на оборонительные системы в дополнение к наступательному потенциалу — это в принципе совершенно правильный поворот российской военной политики и военного строительства. Другое дело, что конкретные организационные и технические решения и планы представляются весьма спорными. Недостатком является и то, что система и программа ВКО не встроены в общую российскую концепцию безопасности и стратегической стабильности. На встрече с военно-политическими экспертами в Сарове в конце марта 2011 года тогда еще кандидат в президенты РФ Владимир Путин подчеркнул: „…Нам нужно такое серьезное базовое обоснование всего того, что мы планируем. Это должна быть определенная философия нашей работы…“[1].

Пока эта работа компетентными ведомствами не выполнена, что может быть и объяснением спорных аспектов ВКО. В частности, нет никаких официальных формулировок относительно того, как ВКО вписывается в ту модель стратегической стабильности, которой, по мнению Москвы, будет угрожать американская программа ПРО»[2].

Но стратегической стабильности, безусловно, будет угрожать не только ЕвроПРО, но и другие региональные, территориальные и мобильные (морские) системы ПРО США, которые ускоренно создаются в последние годы и станут реальным стратегическим компонентом вооруженных сил США уже в ближайшем будущем. О том, что такие конкретные планы существуют, свидетельствуют детально проработанные документы Агентства по противоракетной обороне США, в частности, его руководителя генерал-лейтенанта Патрика О`Рейли[3].

[1] Цит. по: Арбатов А.Г. Противоракетные дебаты: в поисках согласия // Воздушно-космическая оборона. 2012. № 4(65). С. 21.

[2] Там же. С. 24.

[3] US DOD, MDA, Unclassified Statement of Lieutenant General Patrick J. O'Reilly Director, Missile Defense Agency before the Senate Armed Services Committee… Wednesday, April 25, 2012 / http://www.mda.mil/global/documents/pdf/PS-SASC_oreilly_042512.pdf

Параллельно с наращиванием высокоточного потенциала неядерных вооружений, прежде всего КР и создаваемых гиперзвуковых ракет и других ЛА, подобное развитие стратегического наступательно-оборонительного потенциала США определенно и недвусмысленно создает угрозу стратегической стабильности в мире, но, прежде всего, в Евразии, где, собственно говоря, и развертывается такой потенциал. Особенную остроту и актуальность этой проблеме придает концепция сетецентрических войн, которая уже радикально повлияла на военное искусство. Как отмечают эксперты, «Известны четыре основные фазы ведения сетецентрических боевых действий:

— достижение информационного превосходства;
— завоевание превосходства в воздушно-космической сфере;
— последовательное уничтожение противника, оставшегося без информации и управления;
— окончательное подавление или уничтожение очагов сопротивления противника.

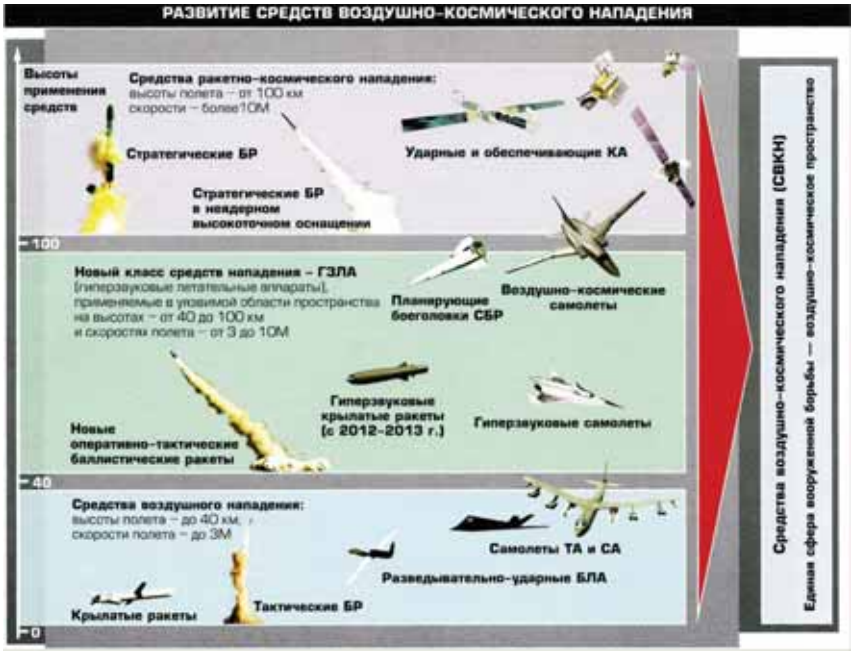
Элементы такого подхода просматривались в войнах последнего десятилетия XX века (1991 г. — Ирак, 1999 г. — Югославия). Однако в полной мере указанная концепция была опробована в ходе второй войны США и их сателлитов против Ирака в 2003 г., завершившейся взятием Багдада и свержением Саддама Хусейна. О полной победе в этой войне было объявлено уже через два месяца после ее начала. В этот же период считалось, что и практическая реализация концепции сетецентрической войны себя полностью оправдала[1].

В настоящее время развитие средств воздушно-космического нападения идет стремительными темпами, что позволяет говорить о том, что всё интегрированное воздушно-космическое пространство становится потенциальным театром военных действий. Совершенствуются на качественно новой основе все без исключения средства воздушно-космического нападения (СВКН)[2].

[1] Сиников А. Управлять — значит предвидеть // Воздушно-космическая оборона. 2012. № 5(66). С. 41.

[2] Барвиненко В., Аношко Ю. Основные проблемы воздушно-космической обороны // Воздушно-космическая оборона. 2012. № 5 (66). С. 17.

Из этого логично вытекает, что чем сильнее будет потенциал СНВ, эффективнее системы боевого управления и качественнее система ВКО, тем выше ядерный порог и меньше возможности использовать ядерное и неядерное оружие в политико-психологических и прямых военных целях. Это означает, что возможности использования военной силы — в политической (косвенной) и военной (прямой) форме — сужаются, мир становится прочнее, правовые и иные международные институты — устойчивее. Причем, только совершенствование потенциала СНВ (игнорируя развитие ВКО на всем евразийском континенте) не обеспечит в будущем ядерного и обычного сдерживания. Широкому спектру создаваемых средств воздушно-космического нападения должна противостоять система обороны, которая также будет ориентироваться на нейтрализацию самых различных угроз — от кибер и информационных средств, СКР, ударных беспилотников, БР и т. д.

В этой связи важно отметить, что позиция ряда известных экспертов советского и российского руководства, которые с 80-х годов XX века полагали, что «ассиметричные» меры противодействия развитию американской ПРО способны компенсировать этот процесс, представляется ошибочной. С точки зрения научно-технической, как уже говорилось, она привела к замораживанию, даже развалу НИОКР по проблематике ПРО, что отразилось на возможностях создания ракет-перехватчиков БР, систем боевого управления, связи и разведки. Современные российские системы ПРО — С-300 и С-400 — не способны к перехвату стратегических баллистических ракет, а создание других систем, способных выполнять эти функции, в ближайшие годы еще только ожидается.

Потеряно не только время, но многие научно-конструкторские школы, значительный научно-технический потенциал, а, главное, кадры, воссоздать которые необходимо в кратчайшие сроки совместными усилиями. (Хотя есть, безусловно, и достижения, например создание С-400). И не только России и ее союзников по ОДКБ, но и с помощью инвестиций других евразийских государств, включая, может быть, даже европейских. Можно напомнить, что еще со второй половины нулевых, представителям России не раз говорили о **политическом значении** региональных ПРО, в частности, в Европе. Так, в то время, К. Косачев, например, обратил внимание на готовность США распространить ПРО на Украину и Грузию и так далее по периметру России[1].

Политическое значение евразийской ВКО — огромно. Предполагается, что предложить участие в этой суперпрограмме можно всем евразийским государствам, а не только странам–членам ОДКБ. Включая страны Евросоюза, Иран, Индию и КНДР. Таким образом «зонтик» ВКО, созданный в Евразии объективно снизит возможности использования новых военных технологий и станет ясным мотивом для ограничения программ развития стратегических и оперативно-тактических вооружений.

[1] Косачев К. Щит или меч? / Эл. ресурс «ИноСМИ». 2007. 9 апреля / http://www.inosmi.ru

Эта инициатива должна получить правовое оформление. Такое, которого сегодня пытаются избежать США при создании европейской системы ПРО в отношениях с Россией. Пока что этот тупик трудно преодолим. Как сказал министр иностранных дел России С. Лавров, «…Москва не видит возможностей для совместных с Вашингтоном действий в сфере ПРО, пока не получит юридически обязывающих гарантий не направленности этой системы против нее». Комментируя российское видение задач и конфигурации системы противоракетной обороны Евразийского континента, Лавров отметил: «Было бы гораздо лучше, если бы проблематика ПРО была перенесена в сферу стратегического партнерства и союзничества. Если бы страны-партнеры объединили свои потенциалы и создали систему, подверженную проверке и направленную на преодоление угроз извне, — это был бы колоссальный переворот в умах». Пока же, констатировал министр иностранных дел, по вопросам ПРО, к сожалению, нет движения «ни на треке РФ — США, ни в рамках отношений РФ — НАТО»[1].

Политико-правовое оформление «Евразийской ПРО» может также иметь колоссальное значение. По сути дела будет создан фундамент для новой системы евразийской безопасности, имеющий конкретное политическое, экономическое и военно-техническое наполнение.

Необходимо, кроме того, политическое, военное, административное и научно-техническое восстановление взаимосвязи между СНВ, ПРО и системами боевого управления, связи, разведки, обнаружения. Может быть, даже их интеграция в единую систему на базе командования ВКО, созданного в декабре 2011 года в России, но с привлечением широкого круга евразийских государств — от КНР и КНДР до Ирана и Белоруссии.

Понимание подобной взаимосвязи имеет огромное значение, которое можно проиллюстрировать на следующем примере. Сегодня потенциал СНВ России существенно ослаблен

[1] США стремятся к более конкретному диалогу с РФ по ПРО / Эл. ресурс «Северный Кавказ». 2012. Октябрь / http://www.sknews.ru/

Запуск противоракеты 53Т6 шахтного базирования комплекса ПРО А-135М. ЗРК С-500 должны дополнить и частично заменить эти средства ПРО, обладая при этом повышенной мобильностью

(по некоторым оценкам, современные системы составляют 25–30%)[1] и несмотря на попытки, предпринимаемые в последние годы по его переоснащению (МБР РС-24, «Тополь-М») потребуется определенное время. Как, впрочем, и на создание новой МБР и БРПЛ. В этих условиях развертывание систем ПРО Соединенными Штатами по периметру России означает увеличение их возможностей для сдерживания ответного удара (или формирования такой политики) в случае, например, массового использования неядерных высокоточных средств.

Остается одно: ускоренная модернизация СНВ и параллельное укрепление, и развитие ВКО. Тем более, что, по оценке Д. Рогозина, в этой области мы «впереди планеты всей: «например, по системам перехвата в воздушно-космическом пространстве. У нас самые лучшие по совокупности своих ха-

[1] Владыкин О. Ракетчики запутались в своем потенциале // Независимая газета. 2012. 27 сентября. С. 2.

рактеристик системы ПВО типа С-300П и С-300В, сейчас поступают на вооружение еще более мощные комплексы С-400, идут работы над С-500. Все это системно включается в Воздушно-космическую оборону. Стоит добавить, что там же, в ВКО, стоят на постоянном дежурстве РЛС дальнего обнаружения, которые видят за тысячи километров и обрабатывают самые малоразмерные цели, летящие с космическими скоростями. Аналогичных примеров можно привести много»[1].

Если идея ВКО окажется в среднесрочной перспективе нереализуемой то это будет означать, что политико-экономическое превосходство США в Евразии будет дополнено стратегическим превосходством, которое позволит не только активно использовать американское преимущество в неядерных вооружениях, но и угрожать применением ядерного оружия.

[1] Птичкин С. Не упрощай оружие // Российская газета. 2012. 26 сентября. С. 1, 3.

6.
Основные проблемы создания российской и евразийской ВКО

6.

… первые десятилетия XXI века будут периодом тяжелого кризиса, конечный итог которого непредсказуем[1]

А. Торкунов, ректор МГИМО(У)

Расширение НАТО на восток продолжалось непреклонно и сопровождалось жестким насилием: государствам, которые не поддаются подрыву и дестабилизации посредством «цветных революций», приходится иметь дело с терроризмом и полномасштабным военным вторжением[2]

А. Росс, президент Института исследований демократии (Нью-Йорк, США)

Создание объединенной, а тем более единой системы евразийской ВКО встретит неизбежно сопротивление как внешнего, так и внутреннего порядка. Основная проблема, как всегда, заключается в России, ее политическом руководстве, в нас, нашем четком военно-политическом целеполагании и воле, необходимой для достижения поставленной цели. Именно этого не хватало в предыдущие десятилетия и только в последнее время, хочется верить, удастся преодолеть. Четкое целеполагание и последовательность — главные условия создания эффективной ВКО. В этой связи в определенной степени для нашей страны может послужить примером Казахстан, который последовательно реализует стратегические цели, добиваясь внушительных результатов. Для Евразии и России его стабильность, развитие и политическая направленность имеет огромное значение. За 15 лет объем национальной экономики вырос с 1,7 трлн тенге до 28 трлн в 2011 году, т. е. ВВП возрос более чем в 16 раз, его ежегодный прирост составил 7,6%, ВВП на душу населения увеличился с 1500 долл. до 12 тыс., а объем привлеченных прямых иностранных инвестиций на душу

[1] Торкунов А. В. Внешнеполитическое измерение военной безопасности / В кн.: Торкунов А. В. По дороге в будущее. М.: МГИМО(У). 2010. С. 86.

[2] Росс А. От Ялтинских соглашений до Ливии: история агрессии НАТО и преемственность миссии НАТО // В сб.: НАТО: мифы и реальность. Уроки для России и мира. М.: Кучково поле, 2012. С. 25.

населения достиг 9200 долл. Кстати, число «душ» тоже заметно выросло и недавно достигло 17 млн человек[1].

Сегодня Казахстан планирует к 2050 году войти в число 50 экономик мира, что позволяет ему, в свою очередь, не только планировать «не ущемленный» суверенитет, но и сотрудничество со всеми международными организациями — от ООН, ОДКБ, ШОС и СВДМА до «сближения» со странами АТР. В этой связи, очевидно, что России будет необходимо искать с ним свой формат сотрудничества по ЕвразВКО.

И здесь, возвращаясь к России, необходимо прежде всего вновь говорить о стратегическом прогнозе, планировании и воле реализовать намеченные планы. Это очень ясно подметил В. Путин: «Кто вырвется вперед, а кто останется аутсайдером и неизбежно потеряет свою самостоятельность, будет зависеть не только от экономического потенциала, но прежде всего от воли каждой наций»[2]. В полной мере эту мысль можно отнести к идее ВКО. Прежде чем предложить создание объединенной системы ЕвразПРО (даже в границах стран-участниц ОДКБ), а тем более единой системы ВКО, необходимо иметь полную ясность относительно собственно российской ВКО, о ее функциях, вытекающих из военной доктрины, материально-техническом обеспечении, системе управления, нормативных документах и многом другом. Но, прежде всего, нужна ясная цель и воля. Иначе говоря, необходимо завершить процесс, который был начат решением о создании ВКО, в декабре 2011 года, но который за это время продвигался медленно и непоследовательно.

Основные решения — политические, экономические, военные, — направленные на военно-политическую интеграцию в Евразии, должны быть приняты уже в 2013 году. Понятно, что во многом их реализация будет зависеть от партнеров, но Россия должна сформулировать публично масштабную политическую инициативу. При этом неизбежно придется признать, что отдельно находится комплекс вопросов, связанных

[1] Тавровский Ю. У Казахстана — новый горизонт планирования // Независимая газета. 2013. 4 февраля. С. 11.

[2] Путин В. В. Послание Президента Федеральному Собранию. 2012. 12 декабря / Сайт Президента России / http://президент.рф/news.17118

с военной политикой и военной доктриной России применительно к Евразии.

Хотим мы того или нет, начинать надо с решения общих доктринальных вопросов, ликвидации «доктринальной неопределенности», нерешенных вопросов будущей военной стратегии в новых реалиях развития ОПК на долгосрочную перспективу, точкой оценки международных угроз и реалий, а также перспективных тенденций военно-технического развития. «В конце концов, речь идет о том, чтобы дать внятные ответы на конечное число понятных вопросов: Поручение Президента РФ В. Путина, данное Минобороны и Генштабу в конце 2012 года, выражает вполне конкретную озабоченность руководства страны развитием военно-политической ситуации в мире „Раздвинуть горизонты“ прогноза и планирования на 30–50 лет означает прежде всего адекватную, возможно более точную оценку, тенденций, определяющих будущую военно-политическую ситуацию в мире. От постановки и ответа на эти вопросы зависит будет ли создаваться ВКО (или ее в очередной раз свернут под различными предлогами), какая ВКО будет (континентальная, территориальная или объектовая), с кем из потенциальных союзников и партнеров она будет создаваться, в какие сроки, сколько потребуется ресурсов и т. д.

— Каковы основные военные угрозы сейчас и в долгосрочной перспективе?
— Какой у нас стратегический прогноз развития военно-политической ситуации в мире, вытекающая из этого военная доктрина и военная политика и долгосрочное стратегическое планирование?
— Нужна ли России ВКО и почему (именно оборона, а не только система предупреждения об ударе)?
— Должна ли это быть ВКО всей страны или отдельных объектов по всей стране?
— Должны ли в число защищенных объектов обязательно (или в первую очередь) входить базы СЯС?

— Возможно ли создать такую ВКО и сколько это будет стоить?
— А если нет, то имеет ли смысл ВКО только Москвы с окружающим ее Центральным районом?»[1]

Сегодня различные эксперты и начальники по-разному оценивают проблемы российской ВКО. Так, В. Барвиненко и Ю. Аношко, например, выделяют следующие, подчеркивая, что «при формировании войск ВКО не прислушались к рекомендациям ученых, которые многие годы» предлагали создать стратегический орган управления, имеющий соответствующие обязанности и права по управлению всеми войсками и силами ВКО и объединенной системой ПВО ОДКБ. Более того, тесные связи задач и действий войск (сил) ВКО и авиации требуют создавать общее Воздушно-космическое командование.

В ближайшей перспективе совместные действия сил ПВО и РКО реально возможны лишь в районе города Москвы и Центрального промышленного района при условии создания соответствующей системы управления и поступлении на вооружение средств борьбы с гиперзвуковыми летательными аппаратами (ГЗЛА). Это район так называемого Головного участка системы ВКО, на котором предполагалось создать общее оперативное командование (ОК), а реально созданы Войска ВКО[2].

Иными словами, параллельно с развитием евразийской интеграции в экономической области, предстоит решить два комплекса проблем:
— военно-доктринального характера собственно России и ее ВКО;
— военно-политической интеграции в Евразии.

От их оперативного решения прежде всего зависит как направленность интеграционныхх процессов в Евразии и их конкретное содержание, так и планы военного строительства России на долгосрочную перспективу. Учитывая особую приоритетность ВКО, можно констатировать, что ее будущее будет зависеть от решений, принятых в 2013 году.

[1] Стукалин А. Войска воздушно-космической обороны России // Экспорт вооружений. 2012. № 3. С. 48.

[2] Барвиненко В., Аношко Ю. Основные проблемы воздушно-космической обороны // Воздушно-космическая оборона. 2012. № 5(67). С. 11.

Ликвидация «доктринальной пустоты»

Мы должны не просто уверенно развиваться, но и сохранить свою национальную и духовную идентичность, не растерять себя как нация[1]

В. Путин, Президент России

Казахстан начал жить по новой, рассчитанной до 2050 года стратегии, доложил ранее в Послании Национальному собранию президент Нурсултан Назарбаев. Принятая в 1997 году стратегия «Казахстан-2030» оказалась досрочно выполненной[2]

Ю. Тавровский, востоковед

Ликвидация «доктринальной пустоты» начинается с ликвидации «идеологической пустоты», существующей в российском обществе с конца 1980-х годов, когда КПСС взяла курс на «деидеологизацию» и борьбу с «идеологическими дефинициями». «Идеологическая пустота», в свою очередь, не позволяет решить две важнейшие проблемы, стоящие вот уже более 20 лет перед Россией.

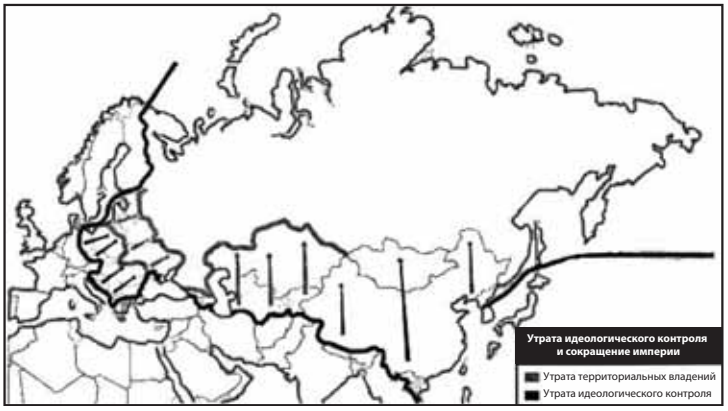
Во-первых, без нее невозможно разработать долгосрочную национальную стратегию, в основе которой лежал бы долгосрочный стратегический прогноз и стратегическое планирование. Заменить национальную стратегию развития социально-экономической стратегией невозможно, что лишний раз подтверждает провал «Стратегии–2020».

Во-вторых, без идеологии и стратегии национального развития невозможно создать эффективный механизм управления, в который была бы вовлечена вся нация. А значит и реализовать такую стратегию. Провал политики «прагматизма» и «ручного управления» — подтверждение правоты этого вывода.

[1] Путин В. В. Послание Президента Федеральному Собранию. 2012. 12 декабря / Сайт Президента России / http://президент.рф/news.17118

[2] Тавровский Ю. У Казахстана — новый горизонт планирования // Независимая газета. 2013. 4 февраля. С. 11.

Военная доктрина не может не быть следствием национальной доктрины и идеи, потребность в существовании которых упорно отрицалась правящей либеральной элитой страны. На самом деле «идеологическая пустота» немедленно заполняется чужой системой ценностей и чужими национальными интересами, вслед за которыми неизбежно следует подлинный ущерб национальной самоидентификации, национальным интересам и суверенитету. Эта простая истина прекрасно понималась З. Бжезинским, который в своей книге «Великая шахматная доска» откровенно изобразил ее на следующем рисунке[1].

[1] Бжезинский З. Великая шахматная доска (Господство Америки и его геостратегические императивы). М.: Международные отношения, 2010. С. 114.

«Прагматизм», который до сих пор еще проповедуется в правящей российской элите, отнюдь не исключает политико-идеологическую составляющую. Наоборот, прагматизм, — та же самая идеология, которая не обличена в партийные нормы. С этой точки зрения выступления В. Путина 2011–2013 годов вполне соответствуют избранной им идеологии, которую он по ряду причин, как мне кажется, пока не хочет формализовать. Но, безусловно, понимание и строгая логика, последовательность в его действиях существует.

Эта идеология, однако, требует определенной формализации и уточнения для того, чтобы превратиться из «идеологии Путина» в идеологию правящей элиты и нации. В том числе и в военно-политической области, в частности, в Военной доктри-

Шахтные пусковые установки ЗРК С-300Ф
на атомном ракетном крейсере «Маршал Устинов»

не и Концепции ВКО. И прежде всего для того, чтобы консолидировать нацию для решения стратегических задач.

Сегодня мы наблюдаем очередную дискуссию по военной доктрине, которая, благодаря либеральному крылу КПСС, в свое время привела к серьезным ошибкам в военной политике и планах военного строительства. В том числе в ОПК, ПРО и ПВО. К сожалению, до конца эти ошибки не преодолены и ясность, вытекающая из четкой оценки и стратегического комплексного прогноза, в военной доктрине еще отсутствует. Так, например, намеченная модернизация четырех атомных ракетных крейсеров, построенных еще в СССР, не отвечает, на мой взгляд, на вопрос об их целевом предназначении. Создававшаяся в свое время для борьбы с авианосными соединениями, эта программа не была закончена и сегодня, как утверждают некоторые, потеряла смысл.

Вместе с тем можно согласиться с экспертами, полагающими, что мощь этих судов может быть использована в политических целях — «оказания легального политического давления»[1],

[1] Канцов О. Восмпоминания о будущем. Модернизация атомных «Орланов» / Эл. ресурс «Военное обозрение». 2013. 1 февраля / http://topwar.ru

что, однако, не находит своего подтверждения в основных нормативных документах — Стратегии национальной безопасности России до 2020 года, Концепции внешней политики, Военной и Морской доктринах.

На мой взгляд, если модернизацию вести в этих целях, то необходимо усилить и без того мощный потенциал ПВО–ПРО этих крейсеров. Для этого потребуется создать морской вариант С-400 (а, может быть, и С-500), которых пока не существует.

В этом случае такие крейсера, обладающие абсолютной автономностью, могут не только время от времени «показывать флаг», но и нести боевое дежурство. Для этого решение необходимо принимать уже сегодня.

На фоне роста конфликтности в мире, появления новых угроз и очагов противостояния объективно усиливается вероятность использования военной силы в качестве внешнеполитического инструмента. В этом смысле первые десятилетия XXI века принципиально отличаются от последней четверти XX века, когда, как тогда многим казалось, военная сила потеряла свое значение во внешней политике государств, уступив место расширяющемуся международному сотрудничеству и формированию институтов обеспечения международной безопасности. Этот фон начала нового столетия имел, как минимум, два крупных последствия для военной политики большинства государств.

Во-первых, стремительно развивались все виды вооружений и военной техники (ВВТ) на новой технологической и информационной основе. Их боевая эффективность выросла в разы, но, главное, военно-техническая революция привела к тому, что в первом десятилетии XXI века сложилась основа (прежде всего в НИОКР) для революционных, качественных изменений в ВВТ, которые могут произойти уже в среднесрочной перспективе. Эти изменения ведут к появлению не только новых возможностей у неядерных ВВТ, но и уязвимых мест в обороне, получивших название в официальных документах

«критически важные элементы инфраструктуры и ключевые ресурсы» (critical infrastructure and/or Key resource) — CI/KR[1].

Россия существенно, качественно отстала в эти годы от развития этой тенденции не только в ВВТ, но и в управлении войсками (где фактически возникла ситуация потери эффективности управления). Что, собственно говоря, продемонстрировали учения, проведенные Генштабом в феврале 2013 года. На начало второго десятилетия, по оценке бывшего заместителя НГШ А. Рукшина, современные ВВТ составляли 3–5%[2], а планируемое обновление современными ВВТ — до 30% к 2015 и 70% — к 2020 году — вызывает серьезные сомнения из-за проблем в реализации ГОЗ-2020. По сути дела все основные направления военной реформы провалены, но особенно плачевна ситуация в области управления, военной науки, профессиональной подготовки и переоснащения новыми образцами ВВТ. Это привело к радикальному изменению в соотношении сил не в пользу России прежде всего на западном и восточном ТВД, где превосходство уже измеряется «не в разах, а в порядках»[3]. В полной мере эта ситуация отразилась и на возможностях российских ВВКО, где создание этого рода войск в декабре 2011 года вылилось в простое арифметическое сложение Космических войск и бывшего Московского ПВО МО.

Очевидно, что нужно в короткие сроки завершить создание командования ВКО и интеграцию всех сил и средств ПРО и ПВО под единым руководством Генштаба. В перспективе предстоит и решить вопрос о взаимодействии органов управления ВКО и СЯС, а также стратегическими неядерными вооружениями, который находится в исключительной компетенции высшего политического руководства страны. Более того, если говорить об объединенной, а тем более единой ВКО (СНГ, ОДКБ, а тем более Евразии), то неизбежно предстоит решение этого вопроса на высшем международном политическом уровне.

Развитие средств воздушно-космического нападения фактически ведет к их интеграции в единый потенциал, противостоять

[1] Department of Defense Directive Number 3020.40 January 14, 2010 / DOD US/

[2] Рукшин А. Некоторые итоги реформы Вооруженных Сил. ВПК-новости. 2012. 14 ноября. № 45(462) / http://vpk-news.ru/articles/13125

[3] Там же.

которому должен также единый потенциал обороны и нападения. Ощущается необходимость принятия радикальных решений, которые, видимо, затронут интересы всех округов, видов и родов Вооруженных Сил России, но, прежде всего, потребуют решений на высшем политическом уровне.

Во-вторых, изменяющаяся международная ситуация, с одной стороны, и революция в ВВТ, с другой, неизбежно ведут к таким же радикальным изменениям в способах, концепциях и доктринах использования ВС, т.е. во всех областях военного искусства — от тактики и оперативных концепций до стратегических концепций и военных доктрин.

Эта проблема сегодня в России не решена. По существу нет ни адекватной Военной доктрины, ни стратегии, не проведена и переработка основополагающих доктринальных и нормативных документов, регламентирующих деятельность ВС, с учетом изменения характера и перспектив вооруженной борьбы. Нужна, как справедливо заметил бывший заместитель НГШ А. Рукшин, «…четкая государственная стратегия, которая позволила бы определиться с вариантами военного строительства. Сегодня такой стратегии, к сожалению, нет»[1].

Пока нет такой государственной стратегии, не может быть и обоснованного ГОЗ на длительную перспективу. Но такая стратегия, в свою очередь, должна исходить из стратегического прогноза развития международной военно-политической ситуации, основных тенденций в развитии ВВТ и эволюции военного искусства. Не имея стратегического прогноза и стратегии, бесполезно говорить и о стратегическом планировании, которое является по сути детализацией стратегии. Неэффективны будут и долгосрочные планы военного строительства, которые должны быть положены в основуГОЗ. Мало выделить средства, надо четко знать, куда и в какие сроки их направить.

Пока что военная «реформа» привела к деинтеллектуализации Вооруженных Сил: ликвидируются целые академии (на-

[1] Рукшин А. Некоторые итоги реформы Вооруженных Сил. ВПК-новости. 2012. 14 ноября. №45(462) / http://vpk-news.ru/articles/13125

бор в ВАГШ ВС в последние годы насчитывал 11–12 человек), научные школы, управления и отделы в штабах, включая ГШ. Но решение этой проблемы неотложно, сверхсрочно, ведь без стратегии и понимания целей и задач военного строительства никакой ОПК в принципе не нужен.

Простой пример: появление высокоточных КР, их стремительное удешевление и массовое производство (по некоторым оценкам, до 100 000 к 2020 году) уже привело к тому, что они превратились в элемент стратегического наступательного потенциала, к которому прежде относилась классическая ядерная «триада» — МБР, БРПЛ и ТБ, а боевой Устав ВВС США подчеркивал их универсальность[1]. Уже сегодня, например, можно говорить о том, что по сути дела привычная стратегия ядерного сдерживания уступает место новым доктринам и стратегиям. К сожалению, у России нет пока что ясности в этом вопросе, что вытекает прежде всего из нерешенности идеологических проблем. Говоря о ВКО, эксперт М. Ходарёнок отмечает, что «если нет единой идеологии, то нет и эффективного оружия, а есть колоссальные затраты денег…»[2].

Таким образом, первая и самая главная проблема российского ВКО — идеологическая, — без которой невозможно пока что внести коррективы в политическую стратегию, — главную составляющую военной доктрины страны, ее Стратегию национальной безопасности и другие документы. Нерешенность этой проблемы не позволяет создать единой системы управления ВКО (которая формально подчинена Генштабу), объединить все ресурсы ВО и родов войск и наладить систему их взаимодействия.

Нерешенность этой проблемы непосредственно сказывается на качестве решений по новым вооружениям и военной технике, финансированию ГОЗа и эффективности его выполнения. Такие решения должны приниматься не только совместно военными, учеными и представителями промышленности[3], — справедливо заметил осенью 2012 года председатель

[1] Цит. по: Ходарёнок М. Нужна ли России воздушно-космическая оборона? / Эл. СМИ «Наследие» / http://old.nasledie.ru/voenpol/

[2] MDA Funding & Buy / Delivery Schedule: FY2013 Appropriation Summary. P. 6.

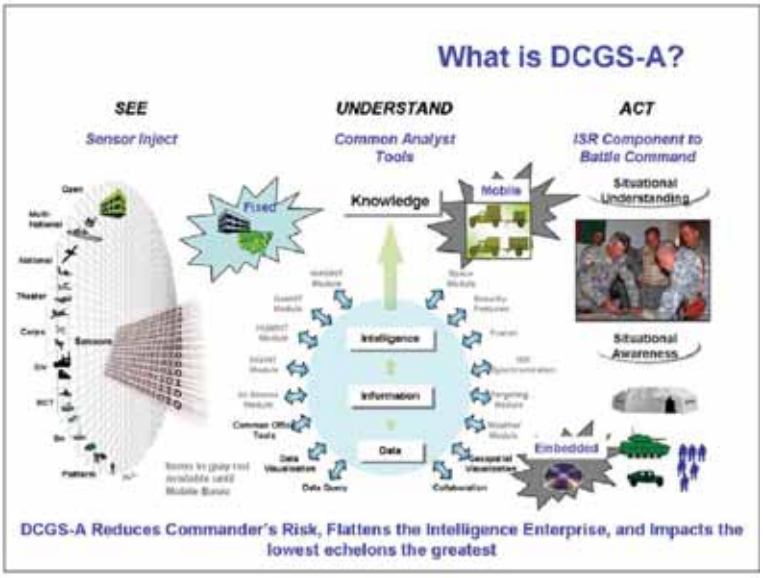
[3] Ходарёнок М. Нужна ли России воздушно-космическая оборона? / Эл. СМИ «Наследие» / http://old.nasledie.ru/voenpol/

Совета по научной и технической политике при Минобороны А. Кокошин, но и, добавим, в **рамках одной идеологии**. Причем, как политической, так и идеологии ВКО, которых пока что, к сожалению, нет. Так, А. Кокошин обратил, например, особое внимание на оружие на новых физических принципах, которое, кстати, определено в планах финансирования Агентства по ПРО США до 2017 года[1].

Можно привести пример того, как реализуется процесс принятия решений в военной области — от получения информации, ее оценки, «осознания», до принятия решения о том как, сколько и где использовать военную силу — в США и НАТО. Этот процесс информатизации и управления дает очевидные преимущества стороне, которая создала такую систему. Особенно, если речь идет (как в случае с США и НАТО) о заведомо слабом в технологическом отношении противнике. К сожалению, к такой категории стремительно движутся и ВС России. Как пишет бывший заместитель НГШ А. Рукшин, «…разве можно сравнивать военные потенциалы США, коалиции государств НАТО и стран, подвергшихся их агрессии **в конце XX — начале XXI века**? Обладая большим количеством дальнобойного высокоточного оружия (ВТО), абсолютным превосходством в воздухе, на море, в космосе, в управлении (связь, навигация, разведка, РЭБ, АСУ), войска НАТО, воюя с армиями, имеющими устаревшие образцы вооружения и военной техники, легко могли реализовать на практике сетецентрические методы управления войсками (силами), наносить удары из зон вне досягаемости средств поражения, обороняющихся почти без потерь своих войск (сил), наносить решающее поражение противнику, в короткие сроки резко снижать его моральный дух, поражать системы государственного и военного управления, объекты жизнедеятельности государств еще в мирное время и в короткие сроки завершать военную кампанию, приступая затем к постконфликтному урегулированию.

[1] Совет по научной и технической политике при Минобороны РФ рекомендует обратить особое внимание на оружие на новых физических принципах / Эл. СМИ Евразийская оборона. 2012. 16 ноября / http://eurasian-oborona.ru/

Российская военная наука, анализируя опыт указанных войн, считала такие способы действий перспективными и делала выводы и предложения о том, в каком направлении должны развиваться средства вооруженной борьбы и системы управления войсками (силами) в ВС РФ. Вопрос состоит только в том, сколько это стоит для государства и обеспечит ли наш военно-промышленный комплекс разработку и создание современных и перспективных вооружений»[1].

Как видно из рисунка, процесс получения, оценки и анализа информации, наконец, принятия решения практически автоматизирован и сводит ошибки к минимуму, поручая многие функции алгоритму, который минимизирует риски, а оперативность принятия решения делает максимально быстрой.

«В этой связи опять необходимо говорить о быстрых изменениях во всех областях военного искусства, оперативному внедрению в управления (в т.ч. подготовке соответствующих документов) новых концепций, уставов и др. документов. Одной из таких доктрин, разработанной в конце 1990-х гг.,

[1] Рукшин А. Некоторые итоги реформы Вооруженных Сил. ВПК-новости. 2012. 14 ноября. № 45(462) / http://vpk-news.ru/articles/13125

например, стала известная доктрина сетецентричной войны (network-centric warfare)», — отмечает исследователь МГИМО(У) В. Каберник[1]. Эта доктрина основана в первую очередь на максимально возможной эксплуатации созданного технологического превосходства. Соответственно, чем больше дистанция в таком превосходстве (США — Афганистан, например), тем эффективнее эта концепция. При этом важно отметить два обстоятельства, имеющее непосредственное отношение к России и Евразии. Во-первых, к сожалению, приходится констатировать, что такое военно-техническое превосходство по отношению к России уже существует и труднопреодолимо в ближайшие годы. Особенно в области связи, информатики, боевого управления.

Во-вторых, это превосходство США, также безусловно, относится к остальным государствам Евразии, которые неизбежно становятся в позицию слабой стороны. Доктрина сетецентричной войны напомним, построена на следующих допущениях:

1. Наличие эффективных систем связи позволяет организовать надежную и постоянно действующую информационную сеть, которая существенно улучшает возможности по взаимному обмену тактической информацией;
2. Обмен тактической информацией в реальном времени качественно повышает уровень владения ситуацией и уровень принятия решений;
3. Владение единой информационной картиной поля боя делает возможным самоорганизацию и синхронизацию действий отдельных боевых единиц в отсутствие классических иерархических цепочек командования;
4. Самоорганизация отдельных боевых единиц по сетевому принципу повышает боевую эффективность всех без исключения сил, занятых в операции»[2].

Не трудно применить эти принципы к организации ВКО России.

[1] Каберник В. Революция в военном деле: возможные контуры конфликтов будущего 2012. 3 октября / http://eurasian-defence.ru

[2] Там же.

Ликвидация «доктринальной пустоты» если и не позволит мгновенно разработать научно обоснованные и практически апробированные концепции использования военной силы сразу же, то, как минимум, сформулирует проблемы и задачи, необходимые решить в короткие сроки. Судя по всему, президент В. В. Путин, как Главнокомандующий, это понимает, поручив МО и ГШ в 2012 году в короткие сроки подготовить соответствующий стратегический прогноз, оценку угроз и вызовов, которые должны стать основой стратегического планирования. Остается надеяться, что это поручение будет выполнено неформально уже в 2013 году, позволив хотя бы в военной области вернуться к обоснованной политике.

Современное состояние российской ВКО: политические аспекты

В то время как в минувшую среду президент Казахстана Нурсултан Назарбаев встречался с министром обороны России Сергеем Шойгу (были подписаны важные для Астаны документы о создании Единой системы ПВО), глава МИД Казахстана Ерлан Идрисов в Брюсселе встречался с генеральным секретарем НАТО Андерсом Фогом Расмуссеном. Стороны уточняли в Брюсселе «разветвленную и содержательную индивидуальную программу партнерства Казахстана с НАТО»[1]

В. Мухин

[1] Мухин В. Казахстан меняет военный вектор: Астана удаляется от Москвы в сторону Брюсселя // Независимая газета. 2013. 1 февраля / http://eurasian-defence.ru

Современное состояние российской ВКО можно коротко охарактеризовать как очень противоречивое. С одной стороны, существуют созданные (но до конца не сформированные) в декабре 2011 года ВВКО, происходит модернизация старых и создание новых ВВТ, строятся заводы, выделяются новые ресурсы. Это свидетельствует о безусловном внимании высшего политического руководства к проблеме ВКО.

С другой стороны, существует масса нерешенных политических, в т.ч. международных проблем, которые предстоит решить в самое короткое время для того, чтобы эти программы развивались более быстрыми темпами.

К сожалению, в российской правящей элите не сложилось еще консенсуса в понимании особой приоритетности программ ВКО, даже их жизненно важного значения для России и Евразии, хотя движение в этом направлении (особенно после подписания соглашений с Белоруссией и Казахстаном) в последние два года, безусловно заметно.

Современное положение российской ВКО характеризуется экспертами следующим образом: «… В настоящее время боевые возможности группировок войск и сил, решающих задачи ВКО, ограниченны и не в полной мере соответствуют современным требованиям. Космический эшелон системы ПРН осуществляет только ограниченный контроль ракетоопасных районов со значительными временными перерывами. А наземный эшелон обеспечивает такой контроль с разрывом сплошного радиолокационного поля на северо-восточном направлении.

Система ПРО боеготова, однако сроки эксплуатации огневых средств постоянно продлеваются и уже находятся за рамками гарантийного срока эксплуатации»[1].

Подобная характеристика нуждается в комментариях. Прежде всего бросается в глаза противоречие: боевые возможности «ограничены» и «не соответствуют современным требованиями», — утверждает автор одновременно признавая, что «система ПРО боеготова». Это противоречие, возможно, снимается оговоркой, что система ПРО соответствует «современным требованиям».

На самом деле даже «соответствие современным требованиям» весьма условно. И далее эксперт подтверждает эту мысль: «Построение зенитной ракетной обороны не эшелонировано, носит очаговый, объектовый характер. При этом группировки зенитных ракетных войск мирного времени способны обеспечить непосредственное прикрытие не более 59 процентов объектов Вооруженных Сил, экономики и инфраструктуры из перечня, утвержденного Президентом Российской Федерации, подлежащих прикрытию Войсками и силами ПВО от ударов с воздуха.

Контроль воздушного пространства Российской Федерации на малых высотах осуществляется только на 33 процентах территории страны. На больших высотах — на 51 проценте территории (т. е. на половине территории страны. — *А. П.*).

[1] Демин А. Серьезной угрозе адекватный ответ // Воздушно-космическая оборона. 2012. № 4(65). С. 9.

Протяженность радиолокационно-контролируемых участков госграницы России составляет: на малых высотах — 23 процента ее протяженности, на средних и больших — 59 процентов»[1].

Таким образом, в реальности никакого «соответствия современным требованиям» нет. Тем более не ясно, какие требования будут в будущем. Хотя бы в среднесрочной перспективе. Эти требования должно сформулировать прежде всего политическое руководство, учитывая будущие потенциальные возможности вероятных противников как в области СНВ и ПРО, так и стратегических неядерных вооружений.

Причем такая оценка должна изначально исходить не из посыла «Кто вам угрожает?» и «У России нет противников», а из анализа военно-технических возможностей ВВТ и информационных систем. Это политическое противоречие, которое существует с конца 80-х годов XX века, неизменно ведет к неадекватным решениям. Без его преодоления говорить о современной военной доктрине бессмысленно.

В этой связи принципиально важным для России и ее союзников становится совместная разработка новой редакции Концепции ВКО (старая была ориентирована на 2010 год), способной адекватно реагировать на складывающуюся угрозу в рамках новой стратегии. Представляется, что на евразийском континенте возникает принципиально новая стратегическая ситуация, которая потребует совместной переоценки и пересмотра не только ряда положений Стратегии национальной безопасности и Военной доктрины, но и планов военного строительства, принятия, как уже говорилось, целой серии новых документов. Понятно, что это — публичный, а не кулуарный (как при прежнем военном руководстве России) процесс, к которому необходимо привлечь политическое и военное руководство союзников и партнеров России. Эта ситуация характеризуется следующими особенностями:

[1] Демин А. Серьезной угрозе адекватный ответ // Воздушно-космическая оборона. 2012. № 4(65). С. 9.

1. Создание по сути единого стратегического наступательно-оборонительного комплекса Соединенными Штатами с военно-политической точки зрения делает крайне актуальным возвращение в повестку дня переговоров об ограничении СНВ темы взаимосвязи наступательных и оборонительных вооружений, которая была успешно «похоронена» США и М. Горбачевым в начале 90-х годов XX века.

С тех пор произошло много изменений как в развитии наступательных, так и оборонительных возможностей, которые дают основания для того, чтобы вернуться к проблеме взаимосвязи наступательных и оборонительных потенциалов. Причем уже не на двустороннем, а на многостороннем уровне. Дальнейшее игнорирование этой взаимосвязи невозможно, ибо ведет к тому, что уже в ближайшей перспективе стратегическая стабильность в мире будет поставлена под сомнение.

2. Сокращение потенциала СНВ только России и США в дальнейшем (а тем более его ликвидация) значительно упрощает задачу создания региональных и эффективной глобальной системы ПРО и неизбежно переводит соотношение военных сил США и России в область сравнения неядерных потенциалов, где позиции России несопоставимы с позициями и потенциалом США и их союзников.

Фактически, продолжение процесса ограничения стратегических вооружений в этих условиях равносильно признанию Россией американского военного превосходства и возможности одностороннего использования военной силы в международных отношениях без риска ответных действий по территории агрессора.

Сказанное в полной мере относится не только к России и ее союзникам по ОДКБ, но и другим евразийским государствам, а потому они могут и должны быть участниками таких переговоров. Так, создание региональной ПРО в Ю.-В. Азии

или на Ближнем Востоке неизбежно затронет их интересы в неменьшей степени, чем интересы Белоруссии при создании ЕвроПРО.

3. В военном, техническом, информационном и в политическом отношении потенциал наступательных и оборонительных вооружений становится единым, комплексным. Как, впрочем, и пока что существующие отдельно системы боевого управления этими потенциалами. Одним из проявлений этого является появление ГЗЛА, способных действовать на высотах 30–120 км, что «окончательно интегрирует воздушное и космическое оружие в единый комплекс вооруженной борьбы», — отмечают эксперты[1]. Соответственно и рассматривать их надо комплексно, как отдельный род вооруженных сил, управляемый непосредственно высшим политическим руководством.

Этот подход неизбежно ставит перед высшим политическим руководством страны проблему управления ВКО не только России, но и ее союзников и партнеров в Евразии. Создание объединенной, а тем более единой ВКО, — политическая проблема, которая может быть решена только на высшем политическом уровне. Очевидно, что без решения этой проблемы вряд ли возможно вообще говорить о планах военного строительства, стратегии ВТС и создании эффективной ВКО в интересах России и ее союзников. Также понятно, что невозможно без соответствующих политических договоренностей приступить к решению организационно-управленческих проблем ВКО, вытекающих непосредственно из задач, сформулированных политическим руководством.

[1] Барвиненко В., Аношко Ю. Основные проблемы воздушно-космической обороны // Воздушно-космическая оборона. 2012. № 5 (66). С. 9.

Организационно-управленческие проблемы ВКО

Всем очевидны и главные проблемы… — это низкая эффективность государственной власти и коррупция[1]

В. Путин,
Президент России

Решение организационно-управленческих проблем ВКО является, как уже говорилось, следствием политических решений. Кроме того, организационно-управленческие проблемы ВКО неразрывно связаны с задачами, которые формулирует высшее военно-политическое руководство перед оборонно-промышленным комплексом (ОПК). Другими словами организационно-управленческие проблемы ВВКО зависят от способности решить проблемы, находящиеся вне компетенции руководства ВВКО и даже МО и ГШ России. Эти проблемы можно структурировать следующим образом:

— проблемы международного политического сотрудничества (создание условий для военно-политической коалиции, единого управления, ВТС, переговоров по ограничению ВВТ и военной деятельности и т.д.);
— проблемы управления высшим военно-политическим руководством страны СНВ, ВВКО, а в целом — Вооруженными Силами России;
— проблемы долгосрочной стратегии и военного строительства, ГОЗ, условий, в т.ч. финансовых, развития ОПК;
— собственно проблемы управления ВВКО, лежащие за пределами компетенции МО и ГШ.

Уже кажется всем ясно, что результаты возможных будущих войн и военных конфликтов будут предопределяться

[1] Путин В.В. Послание Президента Федеральному Собранию. 2012. 12 декабря / Сайт Президента России / http://президент.рф/news.17118

качеством военно-политического руководства и существующими системами управления. Старое правило, гласившее, что если соединение потеряло больше половины своей численности личного состава, но сохранило управление, — боеспособно, не просто действует. Оно стало абсолютным.

Создание в перспективе ЕвразВКО изначально требует решения «чисто» российских проблем на высшем политическом уровне. В этой связи особое значение приобретает решение о создании ВКО России, принятое в декабре 2011 года. Вместе с тем взаимосвязь СЯС, систем ПРО–ПВО и ВТО и информационных систем, расширение военных операций на всю воздушно-космическую область, — превратилось в доминирующую тенденцию, которую нельзя игнорировать. Эта взаимосвязь настолько очевидна, что на сессии Совета НАТО в мае 2012 года она была формально зафиксирована. В России на концептуальном, политическом и административно-организационном уровне вопрос об объединении их в единый род вооруженных сил с единым командованием не решен, хотя споры об этом велись в России все последние годы. Думается, однако, что в перспективе этого не избежать. Развитие В и ВТ, концепций их использования, диктует логику объединения РВСН, ВКО и ВТО в единый род стратегических наступательно-оборонительных вооруженных сил.

Более того, эксперты отмечают, что «первые полученные результаты организации системы ВКО в РФ выявили целый ряд проблем, основными из которых являются:

— проблема отсутствия стратегии, стратегического прогноза и планирования;
— проблема ликвидации единой системы ПВО страны и ВС;
— проблема отсутствия обоснованных требований к средствам ВКО;
— состояние автоматизации управления войсками (силами) ВКО;

— информационные проблемы;
— проблема специалистов и научного комплекса;
— экономические проблемы»[1].

[1] Барвиненко В., Аношко Ю. Основные проблемы воздушно-космической обороны // Воздушно-космическая оборона. 2012. № 5 (66).

Такая ситуация сложилась не только вследствие объективных причин — развития ВВТ и концепций их использования, технологического превосходства США и НАТО и др. — но и как результат непродуманных и непоследовательных «реформ» военной политики России. Так, «до 1997 г. в СССР и РФ существовала единая система ПВО страны и ВС с элементами системы ВКО по отражению ударов аэробаллистических ракет. Права и обязанности по формированию этой системы были делегированы главному командованию Войск ПВО. Однако годы реформ ВС, проводимых не на вполне научной основе, привели к тому, что эта единая система была дезорганизована»[2], — считают эксперты.

Сегодня очень актуальна задача создания единого стратегического органа, способного управлять не только всеми войсками и силами ВКО России (включая авиацию), но и ОДКБ,

[2] Там же.

а в перспективе — ВС государств Евразии, пожелавшими присоединиться к общеевразийской ВКО. Пока что нет ни такого командования, ни единых требований к создаваемым и модернизируемым средствам ВКО и СВКН.

Учитывая, что средства нападения и обороны фактически интегрируются в единый наступательно-оборонительный комплекс, вся ядерная «триада» должна быть интегрирована с ВКО. Пока что нет единого органа управления, способного координировать действия в режиме on-line между стратегическими наступательными, оборонительными и обычными ВВТ. Сегодня структура российской ВКО, мягко говоря, несовершенна и, значит, неэффективна. Вот как описывают ее состояние и потребности российские эксперты[1].

[1] Барвиненко В., Аношко Ю. Основные проблемы воздушно-космической обороны // Воздушно-космическая оборона. 2012. № 5 (67). С. 13.

При интеграции систем СЯС и ВКО будет реализована идея сдерживания как главная цель Военной доктрины России. Причем уже не только ядерного сдерживания, но сдерживания вообще. Подобная логика подтверждается и тем, что оборонительные вооружения становятся функционально едины: они способны дублировать и взаимно дополнять функции друг друга, а, главное, решить проблему ядерного сдерживания, при решении которой очевидно придется считаться с фактом появления в массовом порядке (сотни тысяч) неядерных стратегических средств. И не только СКР и ГЗЛА, но и ударных беспилотников, космических вооружений и оружия, основанного на новых физических принципах. Создание стратегического наступательно-оборонительного комплекса в Евразии делает все государства континента, включая участников этого проекта на Ближнем Востоке и в Юго-Восточной Азии, а также Европе, заложниками решений США, ибо расположенные там компоненты ПРО и вооруженных сил становятся приоритетными объектами для нанесения ответного удара.

Поэтому евразийские государства (включая страны Евросоюза) объективно заинтересованы в развитии евразийской системы ВКО, учитывающей интересы безопасности всех государств. Признаки такой готовности уже присутствуют сегодня. Есть и положительный опыт международного сотрудничества в области военного использования космоса.

Другая сторона проблемы — эффективность российского ОПК вообще и исследовательско-промышленного комплекса, в частности. Без их решения говорить о системе управления ВВКО бессмысленно, ибо именно там создаются как системы оружия, так и системы управления ими.

Со времен знаменитой «девятки» (девять министерств ВПК СССР) прошло более 20 лет, в течение которых отечественная военная промышленность была сначала приватизирована и разошлась среди множества частных собственников, а потом

снова была собрана в рамках нескольких государственных корпораций: «Ростехнологии» («Ростех»), ОАК, ОСК, ОДК, «Вертолеты России» и др. Воссоздана и влиятельная Военно-промышленная комиссия.

После лихих девяностых стремление консолидировать остатки ОПК на балансе нескольких госкорпораций вполне резонно. Это желание сохранить хоть что-то дееспособное, связанное с высокими технологиями (в СССР на ВПК приходилось более 80% НИОКР). И в этом смысле очень символичен новый (с 2012 года) логотип «Ростех» — квадрат, «матрица» с прерывистым контуром. То есть «Ростех» берет под защиту высокотехнологичные компании, но это не резервация, где мирно загибаются остатки советского ВПК, а скорее питомник, бизнес-инкубатор, где вызревают компании российской оборонки. До какого же момента они должны вызреть, чтобы, выйдя из «матрицы», уже самостоятельно конкурировать на мировых рынках, соперничая с ведущими компаниями США и стран ЕС?

Стоит отметить, что планка здесь чрезвычайно высока. Согласно рейтингу топ-100 крупнейших оборонных предприятий

мира (ежегодник за 2012 год Стокгольмского института исследования проблем мира, СИПРИ) у грандов ежегодная выручка (по результатам 2010 года) составляет более 30 млрд долл.

Представляется, что где-то здесь и находятся «границы конкурентоспособности», начальные позиции, стартовав с которых российские предприятия ВПК вполне могут стать мировыми грандами. Конечно, многое только предстоит сделать. Но вопрос опять упирается в политическое решение, условия — административные, правовые и финансовые, — которые формулируются на высшем политическом уровне.

Чтобы выиграть на мировых рынках, не нужно стесняться «быть большим», пора пережить постсоветский синдром дробления. Большой по масштабам РФ — это значит средний или малый в мировой табели о рангах. Ведь за последние годы, например, в ВПК США произошла значительная консолидация. Из более чем 30 компаний выделилась «большая пятерка» — Lockheed Martin, Boeing, Northrop Grumman, General Dynamics, Raytheon. Все эти компании (а также британская BAE) имеют выручку более 20 млрд долл. и являются основными генеральными подрядчиками Пентагона. Чтобы достичь таких высот, только за последние 20 лет «большая пятерка» поглотила более 30 компаний ВПК. Не менее активно развиваются процессы консолидации и в ВПК ЕС, локомотивом которых является созданное в 2004 году Европейское оборонное агентство, а ярким примером — панъевропейский концерн EADS (основной акционер Airbus).

Большую роль в процессе укрупнения зарубежного ВПК играет нормативно-правовая база, благодаря которой консолидационные процессы продвигаются вниз по производственной цепочке. Например, Министерство обороны США по согласованию с Административно-бюджетным управлением США реализуют так называемую концепцию стратегических закупок, что требует «рационализации» работы с субподряд-

чиками. Это приводит к консолидации субподрядчиков, концентрации на некоторых, лучших из них, долгосрочным партнерским отношениям с поставщиками, что, в свою очередь, приводит к улучшению ряда показателей, в том числе сокращению общих расходов, улучшению качества, ответственности и надежности как для покупателя, так и для поставщика.

Представляется, что концепция стратегических закупок заслуживает особого внимания в рамках совершенствования механизмов гособоронзаказа РФ в контексте активизации работы Военно-промышленной комиссии, дальнейшего развития положений Федерального закона от 29.12.12 № 275 «О государственном оборонном заказе» (вступил в силу с 1 января 2013 г.). Включение дополнительных требований к поставщикам вооружений, военной и специальной технике позволит перейти от «ручного», административного режима размещения гособоронзаказа с участием высшего руководства страны (участие Владимира Путина в совещании по согласованию цены строительства пяти ракетоносцев типа «Борей» Объединенной судостроительной корпорацией для нужд Минобороны РФ в мае 2012 года) к формализованному режиму на основе нормативно-правовой базы.

В случае нескольких циклов размещения гособоронзаказа контроль за целевым использованием головным исполнителем бюджетных ассигнований, выделенных на оплату поставок продукции по государственному оборонному заказу, будет осуществляться автоматически. Компании, которые не вложатся в НИОКР и развитие своей производственной базы, просто не смогут получить госзаказ по формальным критериям. Наиболее же «сознательные», напротив, станут достаточно крупными и конкурентными по мировым меркам холдингами.

Таким образом, можно констатировать, что:

— во-первых, решение организационно-управленческих проблем ВКО лежит за пределами компетенции руковод-

ства ВВКО и даже МО и полностью зависит от понимания и воли высшего политического руководства страны;

— во-вторых, решение этих проблем возможно только как следствие решения более общих политических и экономических проблем развития ОПК государства;

— в-третьих, отставание в решении этих проблем, наблюдаемое сегодня, ведет в конечном счете к отставанию в ключевой области военно-стратегического управления — управлению комплексом СНВ, ВВК и ВТО.

Проблемы международного сотрудничества

Россия должна не просто сохранить свою геополитическую востребованность — она должна ее умножить[1]

В. Путин, Президент России

… происходит девальвация стратегического диалога. Ключевой проблемой стала неудача переговоров по проблеме «ЕвроПРО»[2]

А. Фененко

Неудачи по ограничению систем ПРО становятся серьезной проблемой в российско-американских, а нередко и российско-европейских отношениях, ставя под сомнение весь процесс ограничения вооружений. По оценкам некоторых экспертов, этот процесс составляет до 80% всей повестки дня двухсторонних отношений, ставя под угрозу договора по РСМД (1987), ДВЗЯИ (1996) и ДСНВ-3 (2010)[3].

Таким образом из-за программ создания глобальной ПРО США под вопрос встает как результат политики разрядки последних десятилетий и весь процесс ограничения вооружений, так и, в более широком плане, будущее военно-политических отношений, когда они не будут ограничены перспективой сдерживания роста военных потенциалов.

В этих вероятных условиях России остается только надеяться на себя и своих союзников. Объективно ситуация в области противодействия стремительному росту наступательно-оборонительного потенциала США и возможному использованию ими военной силы в Евразии в форме воздушно-космического нападения может развиваться по следующим сценариям:

[1] Путин В. В. Послание Президента Федеральному Собранию. 2012. 12 декабря / Сайт Президента России / http://президент.рф/news.17118

[2] Фененко А. Русские сани на американских горках // Независимая газета. 2013. 4 февраля. С. 1.

[3] Там же.

1. Создание эффективной ВКО России, которая будет обеспечивать защиту не только объектов и территории страны, но и (в соответствии с заключенными договоренностями) воздушно-космическое пространство стран-участниц ОДКБ, СНГ и других стран. Для этого требуется, чтобы в процессе евразийской интеграции ускорилась и усилилась тенденция военно-политической интеграции, прежде всего в ВКО. Пока что есть определенные политические решения стран-участниц СНГ, в том числе принятые в декабре 2012 года, однако главное интеграционное направление избрано в области экономики. Как констатирует В. Лапидус, фиксируя реальную ситуацию, «2012 год закрепил основные тенденции интеграционного сотрудничества, которые развивались на протяжении 2000-х годов — на постсоветском пространстве активно развивалась разноуровневая модель интеграции. В этих условиях российское руководство сделало основной акцент на деятельность в рамках интеграционных проектов, созданных при участии России: ЕврАзЭС, ТС, ЕЭП и ОДКБ»[1].
2. Создание объединенной ВКО ОДКБ и СНГ, которая в перспективе неизбежно должна превратиться в единую систему ВКО. При этом следует понимать, что управление такой системой потребует делегирование полномочий наднациональному органу управления.

   Кроме того, создание объединенной системы ВКО ОДКБ потребует серьезных организационных изменений в работе Объединенного Штаба (ОШ), координации военно-технической политики, совместной подготовки кадров, решение вопросов сервисного обслуживания и многого другого. Судя по всему, это не просто решаемые вопросы, но они уже и решаются. Так, по информации ОШ ОДКБ, там создается информационно-аналитическая структура, которая будет выполнять и разведывательно-прогностические функции[2].

[1] Лапидус В. В 2012 году на постсоветском пространстве активно развивалась разноуровневая модель интеграции / Эл. СМИ «Рейтинг персональных страниц». 2013. 20 января / http://viperson.ru

[2] Мухин В. Специальные операции Николая Бордюжи / Независимая газета. 2013. 4 февраля. С. 1, 2.

3. Создание объединенной системы ВКО СНГ и ряда евразийских государств, которое потребует делегирование части политических полномочий и суверенных прав государств–участников, что невозможно при сохранении «разновекторной» и «равноудаленной» внешней политики.
4. Создание ВКО Евразии, включающей системы ПРО и ПВО стран Евросоюза и Китая, которое можно рассматривать как стратегическую цель, но пока что как малореалистичную политику.
5. Резкое расширение масштабов ВТС России с евразийскими государствами. Причем не только на коммерческой, но и политической основе. Учитывая, что рынок новейших вооружений находится фактически под контролем США и их союзников, которые стремительно увеличивают объемы поставок за рубеж в последнее десятилетие, России можно и, наверное, необходимо резко расширять сотрудничество в области систем ПРО–ПВО с евразийскими странами на льготных экономических условиях.

США и их союзники, безусловно, доминируют на мировом рынке оружия. Причем официальные данные — существенно занижены. Надо понимать также, что объемы экспорта ВВТ США — «это данные, собранные в рамках программы Foreign Military Sales (FMS), которые учитывают только межправительственные соглашения и не принимают в расчет собственные экспортные контракты оборонных компаний США (то есть программу Direct Commercial Sales — DCS). Последние практически не поддаются адекватной оценке в силу отсутствия официальной статистики. Кроме того, не учтены передачи американцами ВВТ и военного имущества по программам военной помощи (MAP, Military Assistance Program и Excess Defense Article), а также услуги в рамках программ военного обучения (IMET — International Military Education and Training). Таким образом, объемы американского военного экспорта занижены»[1].

[1] Мировой рынок вооружений: взгляд из Вашингтона // Военно-промышленный курьер. 2013. 15 января / http://eurasian-defence.ru

В 2011 году стоимость контрактов на поставку ВВТ всем странам (как развивающимся, так и развитым) составила 85,3 млрд долларов (все стоимостные показатели в докладе приведены в постоянных ценах 2011 г.) по сравнению с 44,5 млрд долларов годом ранее. Это самый высокий показатель с 2004 года. За год объем контрактов вырос почти в два раза (на 91,7%). США подписали военных соглашений на 66,3 млрд долларов (или 77,7% мирового стоимостного объема), заняв в этом отношении, как обычно, первое место в мире, затем идет Россия с 4,8 млрд долларов (5,6%) и Франция с 4,4 млрд долларов. Напомним, что в 2010 году третье место занимала Италия (1,8 млрд долл.), однако в этот раз она оказалась лишь на пятой позиции (1,2 млрд долл.), пропустив вперед также Китай (2,1 млрд долл.). По итогам восьмилетнего периода порядок стран сохраняется: первые два места уже несколько лет подряд занимают США и Россия (в 2004–2011 годах подписали контрактов на 145,7 и 33,5 млрд долл. соответственно), третье — Франция (19,6 млрд долл.), четвертое — Германия (9,3 млрд долл.). Первую пятерку впервые покинула Великобритания (3,6 млрд долл.), до этого стабильно боровшаяся за третье место с Францией. Она пропустила вперед Италию (8,8 млрд долл.) и Китай (8,3 млрд долл.)[1].

Мировой рынок: ранжирование стран-экспортеров по объему подписанных контрактов и реализованных поставок в 2011 году

[1] Мировой рынок вооружений: взгляд из Вашингтона // Военно-промышленный курьер. 2013. 15 января / http://eurasian-defence.ru

Важно подчеркнуть, что в структуре американского экспорта ВВТ в Евразию и страны АТР резко выделяется такая категория, как «зенитные ракеты». Эта же тенденция характерна и для КНР, которая становится конкурентом России не только в Евразии, но и в мире.

Региональная структура поставок Соединенными Штатами вооружений в 2008–2011 годах (единиц)

	Азия и АТР	Ближний Восток	Латинская Америка	Африка	Всего
Танки и самоходные орудия					348
Артиллерия					150
Бронетехника					234
Крупные боевые корабли	5	0	0	0	5
Малые боевые корабли	0	0	0	0	0
Ракетные катера	0	0	0	0	0
Подводные лодки	0	0	0	0	0
Сверхзвуковые боевые самолеты	18	35	0	0	53
Дозвуковые боевые самолеты	0	0	0	0	0
Другие самолеты	14	7	31	0	52
Вертолеты	2	36	19	0	57
Зенитные ракеты	297	647	0	0	944
Ракеты класса «поверхность–поверхность»	0	0	0	0	0
Противокорабельные ракеты	176	0	0	0	176

Если вычесть поставки бронетехники в Африку, то экспорт Китаем средств ПРО–ПВО становится абсолютно доминирующим. Причем настораживают две тенденции: во-первых, приобретение ВВТ и технологий Китаем не только у России, но и у Украины, ОПК которой был глубоко интегрирован с российским и находится сегодня в катастрофическом состоянии.

Во-вторых, рост удельного веса средств ПВО и ПРО в объемах продаж в Азию, который ведет к очевидной экспансии Китая на континенте.

Региональная структура поставок Китаем вооружений в 2008–2011 годах (единиц)

	Азия	Ближний Восток	Латинская Америка	Африка	Всего
Танки и самоходные орудия	260	60	0	190	510
Артиллерия	130	230	0	410	770
Бронетехника	100	160	20	310	590
Крупные боевые корабли	3	0	0	0	3
Малые боевые корабли	2	0	2	104	108
Ракетные катера	0	0	0	0	0
Подводные лодки	0	0	0	0	0
Сверхзвуковые боевые самолеты	10	0	0	20	30
Дозвуковые боевые самолеты	10	0	0	10	20
Другие самолеты	60	20	30	20	130
Вертолеты	10	0	0	0	10
Зенитные ракеты	**760**	0	20	0	780
Ракеты класса «поверхность-поверхность»	0	0	0	0	0
Противокорабельные ракеты	60	0	0	0	60

Создание Соединенными Штатами наступательно-оборонительного комплекса в Евразии превращает доминирование США на континенте в диктат, когда не только Россия, Белоруссия, Казахстан и другие участники ОДКБ, но и остальные страны становятся фактически беззащитным объектом для воздушно-космического нападения. Ситуации в Югославии, Иране, Ливии, военная операция Израиля против ХАМАС

в ноябре 2012 г. наглядно демонстрируют возможные сценарии и военно-политические последствия таких действий. Причем не только в Центральной Азии, но уже и в Юго-Восточной и Северо-Восточной Азии, а также акваториях Тихого и Индийского океанов. Более того, использование США беспилотников уже сегодня демонстрирует, что они фактически применяют военную силу бесконтрольно по отношению к любым государствам. В том числе и к своим союзникам (Пакистан). С июля 2004 года по сентябрь 2012 года США 344 раза отдавали приказ об обстреле целей беспилотными устройствами[1]. По мере увеличения дальности и точности КР и появления ГЗЛА и др. ударных беспилотников эта тенденция будет только усиливаться. Причем эта нарастающая тенденция открыто противоречит нормам международного права, более того, создает опасный прецедент.

[1] Эбигхаузен Р., Варкентин А. Применение беспилотников — убийство без суда и следствия. Цит. по: Эл. ресурс «Евразийская оборона». 2013. 21 января / http://eurasian-defence.ru

Это означает, что необходим широкий политический диалог и активизация политики со всеми евразийскими государствами не только в области ВТС, но и в самом широком спектре:

— военно-политического сотрудничества;
— разработки совместных институтов обеспечения военной безопасности в Евразии;
— координации деятельности в области ПРО и ПВО, а в перспективе — ВКО;
— создание объединенных органов и систем предупреждения о космическом и воздушном нападении и т.д.

Очевидно, что в перспективе возникает понимание о целесообразности создания уже не только российской, но и евразийской системы ВКО, способной нейтрализовать возможную угрозу извне. Аналогия с ЕвроПРО очевидна, как, впрочем, очевидна пока что малореалистичность этого проекта. Политически, однако, этот «открытый» проект для всех стран, расположенных на евразийском континенте, — от Ирландии до КНДР — объективно целесообразен. Тем более для тех стран,

НАБЛЮДЕНИЕ. ОБНАРУЖЕНИЕ
ПОРАЖЕНИЕ
Средства ПВО большой дальности
Средства ПВО средней дальности
Средства ПВО малой дальности
Системы управления

которые могут ощущать дискомфорт от доминирования США и угрозы военно-воздушного (космического) нападения.

Особое значение для реализации идеи евразийской ВКО приобретает развитие в России эффективной системы воздушно-космической обороны (ВКО), охватывающей все возможные области противостояния — от стратегической ПРО до ПВО–НПРО в отдельных воинских частях. Пока что эта ситуация характеризуется следующим образом: на тактическом и оперативно-тактическом уровне существуют, модернизируются старые и создаются новые системы ВКО, способные обеспечить оборону отдельных объектов страны, но на уровне стратегическом — вопрос остается открытым, хотя работы, ведущиеся над системой стратегического перехвата С-500, внушают оптимизм. Эту ситуацию в воздушно-космической сфере хорошо иллюстрирует рисунок «Наблюдение. Обнаружение. Поражение» (С. 263).

Как видно из этого рисунка, у России уже есть военно-технические возможности для решения практически всех задач, стоящих перед ВКО, за исключением перехвата межконтинентальных баллистических ракет (которые могут быть решены с развертыванием С-500 практически одновременно с США).

Таким образом, предложение России о создании единой ВКО вполне реально, технологически достижимо и экономически обоснованно. Но, главное, это единственно возможное для евразийских стран (за исключением стран НАТО) предложение, которое, будучи реализованным, гарантирует им защиту от воздушно-космического нападения.

Конечно в недалеком будущем аналогичное предложение может сделать Китай, а в более далеком будущем — Индия. Однако в ближнесрочной перспективе реальной возможностью предложить защиту обладает только Россия.

По всей видимости, Китай не будет интегрироваться в объединенную систему ВКО, однако его геополитические интере-

сы потребуют сотрудничества с Россией в этой области, как минимум, в среднесрочной перспективе. Уже сегодня ВТС в области ВКО с Китаем развивается достаточно успешно, но, можно предположить, что оно будет усиливаться по мере роста противоречий КНР с США, Японией, Южной Кореей и другими странами. По мере усиления Китая эти противоречия будут нарастать, а экспансия приобретать новые направления. Еще в 1990-х годах З. Бжезинский попытался изобразить сферу геополитических интересов и возможной экспансии Китая следующим образом[1]:

Последующие годы показали, что он опять оказался прав. С точки зрения создания ВКО Евразии, данное представление исключает полноценное участие Китая, но предполагает, что усиление конфликтности на востоке и в акваториях Тихого и Индийского океана будет приоритетным, а значит, интерес к ВТС в области ВКО будет нарастать. Последние визиты

[1] Бжезинский З. Великая шахматная доска (Господство Америки и его геостратегические императивы). М.: Международные отношения, 2010. С. 201.

политического и военного руководства России в Китай это полностью подтверждают.

Есть все основания прогнозировать, что расширение сотрудничества в области ПРО–ПВО, включая ВТС, станет долгоиграющей тенденцией в отношениях между государствами Евразии, что неизбежно повлияет и на корректировку их внешнеполитических стратегий. Особенно, если учитывать новые аспекты, которые проявятся в ближайшем будущем. Как отмечают эксперты, «в последние десятилетия обозначились новые тактико-технические тенденции в вооруженной борьбе — считает например, Ю. Криницкий.

Во-первых, пилотируемые СВН (средства воздушного нападения) постепенно уступают место средствам воздушного нападения, управляемым дистанционно (или управляемым по заблаговременно введенным программам). Характерный и наиболее многочисленный пример — крылатые ракеты (КР). Применение таких средств нивелирует психологический фактор воздействия на лицо, управляющее летательным аппаратом»[1].

Особую роль уже играют высокоточные системы оружия (ВТО), которые включают в себя не только КР, но и «планирующие» бомбы, ракеты класса «воздух–земля» и др. Как отмечает А. Лузан, «Бурное развитие в последние годы средств информационно-коммуникационных технологий позволило апологетам СВН перейти к принципиально новой концепции их боевого применения: теперь сами СВН, как правило, не входят в зоны поражения средств ПВО, но запускают („выстреливают“) высокоточное оружие (ВТО), поражающее наземные цели с высокой эффективностью. Само ВТО стало основным поражающим элементом СВН и по своей эффективности соизмеримо с тактическим ядерным оружием. Возросли масштабы его применения. Если в ходе операции „Буря в пустыне“ доля ВТО составляла 7–9%, то в ходе агрессии против Югославии все 100% ударов СВН были нанесены ВТО»[2].

[1] Криницкий Ю. В. Нужны средства ВКО на новых физических принципах // Воздушно-космическая оборона. 2012. № 5 (66). С. 31.

[2] Лузан А. Г. Есть отнюдь не мифический «Антей» в нашем Отечестве // Независимое военное обозрение. 2012. 23 марта.

Соответственно стремительно растет их численность, которая сопровождается их удешевлением. По информации некоторых источников, число КР в вооруженных силах США к 2020 году может достичь 100 тысяч единиц, а способность уничтожать хорошо защищенные объекты может приблизиться к абсолютной, если допустить не только возможность нескольких ударов по цели, но и использование других поражающих факторов, которые прежде не принимались во внимание — кумулятивность заряда, повышенную кинетическую энергию и др.

«Во-вторых, — продолжает Ю. Криницкий, — космическое и воздушное пространство сливается в единую воздушно-космическую сферу вооруженной борьбы. Космос осваивается в военных целях. А значит, и объем задач, возлагаемых на силы ПВО (теперь уже ВКО), расширяется. Увеличивается высотный диапазон объектов, подлежащих обнаружению, подавлению и уничтожению в войне. Ожидаемое появление гиперзвуковых воздушных целей (воздушно-космических самолетов) будет означать очередной научно-технический прорыв в развитии СВКН»[1].

Все эти аспекты пока что находятся за пределами обсуждения в процессе ограничения ВВТ и военной деятельности, с одной стороны, а также не являются предметом договоренностей по военно-политическому сотрудничеству в Евразии, с другой. И первое, и второе обстоятельство должны стать предметом переговоров и решений, принимаемых в рамках процесса евразийской интеграции, более того, стать приоритетом этого процесса.

[1] Криницкий Ю. В. Нужны средства ВКО на новых физических принципах // Воздушно-космическая оборона. 2012. № 5 (66). С. 31.

7.
Взаимосвязь модернизации России, развития национального человеческого капитала (НЧК) и воздушно-космической обороны (ВКО) Евразии

Без серьезного развития военных исследований не может быть ни эффективной военной, ни военно-технической доктрины, не могут эффективно работать структуры Генерального штаба. Мы должны восстановить потерянные компетенции военных институтов, интегрировать их с развивающейся системой военного образования — так же, как в гражданском секторе экономики[1]

В. Путин,
Президент России

Именно с опорой на православно-христианские ориентиры Россия консолидирует свое восточноевропейское зарубежье, осуществляет продвижение на Кавказ, на Балканы, укрепляет влияние среди коренного населения Прибалтики[2]

А. Торкунов,
ректор МГИМО(У)

Создание эффективной ВКО зависит от качества и темпов развития человеческого капитала в ОПК. Существует устойчивая и сильная взаимосвязь между политикой модернизации, развитием НЧК и развитием ОПК, которая формулируется следующим образом: модернизация возможна только через опережающее развитии НЧК и отечественных (а не заимствованных) технологий. В свою очередь НЧК и современные технологии концентрируются в ОПК. По оценке прежнего куратора ОПК С. Б. Иванова, порядка 75% национального научно-технического потенциала сосредоточены в ОПК, что, как представляется, очень близко к действительности, несмотря на все усилия, которые сознательно прилагались не одно десятилетие для его развала. На рисунке эту взаимосвязь можно изобразить следующим образом:

Структура национального богатства и его доля в приросте ВВП развитых стран

[1] Путин В. В. Быть сильными: гарантии национальной безопасности для России // Российская газета. 2012. 20 февраля. С. 1.

[2] Торкунов А. В. По дороге в будущее. М.: Аспект Пресс, 2010. С. 70.

Как видно из рисунка, в развитых странах основной прирост ВВП обеспечивается за счет увеличения НЧК и лишь незначительная часть за счет новых активов и природных ресурсов. Этим объясняется особое внимание, которое уделяется развитыми странами человеческому капиталу, который с начала 1990-х годов признан ведущим фактором экономического и социального развития.

Для современной России эта картинка будет выглядеть иначе:

Структура национального богатства России и его доля в приросте ВВП

Как видно из рисунка, Россия:

— существенно отличается от развитых стран по структуре национального богатства и доли прироста ВВП;
— доля ОПК, концентрируясь в НЧК, становится меньше как в относительном, так и в абсолютном значении. Этот феномен проявляется, например, в том, что в числе развитых стран Россия единственная страна, где в последние два десятилетия сокращается численность исследователей и лиц, занятых в НИОКР;
— такая ситуация неизбежно ведет к упадку ОПК, главным компонентом которого является НЧК. Причем не только в научном и промышленном сегментах экономики, но и собственно в Вооруженных Силах. «Реформы А. Сердюкова» в этой области можно охарактеризовать как действия, нанесшие наибольший ущерб обороноспособности страны. Если сшить новую форму, вернуть собственность и пр. ошибки исправить можно в короткие сроки, потеряв, конечно, деньги, то научные школы — ликвидированные,

развaленные или ослабленные — потребуют уже не просто денег, а многих и многих лет.

Соответственно для того, чтобы обеспечить, во-первых, быстрый, а во-вторых, качественный рост ВВП России, необходимо:

1. Увеличить долю НЧК с 50% до 75–80% за счет сокращения в приросте ВВП страны доли ресурсов и активов в пользу НЧК.
2. Обеспечить опережающие темпы роста НЧК, что возможно, прежде всего, за счет ОПК. Именно там уже созданы соответствующие структуры, концентрирующие НЧК страны и являющиеся институтом его развития. Опыт деятельности этих структур показывает, что время, необходимое на НИОКР, производство, испытания и внедрение новейших образцов техники и технологии, в таких уже действующих структурах требуется значительно меньше, чем во вновь создаваемых институтах развития.

Это также означает, что в интересах национальной модернизации необходимо прежде всего развивать НЧК ОПК, который неизбежно стимулирует развитие высокотехнологичной продукции двойного назначения и других гражданских отраслей обрабатывающей промышленности. Так, по целому

набору показателей эта продукция даже сегодня не просто конкурентоспособна, но и превосходит мировые аналоги — от грузовых автомобилей и тягачей до авиационной и космической техники, а также продукции гражданского назначения, которая занимает значительный удельный вес в производстве предприятий отечественного ОПК.

По мере развития ОПК можно рассчитывать на то, что создание и внедрение новых отечественных технологий и техники, а также реализация уже готовых видов продукции в короткие сроки может приобрести совершенно иные масштабы. При этом результат будет ощущаться практически на всех группах отраслей обрабатывающей промышленности и, соответственно, структуре национальной экономики.

Следует также подчеркнуть, что отечественный ОПК не может успешно развиваться автономно от других отраслей обрабатывающей промышленности, как это было во многом во времена СССР. В конечном счете он, после импульса гражданским отраслям, должен занять соответствующее назначению место в национальной экономике.

В этой связи необходимо высказать еще три соображения, подчеркивающие приоритетное значение развития национального человеческого капитала для экономики страны, ОПК и, как следствие, ВКО.

Доля России в мировом ВВП составляет порядка 3%, а наукоемкой продукции 0,3%. Очевидно, что увеличить долю российского ВВП в мире, используя прежнюю ресурсную модель развития, не удастся. А вот перспективы развития НЧК — неограниченны. Можно не только привести в соответствие с долей российского ВВП долю наукоемкой продукции, но и сделать качественный рывок[1].

Это, в конечном счете, зависит от двух обстоятельств.

Во-первых, необходимо категорически отказаться от политики модернизации, основанной на внешних технологических

[1] Об этом я писал не один раз, в т. ч. в соответствующих разделах самого первого послания Президента РФ 1994 года, посвященного приоритетам развития наукоемких отраслей и образования. К сожалению, эти предложения оказались невостребованны-ми, а положения Послания — не реализованными.

заимствованиях, используя таковые только в тех случаях, когда они способствуют развитию НЧК и отечественных технологий. Тем более, такая политика неприемлема в области обороны, науки и образования. По сути дела такая модернизационная стратегия основывается на равитии одного, причем не самого главного, компонента национального богатства — производственных активов, — т. е. приоритет в модернизации изначально выбран неверно.

Во-вторых, экспорт наукоемкой продукции, в т.ч. оборонной, предполагает, что на мировые рынки можно будет выходить только с отечественной (а не заимствованной продукций), и, что такие образцы будут обладать мировой конкурентоспособностью.

Мировой опыт показывает, что страна, претендующая на звание лидера в области технологий, должна ежегодно предлагать на мировом рынке не менее 3–4 оригинальных (т. е. национальных) продуктов или услуг, которые могут быть созданы только на базе национального человеческого капитла. Конкурентноспособность невозможно создать на базе заимствованных идей и технологий, что абсолютно справедливо прежде всего для ВКО.

Военно-политические аспекты НЧК

Ужесточается конкуренция за ресурсы.
Причем … прежде всего за человеческие ресурсы,
за интеллект[1]

В. Путин,
Президент России

[1] Путин В.В. Послание Президента Федеральному Собранию. 2012. 12 декабря / Сайт Президента России / http://президент.рф/news.17118

Прежде чем говорить о значении НЧК в ОПК и ВКО необходимо рассмотреть вопрос шире, а именно о роли НЧК в обеспечении военно-политических интересов нации, общества и государства. Без решения этой приоритетной задачи сегодня невозможно говорить ни об эффективном развитии ОПК, ни ВКО. Если говорить конкретно, то от уровня развития НЧК в конечном счете зависит:

— способность государства и нации противодействовать невоенному (политическому, информационному, культурному) насилию, т.е. невоенным факторам воздействия. Прежде всего речь идет о возможностях противодействия «мягкой силе», которая зависит от качества нации и развития институтов НЧК;
— темпы и качество экономического развития, уровень науки и технологий, структура экспорта и импорта, качество финансовой системы;
— качество государственного и общественно-политического управления, эффективность государственных институтов, включая точность, своевременность принятия и выполнения решений (в т.ч. в военно-политической и военно-технической областях), уровень доверия в обществе и масштабы коррупции;
— конкурентоспособность промышленности, прежде всего обрабатывающей, качество ВВТ и способность своевременно

и в соответствии с требованиями руководства проводить НИОКР и внедрять их в промышленное производство;

— качество руководства и личного состава Вооруженных Сил РФ, его боеспособность и эффективность. Так, например, неудачи начального периода ВОВ я связываю прежде всего именно с качеством НЧК СССР, который был объективно ниже, чем в Германии.

Проводимая в стране модернизация, как уже говорилось прежде всего зависит от того, как будет развиваться НЧК. Что уже отчасти признается правящей элитой, но пока не стало приоритетом финансовой, бюджетной и экономической политики.

Ключевая роль в процессе национальной модернизации должна принадлежать двум важнейшим факторам:

— опережающему развитию НЧК, измеряемому как количественно (демографически), так и качественно (Индекс развития человеческого капитала — ИРЧК)[1];

— созданию и развитию институтов — государственных и общественных — НЧК, которые способны эффективно реализовывать национальный человеческий капитал[2].

Надо отчетливо понимать, что от результатов модернизационного рывка будет зависеть не только экономическое будущее страны, но и ее положение в мире, суверенитет, безопасность, а, в конечном счете, способность сохранить себя как нацию. Это, вроде бы, признается, но понимание того, что модернизация будет зависеть от темпов и качества развития НЧК происходит медленно. Пока что по-прежнему доминируют макроэкономические соображения.

Следует также видеть зависимость, которая существует, от главной политической цели современного развитого государства, — защиты национальных интересов и продвижения (в том числе насильственного) системы ценностей, от качества НЧК. Развернувшаяся в XXI веке острая борьба за продвижение национальных систем ценностей будет в конечном счете

[1] Подберезкин А.И. Роль национального человеческого капитала в период «фазового перехода» человечества. Т. I. Кн. 2. Национальный человеческий капитал. М.: МГИМО(У), 2012.

[2] Подберезкин А.И. Креативный класс и идеология русского социализма. Т. 3. Кн. 3. Национальный человеческий капитал. М.: МГИМО(У), 2011.

определять и основные направления мировой политики. В том числе и военной. В том числе в области стратегических наступательных и оборонительных вооружений.

По сути дела началась схватка между цивилизациями, отражающими ту или иную систему ценностей. Сегодня доминирует либеральная, но набирает силу исламская, китайская, индийская, бразильская. Так или иначе, но России неизбежно предстоит определиться, присоединяться ли к одной из доминирующих систем, в том числе и с военно-политической точки зрения (выражаемой в блоково-коалиционном подходе), либо отстаивать свою национально-цивилизационную, историческую, духовную и геополитическую роль в мире. Собственно говоря, «присоединение» к одной из существующих ценностных систем будет означать простое поглощение национально-ценностной российской системы. Такая угроза постоянно существовала в истории России, начиная с IX века, но особенно острой стала в XIII–XVI веках, когда Россия оказалась «зажатой» между католической Литвой и Польшей на западе и кочевниками на юге и юго-востоке. Позже, в XIX–XX веках, эта угроза вновь возникла, превратившись в конце XX века в практическую угрозу уже не только суверенитету, но и национальной целостности и даже национальной идентичности. «Холодная война», как форма борьбы, уступила место «холодному миру», который в переходный период 1990–2010 годов оказался не менее угрожающим для нации, чем прямое противостояние. Именно в эти годы был нанесен самый мощный удар по НЧК — прежде всего его демографическому, научному, образовательному, нравственному компоненту. Развал ОПК и ВС — лишь одно из многих, и может быть даже не самое главное наследство такого «холодного мира».

На самом деле «холодный мир» с точки зрения безопасности России мало чем отличается от «холодной войны». Главное, пожалуй, тем, что, для России он оказался более опасен.

Прежде всего тем, что возможностей противодействия стало на порядки, в десятки раз, меньше, а также тем, что «холодная война» из области международных отношений распространилась на все постсоветское пространство — во взаимоотношения различных элит постсоветских государств и различных слоев общества.

Эта «холодная война» ведется в том числе и в России, где определенная часть либеральной элиты не только сама определилась с выбором цивилизационно-ценностной системы, в пользу западной системы, но и хочет того же от всей нации и государства. Не случайно этот выбор проявляется особенно выпукло в самом широком спектре противоречий — от отношения к государству, социуму, экономике, выражаемому часто в «случайных» проявлениях отношения к РПЦ, силовым структурам и т.д., — до споров в отношении оборонной политики, ГОЗ–2020. Вопросы развития ОПК и ВКО становятся следствием такой борьбы, ее заложниками, предопределяются в основном господствующей в то или иное время точкой зрения той или иной части правящей элиты. Так, развитие ОПК и ВКО во многом предопределяется не столько решением президента и правительства, сколько существующей финансовой и экономической политикой.

В частности, если речь идет о финансовой политике, то решение Минфина, принятое в январе 2013 года, перечислить в Резервный фонд 900 млрд рублей нефтегазовых доходов, как минимум, странное. Зачем размещать сегодня средства за рубежом, которые имеют минимальную доходность (на самом деле из-за инфляции доходность просто ниже нулевой), когда иностранные инвестиции привлекаются под доходность в 20%?

И еще один провал, за которым стоят либеральные экономисты, — в России так и не создали одну важнейшую финансовую функцию — промышленное кредитование. Как справедливо говорит М. Леонтьев, «Что у нас происходит сейчас? У нас

ситуация, при которой растут номинальные доходы у людей и очень сильно развивается потребительское кредитование. Но нет кредита для промышленного производства. В России исключен кредит для промышленных предприятий».

Мало того что они изымают все деньги из экономики и занимаются денежной санацией, так они еще и практически прекратили кредитование, потому что эффективная ставка у нас — больше 12%, а то и 15% для промышленных предприятий. Я имею в виду за вычетом инфляции, то есть на рынке предприятия могут получить кредит под 25%. А отдать такой кредит невозможно, и единственная возможность кредитования — это специальные государственные программы… Это — вообще не рынок»[1].

Именно в этом контексте следует рассматривать и дискуссию о модернизации Вооруженных Сил, американской системы ПРО, евразийской интеграции и ВКО России, ОДКБ, СНГ. Так, строительство новых корпусов ОАО «Государственного Обуховского завода» велось на условиях коммерческого кредита, т. е. на тех же условиях, на которых работают фирмы, занимающиеся «купи–продай». Известный экономист М. Хазин очень точно характеризует ситуацию внутри российской элиты, сложившуюся в начале 2013 года: «Те, кто постарше, хорошо помнят лозунг „Пролетарии всех стран, соединяйтесь!“ Придуман он был еще в XIX веке, когда были надежды на то, что пролетарская идентичность окажется выше, чем, скажем, национальная. Эта надежда оказалась иллюзорной, однако, как выясняется, есть некоторые другие виды идентичности, которые оказались более привлекательными для некоторых особей, чем и пролетарская, и даже национальная. Это идентичность либеральная. И для

[1] Леонтьев М. «Никакая „кубышка“ не обеспечит устойчивости экономики в условиях серьезного кризиса» / Эл. ресурс «Военное обозрение». 2013. 25 января / http://topwar.ru

того, чтобы подтвердить этот тезис, я, вначале, напомню некоторые факты[1].

Вкратце ситуация выглядит так: сегодня идет острая борьба между российскими либералами и Президентом России Путиным. Путин отчаянно хочет заставить правительство и Центробанк реализовать его предвыборные обещания и обеспечить более или менее приличный экономический рост, либералы демонстративно объясняют ему, что это невозможно и занимаются откровенным вредительством»[2]. И далее: «…Особо остро эта ситуация встала в последние недели, поскольку Путин поручил Академии наук разработать концепцию реформирования российской экономики, обеспечивающую „устойчивое развитие". Она тут же была раскритикована либералами, хотя с их стороны именно сегодня это выглядит смешно, с учетом того, что лозунг нынешнего „Давоса", одной из „Мекк" либералов, выглядит как: „Устойчивый динамизм". Кто хочет, может написать диссертацию о нюансах различия этих терминов»[3].

Это обстоятельство является главным ключом к пониманию роли современной военной силы вообще и ВКО, в частности. Что нередко, даже часто, упускается из виду, особенно когда речь идет исключительно о военно-технических аспектах ВКО. Реальность такова: США и ряд других государств поддерживают такой военный потенциал, который должен дать им в любое время по своему усмотрению возможность использовать военную силу против любого государства. Как пишет бывший помощник Президента России Д. Рюриков (которому, безусловно, не откажешь в компетентности суждения), говоря о правящей элите США, «…если лица, принимающие решения, сочтут это необходимым, война может быть начата в любой момент»[4]. Другими словами, основное требование американской правящей элиты к своим вооруженным силам — постоянная боеготовность и способность поддержать немедленно политические решения. Надо сказать, что это качество

[1] Более подробно их можно прочитать в http://worldcrisis.ru/crisis/

[2] Хазин М. Нам нет, нет, нет альтернативы! Либерал-элита против Путина / Эл. ресурс «Военное обозрение». 2013. 27 января / http://topwar.ru

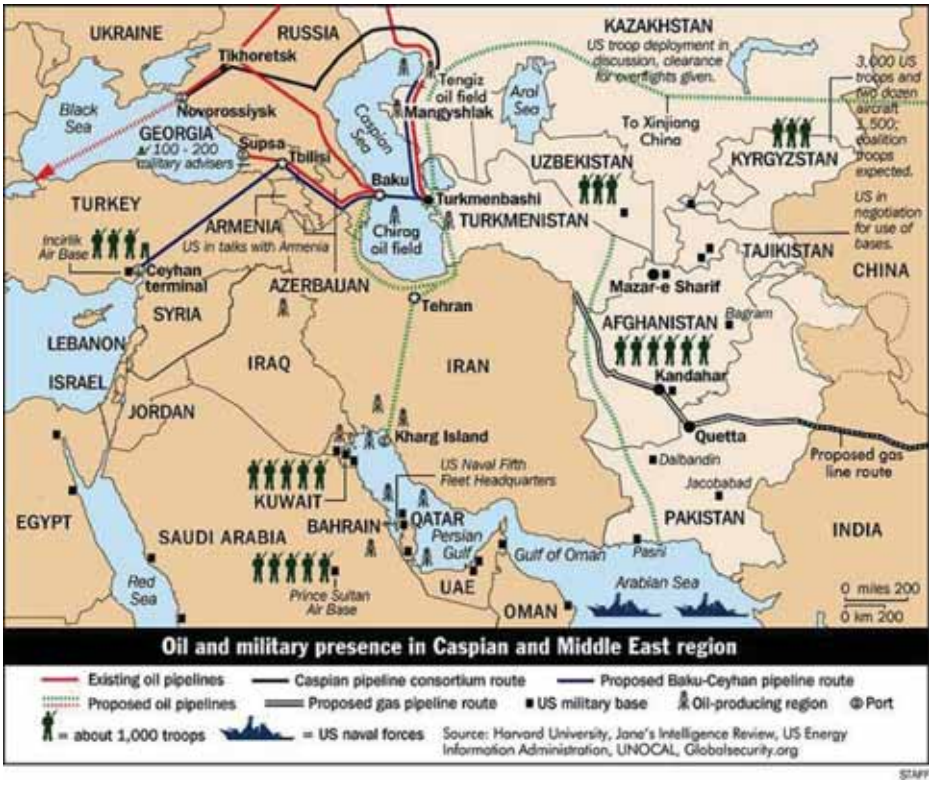
[3] Там же.

[4] Кризис миропорядка и угрозы России и миру: Аналит-обзоры РИСИ / под ред. П.В. Гребенникова, Д.Б. Рюрикова. — М.: РИСИ, 2012. С. 10.

обеспечивается достаточно высоким уровнем НЧК США не только в вооруженных силах, но и науке, и промышленности, которое постоянно повышается. Не случайно, например, что в условиях отсутствия военной угрозы США их военной бюджет вырос почти на 100% за последнее десятилетие.

При этом военно-политическое руководство США исходит прежде всего из геополитических соображений. Необходимости продвижения своих ценностей и интересов в глобальном масштабе. По этому поводу известный французский аналитик Ж.-Б. Пинатель пишет следующее: «…американская политика ставит целью поддерживать постоянную нестабильность на

Взаимосвязь между добычей нефти и военным присутствием США

Ближнем Востоке и в Каспийском бассейне. Цель США — тормозить экономическое развитие наших соседей путем захвата их ресурсов, нанести ущерб развитию Европы и России, лишать их рынков сбыта продукции, и, наконец, всеми возможными способами помешать созданию стратегического союза от Дюнкерка до Урала, который стал бы третьим участником системы международных отношений, способным противостоять амбициям Вашингтона»[1].

Эту взаимосвязь между геополитическими интересами США, энергетическими ресурсами и поддержанием вооруженных сил в постоянной боеготовности хорошо иллюстрирует карта «Взаимосвязь между добычей нефти и военным присутствием США» с. 282 .

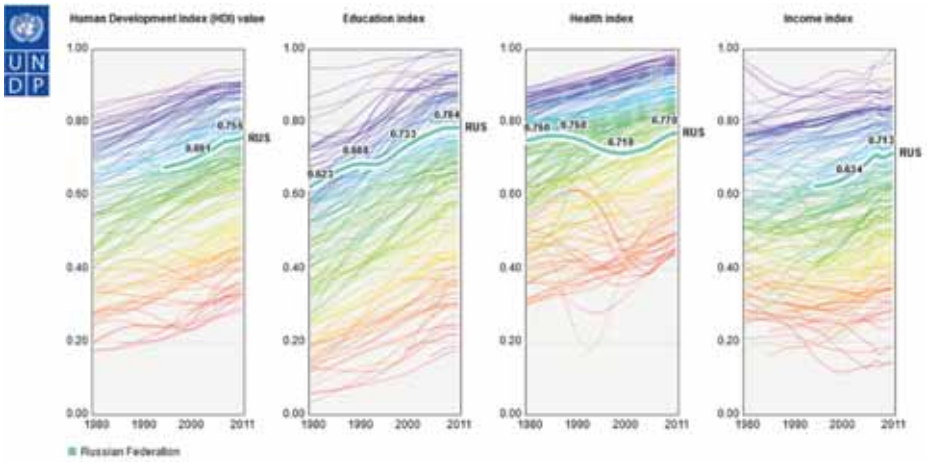
Как видно, пока что в Центральной Азии военное присутствие США не очень велико. Но, во-первых, есть тенденция к ее увеличению, а, во-вторых, сегодня военные возможности определяются уже не столько количеством военнослужащих, а качеством ВВТ, прежде всего ВТО, способного быть примененным в авиационно-космическом нападении. Соответственно и способность того или иного государства защититься от такого нападения предопределяет политические возможности использования «мягкой силы» и создания условий для непосредственного применения военной силы, что, в свою очередь, обеспечивает реальность и эффективность политического давления, даже шантажа. Не случайно огромные усилия тратятся на формирование лояльных США институтов развития НЧК в Евразии. Достаточно сказать, что поддержка одного сайта «Центральная Азия» ежегодно обходится МО США в 4 млн долларов.

Сегодня не существует четкой границы между «мягкой» и «жесткой» силой. Информационное, кибернетическое, культурное воздействие против НЧК и его институтов уже стало обязательной первой фазой военных действий.

[1] Пинатель Ж.-Б. Россия — Европа: жизненно важный союз / перев. с франц. Д. Х. Халиллуллиной. М.: Книжный клуб 36.6, 2012. С. 26–27.

Национальный человеческий капитал (НЧК) в этих условиях играет ведущую роль, которая определяется следующими обстоятельствами:

Во-первых, НЧК является главным фактором роста современной экономики любой страны. Это тем более верно для обрабатывающих отраслей промышленности и оборонно-промышленного комплекса (ОПК). В частности, в российском ОПК занято до 70% квалифицированных научно-технических кадров страны. К сожалению, Россия по этому показателю не входит в число стран-лидеров, стабильно занимая место в седьмом десятке государств. Лишь в последнее десятилетие заметна некоторая позитивная динамика по ряду критериев, определяющих качество НЧК. Как видно из приведенных ниже примеров, качество НЧК улучшается медленно.

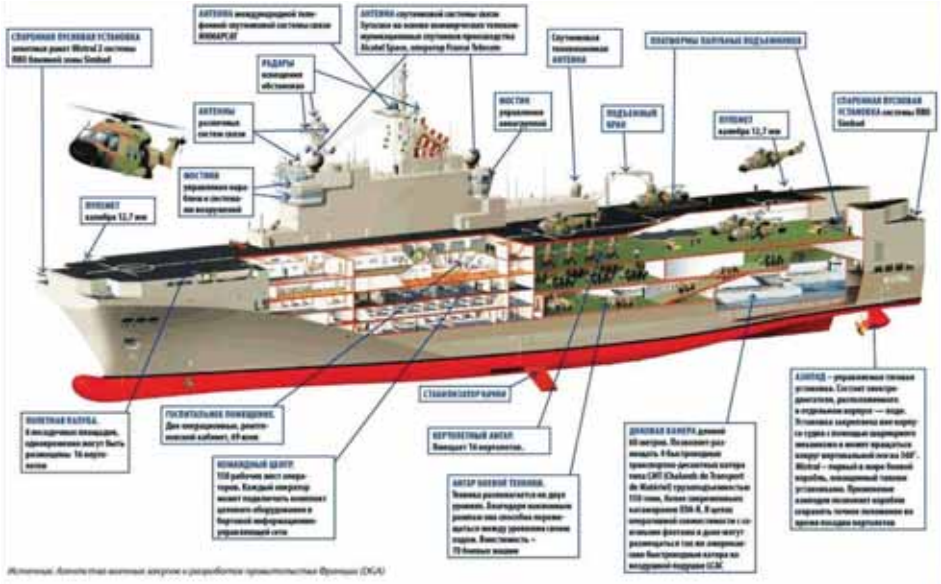

Во-вторых, уровень развития НЧК определяет уровень развития политических и социальных институтов, способность влиять на другие государства (в форме «мягкой силы») и противостоять такому влиянию, препятствуя подготовке условий для использования военной силы («hard power» или «жесткой силы»). Граница между этими формами очень условна: переход

информационного и кибер воздействия, например, в откровенно враждебную фазу является фактическим началом войны, но этот переход ведь очень условен, хотя именно в 2012–2013 годы он фактически легализован США.

В-третьих, качество НЧК предопределяет качество политической и управленческой элиты и эффективность принимаемых ею решений, снижает издержки (в т.ч. коррупционные), ускоряет реакцию, позволяет избегать крупных ошибок и просчетов. Так, например, принятое решение о закупке французских вертолетоносцев «Мистраль», очевидно ошибочно, по меньшей мере, по следующим причинам:

— пока что до конца не определена роль и место этих кораблей в военной доктрине и стратегии их использования ВМФ РФ (что, кстати, уж признало МО);
— эти суда оснащены современными ВВТ, которые должны будут эксплуатироваться и обслуживаться в России. Некоторое представление о сложности такой задачи дает схема, приводимая ниже[1];

[1] «Мистраль» — нелепая покупка экс-главы Минобороны США / Эл. ресурс «Евразийская оборона». 2013. 31 января / http://eurasian-defence.ru

— наконец, очередная попытка зарубежного «заимствования» могла бы быть оправдана, если бы такие суда невозможно было бы строить в России. Новый министр обороны был вынужден сделать на этот счет специальное заявление: «Российские заводы должны быть готовы к большим заказам со стороны Министерства обороны, так как техника, необходимая для перевооружения армии, будет закупаться за рубежом, только если иссякнут надежды на российские компании, заявил министр обороны Сергей Шойгу в интервью телеканалу „Россия“»[1]. Он подчеркнул, что закупать за границей технику, необходимую для обороны страны, иногда быстрее, но не перспективнее. Шойгу считает, что в будущем необходимо прийти к тому, чтобы сервисное обслуживание всей оборонной техники осуществляли тоже заводы-изготовители: «И тут мы с вами говорим о большой теме, которая называется „контракт жизненного цикла“ — от постановки на вооружение и передачи нам, до утилизации. Это большая работа, потому что мы должны часть заводов Минобороны передать компаниям и крупным промышленным объединениям, которые занимаются и наукой, и опытно-конструкторскими работами, и производством техники»[2].

[1] Техника для Минобороны должна производиться в России, считает Шойгу / Эл. ресурс «Военное обозрение». 2013. 25 января / http://topwar.ru

[2] Там же.

В-четвертых, качество НЧК во многом оказывает решающее воздействие на качество вооруженных сил, темпы и качество развития ВВТ, является решающим в фундаментальной науке и НИОКР. Это, безусловно, надо иметь в виду, так как сегодня именно человеческий потенциал в области фундаментальных наук и НИОКР предопределяет не только современное состояние экономики и военной мощи, но, главное, его будущее. В этом смысле инвестиции в науку и образование, в том числе военную, это самые выгодные для нации инвестиции.

К сожалению, это далеко не всегда осознается российской правящей элитой, которая недооценивает значение этих факторов в гражданской и военной областях. Так, относительная

доля финансирования военных НИОКР, запланированная еще в первом десятилетии при прежнем руководстве МО, будет падать (с 22% до 16%), что совершенно неоправданно. Как, впрочем, и проведенная «реорганизация» военной науки[1], которая привела к ее деградации.

[1] Вооруженные Силы Российской Федерации: модернизация и перспективы / под ред. И. Коротченко. М.: Национальная оборона, 2010. С. 279.

Сводная таблица по военным расходам России и структуре ГОЗ в 2010–2013 гг.

Годы	2010	2011	2012	2013
Бюджет МО, млрд руб.	1277	1521	1661	2102
Общие расходы на развитие ВС РФ (ГОЗ), млрд руб.	487	574	726	1165
% на развитие в бюджете МО	38,1%	37,7%	43,7%	55,4%
Расходы на закупку ВиВТ и модернизацию, млрд руб. (% в расходах на развитие)	380 (78%)	460 (80%)	596 (82%)	980 (84%)
Расходы на закупку новых ВиВТ (% в расходах на развитие)	316,5 (65%)	374 (65%)	487 (67%)	816 (70%)
Расходы на модернизацию ВиВТ (% в расходах на развитие)	63,5 (13%)	86 (15%)	109 (15%)	164 (14%)
Расходы на НИОКР (% в расходах на развитие)	107 (22%)	114 (20%)	130(18%)	185 (16%)

Есть и другие факторы влияния НЧК на эффективность общества, экономики, ВС и ОПК, что в конечном счете проявляется на возможностях ВКО. Если посмотреть, как это влияние проявлялось в России в последние годы, то нетрудно обнаружить, что отставание в темпах развития НЧК прямо и негативно отразилось как на возможностях Вооруженных Сил России и на качестве ВВТ, так и на эффективности ВКО. Примеров можно привести множество — от дезорганизации и псевдореформ в МО и ГШ до развала целых отраслей ОПК и, как следствие, значительном снижении эффективности ВКО.

Роль НЧК в развитии ОПК и ВКО

Огромным недостатком нашего исторического создания … является то, что мы анализируем ключевые процессы и события … в отрыве от … тех процессов, которые проходили в это время в мире[1]

А. Торкунов,
ректор МГИМО(У)

С точки зрения приоритетности развития НЧК, Россия в последние десятилетия «выпала» из логики развития ведущих государств планеты. Прав академик А. Торкунов, в частности, в том, что все последние три десятилетия практически вся правящая элита России игнорировала ведущую мировую тенденцию — приоритет развития национального человеческого капитала (НЧК), тогда как в большинстве развитых стран именно этот приоритет лег в основу экономической и социальной политики. Советская и российская элиты умудрились как-то не заметить не только основные тенденции и значение нового этапа НТР, но и новую роль НЧК. Даже тогда, когда общепринятым стало измерение качества развития индексами ЧК (ИРЧК) и была создана (в 1990 г.) специальная программа ООН (ПРООН).

Не концентрируя внимания на этой теме[2], важно подчеркнуть что взаимосвязь между НЧК и обеспечением безопасности страны, ее суверенитета и способностью к обороне — не только прямая, но и самая важная для понимания характера развития ОПК и ВКО.

Военная сила, военное превосходство — не самоцель, а политический инструмент. Причем этот инструмент используется в крайнем случае и, как правило, в последнюю очередь, когда другие инструменты оказываются неэффективными.

[1] Торкунов А.В. Современная история России в международном контексте // Вестник МГИМО(У). 2012. №6 (27). С. 7.

[2] См. подробнее: Подберезкин А.И. Национальный человеческий капитал. М,: МГИМО(У), 2011, 2012. Т. I, Т. II, Т. III.

Но чтобы этот политический инструмент был эффективным до его прямого применения, военная сила должна быть очевидно превосходящей и готовой к использованию. Шантаж, как крайняя форма косвенного использования военной силы, должен быть абсолютно убедительным. В противном случае он превращается в блеф. Логика взаимосвязи НЧК–ОПК–ВКО такова: ставка на военную силу в политике в любой ее форме неизбежно означает ставку на военное превосходство, которое в XXI веке определяется не столько количеством ВВТ и личного состава, сколько качеством ВВТ и военнослужащих, а также лиц, принимающих военно-политические решения. Таким образом, в конечном счете именно качество национального человеческого капитала в науке, промышленности и в вооруженных силах становится главным условием реализации силовой политики.

Соотношение сил, измеряемое сегодня прежде всего соотношением потенциалов НЧК в мире и, в частности, в вооруженных силах государств и их военно-промышленных комплексах, таким образом предопределяет аналогичные требования не только к агрессору, но и потенциальной жертве агрессии. Если обороняющаяся сторона не будет обладать сопоставимым НЧК, то она неизбежно будет вынуждена уступить политическому давлению, либо угрозе применения военной силы.

Сегодня соотношение военных сил в основном предопределяется соотношением (количественным, но, прежде всего, качественным) сил в области наступательных авиационно-космических и оборонительных ВВТ. Но если это так, то прежде всего такое соотношение будет зависеть от НЧК, сосредо-

точенных в соответствующих вооружениях и людях, управляющих ими. Отсюда — исключительная важность роли НЧК в создании и развитии ВКО.

Основной политической целью не только для великих, но и большинства других держав является защита национальных интересов, выражаемая в укреплении национальной идентификации и продвижение своей системы ценностей (а, соответственно, правил поведения) в мире. Конечно, с теми или иными нюансами. Так, для США, например, такими нюансами являются цель превратить Китай в «партнёра-противника», не допустить союза Европы и России, внести дестабилизацию в ряд важных для них регионов и т. д.[1] Причем, во многом эта политика оказывается предопределенной результатами развития НЧК в той или иной стране. Не случайно в этой связи примечательное признание З. Бжезинского, сделанное им уже в январе 2013 года, а не в предыдущих работах, которые некоторые авторы считают не актуальными. Отвечая журналу «Евроньюс», З. Бжезинский заметил: «Вы назвали Китай, Индию и Россию развивающимися странами. Если взглянуть повнимательнее, только одна из них развивается, две других — нет. Одна борется с ностальгией по прошлому, у другой несколько преувеличенное мнение на свой счёт, с учётом общей социально-экономической ситуации при большом потенциале и многообещающих перспективах. Страна, которая развивается — это Китай. И, конечно же, мы должны к нему внимательно присматриваться»[2].

Для Китая (во внешней политике) — пока что такой целью является использование права преимущественной покупки сырья,

[1] См., например: Пинатель Ж.-Б. Россия — Европа: жизненно важный союз / перев. с франц. Д. Х. Халиллуллиной. М.: Книжный клуб 36.6, 2012. С. 10–11.

[2] Бжезинский З. Россия не развивается, Путин неэффективен. 2013. 21 января / https://mail.google.com/mail/u/0/?shva=1#inbox

необходимого для высоких темпов роста и ускоренного социально-экономического развития. В том числе НЧК, который увеличивается при помощи опережающих темпов роста ВВП: численность, например, получивших высшее образование за последние 20 лет, превысила 300 млн человек, а покупаемые прежде технологии быстро превратились в китайские. Как следствие — изменение структуры экономики и внешней торговли Китая: если 20 лет назад структура российского экспорта в КНР на 90% состояла из машин и оборудования и на 10% из энергоносителей, то сегодня — ровно наоборот. Китай практически уже не покупает в России продукцию обрабатывающих отраслей.

Решающим условием для реализации поставленных целей во внешней и внутренней политике является опережающий рост НЧК, который позволяет в свою очередь США обеспечить технологическое лидерство, а Китаю — быстрые темпы роста. «Именно переработка сырья, — отмечает известный французский эксперт, — конечных продуктов, которые осуществляются умной, квалифицированной и дешевой рабочей силой, создают „рентабельность“ китайской системы…»[1]. Не случайно, рост НЧК расценивается КПК в качестве важнейшего достижения реформ.

В этом смысле развитие НЧК по большому счету решает две задачи — обеспечение сохранения национальной системы ценностей и суверенитета, а также развитие, модернизация экономики и общества. Но от решения этих задач прямо зависит и способность обеспечения ОПК и ВКО страны. Логика такова: без сохранения национальной идентичности и системы ценностей невозможно сохранить независимость и государственный суверенитет. Высокое качество НЧК является важнейшим условием для этого.

Но, как оказывается, опережающее развитие НЧП без этого также невозможно. Вне национальной системы ценностей

[1] См., например: Пинатель Ж.-Б. Россия — Европа: жизненно важный союз / перев. с франц. Д.Х. Халиллуллиной. М.: Книжный клуб 36.6, 2012. С. 57.

человеческий потенциал становится абстрактной наднациональной, слишком универсальной категорией, не способной обеспечить защиту и суверенитет.

С другой стороны, НЧК является главным ресурсом развития ОПК, без которого не только технологии, но и сами ВВТ становятся бесполезными: заимствовать технологии можно, как можно и покупать вооружения, но развивать ОПК можно только на основе НЧК. Что, кажется, уже стали понимать в российском военно-политическом руководстве. Не случайно, после смены руководства МО и ГШ России Д. Рогозин подчеркнул, что «…заимствовать должны не Вооруженные Силы, а прежде всего оборонно-промышленный комплекс, сама промышленность, для того чтобы производить на основе приобретенных знаний современную продукцию»[1]. Я бы сказал, — на основе национальных знаний и привнесенных технологий.

Далее: создание эффективной системы ВКО без опоры на национальный человеческий капитал также невозможно — внешние заимствования технологий практически исключены, так как в вопросах безопасности идеи «рынка» не работают. Или сведены к минимуму: вам никогда не продадут последние достижения, что означает консервацию технологического отставания.

Развитие отечественной ВКО, таким образом, невозможно не только без опережающего развития НЧК оборонно-промышленного комплекса (ОПК) и всего комплекса отраслей обрабатывающей промышленности. Достаточно сказать, что в 2012 году в российском ОПК насчитывалось порядка 1250 государственных предприятий, на которых было занято около 2 млн человек. Если же говорить о негосударственных предприятиях, КБ и смежниках, то можно констатировать, что ОПК становится производным от уровня НЧК и обрабатывающей промышленности, во многом, в свою очередь, предопределяя темпы развития последних.

[1] Литовкин В. Оборонка отбивается от «Мистралей» // Независимая газета. 2012. 5 декабря. С. 2.

К ВКО, например, вполне применима оценка перспектив развития российской космической отрасли (как части ВКО), данная в последнем интервью академика Б. Чертока: «Космонавтику нельзя оторвать от состояния экономики страны, от развития всех направлений: электроники, машиностроения, химии и т. д. По существу, она теснейшим образом связана со всеми отраслями промышленности. Сегодня, к сожалению, во многих наших космических аппаратах, особенно в беспилотных, которые мы выводим на геостационарную орбиту для обеспечения связи, используются зарубежные элементы, поскольку наши промышленные технологии не способны их производить. Поэтому успех российской космонавтики целиком будет зависеть от успехов и темпов развития всех отраслей передовых технологий в основных областях машиностроения и электроники»[1].

Действительно, развитие ОПК зависит не только от уровня развития НЧП (прежде всего фундаментальной науки), культуры, образования, причем именно **национального**, но и от уровня, развития технологий и всей группы отраслей обрабатывающей промышленности.

Очевидно и другое: для создания объединенной евразийской ВКО одного российского потенциала НЧК и ОПК мало — требуется не только мобилизация ресурсов, но и кооперация научно-технических и экономических возможностей ряда государств, высокая степень политического и научно-технического сотрудничества. Так, тяжелые МБР традиционно создавались на Украине, а ряд важнейших компонентов ВКО — в бывших советских республиках.

Политически, экономически и финансово (не говоря уже о военной стороне вопроса) реализовать концепцию евразийской ВКО только усилиями России вряд ли возможно. Как, впрочем, и многих других систем ВВТ. Здесь мы сталкиваемся с известным противоречием, о котором говорилось, например,

[1] Черток Б. Последнее интервью / Эл. СМИ: «Военное обозрение» / http://topwar.ru/10096

на заседании ВПК в декабре 2012 года, когда сегодня ни одно государство (даже США) не делает все системы вооружений, а, с другой, великая держава не может зависеть от поставок ВВТ из-за рубежа[1].

Тем более, что создание потенциала евразийской ВКО зависит не только от ОПК России и других стран, но и от политических, культурных, этнических и иных факторов невоенного характера. Прежде всего от того, насколько быстро России удастся предложить странам Евразии свою собственную, привлекательную модель интеграции, основанную на общей системе ценностей, производными от которой будут евразийская экономическая и военно-политическая интеграция. Так, в КНР после ноябрьского (2012 г.) съезда КПК происходит самая настоящая «идеологическая революция», когда отодвигаются в тень классики марксизм-ленинизма, без которых раньше не обходилось ни одно выступление, а им на смену приходит возрождение ценностей конфуцианства. Более того, эта система ценностей, подкрепленная экономическими ресурсами, активно продвигается КПК за рубеж при помощи самых различных институтов.

В этом смысле алгоритм действий российской политики должен не отличаться от китайской или американской, с той лишь разницей, что США навязывают свою систему ценностей (Китай — «продвигает» пока что мирно), а Россия должна предложить привлекательную для этих стран ценностную систему. В том числе, а, может быть, и прежде всего, в области безопасности[2]. И эта система ценностей может базироваться только на основе НЧК и сотрудничестве с другими странами и их НЧК.

[1] Литовкин В. Оборонка отбивается от «Мистралей» // Независимая газета. 2012. 5 декабря. С. 2.

[2] См. подробнее: Подберезкин А.И. Евразийская воздушно-космическая оборона как идея и проект // Вестник МГИМО(У). 2012. № 6 (27). Декабрь. С. 61–68.

Взаимосвязь НЧК – ОПК – ВКО

Можно предположить, что в такой системе ценностей создание системы евразийской безопасности может играть важную, пока что широко не обсуждаемую роль. И прежде всего, учитывая роль и характер возможных военных действий, в области воздушно-космической обороны. При этом целесообразно идти «от общего к конкретному», т.е. от системы нравственных ценностей для стран Евразии, реализуемых в развитии НЧК этих государств, к системе обеспечения безопасности вообще и воздушно-космической — в частности.

Из рисунка «Взаимосвязь НЧК — ОПК — ВКО» видно, что возможности ЕвразВКО зависят, в конечном счете, от двух факторов:

Во-первых, от общего уровня развития НЧК (причем в его широком понимании, включающем культурно-историческую, геополитическую и иную специфику) и, как следствие, темпов роста обрабатывающей промышленности и всего ВВП.

Сегодня видно, что прогноз на ближайшие годы для России темпов роста ВВП и обрабатывающей промышленности пессимистический[1].

Прежде всего это объясняется тем, что не учитывается роль НЧК, который в современных государствах, как уже говорилось,

[1] Башкатова А. Отечественная экономика на автопилоте // Независимая газета. 2013. 30 января. С. 1, 4.

Базовые виды экономической деятельности, прирост за год, в %

Виды деятельности	2011 г.	2012 г.	2013 г.*
Сельское хозяйство	23,0	–4,7	11,8**
Промышленное производство	4,7	2,6	0,2
Добыча полезных ископаемых	1,9	1,1	0,5
Обрабатывающие производства	6,5	4,1	–0,6
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	0,1	1,2	2,2
Строительство	5,1	2,4	1,1
Розничная торговля	7,0	5,9	5,6
Оптовая торговля	5,4	6,8	–2,5
Платные услуги населению	3,0	3,5	1,9
Грузооборот	3,4	1,7	1,6
Все базовые отрасли	5,1	3,2	1,4
Базовые отрасли, без с/х	4,2	3,7	0,9
Справочно: инвестиции	8,3	6,7	–0,1

* Прогноз на 2013 год предполагает инерционный рост при сохранении темпов второго полугодия 2012 года.

** Рост выпуска сельского хозяйства предполагается на уровне средних показателей 2007–2010 годов с учетом компенсации эффекта неурожая 2011 года.

Источник: Росстат, «Центр развития» ВШЭ.

обеспечивают до 95% роста ВВП и обрабатывающей промышленности. Соответственно, если НЧК в ОПК в России занимает половину НЧК страны, то это означает, что именно этот фактор не работает.

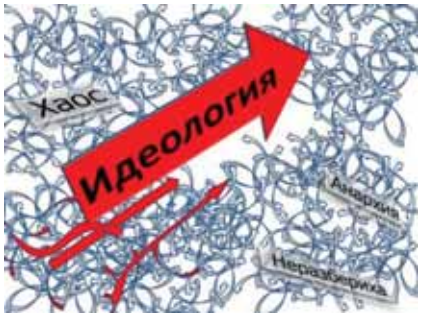
Во-вторых, обеспечение безопасности на континенте и создание ВКО зависит от уровня сотрудничества — политического,

научно-технического, экономического и военного в рамках евразийского сообщества, объединенного общим интересом обеспечения безопасности. Причем этот приоритет изначально должен уступать место стремлению навязать свою систему ценностей.

Как видно из приведенного выше рисунка, это возможно прежде всего при обязательном условии обладания Россией наиболее высоким уровнем Национального человеческого капитала (НЧК), включающего в том числе его культурную, научно-образовательную и духовную составляющую. Только такой НЧК способен обеспечить России конкурентоспособный внешнеполитический идеологический ресурс, с помощью которого можно обеспечить евразийскую интеграцию в других областях.

Собственно «идеология» экономической выгоды, которая сегодня доминирует в подходе к евразийской интеграции в России, оказывается неконкурентоспособной: далеко не все действия в мире определяются экономической выгодой и интересами национальной безопасности. Евросоюз — очевидный пример этому. Кроме того, соревноваться с США и НАТО на этих экономических условиях изначально невыгодно. Тем более, что есть и другие конкурентоспособные идеологии в Евразии, определенно ориентированные на приоритетное развитие своих этносов — исламская, конфуцианско-социалистическая, буддистская. Такая прагматическая «идеология» нацелена не на достижение сформулированной цели (например, повышения боеспособности и эффективности ВКО в ходе военной реформы), а на «оптимизацию» расходов, нередко в ущерб самой цели. Более того, как показали события в МО, подобная «оптимизация» ведет к коррупции и разворовыванию бюджетов, деградации НЧК и ОПК.

Вместе с тем важность идеологии для приоритетов развития евразийской интеграции и государства становится все более

и более очевидной. Как, например, отмечалось в тезисах конференции Совета по внешней и оборонной политики (СВОП) в начале декабря 2012 года, «…Идейная борьба обостряется в сфере привлекательности моделей развития, которые в век информационной открытости во многом предопределяют влияние стран, их мировую „капитализацию“. Растет роль „мягкой силы“, измеряемой готовностью других стран добровольно следовать чьему-то примеру. Она зависит от уровня благосостояния основной массы населения, качества жизни, защищенности человека, его свободы, эффективности юридической и политической системы. Особое значение имеет накопленный культурный слой стран и обществ, способность транслировать свою культуру. Иногда именно потенциал „мягкой силы“ вершит историю. Вспомним бегство восточноевропейских стран, да и значительной части советского общества к западной системе ценностей в конце 1980-х и в 1990-е годы»[1].

Но НЧК является не только основой для «мягкой силы», но и силы вообще, и основой развития современных национальных технологий, включая военные, которые по определению не могут быть заимствованы за рубежом. Конечно, в глобальном мире невозможно развиваться изолированно. Продолжается и будет продолжаться сотрудничество, промышленно-технологический шпионаж, но военно-технологической фундамент ОПК может быть создан только на национальной основе. И у России, есть для этого основания: «…по трем основным рынкам — Америки, Израиля и Германии — наши соотечественники держат абсолютное первенство в сферах IT, математики, физики, биологии…»[2]. Выбор, таким образом, предопределен в пользу приоритетности развития НЧК.

[1] Россия в мире силы XXI века — силы денег, оружия, идей, образов // Тезисы к конференции СВОП 1–2 декабря 2012 г. С. 6.

[2] Аузан А. А. Никто не хотел уезжать // Профиль. 2012. 5 ноября. С. 53.

В этой связи важно подчеркнуть, что сама возможность эффективно использовать военную силу появляется только при определенных условиях: она зависит от военного научного и технологического превосходства, а оно, в свою очередь, определяется сегодня прежде всего лидерством в развитии национального человеческого капитала (НЧК). Именно НЧК, а не заимствованными технологиями в ОПК, которые заведомо отстают (особенно в военной области) на 15–20 лет от существующих в развитых странах[1].

Этот вывод имеет принципиальное политическое и практическое значение. Так, отказ СССР и России в свое время от развития национальных фундаментальных исследований и НИОКР привел к тому, что во втором десятилетии XXI века в ВКО страны образовались катастрофические бреши. Так, лидируя в 80-е годы в области гиперзвуковых технологий, беспилотных летательных аппаратов и ракетной техники (в т. ч. высокоскоростных ракет-перехватчиков), сегодня Россия отстала в этих областях на 15–20 лет. По сути она была вынуждена вернуться к их разработке сегодня, на невыгодных условиях, при отставании в элементной базе микроэлектроники, как говорят скептики, — «навсегда».

Эта проблема на сегодня является главной в отечественном ОПК, где разрушению подверглись целые научно-конструкторские школы. В настоящее время отечественный ОПК включает (по оценке Д. Рогозина) порядка 1350 предприятий, значительное число из которых невозвратимо устарело и подлежит ликвидации.

Это огромный человеческий капитал, который, надо подчеркнуть, является производным от Национального

[1] Об этом подробно написано в книге А. Подберезкина и М. Гебекова «Национальный человеческий капитал на перепутье». М.: МГИМО(У), 2012.

человеческого капитала России. Его необходимо сознательно развивать опережающими темпами, восстанавливая то, что пока не окончательно потеряно, и создавая новые научные и конструкторские школы. Это проблема №1 не только для ОПК, но и для таких комплексов отраслей, как ВКО.

Строго говоря, система ВКО в России во втором десятилетии XXI века только восстанавливается. Некоторые ее компоненты оказались отброшены на десятилетия назад, что не позволяет нам в полной мере говорить о системе ВКО, а, скорее, ее отдельных элементах. При этом, ключевое значение имеет НЧК ВКО, восстановление которого в полном объеме и на отечественной основе не только возможно, но и неизбежно. Возникает, правда, трудный вопрос, каким образом можно ликвидировать отдельные отставания в научных школах НИОКР и технологиях, например, в области электроники, избегая внешних заимствований. Хотя, как уже говорилось, на рынках IT ведущих государств лидерство в ряде областей остается за российскими учеными и инженерами.

Другая сторона проблемы — долгосрочное военно-политическое и научно-техническое прогнозирование и планирование, к которому неизбежно необходимо возвратиться. Опыт последних десятилетий доказал, что США и Китай, исполь-

зующие долгосрочное стратегическое планирование, оказались в значительно более выгодном положении, чем Россия, которая изначально рассчитывала на «невидимую руку рынка», а затем — на ручное управление.

К сожалению, в последние десятилетия по целому ряду идеологических и политических причин в СССР и России не только отказались от стратегических прогнозов и стратегического планирования, но и вообще признавали их не нужными, «мешающими рыночному развитию». Ситуация медленно и не всегда последовательно стала меняться со второй половины первого десятилетия XXI века. Проявился даже своего рода «бум» отраслевых, региональных и местных, большей частью социально-экономических прогнозов. Как правило, основанных на макроэкономических расчетах и экстраполяции, без учета международных и военно-политических факторов, влияющих на их реализацию, а нередко и просто формальных.

Эти прогнозы и основанные на них программы оказались практически бесполезны именно потому, что положенные в их основу макроэкономические идеи и модели не могут учитывать важнейшие неэкономические факторы.

Сказанное имеет прямое отношение к военно-политической области, где нужен стратегический прогноз на несколько десятилетий и стратегическое планирование, не зависящее принципиально от субъективных, прежде всего личностных факторов. Нужно, как говорил В. Путин, «посмотреть за горизонт», на 30–50 лет вперед.

Для того чтобы разработать такой прогноз, основу для стратегического планирования и заложить фундамент под военную политику и военное строительство, нужно учитывать несколько факторов, имеющих принципиальное значение:

— **во-первых**, необходимо отчетливо понимать, что является национальными приоритетами и ценностями, какова национальная стратегия развития. Для полноценной военной

доктрины и прогноза, признания в качестве приоритетов только государственной безопасности и суверенитета уже недостаточно;

— **во-вторых**, нужна некая общая позиция правящей элиты и общества в отношении такой национальной стратегии развития. Не единообразия, которого быть не может, а принципиального согласия ведущей части элиты и общества. Как это существует, например, в США, где сформировался фактический консенсус в элите относительно необходимости создания глобальной ПРО;

— **в-третьих**, нужны научно-обоснованная и согласованная высшим политическим руководством, руководством ВС России и ОПК, а также экспертным сообществом военная доктрина, военная политика и, соответственно, долгосрочные планы военного строительства. Включая понимание и согласие относительно оценки будущих угроз и необходимости им противодействовать.

При этом нужно совместно — политикам, ученым, военным и производителям — решать эти принципиальные вопросы. По отдельности, как показывает опыт, никто не может принять адекватные решения. Наоборот, как при М. Горбачеве и Б. Ельцине, когда политики не считаясь с мнениями военных и представителей ОПК, принимали такие решения, конечный результат был катастрофичным.

Нельзя отдавать на откуп такие решения и только военным, ибо им неизбежно предстоит трудная оценка политической и экономической целесообразности.

Вместе с тем даже существующий опыт взаимодействия и сотрудничества науки, ОПК и ВС показывает их высокую эффективность. Особенно, когда речь идет о сотрудничестве на уровне родов и видов ВС с отраслями ОПК[1].

Думается, что решение Президента России и соответствующее поручение МО РФ о разработке долгосрочного прогноза

[1] Концерн ПВО «Алмаз-Антей» подписал соглашение о взаимодействии с Войсками ВКО / Центр военно-политических исследований. 2013. 23 января / http://eurasian-defence.ru

имеет огромное значение не только для ВС РФ и всей национальной безопасности, но и для ОПК, который должен получить ясную перспективу для своего развития. Важно, чтобы этот прогноз и вытекающее из него долгосрочное стратегическое планирование не остались очередным «забытым» нормативным документом, а стали директивой для военного строительства.

Военное строительство по самой своей сути требует решений, последствия которых рассчитаны, как минимум, на несколько десятилетий. От появления идеи, формулирования задачи и ТЗ до стадии, когда эта реализованная «в металле» идея будет снята с вооружения, может пройти 30 и даже 50 лет[1]. Поэтому ошибка может очень дорого стоить. И не только экономически, но и политически. Так, принятые М. Горбачевым и Б. Ельциным политические решения в конце 1980-х и начале 1990-х годов, катастрофически сказались на всем НЧК России (прежде всего его демографической, научной, технологической и образовательной составляющих), а также возможностях ОПК и ВС страны. Политические ошибки невозможно исправить ни военным, ни конструкторам, ни ученым. Такие ошибки в военно-политической области ставят нацию на грань уничтожения, а их исправление требует значительно больше времени и средств. Так, замечено, что ошибка в госуправлении (развал какого-то института, органа государства, научной школы), совершенная в 2–3 года, требует десятилетий для своего исправления. Это общее правило, с которым столкнулась правящая элита страны во втором десятилетии XXI века, вполне применима к ОПК, в частности, ВКО государства.

[1] Легендарный вертолет Ми-8, например, в разных модификациях существует более 50 лет, и как говорят специалисты, ресурс его модернизации не будет исчерпан еще десятки лет.

Кадровый потенциал ВКО

Ужесточается конкуренция за ресурсы. Причем … прежде всего за человеческие ресурсы, за интеллект[1]

В. Путин, Президент России

… наша страна являет собой уникальный эмпирический случай, позволяющий глубже понять феномен модернизации, происходящей эволюционным путем — без войн и революций[2]

А. Торкунов, ректор МГИМО(У)

Главная проблема национальной модернизации — люди. Именно в силу непонимания приоритетности этой проблемы можно найти объяснение фактическому провалу модернизационных планов к 2013 году. При том, что условия, как справедливо заметил академик А. Торкунов, — «без войн и революций»— были вполне благоприятные. Эта же главная проблема — качество кадров и качество НЧК — стоит перед ВВКО России и ее потенциальных союзников и партнеров в Евразии. Создание ВВКО, в т.ч. для союзников и партнеров, потребует постановки и решения принципиально новых задач, которые не стояли прежде перед руководством этих стран. Так, решение проблемы обеспечения кадрового потенциала ОПК и, в частности, ВКО предполагает параллельное решение, как минимум, четырех задач:

— во-первых, воссоздание кадрового потенциала обрабатывающей промышленности и ОПК, без которого в принципе невозможно развивать национальную промышленность и НИОКР. В свою очередь ОПК и отрасли ВКО являются частью комплекса отраслей обрабатывающей промышленности, которые не могут развиваться изолированно от них. С такой же проблемой в свое время столкнулся СССР, когда исследовав «ФАУ-2», вдруг обнаружили, что из более

[1] Путин В. В. Послание Президента Федеральному Собранию. 2012. 12 декабря / Сайт Президента России / http://президент.рф/news.17118

[2] Торкунов А. В. Рецензия на книгу А. А. Яника «История современной России: истоки и уроки последней российской модернизации (1985–1999)» / http://mhf.su

50 используемых сталей и сплавов советская промышленность в то время производила не более 20.

— во-вторых, воссоздание кадрового потенциала специальных отраслей, связанных с собственно ВКО, который затрагивает сотни производств и КБ. К сожалению, за 30 лет игнорирования потребностей этой отрасли, многие школы исчезли. Иногда вместе со своими наработками, а некоторые деградировали.
— в-третьих, подготовку кадров собственно для войск ВКО как отдельного вида Вооруженных сил, учитывая, что взятые по отдельности специальности в области ПРО, ПВО, ВВС, КО не будут удовлетворять полностью потребностям ВВКО. По некоторым оценкам, в ВВКО ежегодно должны поступать до 3 тыс. специалистов.
— наконец, подготовку кадров Генштаба (который был сокращен при А. Сердюкове на 40%)[1] для профессионального оперативного руководства комплексом наступательных и оборонительных вооружений.

Очевидно, что решение двух первых задач лежит во многом за пределами компетенции командования ВКО и даже МО. Это решение президентского и правительственного уровня, возможность которого зависит от многих обстоятельств. В том числе политических, экономических и финансовых. Надо сказать, что в руководстве страны хорошо понимают значение кадрового потенциала для модернизации обрабатывающей промышленности и развития НЧК. В. Путин в послании в декабре 2012 года специально обратил на это внимание, а в Стратегии инновационного развития РФ до 2020 года обозначены следующие ориентиры:

— увеличение доли предприятий, осуществляющих их технологические инновации, с 9,4% до 40–50%;
— доли инновационной продукции с 4,9 до 20–25%;
— повышение затрат на НИОКР с 1,3 до 2,5–3% ВВП;

[1] Сафронов И. Минобороны рассчиталось на первого–десятого // Коммерсант. 2013. 30 января. С. 1–2.

— увеличение доли публикаций, количества цитирований, патентов и т. д.[1]

Другими словами, сама техническая и технологическая возможность создания ВКО будет зависеть прежде всего от результатов политики модернизации всей страны. Невозможно воссоздать кадровый потенциал в отдельной отрасли, «автономно» от всей обрабатывающей промышленности. Если судить по масштабу задач, сформулированных в Стратегии, то речь идет фактически не о модернизации, а о создании нового потенциала (включая кадровый) обрабатывающей промышленности. Собственно это подтверждается в отдельном разделе, озаглавленном «Основные задачи Стратегии», где говорится, что «основными задачами Стратегии» являются:

— развитие кадрового потенциала в сфере науки, образования, технологий и инноваций;
— повышение инновационной активности бизнеса и ускорение появления новых инновационных компаний и т. д.[2]

Но решению этой общенациональной задачи может способствовать в значительной степени именно воссоздание кадрового потенциала ВКО, который не просто охватывает сотни производств и КБ, но и фактически может стать основой для восстановления кадрового потенциала всего ОПК и обрабатывающей промышленности. Если под ВКО понимать комплекс отраслей — от ракетостроения до элементной базы и ПО, то оказывается, что этот костяк может стать организационно-административной структурой, на базе которой могут фактически в новом качестве восстанавливаться целые отрасли обрабатывающей промышленности. Чему в прежней истории СССР было немало примеров. В том числе в наукоемких отраслях. Так, создание первой в мире сотовой системы связи «Алтай» (существующей до настоящего времени) или интернета в свое время опередило зарубежные аналоги.

[1] Стратегия инновационного развития Российской Федерации до 2020 года. Утверждена распоряжением ПР от 8 декабря 2011 г. № 2227р. С. 4.

[2] Там же.

Логика такова: невозможно одновременно восстанавливать и создавать заново все обрабатывающие отрасли и даже все отрасли ОПК. Необходимо определить приоритетность. Эта приоритетность определяется самим характером современной ВКО, которая объединяет все отрасли — от космической и авиационной до электроники и общего машиностроения. Причем у этого подхода есть несколько преимуществ.

Во-первых, часть отраслей ВКО уже ориентирована на выпуск гражданской продукции. Таким образом, приоритетное развитие ВКО будет означать и «подтягивание» под самые современные разработки и гражданские отрасли обрабатывающей промышленности.

Во-вторых, значительная часть продукции идет на экспорт, т.е. происходит процесс самоокупания НИОКР за счет увеличения серийности образцов.

В-третьих, подготовка кадрового потенциала ведется целенаправлено в рамках единой структуры, обеспечивающей не только подготовку, но и трудоустройство кадров, что в рыночной экономике имеет огромное значение.

В-четвертых, изначально производство ориентировано на создание конкурентоспособной, даже лучшей мировой продукции.

В-пятых, предприятия ВКО изначально ориентированы на опережающее развитие собственных НИОКР, даже в условиях, когда по тем или иным причинам общее развитие НИОКР сдерживается.

Таким образом, можно сделать вывод, что решение общенациональной задачи модернизации и воссоздания обрабатывающей промышленности во многом может быть обеспечено посредством опережающего развития наиболее передовых госкорпораций в области ВКО. Прежде всего тех, которые изначально ориентированы на выпуск конкурентоспособной мировой продукции и концентрируют наиболее перспективные технологии.

Другая сторона проблемы — кадры ВВКО.

Известно, что современным ВВКО России требуется ежегодно не менее 2,5 тыс. человек, направляемых в войска. Ещё больше — в фундаментальную науку, НИОКР, образование, производства. Между тем ситуация ежегодно ухудшается. За исключением некоторых предприятий и организаций кадровый потенциал ВКО и ОПК ухудшается. Игнорирование этой проблемы привело к тому, что естественная убыль последних 25 лет не компенсировалась притоком новых кадров и техники. О трагичности ситуации свидетельствует положение в ВВС, где из 70 учебно-тренировочных самолетов 30 уже неспособны к полетам, а оставшиеся изношены на 90%[1].

Здесь мы сталкиваемся с серьезной политико-концептуальной проблемой отношения правящей элиты страны к кадровому потенциалу ОПК. Суть ее заключается в том, что во второй половине 1980-х годов правящая элита СССР встала перед проблемой конверсии избыточного военно-промышленного производства, которую можно было решить единственным способом — перепрофилировать часть ОПК для гражданских нужд. Мировой опыт (который был обобщен мною и моими коллегами в 1986–1987 годах в специальных записках в ЦК КПСС) показывал, что для этого нужны три обязательных условия:

— **время** (как минимум несколько лет даже для профильного переоснащения производств);
— **кадры** (переподготовка кадров для гражданских нужд);
— **финансирование** (точнее, ресурсы для переоснащения производств и КБ).

[1] Михайлов А., Бальбуров Д. ВВС России остались без учебных истребителей // Известия. 2013. 30 января. С. 5.

При адекватном подходе М. Горбачева и его команды реализация этого сценария могла бы привести к быстрому росту научно-промышленного потенциала страны без разрушения ОПК. Но был выбран другой путь, точнее, — полное отсутствие всякого пути, который свелся к развалу ОПК и обрабатывающей промышленности. Поэтому сегодня необходимы меры, которые по сути носят экстренный, мобилизационный характер по воссозданию кадрового потенциала обрабатывающей промышленности, ОПК и, соответственно ВКО.

Очевидно, что силами только специальных учебных заведений МО России эту проблему решить нельзя, тем более, что в результате «военной реформы» многие из них были уничтожены, либо сокращены. Так академию ВКО в Твери несколько лет пытались вообще закрыть. По сути дела в военном образовании при А. Сердюкове продолжалась политика М. Горбачева — Б. Ельцина по деградации НЧК. Как справедливо заметил Алексей Володин, «…во время так называемого оптимизационного процесса в военном образовании, а по сути, во время тотального сокращения числа вузов, курсантов, которые в этих вузах учатся, и сотрудников высших военных школ есть риск потерять не просто вузы, готовящие офицерский состав, но и сами традиции отечественного военного образования. Есть риск разрушения базовых принципов военного образования до того момента, когда будут разработаны новые его принципы»[1]. Но главное даже не это. Уровень военных кадров и специалистов ОПК определяется в целом уровнем развития НЧК, прежде всего уровнем развития фундаментальной науки, образования, инженерных специальностей, технологий, а в более широком контексте — культурным уровнем всей нации. А это уже не проблемы МО и ГШ, а высшего политического руководства страны, его научной, образвательной и инновационной политики, которые сегодня встречают массовое негативное восприятие у творческой и интеллектуальной элиты страны.

[1] Володин А. Хитросплетения реформы военного образования: Сердюкова нет, что дальше? / Эл. ресурс «Военное обозрение». 2013. 11 января / http://topwar.ru

Другими словами, это проблема профессионализма элиты и ее кадрового потенциала.

Другая проблема — профессионализм и кадровая пригодность ВС и ОПК России, — которая, к сожалению, за последние 20–25 лет только усугублялась. Со второй половины 1980-х годов систематически (и, нередко, при ведущей роли государства) уничтожались целые научные школы и направления, которые занимались анализом, прогнозом и стратегическим планированием. Так фактически разрушались целые отрасли военной экономики, НИОКР и фундаментальной науки. В результате ко второму десятилетию XXI века в области НЧК и ОПК мы получили крайне мозаичную и неравномерную картину, когда некоторые компоненты и элементы разрушены и даже полностью уничтожены. Их надо восстанавливать практически с нуля, как говорят, начинать «с центра поля». Некоторые — деградированы до опасной степени, но сохранились и их нужно и можно развивать, а некоторые даже удалось каким-то чудом сохранить. Собственно на этом сомнительном «заделе» развиваются сегодня системы ВКО и СЯС России, которые, соответственно, также носят «мозаичный» и «хаотичный» характер.

Во многом сказанное относится не только к ОПК, но и военной политике в целом, где бесконечные (и далеко не всегда концептуально обоснованные) военные реформы удивительным образом сочетаются с отставанием в развитии военной науки, военного искусства и военного планирования. На практике это вылилось в «экономизацию» и «менеджеризм», которые не имеют не только ничего общего с военной политикой, но и прямо вредят ей. Впрочем, эта ситуация характерна для всей экономики страны. Откровенное игнорирование правящей элитой страны на протяжении десятилетий общественных потребностей привело в итоге не только к утрате инициативы, но и стратегической перспективы, без чего развитие

ОПК в принципе невозможно, тем более долгосрочное, основанное на стратегических оценках. Это стало фактом, признанным руководством страны. Как в 2012 году сказал В. Путин, «…Нам необходимы механизмы реагирования не только на уже существующие опасности. Нужно научиться „смотреть за горизонт“, оценивать характер угроз на 30–50 лет вперед. Это серьёзная задача, требующая мобилизации возможностей гражданской и военной науки, алгоритмов достоверного, долгосрочного прогноза»[1].

Но долгосрочный военно-политический прогноз и планирование не могут строиться только на макроэкономическом прогнозе, который лежит сегодня в основе всех долгосрочных прогнозов. Не случайно эти прогнозы (как прогноз социально-экономического развития до 2020 года от 2008 года или такой же прогноз в стратегии 2020) проваливаются, оказываются без практических последствий.

Между тем именно прогноз, планирование, а в целом военно-политические оценки и доктринальные установки определяют не только военную стратегию и в целом будущее военного искусства, но и средства вооруженной борьбы — ВВТ.

Это в целом понимает политическое руководство, которое в последнее время ставит перед МО такую задачу: «Какие вооружения будут необходимы российской армии. Какие технологические требования будут предъявляться к отечественному оборонно-промышленному комплексу. По сути, необходимо создать качественно новую, „умную“ систему военного анализа и стратегического планирования, подготовки готовых „рецептов“ и их оперативной реализации в структурах наших силовых ведомств.

Что же готовит нам „век грядущий“?»[2]

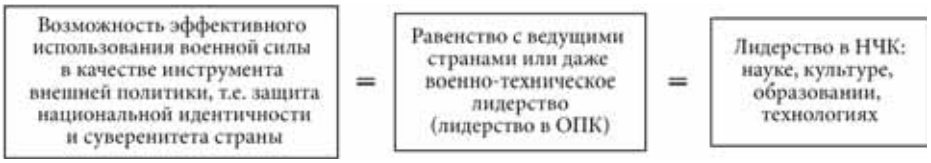
Нужно признать, что ошибки и преступления в военно-политической области, совершенные при М. Горбачеве и Б. Ельцине, привели в том числе к необратимым кадровым послед-

[1] Путин В.В. Быть сильными: гарантии национальной безопасности для России // Российская газета. 2012. 20 февраля. С. 1.

[2] Путин В.В. Быть сильными: гарантии национальной безопасности для России // Российская газета. 2012. 20 февраля. С. 1.

ствиям для ВС и ОПК страны, которые будут сказываться еще долгое время. Даже если допустить, что новое руководство МО и ГШ сможет исправить эти ошибки быстро, на восстановление штабной культуры, научных и образовательных школ потребуются десятилетия. Надо понимать, что цена ошибки стратегических прогнозов и в стратегическом планировании чрезвычайно высока, ибо от них во многом зависят планы военного строительства и развития Вооруженных Сил, вооружений и военной техники. Точно предсказать все невозможно, тем более, что оценки могут меняться быстро, а вносить коррективы в НИОКР и военное производство (которые занимают десятилетия) следует осторожно.

Тем более недопустимы ошибочные радикальные политические оценки военно-политической ситуации в мире, свойственные периоду М. Горбачева и Б. Ельцина, с которых начался развал ВС и ОПК страны. Так, современные системы ПРО и ПВО разрабатывались более 20–25 лет, а потом еще подвержены глубокой модернизации. По сути сегодняшние вооружения будут служить еще десятилетия, а оценки выступают в качестве основы для долгосрочных планов военного строительства вплоть до середины столетия. Фактически это означает необходимость постоянного поддержания и развития не только высокого уровня отечественной науки и НИОКР, но и НЧК всего ОПК, более того, приобретения им лидерских позиций в мире. Отставание сегодня в 10 лет скажется на отставании в будущем уже на десятки лет. Можно говорить даже о тождественности этих понятий. Такое тождество условно можно изобразить следующим образом:

Понятно, что осознание такой тождественности должно происходить в элите и обязательно на высшем политическом уровне, где принимаются решения и делаются основные ошибки. Если, конечно, — профессионально и нравственно — правящая элита на это способна.

Кроме того, как известно, бюрократия воспроизводит саму себя. Собственно плохая элита и бюрократия в СССР и России воспроизводили себе подобных, из чего в итоге и получился нынешний кадровый потенциал ОПК и ВКО.

В последние десятилетия можно назвать, к сожалению, много политических ошибок, из-за которых в итоге пострадала вся нация и безопасность государства. И, конечно, их кадровый потенциал. Многие из них известны, многие еще нет, а значит их осознания до конца не произошло. Можно перечислить те из них, которые имеют прямое отношение к взаимосвязи кадрового потенциала, национального человеческого потенциала, ОПК и способности обеспечить стратегическую оборону. При этом многие ошибки граничат с преступлением, а некоторые — сохраняются и сегодня, но все они имели катастрофические последствия для кадрового потенцила страны:

Ошибка № 1. Переоценка падения фактора военной силы во внешней политике государств, «демилитаризация» внешней политики. Это выразилось в развале ОВД, односторонних уступках в Европе, нарушающих все прежние международные договоренности, ликвидации целых классов оружия, нападках на армию и силовые структуры, бесконечные реформы МО, СВР, ФСБ, других служб и т.д. Это — политические ошибки и преступления, которые привели в итоге к формированию крайне низкого по профессиональным и нравственным характеристикам кадрового потенциала МО, ОПК и, естественно, ВКО. Примеров — не счесть, но все они являются лишь частным подтверждением этой устойчивой тенденции.

Ошибка № 2. Ликвидация научных основ прогнозирования, планирования и мониторинга международной ситуации как в системе МО, СВР, так и институтах РАН, «вышибание» мозгов из фундаментальной науки под предлогом ее экономизации и коммерциализации. Сворачивание фундаментальных исследований под псевдопредлогом необходимости их избавления от государственного финансирования, а в целом фактической ликвидации социогуманитарных отечественных исследований.

Ошибка № 3. Уничтожение отраслевой и прикладной науки, отечественных НИОКР под предлогом «более эффективной» политики внешних технологических заимствований, преувеличения роли заимствованных технологий в модернизации страны. Фактически было уничтожено как среднее, так и начальное профессиональное образование, что привело к тому, что во втором десятилетии XXI века в российской обрабатывающей промышленности почти не осталось профессиональных техников и рабочих. Для отечественного ОПК эта проблема превратилась в трагедию: нужны годы и средства, чтобы исправить эту ошибку.

Ошибка № 4. Игнорирование приоритетов развития НЧК на всем протяжении последних десятилетий, что проявляется не только в демографии, образовании, но и науке, культуре, искусстве. В ВВКО и ОПК в целом могут работать только такие кадры, которые изначально обладают высоким качеством человеческого капитала, включая его культурную и научную составляющую. Причем численность ОПК (порядка двух млн профессионалов) должна определяться во многом не только потребностями ВС и ОПК, но и базовым слоем образованных, культурных и креативных личностей, который для этого должен превышать потребности в 10–15 раз.

Зависимость уровня подготовки кадров ОПК от НЧК далеко не всегда принимается во внимание. В советские време-

на она даже иногда искусственно ограничивалась, что в итоге привело к изолированности ВПК от гражданской науки и в целом развития НЧК. Что не могло в конечном счете не сказаться на эффективности самого ОПК. Но эта ошибка была «исправлена» при М. Горбачеве и Б. Ельцине тем, что кадровый уровень ОПК России был доведен до общероссийского уровня в обрабатывающих отраслях, т.е. понижен в несколько раз. Если сегодня можно говорить о том, что уровень обрабатывающей промышленности РФ вряд ли превышает 30% от уровня РСФСР 1990 года, то кадровый потенциал (который в оборонке был существенно выше) ОПК сегодня в целом упал в 9–12 раз.

В свою очередь НЧК определяется многими, в т.ч. невоенными факторами, вес которых разными авторами оценивается по-разному. Невоенные факторы развития НЧК в любом случае неизбежно сказываются на потенциале ОПК, но далеко не всегда это осознается и признается. Так, исследователь этой проблемы Ю. Корчагин, например, описывает эту ситуацию следующим образом[1].

[1] Корчагин Ю. А. Человеческий капитал в вопросах и ответах / http://www.lerc.ru/articles/0003/0020

Как видно из рисунка, развитие НЧК зависит во многом от уровня и темпов развития множества факторов, в том числе неэкономических, что полностью подтверждается современными реалиями. А они таковы: на Россию, например, приходится 2% мирового финансирования науки, а ее доля в ВВП страны вырастет до 1,8% только к 2015 году[1]. При этом главной проблемой российского ОПК по-прежнему остаются кадры, т. е. НЧК.

Причин множество, но большинство из них общероссийские. Так, молодые ученые и аспиранты изначально поставлены в невыносимые материальные условия, которые ведут к вымыванию из науки целых поколений исследователей. То же самое происходит и среди техников и рабочих. Ситуация в кадрах медленно исправляется.

К сожалению, ситуация в обрабатывающей промышленности России в целом и сегодня характеризуется стагнацией. И это во многом предопределяет уровень развития российского ОПК, который уже не может, как в советские времена, развиваться изолированно от отраслей обрабатывающей промышленности.

В самых передовых областях ОПК это особенно заметно. Хорошо видна эта зависимость, на примерах, неудач Роскосмоса. Космонавт Г. Гречко следующим образом описал ситуацию в космической отрасли, которая характеризуется, коротко говоря, провальной политикой в развитии НЧК: «Началось это все с приватизации. Как только наши предприятия превратили в акционерные общества, их руководителей стало больше интересовать, как бы выкачать побольше денег, а не то, как бы лучше делать космические продукты. И они очень быстро уволили самых опытных пожилых специалистов. И проектировщиков, и инженеров, и техников, и рабочих. Потом набрали молодых, неопытных. Прошло столько лет, подготовки рабочих нет по-прежнему. Я нарисую самую лучшую в мире раке-

[1] Наумов И. Отечественную науку поднимут грантами // Независимая газета. 2012. 30 октября. С. 4.

ту — а кто будет точить, кто будет творить, кто будет работать на станках? Их же теперь не готовят…»[1]

По сути дела эта убийственная и точная характеристика развала НЧК в отдельной, космической отрасли, относится ко всему НЧК ОПК. И ВКО не может являться исключением. Восстановление НЧК ВКО, как и НЧК ОПК, необходимо начинать с восстановления всех факторов и институтов развития НЧК ВКО — от ПТУ, где готовят профессиональных рабочих, до КБ и фундаментальной науки. Только восстановлением отдельных звеньев кадров, отвечающих за оборонные НИОКР, не ограничиться.

Необходимо восстановить всю технологическую цепочку — от верхнего военно-политического эшелона, принимающего грамотные стратегические решения, и фундаментальной науки, до технологий, организации производства и профессиональных училищ. Невозможно создать передовую ВКО, если в высшем военно-политическом руководстве на уровне президента, председателя правительства, министра обороны и начальника Генштаба не сформулирована четкая военная доктрина, стратегия национальной безопасности страны и Концепция ВКО, которые задают рамки, условия и импульс для высшего звена военно-политического управления.

Невозможно также развивать все необходимые направления фундаментальной науки и НИОКР, готовить всех специалистов и развивать все технологии, как это было в СССР. К сожалению, придется выбирать наиболее приоритетные и на них концентрировать основные ресурсы. Прежде всего кадровые. От высшего политического и военного уровня до исполнителей на самом низком уровне. Требуется кадровая мобилизация для наиболее приоритетных направлений. Прежде всего ВКО. Прав, безусловно, космонавт А. Леонов, когда говорил, что «…Фактически сейчас все повторяется:

[1] Гречко Г. «Что с Роскосмосом ни делайте — никакого улучшения не будет». 26 октября 2012 г. / http://ru-universe.livejournal.com/

опыт старшего поколения потерян, и молодым приходится учиться на своих ошибках, и у них тоже ракеты не летят или летят не туда. Но Роскосмос сейчас не может наладить подготовку специалистов, рабочих, инженеров, техников, и поэтому, когда Медведев поручает Роскосмосу восстановить все то, что годами разрушалось, никому, кроме как самому себе, он это поручить не может. Если этим займутся Медведев или Путин, то шансы есть, а если будут поручать Роскосмосу, то нет»[1].

[1] Кунле М. «Что с Роскосмосом ни делайте — никакого улучшения не будет» // Известия. 2012. 25 октября. С. 9.

Основные проблемы развития НЧК ВКО

… осовременивание модели национальной идентичности в нашей стране совпало с поиском модели национальной модернизации…[1]

А. Торкунов, ректор МГИМО(У)

… ливановский подход к реформированию народного просвещения … не более, чем логическое продолжение общей идеологии рыночных реформ…[2]

А. Чадаев, политолог

Основные проблемы НЧК ВКО во многом, как уже говорилось, являются производными от более общих национальных проблем развития человеческого капитала и национальной модернизации. Отсюда вытекает и возможность, способность и вероятность их решения, зависящая прежде всего от решения общенациональных проблем. Эта зависимость — решающая. Силами МО, Генштаба, ВВКО и ОПК ее не решить. Она хорошо видна на примере формирования Военной доктрины страны, которая является продуктом размышлений, оценок и деятельности всей правящей элиты, а отнюдь не только той ее части, которая принадлежит к Вооруженным Силам страны. Соответственно и Концепция ВКО, как производная от Военной доктрины, становится продуктом деятельности всей правящей элиты.

Основные проблемы НЧК ВКО, таким образом, вытекают из нерешенности концептуальных национальных проблем, того «доктринального вакуума», который образовался в конце 1980-х годов, и до конца не преодолен сегодня. Действительно, прежде чем отвечать, какой НЧК ВКО нам нужен и какие в связи с этим стоят проблемы, необходимо ответить на следующие вопросы,

[1] Торкунов А. В. Современная история России в международном контексте // Вестник МГИМО(У). 2012. № 6 (27). С. 8.

[2] Чадаев А. Ярлык на реформы // Известия. 2013. 30 января. С. 9.

в зависимости от ответов на которые можно будет решать проблему НЧК ВКО:

— ВКО охватывает всю территорию страны и территории стран союзников, либо отдельные районы страны?
— ВКО обеспечивает безопасность союзников, либо интегрируются системы ПВО СНГ?
— ВКО объединяет все системы ВВТ ПРО, ПВО, КО и т. д., либо только их часть. Если часть, то какую?
— ВКО с пространственной точки зрения отвечает за все высоты от двух м до 300 км, либо только за часть этих высот. Если за часть, то за какую?
— система управления ВКО интегрирована с точки зрения управления с системой управления СЯС?
— Какие задачи в связи с этим стоят перед ОПК?
— и т. д., и т. п.

Вероятно, что ответы на эти вопросы, как и процесс дальнейшего реформирования ВКО будут решаться постепенно, хотя, как известно, не имея четко сформулированной цели, трудно выбрать оптимальный путь движения. Вот почему представляется, что ответы на доктринальные, общенациональные вопросы должны быть получены в максимально короткие сроки. От них в конечном счете зависит осознанность и эффективность движения.

Проблема первая. Опережающее развитие фундаментальной науки, НИОКР, культуры и образовании. Совершенно необходимо отказаться от неверной концепции модернизации, основанной на заимствовании внешних технологий и признать банальную истину, которая стала бесспорной еще с начала 1990-х годов, когда ООН признала в качестве ведущего фактора развития человеческий капитал.

В условиях России этот приоритет дополняется национальной спецификой — геополитическими реалиями Евразии, территорией, запасами природных ресурсов, историей, духовным

и культурным наследием нации. Эти факторы стали уже решающими. Их надо не игнорировать, а максимально использовать в качестве конкурентных преимуществ. И прежде всего образование, культуру и науку, которые в XXI веке будут определять уровень национального технологического развития и безопасности.

В последние десятилетия предпринимаются усилия для исправления ситуации в научной области. Так, по оценке В. Путина с 2002 по 2012 год финансирование науки выросло с 31 млрд рублей до 328 млрд, т. е. более, чем в 10 раз, однако «провальные» 1990-е годы и растущие темпы развития науки в ведущих странах требуют еще больших усилий[1]. Сравнивать необходимые для науки инвестиции с уровнем 2002 года уже, наверное, неверно. Тем более, что это финансирование не привело к прекращению оттока научных кадров: Россия единственная страна из числа развитых государств, в которой эта численность сокращалась, а не увеличивалась. Эта тенденция свидетельствует о том, что общие условия опережающего развития (в том числе в военно-технической области) еще не созданы.

Проблема вторая. Опережающее развитие обрабатывающих отраслей и внедрение новых технологий.

Разговоры об изменении структуры экономики страны в пользу обрабатывающих отраслей ведутся уже несколько лет, но остаются пока что только разговорами. Ни серьеные политические действия, ни экономические, ни финансовые шаги

[1] Александров И. 328 миллиардов на науку // Российская газета. 2012. 1 ноября. С. 3.

в реальности не предприняты, хотя, надо признать, на уровне деклараций приоритеты обозначены вполне конкретно. Даже на уровне федеральных, отраслевых и региональных долгосрочных концепций. Другое дело, что очевидно отсутствие практического результата. Давно уже пора сконцентрироваться на реализации этих планов и на создании эффективных механизмов как в финансово-кредитной политике, так и на изменении реальных экономических пропорций в пользу наукоемких отраслей.

Текущее состояние отраслей промышленности

Отрасли	Состояние	Сложность продукции
Промышленность в целом	стагнация	
Обрабатывающая	стагнация	
Производство и распределение электроэнергии, газа, воды	падение	
Добывающая	сильный рост	Сырье и относительно простая продукция на его основе
Пищевые продукты	стагнация	
Текстиль	слабый рост	
Кожа, обувь	стагнация	
Древесина	падение	
Целлюлозно-бумажная продукция, издания	падение	
Кокс, нефтепродукты	слабый рост	
Химия	стагнация	
Резиновые и пластмассовые изделия	сильный рост	
Прочие неметаллические минер. продукты	сильный рост	
Металлургическая продукция	слабый рост	
Машины и оборудование	сильное падение	Высокотехнологичная продукция
Электрооборудование	стагнация	
Транспортные средства	падение	
Прочая продукция	слабый рост	

Источник: Центр развития ВШЭ

По большому счету, как уже говорилось, развитие ВКО является производным от возможностей всего ОПК и обрабатывающих, прежде всего высокотехнологических отраслей промышленности, развитие которых, в свою очередь, предопределяется уровнем и темпами развития НЧК. «Вырвать» ОПК из этой взаимосвязи невозможно. Тем более невозможно успешно развивать отдельные отрасли, в т.ч. создающие ВВТ для ВКО. Сегодня же ситуация такова, что темпы развития в стране характеризуются стагнацией, что, естественно, отражается на всех наукоемких отраслях промышленности[1]. Что хорошо видно из оценок 2012 г.

Проблема третья: эффективность элиты и принимаемых военно-политических решений.

В области военной политики, стратегии и военного строительства, как, может быть, нигде ещё, огромное значение имеет качество принимаемых решений. Трудность в том, что требуются специальные знания «на стыке» политики, международных отношений, экономики, военного искусства и военной техники. Причем недооценка какого-то одного фактора, например, перспектив развития НИОКР в области космоса или неядерного высокоточного оружия или способов его использования отражается на качестве всей внешней политики, дипломатии (что было очень характерно для М. Горбачева, Э. Шеварднадзе, Б. Ельцина, А. Козырева и многих других).

Для принятия качественных военно-политических решений нужен очень высокий экспертный потенциал, способный к стратегическому прогнозу, планированию и оценке текущих действий. Причем этот потенциал не может концентрироваться только в одном ведомстве, будь то ГРУ Генштаба, СВР, Академия наук, ВПК, либо администрация или аппарат правительства. Нужен единый орган, куда входили бы и представители и министерств, и науки, и промышленности. Его

[1] Куликов С. Экономика России катится к стагнации // Независимая газета. 2012. 1 ноября. С. 4.

рекомендации должны быть решающими аргументами как для ведения переговоров, так и для военного строительства.

Проблема четвертая: качество НЧК и возможности его реализации в экономике, обществе и, в частности, в ОПК, определяются во многом наличием и эффективностью институтов развития НЧК.

Развитие НЧК и его институтов, в свою очередь, определяется множеством невоенных факторов, включая, например, такие, как «подготовка элиты» и «развитие институтов гражданского общества», «воспитание», «образование», «культура» и «искусство».

Речь идет о совершенствовании существующих, создании и развитии новых институтов НЧК — от РАН до ведомственных институтов, инженерных обществ, патриотических организаций, союзов и пр. К сожалению, когда говорят сегодня о развитии таких институтов, дискуссия и принимаемые решения сводятся только к политическим институтам и некоммерческим организациям (нередко группам по защите прав человека). На деле же ситуация иная: необходимо сознательно развивать и создавать такие институты, которые могут в свою очередь создавать, развивать и реализовывать НЧК. В том числе в ОПК и в ВКО. Пока что на протяжении десятков лет мы наблюдаем обратное: эти институты уничтожаются, деградируют, а новые создаются крайне редко (Российское историческое и географическое общество, ряд других примеров, — не является еще тенденцией).

Между тем главное сегодня — это стимулировать творческий потенциал нации, максимально полно его реализовать. Для этого нужны общественные организации, СМИ, фонды, финансовые и общественно-политические инструменты.

Мы очевидно отстаем в этой области от развитых стран, где «креативный класс» производит уже основную часть прироста ВВП и является главной движущей силой развития науки,

культуры, технологий. У нас эти социальные группы рассматриваются в лучшем случае как «болото», а в худшем — как потенциал для «Болотной площади».

В этой связи обращает на себя внимание растущая заинтересованность США в подконтрольном развитии процесса создания и развития таких институтов в России и странах Центральной Азии, где выделяются сотни миллионов долларов на поддержку американских стратегических приоритетов. Как отметил помощник Государственного секретаря США Р. О. Блейк-младший, выступая в Комитете по иностранным делам Конгресса в июле 2012 года, только в Киргизии во время выборов 2010 и 2011 годов была профинансирована подготовка более 50 000 членов избирательных комиссий. В Казахстане за последние годы было вложено более 16 млрд долл. инвестиций из США, а в Узбекистане — возобновлены поставки вооружений и военной техники[1]. Очень показателен пример создания и финансирования МО США специального сайта «Центральная Азия» в объеме 4 млн долл. ежегодно.

Нередко развитие институтов социального потенциала имеет приоритетное значение, которое искажается современными политиками и исследователями. Суть проблемы заключается в том, что НЧК может быть эффективно использован только через его социальные институты, которые являются инструментами реализации НЧК[2].

В России, как известно, попытки внешнего влияния на политическую элиту встречают негативную реакцию. Тем не менее, например, в России существует организация, которая называется Московская школа политических исследований — МШПИ. С 1992 года она занимается «гражданским просвещением региональных лидеров». Согласно отчету за 2009 год, на тот момент было проведено 1600 семинаров, в которых приняли участие более 8000 человек. Свыше 70 выпускников стали членами российского парламента, более 200 воспитанников

[1] Помощник Госсекретаря США Роберт Блейк — о концепции присутствия США в Центральной Азии / Эл. ресурс «Новости Ферганы». 2012. 27 июля / http://www.fergananews.com/article

[2] См. подробнее: Подберезкин А. И. Социальные институты реализации НЧК / Подберезкин А. И. Национальный человеческий капитал. М.: МГИМО(У), 2011. Т. 3. Кн. 2.

школы были избраны в региональные, городские и районные органы власти. В списке влиятельных выпускников школы фигурируют, помимо Владимира Рыжкова, несколько заместителей министров правительства страны, несколько десятков губернаторов, вице-губернаторов, мэров городов и глав региональных законодательных собраний.

Сам Джордж Сорос «впечатлен непрерывными усилиями школы по продвижению основ демократии», — с гордостью сообщается на сайте организации[1].

Надо отчетливо понимать, что роль таких институтов стремительно растет, а их влияние становится решающим. В том числе и на военную политику России. Если в обществе под влиянием чужих институтов сложится ошибочная система ценностей и представленний о национальных интересах (как это было в 80-е и 90-е годы XX века), то никакие достижения ОПК и ВКО не помогут. Да их и не будет. Вновь, сначала на общественном, а затем на политическом уровне возобладают ложные идеи и концепции, которые не просто девальвируют все усилия, но и приведут к очередному витку деградации.

[1] Чайковский А. НАТО уже в Ульяновске? / В кн.: НАТО: мифы и реальность. Уроки для России и мира. М.: ИНВИССИН, 2012. С. 123.

ЕвразВКО и «мягкая сила»

> … нам следует отстаивать такой путь обновления страны, который основывается на преемственности российских исторических традиций и ценностей при одновременном их сочетании с основополагающими демократическими нормами и принципами[1]
>
> *А. Торкунов,*
> *ректор МГИМО(У)*

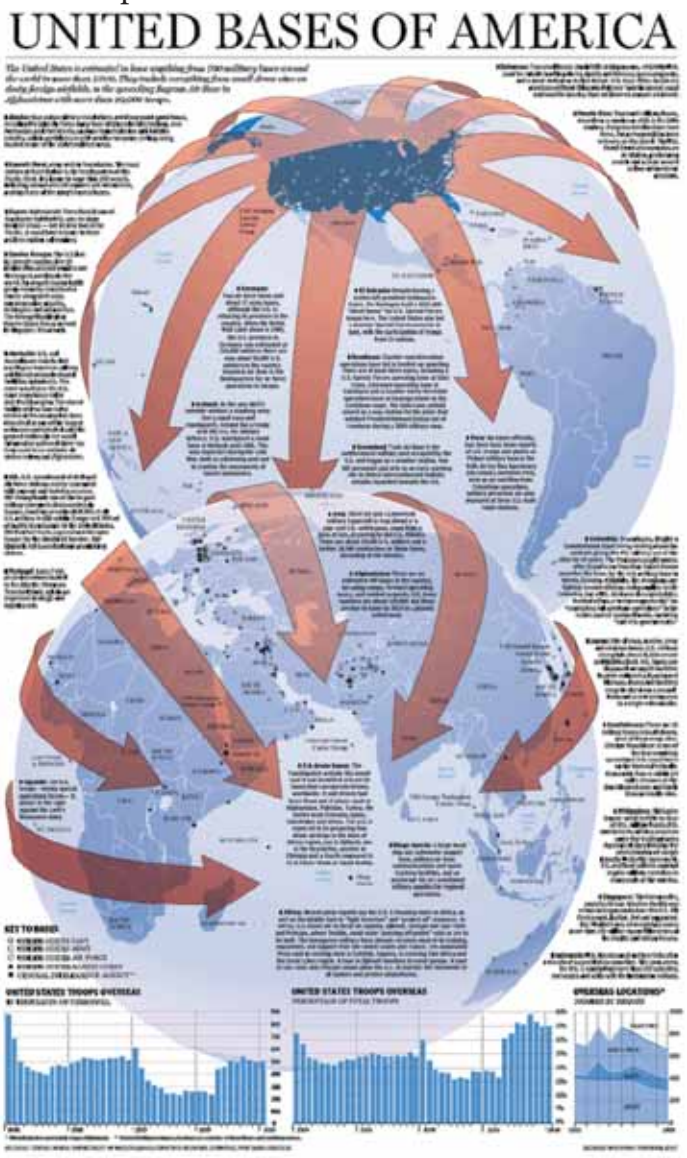
Существует прямая взаимосвязь между идеей создания евразийской ВКО и практикой США использования «мягкой силы» для продвижения своей системы ценностей и национальных интересов в Евразии. Эта взаимосвязь вытекает из очевидного факта: чем больше государству удалось сохранить своего суверенитета и защитить себя от военно-политического давления, тем труднее использовать против него «мягкую силу». Иными словами «мягкая сила» стала продолжением «жесткой силы», которые используются вместе, а не одна вместо другой.

В последние годы очевиден рост влияния факторов «мягкой силы» (soft power) во внешней и внутренней политике государств. «Арабская весна» (а до этого — Ирак, Афганистан и Югославия) — пример того, как инструменты «мягкой силы»

[1] Торкунов А. В. Современная история России в международном контексте // Вестник МГИМО(У). 2012. № 6 (27). С. 8.

действуют в мире. Сирия, где «мягкая сила» постепенно дополняется элементами «жесткой силы» (hard power), — другой пример. Уже немало примеров комбинированного использования в политике как «мягкой», так и «жесткой» силы, эскалации от первой ко второй.

Нельзя забывать о том, что эффективность «мягкой силы» обеспечивается военно-политическими возможностями использования «жесткой силы» в прямой (военной) или косвенной (политической) форме. Более того, можно утверждать, что никакой эффективной «мягкой силы» не было бы вообще, если бы она не была подкреплена политическими, дипломатическими и военными возможностями государства (речь не идет, конечно, о большинстве государств, для которых нормальное информационно-культурное влияние не превращается в культурно-информационно-силовое).

Взаимосвязь между «мягкой силой» и другими силовыми инструментами внешней политики очень тесная, но далеко не всегда очевидная. Так, принятие конгрессом США «закона Магнитского» было своего рода не только ответом США на активизацию внешней политики России (прежде всего в Сирии), но и мобилизацией общественного мнения страны для новых военно-экономических программ, в т.ч. в области СЯС и ПРО, требующих поддержки общественности, а также жестом в поддержку формирования российской оппозиции, которая «случайно» выступает против увеличения оборонных расходов вообще и на ВКО, в частности[1].

О масштабах этого влияния свидетельствует тот факт, что после принятия соответствующего закона об «иностранных агентах» НКО МЭР оценил их потери, в результате прекращения иностранного финансирования только в 2013 году в 19 млрд рублей. (На российские НКО Правительство России в этом же году планирует выделить только три млрд рублей)[2]. Подчеркну, что эта оценка достаточно скромная, не учитывающая многие каналы финансирования, в частности, региональных НКО.

Примечательно и то, что для контроля за аналогичными действиями зарубежных правительств в Министерстве финансов США создано специальное управление, которое жестко следит даже за чисто коммерческими операциями иностранных агентов.

[1] Крашенинникова В. Двойной удар по России // Российская газета. 2012. 11 декабря. С. 8.

[2] Шепелин И., Черных А., Рождественская Я. Американские НКО перешли в отступление // Коммерсант. 2013. 30 января. С. 1, 4.

В этом контексте отчетливо видны следы информационно-психологической войны против России с сильным привкусом русофобии, которую нередко «не замечают» отечественные либералы. Это позволяет им, например, легко возвращаться к излюбленной теме «милитаризации России, проводимой режимом В. Путина». Еще более неприятно, отмечает В. Юртаев, что многие талантливые соотечественники добровольно становятся проводниками русофобии на своей же Родине[1], противопоставляют творческую часть нации (ее НЧК) в качестве оппозиционного«креативного класса» — «консервативной». Это удивительно напоминает конец 1980-х, когда, разваливая КПСС, развалили СССР, а заодно и ОПК. Совпадение этих тенденций очевидно.

[1] Юртаев В. Об уникальной живучести русофобии / Эл. ресурс «Военное обозрение». 2013. 23 января / http://topwar.ru

Сказанное имеет прямое отношение к ВКО, ибо создание сильных позиций (а тем более превосходства) дает возможность эффективного использования «мягкой силы», а когда этого становится недостаточно, то и политического шантажа и, наконец, прямого применения военной силы. Логическая цепочка такова: использование «мягкой силы» предпочтительно, но, когда этого недостаточно, наступает очередь шантажа (который тем эффективнее, чем эффективнее военная сила) и, наконец, — военной силы. Последняя форма влияния — «жесткая сила» (hard power) — сегодня во многом превратилась в применение высокоточных воздушно-космических средств ведения военных действий. Пример — проведенная Израилем военная операция «Облачный столб» и «Железный купол» в ноябре 2012 года — характерен как пример сценария возможной будущей войны, где основные средства нападения и защиты — высокоточные неядерные вооружения и средства защиты от них.

Влияние этих, казалось бы, косвенных факторов институтов НЧК на ОПК нельзя недооценивать. Именно они формируют политический контекст развития ОПК, формулируют

степень и характер внешней угрозы и варианты ее нейтрализации. Так, во многом именно благодаря сознательному воздействию «рыночной идеологии» на протяжении многих лет разваливалась фундаментальная наука и образование страны. Особенно разрушительной такая политика оказалась для гуманитарной области, в которой формируются идеи, образы, концепты и представления. Как признают ведущие российские ученые и специалисты в области образования, «из сферы общественного сознания постепенно, но последовательно вытесняется представление о культурообразующей роли гуманитарного знания»[1]. Не случайно, например, что в 2012 году на гуманитарные науки было выделено только 10% всех грантовых средств Минобразования страны.

Такое отношение, естественно, не могло не сказаться на общем уровне гуманитарных знаний, включая военную науку и связанные с ней дисциплины. По сути дела была разрушена система подготовки и обоснования военно-политических решений, что, конечно, не могло не отразиться на их качестве. Не только институты РАН и МО, но и государственные университеты свернули подготовку кадров и исследования по этой тематике. Соответственно и уровень дискуссий в СМИ упал до предельно низкой отметки, когда «экспертами» стали выступать лица, не готовые и не компетентные в военно-политической проблематике.

Между тем информационные возможности воздействия на аудиторию у США и их союзников постоянно возрастали. В особенности с появлением и распространением электронных СМИ и интернета. Сегодня около 44% всех интернет-пользователей мира приходится на Азию, в Европе проживали порядка 23% пользователей, в США — 13%, а каждый десятый интернет-пользователь был жителем Латинской Америки. Сегодня в мире насчитывается свыше четырех миллиардов цифровых телекоммуникационных устройств, к которым подключено

[1] Савицкая Н. Роковая ошибка министерства // Независимая газета. 2012. 4 декабря. С. 8.

более 1,6 млрд пользователей. В этих условиях с интернетом объективно связывается, с одной стороны, формирование и диверсификация многих социальных процессов. С другой стороны, особую актуальность приобретает собственно регулирование отношений в области интернета, против чего категорически выступают США[1].

Как следствие, общественное мнение в России оказалось чрезвычайно уязвимым не только для дезинформации и прямого обмана, но и — в итоге — для принятия военно-политических решений. Тезисы о России, как «Верхней Вольте с ракетами», «Континентальной державе, которой не нужен ВМФ», готовности «допустить расширение НАТО до Москвы» и т. д. не просто прочно вошли в обиход СМИ, но и часто звучали с трибун Госдумы, Совета Федерации, правительства. Подобные непрофессиональные, идеологически ангажированные выступления политиков и экспертов продолжаются и сегодня. В них достаточно отчетливо видна стратегия, которая привела в свое время к деградации НЧК и развалу ОПК. Здесь справедливо звучат слова известного французского эксперта, генерала в отставке Ж.-Б. Пинателя: «Опытные политологи, которые основываются в своих размышлениях исключительно на фактах, избавляясь от идеологических установок и предвзятого отношения, могут предвидеть значительные изменения в системе международных отношений еще задолго до того, как они проявятся на деле»[2].

И наоборот. Идеологизированные либеральные политологи формировали (и, к сожалению, продолжают формировать) общественное мнение в России сознательно, не основываясь на фактах. Влияние этого мнения сказалось и на высшем

[1] Касенова М. Глобальное управление интернетом в контексте современного международного права. / Индекс безопасности. 2013, № 1 (104). Т. 19. С. 43.

[2] Пинатель Ж.-Б. Россия — Европа: жизненно важный союз / перев. с франц. Д. Х. Халиллуллиной. М.: Книжный клуб 36.6, 2012. С.21.

политическом руководстве страны, которое многие годы проводило разрушительную и антинациональную внешнюю и военную политику, издержки и влияние которой ощущаются и сегодня.

Есть и прямое политическое влияние, в том числе и на развитие целых видов и систем оружия. Так, «ассиметричная» концепция ответа на американскую стратегическую оборонную инициативу (СОИ) в 80-е годы XX века привела в конечном счете к свертыванию ряда направлений работ по ПРО СССР–России. Внешняя политика М. Горбачева привела к отказу от взаимосвязи СНВ и ПРО, ликвидации целых классов и систем оружия. И, наоборот, отказ США в 2002 году от Договора по ПРО от 1972 года привел к активизации американских НИОКР по ПРО и ПВО.

Таким образом, США активно внедряются не только в российскую элиту, но и в Центральную Азию и вкладывают крупные ресурсы, создавая по сути дела с помощью «мягкой силы» для себя благоприятную внешнеполитическую и внутриполитическую обстановку. При этом, участвуя и направляя развитие НЧК этих государств и его институтов, важно понимать, что эти инвестиции и усилия будут защищаться, в т.ч. с помощью военной силы. Прежде всего, как показали последние десятилетия, с помощью высокоточного оружия — КР, ЛА, средств РЭБ и других новейших технологий.

Понятно, что уже сегодня эти усилия направлены на сокращение политического, экономического и гуманитарного влияния России на государства Центральной Азии, о чем свидетельствует, например, выход Узбекистана из ОДКБ летом 2012 года, но, главное, поддержка продолжающейся ставки национальных элит на «разновекторность» внешней политики.

Таким образом, развитие ОПК и ВКО невозможно выделить из общей тенденции развития НЧК и его институтов, а также взаимосвязанности этих процессов на евразийском

пространстве. Влияние на развитие НЧК отдельных государств, безусловно, сказывается на их ОПК и военно-техническом сотрудничестве. В послевоенные годы, например, когда усилия СССР были сконцентрированы на реализации двух суперпроектов — носителях ядерных боезарядов (С. П. Королев) и ядерных боеприпасах (И. С. Курчатов), — казалось возможным вычленить ОПК из всего потенциала НЧК, но сегодня такая автономность ОПК уже невозможна — слишком сильно воздействие НЧК, определяемое в том числе и сугубо «гражданскими» факторами. Тем более, если речь идет об интеграционных — политических и военных — процессах и военно-техническом сотрудничестве. Это же означает, что успешное развитие ВТС, в частности, в области ВКО, возможно только при наличии программ развития НЧК и его институтов евразийских государств в особенности в области гуманитарного сотрудничества.

ВТС как инструмент развития ЕвразВКО

Изменения, которые происходят в мире, беспрецедентны по своим масштабам и приведут к новой расстановке сил[1]

С. Лавров,
министр иностранных дел РФ

ВТС или «торговля оружием» всегда было преимущественно внешнеполитическим, а не экономическим инструментом политики. Экономическая выгода, в т. ч. компенсация серийных продаж в интересах долгосрочных НИОКР, — приоритеты, подчиненные интересам внешней политики и вытекающие из внешнеполитической стратегии. Применительно к евразийской интеграции это означает, что цели интеграции должны предопределять условия ВТС, а не наоборот.

ВТС между странами, как известно, предполагает не только куплю–продажу ВВТ, но и сервисное обслуживание, подготовку кадров и наличие высокого уровня политического доверия между странами. Все эти области НЧК, где пока что Россия находится более в выгодном, чем США, Китай и другие страны положении, в силу исторических и культурных связей, языка и истории ВТС в последнее столетие в Евразии.

Этот аспект ВТС нельзя недооценивать при создании евразийской ВКО потому, что по сути он является одной из эффективных форм «мягкой силы» России на всем континенте. Причем не только по отношению к государствам-членам СНГ и ОДКБ, но и другим странам.

Отдельная тема — возможность сотрудничества по проблеме евразийской ВКО в Евразии и АТР, где, с одной стороны, приходится говорить о слабости, даже утере позиций России,

[1] Лавров С. В. Пресс-конференция, посвященная итогам 2012 года. Цит. по: Эл. ресурс «Военное обозрение». 2013. 23 января / http://topwar.ru

а, с другой — о появившихся новых потенциальных возможностях.

Редко говорят о том, что в основе многих глобальных процессов, например, региональной интеграции, лежат военно-политические представления правящих элит о необходимой системе безопасности. Успех европейской интеграции, например, объясняется не только и не столько экономической выгодой, сколько соображениями европейских государств о необходимости создания системы обеспечения европейской безопасности.

Понятно, что в век высокоточного оружия и систем ВКО безопасность обеспечивается прежде всего наличием этих средств. Но важно понимать и то, что еще эффективнее, когда эти системы создаются в рамках какой-то военно-политической коалиции. Что сегодня — приходится признать — является безусловным приоритетом США и их союзников по НАТО в Евразии и АТР.

Дивизон С-400 под Москвой

Когда государства не могут (как Китай, Индия) самостоятельно создавать современные средства воздушно-космического нападения и защиты, то они вынуждены его покупать. Это относится к большинству государств, которые поставлены перед выбором приобретения таких средств у ограниченного числа государств — США, России, Франции, Германии, Израиля. Причем в комплексе средств ПРО–ПВО такие услуги могут обеспечить сегодня только США и Россия. Даже быстрое развитие Китая, Кореи и Японии пока что не позволяет отнести их к числу государств–лидеров в этой области.

Между тем идут не только процессы региональной регионализации, но и обостряются региональные конфликты, численность и интенсивность которых уже превышает показатели XX века. В особенности, если речь идет о Северо-Восточной Азии и Китае, где наблюдается процесс обострения военно-политической ситуации. Именно поэтому значение ВТО и ВКО на континенте стремительно возрастает, что видно из структуры торговли оружием. Изучение взаимосвязи военно-политической ситуации на континенте, ее влияние на потенциал ВТС имеет огромное значение.

Существует несколько тенденций, которые ведут к нарастанию военно-политического противоборства в Евразии. Эксперты по-разному их оценивают, не отрицая, однако, их общей направленности. Так, ряд экспертов СВОП отмечали в декабре 2012 года: «…Это и общий курс на ренационализацию международных отношений, дестабилизация огромных регионов мира, в первую очередь «расширенного Ближнего Востока», обострение борьбы за ресурсы и территории, углубление вакуума безопасности от Ближнего и Среднего Востока до Восточной Азии. Усугубление соперничества в этих регионах, вероятно, приведет к росту там конфликтности. Большая война или серия войн на Ближнем Востоке более чем возможны. Медленно, но верно милитаризирует-

ся соревнование между двумя ведущими державами мира — США и КНР. Слабость Северной Кореи, которая рассматривает ядерное оружие в качестве единственного средства самозащиты, повышает опасность конфликта вокруг нее. Во все более сложной ситуации Япония, где по вполне понятным причинам все громче звучат голоса сторонников обретения ядерного статуса.

Наконец, опровергается и тезис о том, что с помощью применения вооруженных сил невозможно добиться политических целей. Хотя кампании в Ираке и Афганистане закончились фактическими поражениями инициаторов вторжений, в Югославии и Ливии Запад добился желаемого. В этой связи возникает справедливый вопрос о том, какие действительные цели преследовали США в Ираке и Афганистане и почему они в целом удовлетворены результатами? Ответ на этот вопрос может быть только один — стратегия дестабилизации не предполагает достижения традиционных целей — стабилизации на новом уровне.

В наибольшей степени на ренессанс военной силы работает общая дестабилизация международных отношений, прогрессирующее ослабление институтов международного, надгосударственного управления, эрозия международного права, постановка под вопрос принципа суверенитета и территориальной целостности»[1].

В этой связи обращает на себя внимание мысль известного французского эксперта, Жана-Бернара Пинателя, чье авторитетное мнение, безусловно заслуживает внимания: «…позиция Вашингтона в отношении России объясняется стратегическими представлениями американцев, основанными на геополитической теории. Как рассуждали создатели этого учения, поддержание напряженности с Москвой делает невозможным создание стратегического альянса между Европой и Россией. Подобная связка поставила бы под угрозу игру в „противника-

[1] Россия в мире силы XXI века — силы денег, оружия, идей, образов / Тезисы к конференции СВОП. 1–2 декабря 2012 г. С. 5.

партнёра" с Китаем, став сама стратегическим игроком, обладающим равной, а то и превосходящей мощью»[1].

Некоторые эксперты справедливо полагают, что ближайшее десятилетие станет десятилетием реализации политических амбиций Китая. Точнее — сотрудничества США и Китая в военно-политической области. По сути намечается опасная связка, когда мир (и, уж, точно — Евразия) может быть «поделен» между США и Китаем. В том числе и за счет России. То, что создается качественно новая ситуация в этом регионе подтверждают, например, и российские эксперты, полагающие, что «воссоединение Кореи, локомотивом которого должен стать Сеул, послужит основой для активизации российского Дальнего Востока и Сибири[2]. В немалой степени увеличивается вероятность и качественно новые повороты политики Китая в отношении Индии, Мьянмы, Вьетнама, Индонезии и т.д.

Сотрудничество в области ВКО, безусловно, сможет стать политической и военно-технической основой не только для развития ВТС России в Азии, но и мощным толчком для политического и экономического сотрудничества со странами региона, которое, в свою очередь, может привести к ускорению развития восточных регионов России. Причем не только к созданию транспортных коридоров и освоения сырьевых ресурсов, но и к новой волне научно-технического сотрудничества и новой индустриализации восточных регионов страны. Это объективно будет противодействовать политике США по отношению к Китаю, которая ведет к созданию «двухполюсного» мира и разделу Евразии между этими странами. «Китай стал основным „противником–партнером" США — отмечает Ж.-Б. Пинатель. — Роль же России в восприятии американских стратегов ограничивается положением регионального возмутителя спокойствия, оправдывающего существование НАТО»[3].

С точки зрения военно-стратегической, США считают, что проблема безопасности в АТР становится для них задачей

[1] Пинатель Ж.-Б. Россия — Европа: жизненно важный союз / перев. с франц. Д.Х. Халиллуллиной. М.: Книжный клуб 36.3, 2012. С. 113–114.

[2] Лабин Д. В поисках стратегии успеха в Северо-Восточной Азии // Независимая газета. 2012. 29 октября. С. 3.

[3] Пинатель Ж.-Б. Россия — Европа: жизненно важный союз / перев. с франц. Д.Х. Халиллуллиной. М.: Книжный клуб 36.3, 2012. С. 98.

номер один. Новая американская стратегия исходит из необходимости продолжения наращивания военных расходов (с 2000 по 2011 гг. они выросли с 300 млрд долл. до 700 млрд долл.), но оптимизирует их в зависимости от приоритетов. Прежде всего в воздушно-космической области. По оценке экспертов МГИМО(У) «…предполагается сосредоточение усилий на кибервойне и использовании беспилотных летательных аппаратов (БЛА). США сократят свой ядерный арсенал, а также пересмотрят свою роль в стратегии обороны в целом»[1], сделают его более эффективным и «используемым» инструментом внешней политики.

В этих условиях создание ЕвразВКО становится объективно необходимым не только для государств-членов СНГ и ОДКБ, но и других стран Евразии, заинтересованных в сохранении суверенитета и национальной идентичности, а ВТС может превратиться в мощный политический инструмент влияния России. Важно перевести отношение к ВТС как, пусть специальному, но экономическому элементу, в политическую плоскость. Это будет означать, в том числе, пересмотр критериев и условий реализации ВТС в Евразии.

[1] Лавров С. В. Пресс-конференция, посвященная итогам 2012 года. Цит. по: Эл. ресурс «Военное обозрение». 2013. 23 января / http://topwar.ru

8.
Информационная война, сетецентрическая война и кибервойна: взаимосвязь с ВКО

Когда источником идентичности становится консенсус, возникший во время обсуждения в кругу случайных «друзей» на страницах социальных сетей, сиюминутное может взять верх над чем-то очень важным[1]

Г. Киссинджер

В российском видении военной безопасности важно определить роль, которую мы отводим (если отводим) «большому СНГ»…[2]

А. Торкунов, ректор МГИМО(У)

На развитие ВКО все большее влияние оказывает формирование целого комплекса информационных систем, которые в последние годы превратились не только в важнейший компонент ВКО, но и стремительно превращаются в самостоятельный род вооруженных сил, интегрирующихся в том числе и в ВКО.

Сетецентрическая война (СЦВ) и кибервойна (КВ) — концепции, ставшие реальностью в XXI веке, хотя по этому поводу до сих пор нет общего понимания и согласия среди зарубежных и российских экспертов. По мнению некоторых из них, США уже адаптировали свои вооруженные силы к ведению сетецентрических войн, что требует безусловного доминирования в киберпространстве. Как качественного, так и количественного. По некоторым оценкам, МО США используют более семи миллионов компьютеров, соединенных через 15 тысяч военных сетей, а также через 20 тыс. коммерческих сетей. Отсюда же следует, что военные возможности, прежде всего в области управления, определяются в решающей степени общим состоянием технологической базы и информатики в обществе и государстве.

США создали Киберкомандование (CC — Cyber Command) еще в 2010 году, а в 2013 году приняли план его развития,

[1] Киссинджер Г. Пределы универсализма // Россия в глобальной политике. 2012. Т. 10. № 4. С. 37.

[2] Торкунов А. В. По дороге в будущее. М.: Аспект Пресс, 2010. С. 71.

предусматривающий увеличение численного состава с 900 до 4900 человек и возможное преобразование его в самостоятельное (11-е по счету) командование. Пока что Киберкомандование входит в единое Стратегическое командование наравне со стратегическими ядерными силами, ПРО и космическими войсками. Такая реорганизация исходит из того, что киберпространство было признано таким же полем военных действий, как и сухопутное, морское и воздушное. Кроме того, реорганизация предполагает, что Киберкомандование в еще большей степени будет ориентировано на ведение наступательных операций.

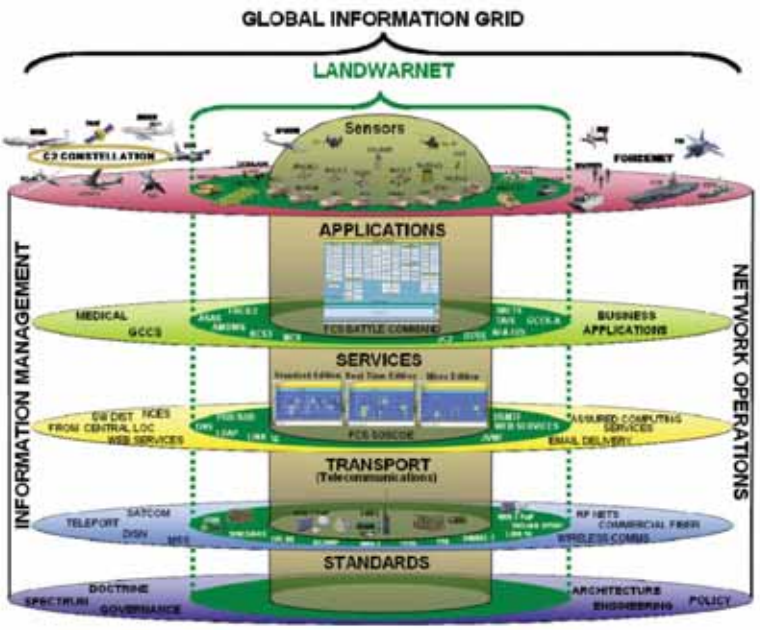
Эти изменения еще раз свидетельствуют о том, что США фактически создали единый наступательно-оборонительно-информационный комплекс, объединяющий — концептуально, административно, оперативно — стратегические силы и средства, планируемые использовать комплексно. При этом специальное подразделение Киберкомандования США — Combat Mission Forces — будет проводить наступательные операции[1].

Но не только. По мере усложнения систем управления растет как вероятность возможной ошибки или технического сбоя, так и их уязвимость от внешнего воздействия. Круг замыкается: эффективность использования военной силы становится во многом производной от военных и гражданских систем обработки и передачи информации, но они же становятся главным объектом вероятного враждебного воздействия. Причем еще до открытой фазы военного конфликта.

Последнее обстоятельство имеет решающее значение для систем ВКО, прежде всего средств раннего оповещения о воздушно-космическом нападении противника. Конечно, СЦВ может вестись на любом уровне — тактическом, оперативном и стратегическом, но очевидно, что именно на стратегическом уровне решаются главные задачи войны.

[1] Черненко Е. Пентагон прописал компьютерам усиленное питание // Коммерсант. 2013. 29 января. С. 6.

Проблема формирования и реализации такого рода концепции российскими Вооруженными Силами представляется чрезвычайно актуальной, причем не только в отношении ВКО, а системы вооружения ВС РФ в целом. От решения этой проблемы зависит, насколько современными будут отечественные Вооруженные Силы уже в самом ближайшем будущем»[1].

Оставляя «за скобками» рассуждения о технологических особенностях СЦВ и КВ (о которых подробнее можно прочитать в материалах Центра военно-политических исследований на сайте http://eurasian-defence.ru), представляется важным рассмотреть взаимосвязь между ВКО Евразии и новыми концепциями информационной борьбы.

[1] Буренок В. М., Кравченко А. Ю., Смирнов С. С. Будущее за сетецентрической системой вооружений / Эл. ресурс «Послезавтра». 2009. 21 ноября / http://poslezavtra.com.ua

Новые стратегические концепции и ВКО

Основной идеей «сетецентрической войны» является интеграции всех сил и средств в едином информационном пространстве…[1]

Сетецентрическая война (СЦВ) — концепция, ориентированная на повышение боевых возможностей перспективных вооружений за счет достижения информационного превосходства и интегрирования участников военных действий в единую сеть посредством создания единого информационно-коммуникационного пространства. Она предполагает, что практически в реальном масштабе времени будет собираться и перерабатываться максимально быстро полная информация, приниматься решения, которые будут доводиться до отдельных участников военных действий. Понятно, что такое развитие военных возможностей непосредственно сказывается на возможностях стратегического использования ВВТ как в наступательных, так и в оборонительных операциях. Так, «ядерное сдерживание» в самой своей основе предполагает адекватную, очень точную и быструю оценку эффективности применения СНВ. Тем более в их неядерном варианте, когда, например, важно точно знать уничтожена ШПУ или нет.

Концепция СЦВ США предполагает четыре основные фазы ведения боевых действий:

1. Достижение информационного превосходства посредством опережающего уничтожения системы разведывательно-информационного обеспечения.
2. Завоевание превосходства в воздушно-космическом пространстве за счет уничтожения систем ВКО противника.

[1] Буренок В. М., Кравченко А. Ю., Смирнов С. С. Будущее за сетецентрической системой вооружений / Эл. ресурс «Послезавтра». 2009. 21 ноября / http://poslezavtra.com.ua

3. Уничтожение средств вооруженной борьбы противника, оставшихся без управления.
4. Окончательное уничтожение оставшихся очагов сопротивления.

Как видно, на всех четырех фазах реализации Концепции СЦВ особый акцент уделяется средствам ВКО потенциального противника. Даже если речь идет о четвертой фазе (уцелевших средствах наступательных и оборонительных ВВТ), Концепция СЦВ предполагает основными мишенями уцелевшие системы СНВ и ВКО.

В этой связи изначально важно сказать, что евразийская интеграция в военно-политической области вообще и в ВКО в частности, становится во втором десятилетии объективной потребностью государств Евразии в силу радикальных изменений происходящих в военных доктринах и военном искусстве государств. Прежде всего речь идет, конечно, о главной области военного искусства — военной стратегии. Но не только. В оперативном искусстве и тактике за последние десятилетия произошли принципиальные перемены, которые требуют от государств радикального пересмотра прежних военных доктрин и критической переоценки всего спектра областей военного искусства. По сути дела сегодня речь идет уже о появлении нового военного искусства, когда прежние оценки, опыт и знания требуют радикального пересмотра, либо даже отказа от прежних взглядов. В первую очередь в области военно-политического управления вооружениями и управления стратегическими наступательными и оборонительными войсками. Достаточно сказать, что в последние годы фактически отпала необходимость в массированном использовании сухопутных войск, когда армии воевавших сторон насчитывали миллионы человек, а численность танков и самолетов измерялась десятками тысяч.

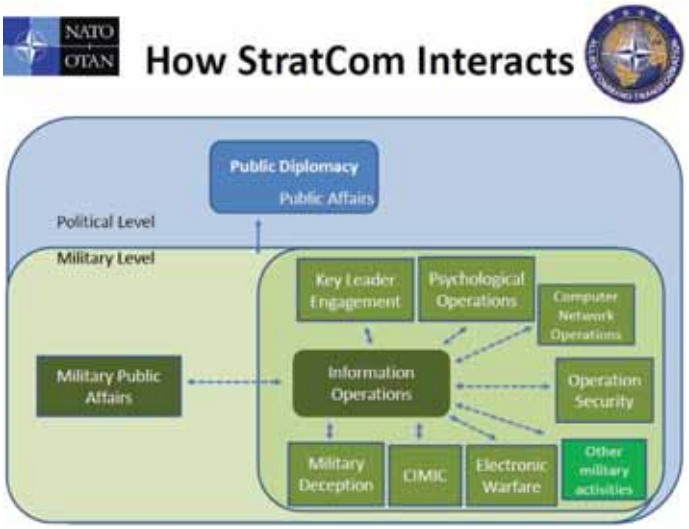
В силу разного рода причин все труднее становится отделить военную безопасность одного государства региона от

других государств, что неизбежно ведет к региональной военно-политической интеграции. Примером тому являются блоки и военно-политические союзы, прежде всего Североатлантический блок, который стал ярким примером не только военно-политической интеграции, но и фактически стимулировал интеграцию в рамках Евросоюза. В этом смысле ОВД также являлся закономерным примером региональной военно-политической интеграции.

До информационно-коммуникационного этапа военно-технической революции речь шла об объединении усилий государств одного региона (например, Северной Атлантики или Центральной и Восточной Европы). В 90-е годы XX века обозначилась тенденция перехода от объединения управления к единству управления. Кроме того, отчетливо стала просматриваться тенденция выхода за пределы региона зоны ответственности и функций единого управления в блоке, т.е. расширения его пространственного охвата. Так, блок НАТО в короткие сроки превратился из региональной в глобальную организацию, управляемую из единого центра с фактической передачей полномочий.

Эти изменения затронули прежде всего те виды вооруженных сил, которые зависели от этих двух факторов — стремительного развития информатики и связи, и расширения пространственного охвата до космоса и киберпространства. Речь идет о системах ПВО и ПРО, которые по сути носят глобальный характер. Даже если районы дислокации противоракет ограничены, пространство (воздушно-космическое и информационное) выходит далеко за пределы национальных территорий.

С геополитической точки зрения формирование в Евразии двух центров военной силы — США и Китая — также требует серьезной переоценки военных доктрин и основных положений военного искусства. И не только России и других постсоветских государств, но и западноевропейских стран, чьи военные доктрины интегрированы в военную доктрину НАТО, а по сути США и не оставляют странам Евросоюза возможности для самостоятельного принятия военно-политических решений. Новая геополитическая расстановка военных сил формирует недвусмысленную альтернативу возможному доминированию США и Китая — создание евразийского военного центра силы. Прежде всего в области ВКО региона.

Во втором десятилетии XXI века, таким образом, мы оказались на пороге не только нового этапа военно-технической революции, но и нового этапа в развитии военной науки и военного искусства. А, также, нового этапа евразийской интеграции, потенциально способного привести к созданию нового центра силы и обеспечить региональную безопасность континента. В этом смысле понятие «безопасность» становится такой же ценностью для всей Евразии, как и для стран Евросоюза.

Простой пример. Создание региональных систем ПРО США (с перспективой глобальной ПРО) неизбежно ставят по-новому проблему ВКО не только стран ОДКБ, но и других евразийских государств. Не случайно поэтому на Ашхабадском саммите глав государств в декабре 2012 года речь шла уже не столько об экономических проектах, сколько о создании Объединенной системы противовоздушной обороны (ОС ПВО) государств СНГ, для чего был создан специальный координационный комитет, но и назначен его руководитель — бывший командующий ВКО России (а затем заместитель министра) О. Остапенко[1]. Это означает, что уникальные свойства суверенитета — возможности ПВО — некоторые государства в Евразии уже готовы делегировать наднациональному органу. В целом же, как уже говорилось, эти решения соответствуют объективным тенденциям развития региональной безопасности, которые отчетливо просматриваются на примере эволюции НАТО.

[1] Мухин В. Противоракетное содружество // Независимая газета. 2012. 7 декабря. С. 1.

Очевидно, что на этом государства не остановятся: неизбежно не только расширение ОС ПВО до ОС ПВО–ПРО, но и создание единой системы управления (а значит и делегирование полномочий), разработки общей концепции ВКО, планов военного строительства и т.д. И это тоже будет продолжением объективных тенденций.

За всеми этими проявлениями стоят объективные тенденции, практическая реализация которых приведет либо:

1) к созданию единой системы ВКО (и, соответственно, единой военной концепции ВКО, военной доктрины, координации планов военного строительства и т.д.) большинства стран Евразии; либо 2) к появлению не только двух полюсов силы — США и Китая, — но и двух доминирующих военных доктрин, групп интересов и стратегии, которые оставят евразийским (в т.ч. европейским) государствам второстепенную роль исполнителей чужой воли, если страны Евросоюза будут продолжать одностороннюю ориентацию на США.

Эти два центра силы, две стратегии, два государства — США и Китай — будут неизбежно вынуждены договариваться. В конечном счете, за счет других государств. В данном случае как европейских, так и азиатских — от Франции и России до Вьетнама, Филиппин, Кореи и др.

Кроме традиционных (политических и военных) факторов, влияющих на позицию этих двух доминирующих центров силы, решающее значение будут иметь возможности в информационно-коммуникационной области, реализуемые прежде всего в системах ВКО. Очевидно, что в случае, если удастся объединить ресурсы России, ведущих европейских стран, ряда стран Азии, региональная, евразийская система ВКО, учитывающая современные и будущие концепции СЦВ может быть создана. Это, безусловно, не только обеспечит безопасность этих стран, но и сохранит их суверенитет. В том числе и по отношению к использованию против них инструментов «мягкой силы» и угроз воздушно-космического нападения.

Вот почему анализ современных информационно-управленческих концепций имеет не только военное, но и военно-политическое значение. Их измерение выходит далеко за пределы собственно военной политики.

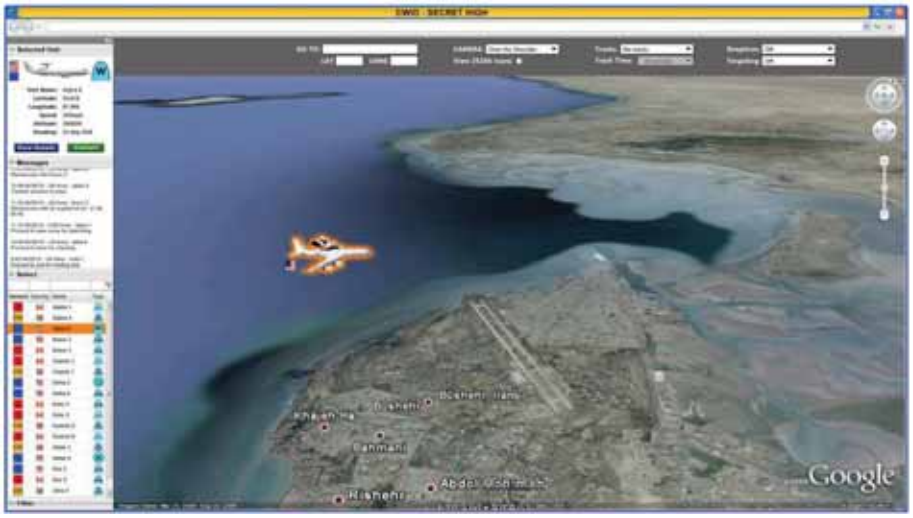
Изменения в военных доктринах, всех областях военного искусства проявились, прежде всего, в появлении таких новых концепций использования военной силы, таких как «сетецентрических», «информационных», «кибернетических» и пр. войн. Эти концепции связаны, как уже говорилось, с проявлением двух основных тенденций, которые стали иметь определенное значение еще в конце 90-х годов XX века.

Во-первых, с повышением роли систем обнаружения, боевого управления, связи и разведки, компьютерных и космических систем. Это, в частности, привело к качественному повышению эффективности ВВТ. Не только ядерных, но и обычных. Прежде всего, за счет резкого повышения точности, сокращения подлетного времени, возросших возможностей обнаружения и сопровождения целей, а в целом — «информвооруженности» ВВТ.

Во-вторых, с растущей уязвимостью этих сложных информационных систем к внешнему, в том числе враждебному, воздействию и (как всяких сложных систем) к ошибкам в программном обеспечении, техническим сбоям и «человеческому фактору». Особенно, если речь идет о сознательных военных операциях против информационных систем.

Таким образом, с одной стороны, быстрыми темпами росла боевая эффективность вооружений прежде всего за счет качества информационной вооруженности, а, с другой, росла уязвимость этих систем к внешнему воздействию и быстро совершенствовались способы такого воздействия. Сфера **традиционного противоборства между наступательными и оборонительными системами была перенесена в киберпространство, т.е. превратилась в глобальную сферу противоборства**. В том числе и прежде всего в области ВКО.

В этой связи важно отметить ряд принципиально новых особенностей такого «инфорамционно-сетевого» противоборства.

Первая особенность. Область информационного противоборства изначально глобальна и не может быть ограничена ни отдельным ТВД, ни временем, ни системой оружия или военной техники. В этом смысле ВКО уже стало глобальной системой, интегрирующей информационные, наступательные и оборонительные ВВТ и вооруженные силы.

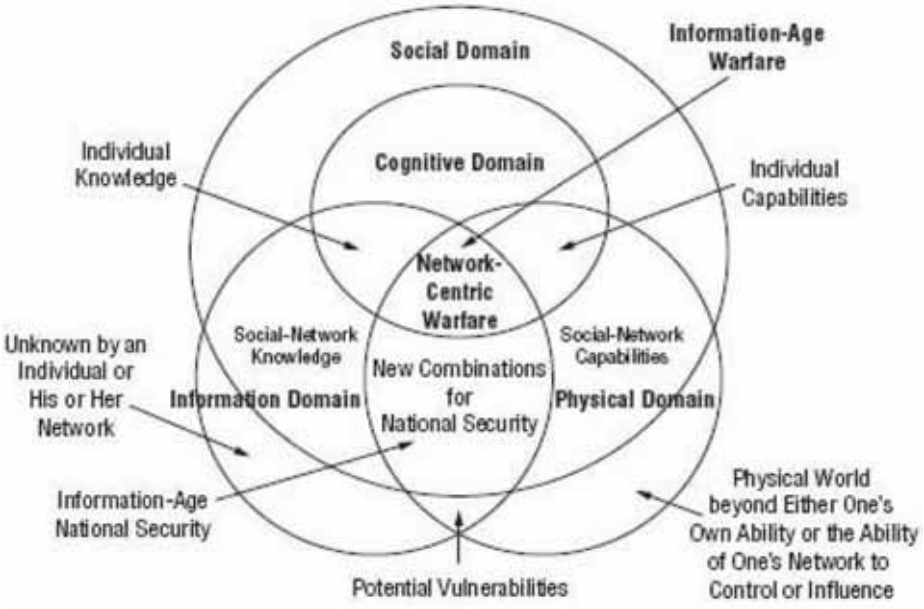
Вторая особенность. Эта область не поддается контролю или ограничению, за исключением крайне редких случаев (например, ограничений по развертыванию РЛС), т.е. не может стать предметом договоренностей. Более того, даже при достижении каких-либо договоренностей, их невозможно контролировать.

Третья особенность. Область информационного противоборства не имеет четких границ ни между формами использования («мягкой» или «жесткой») силы, ни между соответствующими средствами. СНН например, выполнял в Ираке важную функцию управления.

Четвертая особенность. Информационные средства фактически являются как частью СЯС, так и средств собственно ВКО. Не только военные, но и гражданские технологии

становятся критически важными для ВКО, что фактически привело к их интегрированию в единый информационный комплекс.

Как видно на рисунке, возможности СЦВ определяются сложением многих факторов и производным от них.

Эти особенности и изменения в конечном счете привели к пересмотру многих основополагающих взглядов на военное искусство и военное строительство в начале XXI века, «…воплотившись, — как отмечают эксперты, — в концепцию сетецентрической войны (в англоязычной транскрипции — Network Centric Warfare). На официальном уровне эта концепция впервые была признана в Национальной военной стратегии США в 2004 г., а затем положена в основу программы строительства американских вооруженных сил „Единая перспектива–2010“. В долгосрочной перспективе эта система взглядов составляет ядро военно-технической политики США и НАТО на период до 2020 года»[1].

[1] Сиников А. Управлять — значит предвидеть // Воздушно-космическая оборона. 2012. № 5(66). С. 39.

Важно, что такая особенность информационных войн затрагивает все аспекты военной деятельности и все виды ВВТ, т. е. она по своей сути универсальна. Более того, успех или поражение в информационной войне рассматривается сегодня равнозначным успеху или поражению во всех боевых операциях и на всех ТВД. Как отмечает ветеран спецслужб Франции Ж.-Б. Пинатель, описывая специфику информационной войны, «…извечное соревнование между щитом и мечом сегодня стимулирует соперничество между возможностями координации и по передаче данных, с одной стороны, и дезинформации, постановки помех и кражи информации — с другой. „Кибервойна“, „информационное противоборство“, „сетевая война“ — эти концепции развиваются и начинают затрагивать все аспекты военной деятельности:

— война командования и управления состоит в нанесении точечных ударов по центрам управления операциями противника. Применялась американцами, в частности, в Ираке, когда были нанесены удары ракетами „Томагавк“ перед началом наземных боевых действий с войсками Саддама Хусейна;
— разведывательная война основана на способности накапливать и анализировать практически в реальном времени информацию на разных языках, собираемую при помощи людских ресурсов или перехватываемую электронными средствами;
— электронная война представляет собой потенциал доминирования в электронной сфере, постановки помех, перехвата и прослушивания связи противника при одновременной защите аналогичных собственных средств;
— компьютерные сетевые атаки (Computer Network Attacks), или „война хакеров“. В ней используется внедрение вредо-

носного программного обеспечения в информационные системы противника;

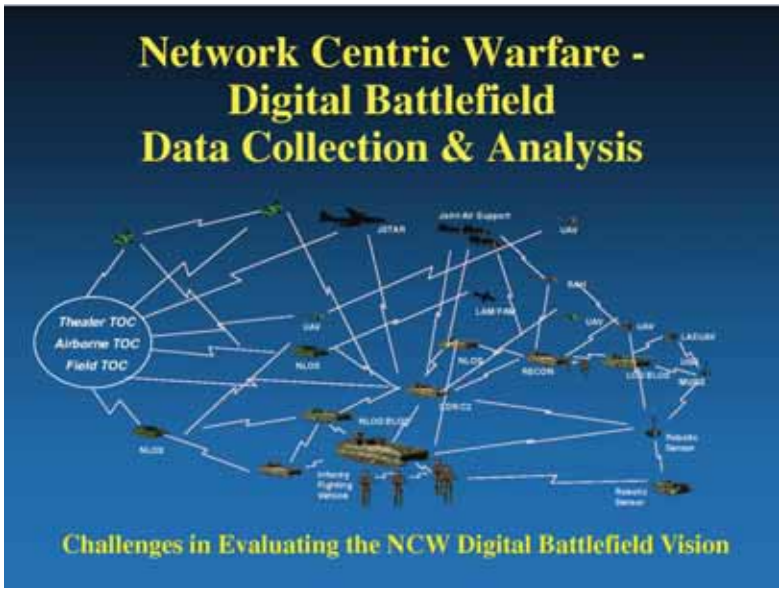
— психологическая борьба, или Psyops (Psychological Operations), или „психологическая война“, состоит в использовании социальных информационных средств для дестабилизации положения населения и политических властей»[1].

Как видно из перечня, приведенного Ж.-Б. Пинателем, информационная война распространяется на все вероятные уровни военного конфликта — от политического и военно-управленческого до элементной базы, которая составляет основу современной ВКО. И эта особенность важна для всего процесса евразийской интеграции не только потому, что объединенной (а тем более единой) ВКО потребуется единая система киберзащиты. В более широком контексте потребуется единая информационная, даже идеологическая политика и высокая степень координации политических и общественных институтов, формирование единой системы ценностей, что собственно говоря, и наблюдается сегодня в НАТО. «Многовекторность» в политике будет объективно противоречить этой усиливающейся тенденции. Эти «гражданские» аспекты СЦВ и КВ приобретают все большее значение потому, что войны в XXI веке выигрываются в информационном пространстве еще до начала собственно огневого соприкосновения. Использование ВТО и ядерного оружия становится по сути завершающим этапом военной операции, а не ее началом.

Впервые это отчетливо проявилось еще в ходе подготовки войны в Югославии, когда в НАТО (за 6 месяцев до операции) был создан специальный комитет, координирующий информационную политику. Отнюдь не случайно и то, что первыми целями при налете на Белград стали национальные СМИ и системы управления и связи. Позже, в ходе конфликтов в Ираке и в Ливии, и особенно в Сирии, эта информационная составляющая военной силы приобрела еще большее значение.

[1] Пинатель Ж.-Б. Россия — Европа: жизненно важный союз / перев. с франц. Д. Х. Халиллуллиной. М.: Книжный клуб 36.6, 2012. С. 102–103.

Провести грань между политическими (гражданскими) и военными системами управления современным государством и обществом невозможно. Сегодня уже нельзя выделить в связи с этим и какой-то отдельный вид или род Вооруженных сил, тип вооружений или военной техники, который мог бы

функционировать без учета возможного воздействия «кибероперациий». Даже средства РЭБ не могут оказаться универсальными средствами противодействия, хотя бы потому, что они изначально не предназначались, например, для ведения пропагандистской, психологической или хакерской войны. Тем более они непригодны для влияния на общество и его институты.

Это следует иметь в виду при реализации концепции ВКО, поскольку средства информационного нападения не ограничены ядерными вооружениями и высокоточными неядерными средствами, а зачастую представляют собой вполне «безобидные» информационные ресурсы или общественные организации. В XXI веке СМИ и НКО могут быть использованы для ведения враждебных действий еще до начала формально военных операций.

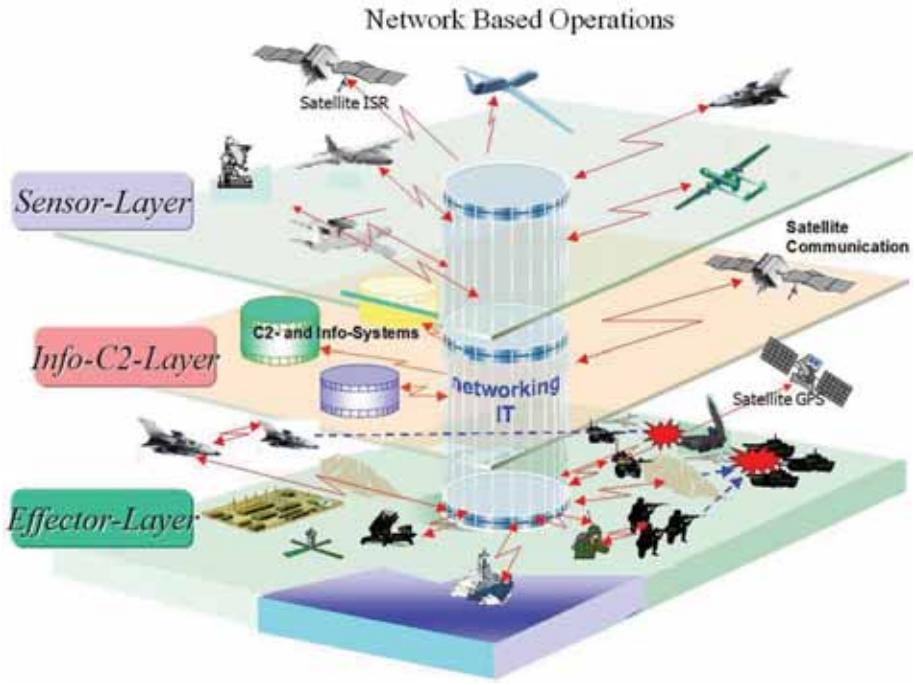
Представления о СЦВ сегодня достаточно размыты, хотя существуют и ее прикладные военно-технические аспекты. Так, сетецентрическая концепция нашла свое отражение в новой Национальной военной стратегии США, принятой в 2011 г.[1], — отмечает профессор А. Сиников. — С технологической точки зрения, как известно, основой концепции сетецентрических войн является представление пространства военных действий в виде связанной сети, состоящей из компонентов трех видов:

— сенсоры (силы и средства вскрытия и отслеживания состояния объектов противника);
— акторы (силы и средства огневого, радиоэлектронного и иного воздействия на вскрытые объекты);
— интеллектуальные информационно-управляющие элементы (силы и средства, реализующие функции управления сенсорами и акторами)[2].

Как видно из этого перечня, все три компонента, составляющие потенциал СЦВ, относятся как к военным, так и гражданским компонентам. Кроме того, все эти компоненты являются решающими и для ВКО, что неизбежно приводит к выводу

[1] Сиников А. Управлять — значит предвидеть // Воздушно-космическая оборона. 2012. № 5(66). С. 39.

[2] Там же. С. 39.

о том, что интеграция ВКО невозможна без интеграции всех этих компонентов сетецентрической войны. Причем в ближайшей перспективе это будет справедливо уже для всех уровней политического и военного управлении. Так, в ходе войны в Ираке сетецентрическое управление достигало уже батальонного звена. Думается, что в ближайшие годы это управление будет достигать уровня даже отдельного солдата, который превратится в самостоятельную боевую и управляемую единицу.

Важной особенностью СЦВ является ее сетевой, многократно дублированный характер. «…Все указанные компоненты, — подчеркивает А. Сиников, — распределены (рассредоточены) в информационном и физическом пространстве так, что выход из строя какого-то сенсора, актора или информационно-управляющего элемента не нарушает работоспособности всей системы.

Модель сетецентрической системы иногда представляют в виде информационной решетки, на которую накладываются взаимно пересекающиеся сенсорная и боевая решетки»[1].

Таким образом, концепция сетецентрической войны предоставляет бесспорное преимущество такому государству (или коалиции государств), которое:

— во-первых, имеет технологическое превосходство в области информационных технологий самого широкого спектра. В этом смысле сегодня и в среднесрочной перспективе единственным государством, имеющим такое превосходство являются Соединенные Штаты. Китаю потребуется, как минимум, десятилетие, чтобы приблизиться к США. Остальным государствам включая Россию, потребуются титанические усилия, чтобы даже в будущем стать сопоставимыми с США. Это означает, что Вашингтон обладает уникальным конкурентным преимуществом перед другими государствами, которое будет им использовано в военно-политических целях. Отставание России в этой области является критическим и до сих пор по достоинству недооценивается. Это отставание не может быть ликвидировано технологическими заимствованиями. Хотим мы того или нет, но России нужна сверхпрограмма развития собственных информационных технологий на базе собственных достижений в фундаментальной науке. Только такая программа позволит избежать «догоняющей» модели развития информатики и предусмотреть «перескакивание» через этапы информационно-технологического развития. В ее основу может быть положена концепция создания ВКО, которая может «вытянуть» в том числе и смежные гражданские секторы экономики;
— во-вторых, политическое, экономическое и финансовое положение США, в том числе и позиции американского доллара, предопределяются прежде всего технологическим

[1] Сиников А. Управлять — значит предвидеть // Воздушно-космическая оборона. 2012. № 5(66). С. 39.

превосходством США. В агрегированном виде оно заключается в том, что не только более 30% мировой наукоемкой продукции производится в США, но они являются сегодня и бесспорным технологическим лидером. Более того, этот приоритет не случайно является главным политическим приоритетом США. Именно такое технологическое превосходство позволяет обеспечить превосходство в ВВТ и в создании самых современных концепций и их использования. Таких, как «Кибероперации», «информационная» или «сетецентрическая война».

Иными словами, финансовое и политическое превосходство США обеспечивается технологическим превосходством. Полагать, что контрмеры в области финансов или политики по отношению к США окажутся эффективными, без ликвидации такого технологического превосходства было бы неправильным. Вот почему эта задача должна быть сформулирована как важнейшая политическая задача, стоящая перед нацией;

— в-третьих, концепции информационных войн позволяют создать потенциал и предоставить возможность ведения любых войн в глобальном масштабе на любом театре ТВД, на любом пространстве — земле, воде, воздухе или в космосе. Для информационных систем нет границ или права государства на суверенитет, ликвидация которого и является одной из глобальных внешнеполитических целей США. Поэтому сохранение суверенитета тождественно достижению технологической сопоставимости с потенциалом США, что возможно в настоящее время только при широкой евразийской кооперации. В частности, в области ВКО.

Во многом эти тенденции прослеживались еще в 80-е годы XX века. Уже тогда было ясно, что растущая роль информационных систем, в частности, боевого управления, связи и разведки, с одной стороны, и принципиально новое качество

высокоточного неядерного оружия, с другой, радикально изменяет представления не только о характере будущих войн и программ военного строительства, но и имеют далеко идущие военно-политические последствия. Этому, в частности, была посвящена докторская диссертация автора этой работы «Роль и значение систем боевого управления, связи и разведки в военной доктрине США», защищенная в Дипломатической академии МИД РФ в 1989 году[1]. К сожалению, в последние десятилетия СССР и Россия не только не ликвидировали отставание от США, но и оказались в окончательном разрыве с современными реалиями. Технологическое соревнование с США должно было стать сутью политической доктрины СССР и России, но так и не стало. Сегодня оно кажется уже бесперспективным, но необходимо, чтобы правящая элита страны смогла сформулировать такую политическую цель, сконцентрировать ресурсы, провести мобилизацию нации для ее решения.

[1] Подберезкин А.И. Диссертация на соискания ученой степени доктора исторических наук «Роль и значение систем боевого управления, связи и разведки в военной доктрине США». Д.А. 1990 г.

Применительно к ВКО это имеет непосредственное значение. До недавнего времени с пространственной точки зрения выделялось четыре сферы — наземные операции, воздушное и морское пространство, а также космос. Сегодня к ним добавилось «пятое пространство» — информационное, или киберпространство. Первым прецедентом использования киберпространства в военных целях «в чистом виде» следует, возможно, признать использование Армией обороны Израиля в 2007 г. специально разработанного компьютерного червя (аналогичного секретной американской разработке «Suter» для прорыва системы ПВО Сирии в ходе операции «Фруктовый сад». Хотя и до этого операции США в Югославии и Ираке демонстрировали качественно новые военные возможности информационных систем оружия и техники). Использование специализированного программного обеспечения позволило израильским ВВС, в частности, незамеченными преодолеть сравнительно современную и развитую систему ПВО Сирии и уничтожить

объект, который эксперты связали с тайной ядерной программой. Многим более известно использование в 2010 г. червя «Stuxnet» для нарушения функционирования иранских ядерных исследовательских центров.

Первые два десятилетия XXI в., таким образом, отмечены постоянно растущей интенсивностью кибератак и планомерным повышением уровня исходящей от них угрозы со смещением фокуса от информационных воздействий и хищения секретной информации в направлении прямого нарушения функционирования инфраструктуры противника. Причем не только военной, но и политической, общественной, экономической. Эту ситуацию российские исследователи описывают следующим образом: Всё это меняет характер будущих войн, главной особенностью которых является отсутствие необходимости в массовом применении войск на поле боя. Их призваны заменить аэромобильные части и силы специальных операций, обеспечивающие достижение и закрепление политических целей войны после нанесения ущерба критически важным объектам военной, экономической и политической инфраструктур государства обычными высокоточными средствами поражения или кибернетическим оружием. К таким

выводам пришли как военные теоретики США и НАТО, так и специалисты армий южного пояса Евразии, в первую очередь Китая и Индии.

Развитие информационных средств превратило их со временем из средств обеспечения в самостоятельные виды и системы оружия, т.е. средства ведения войны. Что, естественно, не могло не повлиять на способы ведения военных операций и войн. Сказанное означает, что в классических военных доктринах ведущих государств произошла «тихая» информационная революция, осознать масштабы и последствия которой в полной мере еще только предстоит. Так, возможности ПВО-ПРО сегодня определяются прежде всего способностью обнаруживать и сопровождать цели, точностью наведения антиракет и т.д. Но в решающей степени эффективность ВВКО зависит от системы управления и передачи информации на всех уровнях.

Именно эти качества сегодня стали решающими не только для ВКО, но всех Вооруженных Сил, а, главное, военно-политического руководства.

Более того, можно, наверное, говорить о том, что собственно использование ВС для оккупации территории теряет военный смысл. Уничтожение политического и военного руководства, инфраструктуры и нарушение управления ведет неизбежно к тому, что для закрепления результатов нападения с помощью высокоточных средств и информационных средств войны достаточно полицейских соединений. Если организованное сопротивление будет сломлено, а потенциал уничтожен, то организовать противодействие можно только ответными действиями и мерами информационной войны, в которых нападающая сторона имеет безусловное превосходство.

Кроме того, информационное превосходство позволяет дезинформировать противника (особенно, если до начала военных действий будет дезориентировано общественное мне-

ние и уничтожена национальная система ценностей), сломить отдельные очаги сопротивления, в конечном счете подчинить общество агрессору. Партизанские действия и личная инициатива в этом случае будут затруднены, если вообще возможны, именно в силу дезориентации общественного мнения и отсутствия четкой системы национальных ценностей.

Разрушение национальной системы ценностей является главной целью первого, скрытого этапа информационной войны. Если этого удается добиться с помощью «мягкой силы», то разрушаются не только нормы морали в обществе, но и управление обществом и государством. Наступает неконтролируемый хаос, который обязательно ведет к ослаблению и уничтожению государственных и общественных институтов, а в конечном счете всей системы управления государством, обществом, его институтами (включая ВС и конкретно систему управления войсками).

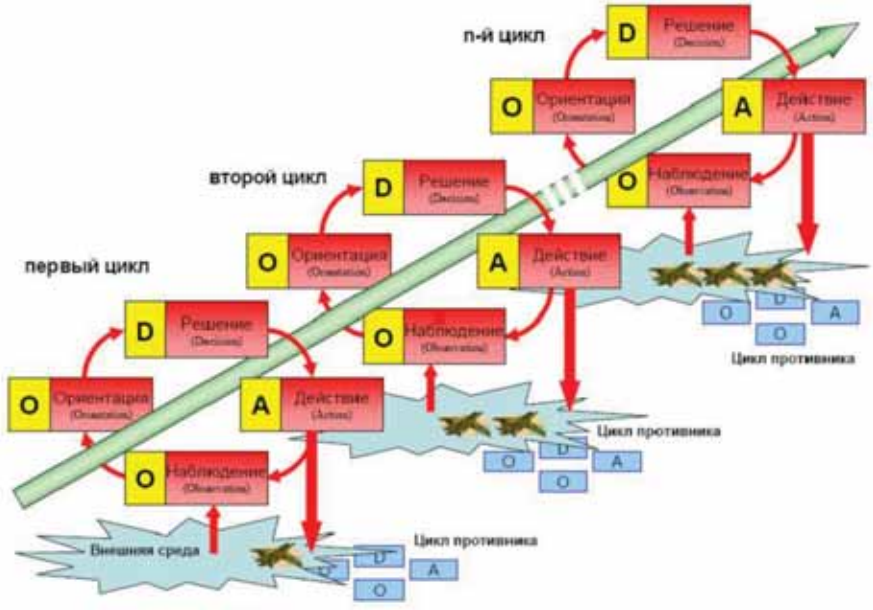
Соглашаясь с этим тезисом, становится понятно, почему, например, внешние оппоненты и внутренняя оппозиция так раздражены активностью РПЦ или патриотических партий и организаций. Как заметил А. Ципко, «речь… идет не столько о раздражении от политических инициатив нынешних иерархов РПЦ, сколько о раздражении от самого факта существования РПЦ как чуждого многим либералам мира, как облика другой… России»[1]. По большому счету речь идет о сломе национальной системы ценностей, разрушении национальных институтов управления и фактически управленческому хаосу, в котором легко, используя информационное превосходство, одержать политическую победу без привлечения в массовом порядке вооруженных сил.

Эти тенденции просматриваются уже сегодня. В частности, российские эксперты подчеркивают, что «…в ходе войн в Югославии и Ираке американское военное командование уже опробовало новую доктрину ведения боевых действий

[1] Ципко А. Исповедь ретрограда // Независимая газета. 2012. 11 декабря. С. 3.

с воздействием по центрам, контролирующим его экономику, промышленное производство и транспорт. В этой доктрине использовалась теория Джона Бойда о действиях на опережение противника в области принятия и проведения им в жизнь решений на применение вооружённых сил (так называемый цикл НОРД — «наблюдение—ориентация—решение—действие»). Согласно этой теории одним из необходимых условий достижения успеха являются действия по разрушению командных пунктов противника всех уровней управления и линий связи с одновременной деморализацией войск и населения противника за счёт проведения психологических операций»[1].

[1] О военных угрозах Евразийскому союзу / Эл. ресурс «Евразийская оборона». 2012. 28 августа / http://eurasian-defence.ru

Многократное «спиральное» повторение цикла OODA

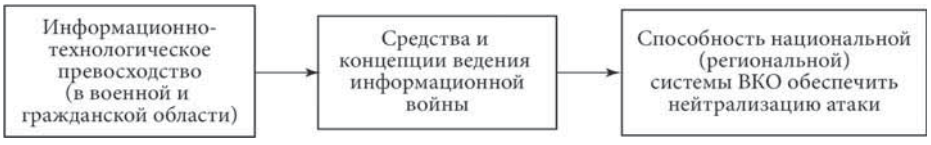
Сегодня трудно отделаться от мысли, что первый скрытый этап информационно-психологической войны против России прекратился с окончанием «холодной войны». Скорее наоборот: произошла концентрация усилий на уничтожении национальной системы ценностей, дискредитации государственных институтов и политической системы.

Единое информационное пространство Евразии

Очевидно, что создать неуязвимое информационное пространство в отдельности странам ОДКБ, а в целом Евразии, — невозможно. Собственно сегодняшняя реальность свидетельствует, что, контролируя информационное пространство (как в случае с Югославией, Ираком или осетино-грузинским конфликтом), США способны не только к массовой дезинформации мирового общественного мнения и навязыванию соответствующих политических решений, но и к подготовке эффективных военных операций.

Очевидна и взаимосвязь между информационной войной и возможностями для нанесения высокоточных операций. Эта взаимосвязь по существу означает, что концепции информационного воздействия являются прелюдией, частью концепции «сетецентрических» войн, а затем использования ВТО и последующей оккупации основных центров.

Другим следствием этой взаимосвязи является зависимость возможностей ВКО от информационных возможностей, которыми обладает агрессор. Причем не только военных, но и гражданских. Эта взаимосвязь превращается в зависимость, которую условно можно обозначить следующим образом:

Из этого рисунка следует важный вывод: без создания конкурентоспособных национальных информационных ресурсов (в т. ч. элементной базы, ПО, ВВТ, СМИ и т.д.) обеспечить эффективную оборону и суверенитет страны невозможно. В том

числе и эффективную ВКО страны, региона или континента. Кроме того, необходимы специальные — сетецентричные, многократно дублированные и защищенные от кибератак — органы государственного, военного и общественного управления, интегрированные с системой управления ВС России. Прежде всего СНВ и ВКО.

Некоторые действия США наводят на эти размышления. Так, США оперативно среагировали на новые возможности, создав в 2009 г. на базе АНБ и подразделений ВВС специализированное киберкомандование (USCyberCommand). Практически сразу аналогичные структуры стали появляться и в других государствах[1]. Но это лишь частное проявление общей закономерности.

Формальной миссией киберкомандования США является планирование и координация действий по защите информационных сетей Министерства обороны, а также, в особых случаях, проведение полномасштабных военных операций в киберпространстве[2]. Отметим, что обязанности по защите гражданской инфраструктуры в США возложены на Министерство внутренней безопасности и Агентство национальной безопасности, что создает некоторую путаницу[3]. Киберкоман-

[1] Каберник В. Революция в военном деле: возможные контуры конфликтов будущего / Эл. ресурс «Евразийской обороны». 3 октября 2012 г. / http://eurasian-defence.ru

[2] Cyber Command Fact Sheet / U.S. Department of Defense. 21 мая 2010 г.

[3] Military's Cyber Commander Swears: «No Role» in Civilian Networks» // The Brookings Institution. 23 сентября 2010 г.

дование США не выполняет задачи по обороне сравнительно уязвимой информационной инфраструктуры страны (ее компоненты — системы управления сетями энергоснабжения, транспортом, информационные сети финансовых организаций и т.п.), концентрируясь на обороне только и исключительно элементов военной инфраструктуры[1]. Частично раскрытая в июле 2011 г. стратегия операций в киберпространстве, кроме подтверждения заявлений о намерении охранять информационные сети Министерства обороны, содержит также программное заявление о признании киберпространства доступным для ведения боевых действий наравне с землей, морем, воздухом и космосом[2]. Но наряду с этим в описываемом программном документе содержится тревожащее заявление о допустимости ответа на кибератаки всеми необходимыми средствами, включая прямые силовые воздействия вплоть до проведения военных операций[3].

Сегодня наблюдается очевидная параллель в развитии трех важнейших технологических направлений военного строительства в США:

— совершенствование ВТО и развертывание неядерного стратегического потенциала;
— создание глобальной системы ПВО–ПРО;
— создание информационных ресурсов для ведения СЦВ и КВ.

С точки зрения создания объединенной, а тем более единой ВКО это означает, что классическая схема военной интеграции уже устарела. Необходима такая система управления, которая (по аналогии с задачами СЦ) могла бы обеспечить:

— текущий мониторинг военно-политической ситуации, обработку информации;
— ориентацию политического руководства;
— подготовку решений, а также их реализацию.

Эти направления очевидно синхронизируются и составляют вместе единый «наступательно-оборонительный инфор-

[1] Cyberwar Commander Survives Senate Hearing, Threat Level // Wired. 15 апреля 2010 г

[2] Department of Defense Strategy for Operating in Cyberspace. July 2011 / US Department of Defense / http://www.defense.gov/news/d20110714cyber.pdf

[3] David E. Sanger and Elisabeth Bumiller. Pentagon to Consider Cyberattacks Acts of War // The New York Times. 31 мая 2011 г. / http://www.nytimes.com/2011/06/01/us/politics/01cyber.html?_r=1; White House Cyber Czar: 'There Is No Cyberwar' // Wired magazine. 4 марта 2010 г.

мационный» комплекс. Соответственно, рассматривать те или иные действия необходимо в этом контексте. Вот как охарактеризовал эти угрозы Генеральный конструктор Системы ПРН Сергей Федотович Боев в интервью: «Нельзя не учитывать, что состав военных угроз безопасности нашей страны в настоящее время существенно изменился. В первую очередь это связано с тем, что у вероятного противника появились или находятся на завершающей стадии разработки стратегические системы высокоточного оружия — БР с управляемыми боевыми блоками, стратегические крылатые ракеты (СКР), гиперзвуковые летательные аппараты (ГЗЛА), которые по уровню прогнозируемого ущерба и влиянию на стратегическую стабильность становятся сопоставимыми с ракетно-ядерным оружием. В этих условиях информационная составляющая системы ВКО должна приобрести новое качество — кроме задач предупреждения о ракетном нападении, она должна быть способной решать задачу предупреждения высшего руководства страны о массированном применении СКР и ГЗЛА, в том числе в условиях усложнения целевой и помеховой обстановки в зонах действия информационных средств РКО»[1].

На эту новую особенность американской стратегии хотелось бы обратить особое внимание: «победа» в кибервойне, безусловно, считается основным условием реальной военной победы. Понятно, что если выведены из строя информационно-коммуникационные системы, то любой вид оружия, вплоть до стрелкового, становится малоэффективным, даже бесполезным. Когда потеряно управление, то это равносильно военному и политическому поражению.

Сегодня угроза потери управления рассматривается прежде всего как угроза возможного уничтожения центров управления и связи в результате первого удара. Что уже не совсем соответствует реалиям. Соответственно и основные усилия направлены на предупреждение о таком нападении. Вот по-

[1] Новости воздушно-космической обороны. 18 мая 2012 г. / http://gunm.ru/news/

чему особое внимание уделяется средствам предупреждения о ракетном нападении (СПРН). Когда «удельный вес» каждой ракеты резко возрастает в связи с повышением ее возможностей уничтожения средств управления, значение СПРН становится критически важным. Считается, что «главным козырем обновленной СПРН России стали «Воронежи» — быстровозводимые радары высокой заводской готовности. Прогресс радиоэлектроники, позволивший на порядок уменьшить количество, массу и габариты комплектующих, обеспечил удешевление новых радаров и ускорение их строительства. Если приводить бытовые, всем понятные, сравнения, то с РЛС произошло то же самое, что с телевизорами или компьютерами за последние три десятка лет.

За последние несколько лет в России построены и находятся в завершенной стадии четыре «Воронежа»: на северо-западе страны — в Лехтуси под Санкт-Петербургом, на крайнем западе России — в Калининграде, на юго-западе — в Армавире и на юго-востоке — в Усолье-Сибирском под Новосибирском. В строй вступает второй радар в Армавире, который будет контролировать южное юго-восточное направление.

В 2013 году должно начаться строительство сразу трех новых РЛС — в Печоре, Барнауле и Енисейске. Завершение их строительства возможно уже к 2016–2017 годам, что позволит России полностью обеспечить работу СПРН за счет радаров, расположенных на национальной территории, отказавшись от устаревающих станций на территориях бывших советских республик»[1].

Насколько это эффективно? А, главное, гарантируют ли эти меры против концепций информационных (сетецентрических) войн? Думается, что нет. Как уже говорилось, разрабатываются и другие концепции первого удара, но, главное, классические средства противодействия бесполезны в условиях СЦВ.

[1] Крамник Н. Радары СПРН: глаза воздушно-космической обороны / Голос России. 5 декабря 2012 г. / http://rus.ruvr.ru/_print/97006949.html

Но это только одна часть проблемы. Другая часть находится в плоскости политического и психологического использования военной силы и силы вообще, включая «мягкую силу», государством. Превосходство в информационно-коммуникационной области становится политическим превосходством и справедливо рассматривается, например, в Китае как важнейшая угроза национальной безопасности. В Китае, например, в принципе невозможна ситуация, когда социальные сети используются для координации деятельности антиправительственных групп и демонстраций, носящих резко

подрывной характер в отношении органов государственной власти. Facebook и Twitter там не функционируют, а есть китайские аналоги указанных систем, которые находятся, разумеется, под контролем китайского правительства. Заместитель начальника Генштаба Ма Сяо Тянь, например, отметил, что необходимо принять документы, которые определяли бы Интернет как один из видов современной человеческой деятельности — в том плане, что необходимо регулирование правил поведения государств в системе Интернет. За такими осторожными формулировками, конечно же, скрывается стремление Китая дать отпор попыткам США, в частности, влиять на информационную политику Китая и использовать ресурсы китайского Интернета для стимулирования различного рода диссидентской деятельности. То есть Китай очень четко видит эти угрозы и их парирует»[1].

Пытаются парировать эти угрозы и в России, однако это встречает жесткое сопротивление со стороны «демократической» оппозиции, которая, видимо, не понимает роль интернета как возможного средства для осуществления концепций СЦВ и КВ против России. Но вероятнее всего либеральная часть российской элиты просто не рассматривает борьбу за национальную идентичность и систему ценностей как жесткую объективную необходимость, заранее согласившись, что эти атрибуты суверенитета уже устарели. Это означает, что первая фаза информационной войны за систему ценностей ей представляется заранее проигранной.

[1] Кобаев А. Военно-политический анализ: Китай против дестабилизации через интернет. 8 июня 2012 г. // http://rus.ruvr.ru

9.
Евразийская ВКО: роль стратегических неядерных вооружений

9.

Военно-политическая интеграция предполагает делегирование полномочий по вопросам войны и мира на наднациональный уровень…[1]

В. Захаров

В настоящей момент пришло время понять и проговорить позицию в отношении НАТО, при этом на официальном уровне обозначив неприемлемые для нас моменты в отношениях с блоком…[2]

А. Торкунов,
ректор МГИМО(У)

Принципиально новое явление для ВКО последних двух десятилетий – это массовое производство и быстрая модернизация ВТО, которое стремительно приобретает функции стратегического наступательного потенциала. Между тем, эта взаимосвязь не привлекает пока ни должного политического, ни общественного внимания. Так, в фундаментальной работе А. И. Антонова, безусловно, ведущего российского эксперта — «Контроль над вооружениями: история, состояние, перспективы»[3] — самым подробным образом рассматриваются все аспекты переговоров по ограничению вооружений, однако в ней нет специального раздела, посвященного этой проблеме. И не случайно. Многие годы США сознательно и категорически уходят от ее обсуждения. Мотив ясен: чем скорее удастся ликвидировать военно-стратегическое равновесие в области ядерных вооружений с помощью стратегических неядерных средств воздушно-космического нападения (СВКН), тем быстрее США вернут себе не только статус неуязвимости, но и реальную возможность использования уже по всему миру военной силы без опасения ответных мер, которым они обладали до появления стратегического равновесия с СССР. Концепция «ядерного сдерживания» в соответствии с этими планами

[1] Захаров В. Евразийский проект // Национальная оборона. 2012. Август. № 8 / http://www.oborona.ru/includes/periodics/geopolitics/2012/0305/11098005/detail.shtml

[2] Торкунов А. В. Внешнеполитическое измерение военной безопасности. В кн.: Торкунов А. В. По дороге в будущее. М.: МГИМО(У). 2010. С. 72.

[3] Антонов А. И. Контроль над вооружениями: история, состояние, перспективы. М.: РСПЭН, ПИР-Центр, 2012.

неизбежно должна уступить место угрозе использования стратегических ядерных и обычных вооружений.

В очередной раз А. И. Антонов обратил внимание на эту проблему на Мюнхенской конференции, посвященной вопросам безопасности. Причем с ним фактически солидаризировались западные эксперты: «В настоящее время имеются неядерные средства, способные решать многочисленные военные задачи с эффективностью, сравнимой со стратегическими вооружениями в ядерном оснащении.

Например, для нанесения ударов с воздуха активно используются беспилотные летательные аппараты. В качестве цели без труда может быть выбрана не база террористов, а ракетная база. Подразделения сил специального назначения также могут быть использованы для приведения в неисправное состояние объектов СНВ.

Кроме СНВ в неядерном оснащении, необходимо учитывать возможность размещения оружия в космическом пространстве, а также соотношение сил общего назначения. Нельзя забывать ситуацию с ракетами средней и меньшей дальности, когда лишь Россия и США имеют жесткие юридически обязывающие ограничения. Ну и, разумеется, еще предстоит много сделать, чтобы разобраться с „кибероружием“»[1].

Таким образом во втором десятилетии XXI века стали складываться условия возникновения нового неравенства в стратегической области, способного девальвировать идею ядерного сдерживания и роль ядерных вооружений. Соответственно классические системы ПРО–ПВО в новых условиях должны быть модернизированы таким образом, чтобы нейтрализовать эти новые угрозы, т.е. решить по сути дела принципиально новые, не свойственные им прежде, задачи.

[1] Тезисы выступления А. И. Антонова на Мюнхенской конференции по вопросам безопасности. 2013. 6 февраля. / http://eurasian-defence.ru

Эволюция военного искусства и стратегические неядерные вооружения

Если управлять — это, значит,
предвидеть, то в стратегии управлять
значит предвидеть далеко вперед[1]

А. Свечин

Искусство войны развивалась одновременно с вооружениями. Но нередко случалось так, что устаревший опыт и знания вели к тому, что новые вооружения не могли в полной мере использоваться эффективно. Представляется, что сегодня появление в массовом порядке стратегических неядерных вооружений создает совершенно новую реальность, которую (во всяком случае, политики) еще до конца не осознали.

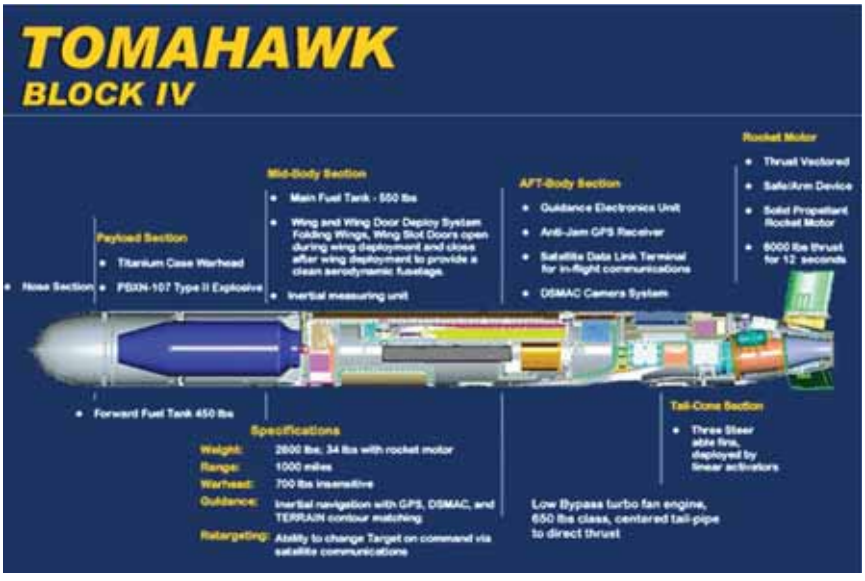
Известно, что эволюция военного искусства происходит под влиянием двух основных групп факторов:

— во-первых, развитие ВВТ объективно дает новые возможности и способы их применения. Так, появление ядерной бомбы очень быстро привело к появлению различных концепций использования ядерного оружия. Причем — по мере совершенствования средств его доставки — не только на тактическом или оперативном, но и стратегическом уровне, когда перед военной силой была поставлена принципиально новая политическая задача;
— во-вторых, новые политические установки и требования формулируют «социальный заказ», под который создаются новые ВВТ. Эта целенаправленная и сознательная деятельность правящей элиты не только ставит политические, но и стратегические, и технические задачи.

[1] Свечин А. Стратегия в трудах военных классиков. М.: Финансовый контроль, 2003. С. 25.

Именно это мы наблюдаем в современной действительности. Соединенным Штатам необходимо вернуть «используемость» военной силы не только по отношению к развивающимся государствам, но и странам, обладающим ядерным оружием. Для этого необходимо радикально сократить все ядерные вооружения, либо (что еще лучше) добиться их уничтожения. Так, как это произошло с химическим и бактериологическим оружием. На замену предлагаются высокотехнологичные ВВТ (лидерство которых у США). Это и есть политический заказ.

С другой стороны, развитие технологий предоставляет странам-лидерам колоссальные преимущества, когда технологическое лидерство обеспечивает военно-техническое превосходство, конвертируемое в политическое влияние. Так, создание КРМБ повышенной дальности и точности позволяет США создать потенциальную угрозу России со всех стратегических направлений.

В этой связи обращает на себя внимание отнюдь не случайное совпадение: переоборудование американских ПЛАРБ

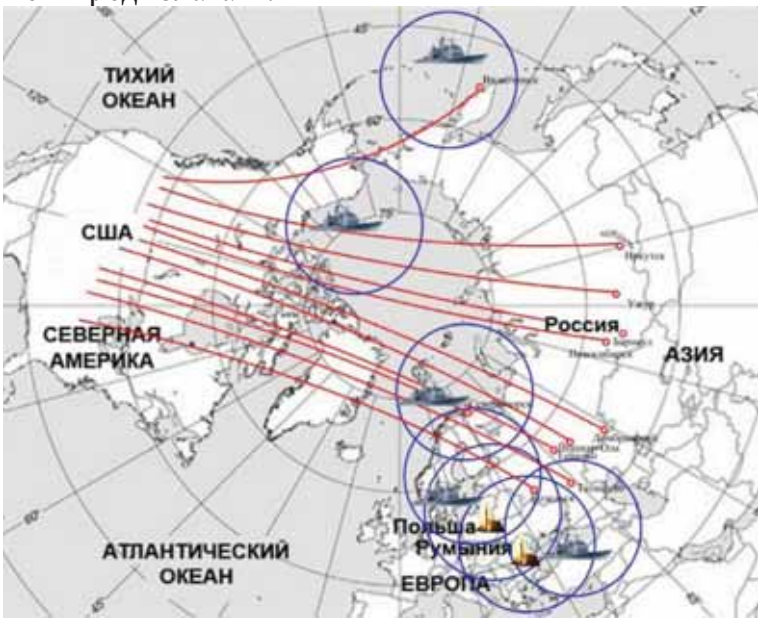
на носители КРМБ идет параллельно с развертыванием региональных систем ПРО. При этом вместо 16–20 БРПЛ на одной ПЛАРБ развертывается более 150 КРМБ. Под их потенциальным ударом могут оказаться практически все цели на территории России, которые рассматриваются в качестве объектов для нанесения первого («разоружающего») удара.

И не стоит заблуждаться относительно того, что эти удары могут быть нанесены только с западного или восточного стратегических направлений. Мы пока не знаем действительной дальности КРМБ, но можно предположить с уверенностью, что она значительно увеличилась по сравнению с последними официальными данными и ещё больше возрастет в ближайшие годы. Таким образом под угрозой оказываются практически все (если не все) цели на территории России, не обладающие соответствующими средствами ПРО от КРМБ.

Вероятная схема ракетного удара по территории России

Это позволяет ряду аналитиков полагать, что такое развертывание КРМБ к 2020 году вместе с развертыванием региональных ПРО создаст новую уникальную угрозу для России и Китая. Тем более, что в последние годы дальность КРМБ и их точность существенно увеличились. Насколько мы не знаем, но можем предполагать.

Появление и стремительное наращивание стратегических неядерных вооружений — как наступательных, так и оборонительных — стало одним из главных новых факторов, влияющих на расстановку военно-политических сил в мире, который пока, к сожалению, не всегда учитывается. Между тем именно такие вооружения количественно и качественно определяют сегодня как уровень вооружений и военной техники, так и области военного искусства. Прежде всего в стратегической области, где происходит радикальный пересмотр, существовавшей в последние десятилетия стратегии ядерного сдерживания (deterrence). В основе этих перемен лежит новый этап военно-технической революции.

В том числе и на переговорах по ограничению и сокращению вооружений. В этой связи обращает на себя внимание замечание известного французского эксперта Ж.-Б. Пинателя: «…для США стратегическое превосходство более не ограничивается классическим военным могуществом. Новые информационно-коммуникационные технологии произвели переворот в военных делах. И это не стало неожиданностью. Успех боевых операций всегда напрямую зависел от способности координировать действия подразделений, занимающихся рекогносцировкой, и предположения относительно сил противника. Но новые информационно-коммуникационные технологии открывают для этих способностей поистине революционные перспективы»[1].

Каковы же те революционные перспективы, прежде всего в военно-политической области, что следует ожидать с появлением феномена стратегических неядерных вооружений и военной техники? Прежде всего, речь идет об изменении самого отношения к военной силе как внешнеполитическому инструменту. Новая роль неядерных вооружений очевидно ведет к тому, что военная сила вновь становится обычным, «используемым» внешнеполитическим инструментом. Прежде всего в региональных, даже внутригосударственных конфликтах.

Кроме того, уже радикально изменились представления о военном искусстве даже на тактическом уровне. Фактически война «больших батальонов» ушла в прошлое. Массированное использование сухопутных сил стало анахронизмом, уступив место нанесению «воздушно-космических — информационных» ударов и последующей оперативной «зачистке» территорий. При

[1] Пинатель Ж.-Б. Россия — Европа: жизненно важный союз / перев. с франц. Д. Х. Халиллуллиной. М.: Книжный клуб 36.6, 2012. С. 102.

этом, речь идет о чётком определении приоритетности, когда важнейшими мишенями становятся центры политического и военного руководства. Именно об этом свидетельствуют результаты войны Израиля в ноябре 2012 года когда в течение одного дня была уничтожена половина политического и военного руководства ХАМАС и ПУ ракет (включая защищенные), а оставшиеся были перехвачены системой ПРО «Железный купол». «Сейчас, в начале XXI века, развитие информационно-коммуникационных технологий позволяет, с одной стороны, быть постоянно в курсе местонахождения своих боевых подразделений, вплоть до конкретного солдата, и даже отслеживать в реальном времени уровень усталости последнего и серьезность полученных им ранений, а то и обеспечивать ему медицинскую помощь на расстоянии с помощью „нанокапсул“, внедренных в его униформу, которая все больше приобретает свойства „второй кожи“»[1], — подчеркивает Ж.-Б. Пинатель.

С начала нового века стали происходить принципиальные изменения в роли неядерного оружия и военной техники, которое в ряде случаев стало приобретать качество стратегических наступательных и оборонительных вооружений. Речь идет о высокоточном (ВТО) оружии — КР, ЛА, ударных беспилотниках, ракетах класса «воздух–земля». Отмечаются как минимум три выдающиеся новые черты.

Во-первых, массовость производства ВТО и его использования в военных конфликтах. Достаточно сказать, что если в ходе операции «Буря в пустыне» применение ВТО составляло менее 10%, то против Югославии — уже около 100%, а в Ливии использовалось только ВТО. Есть все основания полагать, что именно неядерное ВТО станет основным средством ведения военных действий и главным внешнеполитическим инструментом влияния.

Во-вторых, массовое производство неядерных вооружений сопровождалось резким удешевлением ВТО, превращением его

[1] Пинатель Ж.-Б. Россия — Европа: жизненно важный союз / перев. с франц. Д. Х. Халиллуллиной. М.: Книжный клуб 36.6, 2012. С. 102.

из экзотического средства войны в обычное, «повседневное», массовое. Это, естественно, сказалось и на масштабах производства и разработок неядерных вооружений. Ожидается, что в среднесрочной перспективе, например, общая численность КР в США достигнет десятков и даже сотен тысяч. Ожидается также массовое производство ударных беспилотников и гиперзвуковых ЛА, а также различных типов авиабомб и ракет. Подобное массовое производство ВТО неизбежно приведет к автоматизации, роботизации и в целом передаче функций управления автоматизированным алгоритмам, не зависящим целиком от принятия политических решений.

Наконец, в-третьих, ВТО стало стремительно «расползаться» за рубеж, перестало быть привилегией только США и России. Более того, ряд стран, таких, например, как Франция и Израиль, стали лидерами в его производстве. Соответственно, все дестабилизирующие последствия появления ВТО переносятся не только на отношения между великими державами, но и на региональный уровень.

Все эти три последствия оказывают негативное влияние на политическую стабильность и использование военной силы в международных отношениях. И особенно на стратегическом уровне, в частности, на уровне возможностей оборонительных вооружений. Появляются все более совершенные концепции использования ВТО в сочетании с информационными и ядерными средствами.

Важно отметить очень важное обстоятельство: развитие ВТО идет параллельно с созданием эффективных систем ПВО и ПРО, превращая их в единый комплекс. Так, опыт войны Израиля против ХАМАС в ноябре 2012 года показал, что с помощью ВТО можно уничтожить политико-военное руководство и наступательные вооружения (ПУ) даже в защищенных объектах, а с помощью ПРО — перехватить (по оптимистическим оценкам) до 90% средств нападения, достигнув в итоге главной

военной цели — «разоружить» противника. Это, конечно, не означает всегда политической победы, которая определяется не только военными результатами (как и в случае палестино-израильской войны 2012 года), но очевидно предопределяет такую политическую победу.

Эти и другие изменения в военно-техническом и экономическом аспектах развития неядерных вооружений неизбежно сказались на способах его использования, более того, всей военной стратегии государств. Так, если с помощью стратегических неядерных вооружений, по некоторым оценкам, уже сегодня можно уничтожить до 30% СЯС России и 100% Китая, то в среднесрочной перспективе эта тенденция только усилится, даже несмотря на все меры противодействия. По сути дела у той стороны, которая обладает подавляющим потенциалом ВТО, появляется возможность «разоружающего» (стратегического по последствиям) удара. Сказанное имеет прямое отношение к военной политике США и их союзников по НАТО, которые в последнее десятилетие резко усилили масштабы военного строительства ВТО.

А также это имеет отношение к ВТО, которое в последнее время фактически не только интегрировало космическое и воздушное пространство в единое пространство — воздушно-космическое, — но и «размыло» его границы от районов обороны отдельных территорий до национальных и даже целых регионов: сегодня уже нельзя обойтись обороной одной территории, будь то район дислокации БР или место нахождения военного или политического руководства. Видимо необходимо изначально планировать либо ВКО страны, либо (что реалистичнее) ВКО многих районов. Причем как на разных высотах, так и по дальности перехвата.

Есть еще одна важная особенность массового производства стратегического ВТО: в последнее десятилетие мы являемся свидетелями бурного роста объема поставок продукции военного назначения (ПВН) США за рубеж вообще и ВТО, в частности. По официальным данным только в рамках правительственных программ эти объемы выражались в следующих цифрах[1]:

2002 — 10 млрд долл.
2007 — 18 млрд долл.
2008 — 28,5 млрд долл.
2009 — 29,9 млрд долл.
2010 — 24,4 млрд долл. (мировой экономический кризис)
2011 — 32,9 млрд долл.
2012 — 51,6 млрд долл.

Таким образом, только по официальным каналам поставки США за рубеж выросли более чем в пять раз всего лишь за 10 лет. Этот фантастический рост объясняется многими причинами, но прежде всего ростом значения высокоточного оружия, а также систем ПВО и ПРО в обеспечении безопасности государств. Отсюда следует прогнозировать, что в ближайшие годы, по мере появления нового поколения ВТО и систем ПРО–ПВО, их удельный вес в объемах

[1] Новости за рубежом // ВКО. 2012. № 5 (66). С. 86.

продаж за рубеж будет нарастать в еще большей степени, чем сегодня.

Вслед за этим с неизбежностью следует и другой вывод: превращение воздушно-космического и информационного пространства в единый ТВД делает искусственным прежнее деление вооружений на стратегические, оперативно-тактические и тактические, ядерные и обычные, наземные и морские. Они становятся единым комплексом. Наконец, «расползание» ВТО за пределы национальных границ, в том числе в нейтральные воды Мирового океана, означает качественное изменение стратегической ситуации в мире. Причем в пользу того государства, которое продвигает такое оружие за пределы своих национальных границ и территориальных вод.

Стратегические неядерные вооружения как необходимый предмет переговоров

По подсчетам различных организаций США … с 2004 года было нанесено более 450 ударов (Беспилотными ЛА)[1]

Быстрый рост численности и качества ВТО создает качественно новую стратегическую ситуацию в мире, которая не находится под каким-либо контролем. Чем выше качество — дальность и точность — беспилотных летательных аппаратов самых различных типов и КР, тем больше у страны, обладающей ими, военных преимуществ. Сегодня существуют десятки типов ЛА и КР, насчитывающие уже, по некоторым оценкам, более 40 тыс. экземпляров.

Естественно, что в общем балансе мировых сил, где присутствуют не только США и Россия, но и новые ядерные державы, этот фактор играет возрастающее значение. Причем по мере совершенствования и удешевления этого оружия, очевидно, его роль будет возрастать.

Ключевыми характеристиками этих систем становятся точность, а значит и способность уничтожать хорошо защищенные, в т.ч. ПУ МБР, цели, дальность полета, практически нулевая вероятность обнаружения радарами и дешевизна.

Стремительное развитие ВТО и концепций его использования неизбежно ведет к тому, что их развитие и распространение должно стать предметом переговоров. Прежде всего между теми странами, которые способны создавать и производить эти системы оружия и военной техники. Но не только, в будущем неизбежно превращение таких переговоров в многосторонние.

[1] Федяшин А. Кандидат на пост нового главы ЦРУ Джон Бреннан выступил в защиту БЛА. 2013. 8 февраля / Цит. по: http://eurasian-defence.ru

В этой связи возникает много проблем, среди которых в приоритетном порядке можно выделить:

— проблему морского компонента ВТО и ПРО США, который разрастается непропорционально быстрыми темпами;
— проблему союзников и территорий, на которых размещено ВТО. Очевидно, что этот потенциал ВТО также должен учитываться при анализе соотношения сил;
— проблему переговоров или сознательного ограничения распространения ВТО и систем ВКО за пределы национальных территорий;
— проблему ограничения военной деятельности в космосе или отдельных регионах мира (например, нейтральных водах).

Развитие неядерных высокоточных вооружений достигло такого уровня, что всерьез обсуждается вопрос на военном уровне о постепенной замене функции ядерного сдерживания неядерным. Но эта дискуссия ещё не переносится в политическую область, хотя существует объективная потребность в этом. Эта точка зрения отражается российскими экспертами, в частности, следующим образом: «Казалось бы, неядерное высокоточное вооружение играет позитивную роль, способствуя снижению роли ядерных вооружений, а следовательно, и их сокращениям. Однако просматривается и противоположная тенденция. Подавляющее преимущество в обычных вооружениях одних государств побуждает стремление других государств к обладанию ядерным оружием с целью сохранить свой суверенитет и проводить независимую политику, и, таким образом, подрываются основы режима ядерного нераспространения»[1].

Складывается устойчивое впечатление, что США не только сознательно используют свое военно-техническое превосходство, изменив ставку с ядерных на обычные вооружения, но и игнорируют объективную потребность в переговорах по ограничению или сокращению ВТО. Более того, история всех

[1] Мясников Е. В. Сменщики «Сатаны» и «Минитмена» заступают на боевой пост // Независимая газета. 2012. 28 сентября / http://nvo.ng.ru/armament/2012-09-28/11_satan.html

переговоров СССР — США и России — США демонстрирует, что США всегда уходили от ограничения качественной гонки вооружений, где они рассчитывали на сохранение своего военно-технологического превосходства. Эти аргументы российских экспертов известны (хотя на политическом уровне и не часто звучат): «Качественный скачок в развитии высокоточных неядерных вооружений начинает вызывать обеспокоенность в отношении выживаемости сокращающихся стратегических ядерных сил. В открытых публикациях рассматриваются сценарии превентивного обезоруживающего удара по российским СЯС, в частности, с использованием неядерных крылатых ракет морского базирования. Поскольку неядерное высокоточное оружие начинает приобретать контрсиловые возможности, представляется резонным ставить вопрос о необходимости учета этого фактора при дальнейших сокращениях СНВ»[1].

Переговоры об ограничении и сокращении вооружений, способных выполнять стратегические функции, безусловно, необходимы, но не они являются определяющими. Прежде всего опыт показывает, что ограничение обычных вооружений и военной техники вне какого-то конкретного ограниченного региона (например, Центральной Европы) труднодостижимы. Действительно, если количество МБР, ТБ или ПЛАРБ, исчисляемое, как максимум, тысячами, можно подсчитать, то численность обычных вооружений, исчисляемых десятками и сотнями тысяч, — малореально. Тем более, ввести какие-то качественные ограничения, например, на танки, фронтовую авиацию, либо вертолеты, которые могут оснащаться эффективным ВТО.

Тем более это трудно сделать, когда процесс ограничения противоречит двум другим тенденциям — повышению качества ВВТ и его расползанию по всему миру. Одновременно делать и первое, и второе невозможно. Особенно, когда этого не хочется. И это находится вне долгосрочной стратегии.

[1] Мясников Е. В. Сменщики «Сатаны» и «Минитмена» заступают на боевой пост // Независимая газета. 2012. 28 сентября / http://nvo.ng.ru/armament/2012-09-28/11_satan.html

Видимо, следует исходить из того, что в среднесрочной перспективе придется смириться с тем, что неядерные вооружения будут все более приобретать контрсиловой потенциал, точнее — потенциал упреждающего первого удара.

Вместе с тем, необходимо сформулировать перспективную повестку дня, когда после очередного витка гонки вооружений все равно придется вернуться к переговорам по их ограничению. Тем более, что некоторый позитивный опыт есть. «Некоторые типы неядерных вооружений ранее являлись предметом договоренностей между Россией и США по сокращению СНВ, и на них распространялись ограничения и меры транспарентности — полагают эксперты. И приводят пример: «В настоящее время наметилась тенденция вывода таких вооружений из-под ограничений.

Наиболее яркий тому пример — тяжелый бомбардировщик B-1B. Этот тип вооружений более не является предметом Договора о СНВ. Перестали также действовать ограничения на районы базирования B-1B вне национальной территории, и США более не обязаны уведомлять о перемещениях бомбардировщиков этого типа»[1].

Можно привести множество других примеров, иллюстрирующих эту тенденцию — от создания ГЗЛА и СКР до ударных беспилотников. Причем не только в США, но и в России. Остановимся на одном, может быть, не самом известном. Как отмечают эксперты, в 2013 году Минобороны России начнет оснащать многоцелевые лодки проектов 971 «Щука-Б» и 877 «Варшавянка» крылатыми ракетами «Калибр», способными поражать наземные цели с расстояния свыше 300 км. Причем залпы производятся из обычных 533-миллиметровых торпедных аппаратов, которыми оснащена любая со-

[1] Мясников Е. В. Сменщики «Сатаны» и «Минитмена» заступают на боевой пост // Независимая газета. 2012. 28 сентября / http://nvo.ng.ru/armament/2012-09-28/11_satan.html

временная лодка. «Калибр» практически невозможно сбить даже самым современным системам ПВО, включая наши отечественные С-300 и С-400. А залп из внезапно всплывшей подлодки может уничтожить сразу несколько ключевых объектов противника. Все это делает многоцелевые лодки, которые сейчас предназначены только для морских боев, универсальным оружием (т. е. способным поражать цели, расположенные вдали от побережья. — *А. П.*), — считают в главкомате ВМФ[1].

В этом смысле возможности американской системы ПРО достаточно ограничены и вряд ли смогут быть увеличены в короткие сроки даже после создания новых типов ракет-перехватчиков. Но это и не очень беспокоит США, поскольку они не предполагают защищаться от российских подводных лодок потому, что планируют уничтожить их в первом ударе. Другого объяснения просто не существует.

Не беспокоят США и другие возможности новой подводной лодки, а именно: «Поражает и точность «Калибра» — подлодка сможет попасть в наземную цель размером в 1–2 м. Кроме того, 400-килограммовая боевая часть ракеты уничтожит любой защищенный объект, а в противокорабельном варианте — потопит любой корабль размером с крейсер[2].

Но морским или наземным компонентами Вооруженных Сил России эта тенденция не ограничивается. «В авиации она проявляется в развертывании (с определенными трудностями) нового фронтового бомбардировщика СУ-34, способного применять высокоточное оружие в любых условиях, не входя в зону поражения ПВО противника (до 50 км)[3], что, однако, меньше, чем зона поражения РАС-3 (150 км).

[1] Михайлов А. «Калибр» позволит российским подлодкам выбраться на сушу // Известия. 2012. 16 ноября. С. 3.

[2] Там же.

[3] Там же.

Список военных систем США и России, которые можно рассматривать в качестве стратегических неядерных, не ограничивается только вооружениями. Высказываются справедливые мнения, что к ним нужно также относить обеспечивающие системы, включающие космические средства разведки и целеуказания, противоспутниковое оружие, ударные беспилотные аппараты и кибероружие. Действительно, информационные и управляющие системы сегодня играют решающую роль. Их важность отмечалась еще в те времена, когда разрабатывались меры по ограничению РЛС и военных действий в космосе. В будущем роль управления, в особенности управления ВКО, неизбежно должна стать предметом политических переговоров и договоренностей. Создание объединенной, а тем более единой системы ПВО, например, СНГ уже стало проблемой, которую не смогли решить 20 лет в рамках Содружества.

Но, с точки зрения переговоров с США, видимо, придется ограничиться какими-то отдельными системами ВВТ, имеющими наиболее дестабилизирующий характер. И совсем не обязательно, чтобы этот список рассматривался в контексте логики ограничения СНВ. «Очевидно, если российская сторона желает добиться прогресса в дальнейшем сокращении ядерных вооружений, то придется ограничить этот список, определив приоритеты. На данный момент создается впечатление, что в списке приоритетов только МБР и БРПЛ в неядерном оснащении, а также типы вооружений, которые разрабатываются в США в рамках программы «Быстрый глобальный удар»[1], — справедливо отмечают эксперты. Что, конечно же, не может являться долгосрочной перспективой. Нужно думать о неизбежности расширения предмета переговоров.

Но пока таких переговоров нет, необходимо понимать важность происходящих процессов в ВВТ и военном искус-

[1] Мясников Е. В. Сменщики «Сатаны» и «Минитмена» заступают на боевой пост // Независимая газета. 2012. 28 сентября / http://nvo.ng.ru/armament/2012-09-28/11_satan.html

стве, полагая, что процесс ограничения вооружений зависит преимущественно от того, насколько потенциальный противник может угрожать с помощью этих вооружений или передав такие вооружения своим партнерам по военно-политической коалиции. В этой связи одно из наиболее перспективных направлений — развитие евразийской интеграции в области ВКО, — которое может в реальности оказаться единственным средством давления в целях ограничения производства и размещения ВТО в Евразии.

Евразийская интеграция и стратегические неядерные вооружения

Третий президентский срок Владимира Путина привел к смене приоритетов в российской внешней политике, сделав ее главным ориентиром Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР). Новые амбиции Москвы стать центром Евразии путем ускоренной интеграции в АТР подтвердил саммит Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС) во Владивостоке. Однако вопрос о том, принесет ли новый тренд реальные дивиденды российской модернизации, остается открытым[1]

С. Строкань

Развитие стратегических неядерных вооружений уже превратилось в политическую проблему. Как показал опыт войны в Ливии и Ираке, страны, обладающие таким оружием, способны решать свои внешнеполитические задачи не прибегая к помощи мощных сухопутных армий или ядерному оружию.

Для государств Евразии, чья относительная неуязвимость характеризовалась в том числе удаленностью от побережья, массовое производство ВТО и средств управления привело к тому, что политический диктат стал вновь возможен. Если, конечно, эти страны не будут обладать современными средствами ПРО–ПВО.

Процесс евразийской интеграции встречает откровенно негативную реакцию со стороны США и ряда их союзников. Что совершенно понятно. Но этот процесс, особенно в области создания объединенной ВКО, — единственное средство для евразийских государств защититься от воздушно-космического нападения. Так, например, система С-300 способна эффективно уничтожать все существующие ЛА на любых высотах и на

[1] Строкань С. Евроокно в Азию / Эл. СМИ «Коммерсант. Укр. 2012. 12 августа / http://www.kommersant.ua

расстоянии более 200 км. Она сегодня является единственной системой в мире превосходящей по своим характеристикам комплекс «Пэтриот».

Другая система — С-400 «Триумф», — которая развертывается в настоящее время в ряде регионов России, обладает еще лучшими характеристиками. На подходе новая система — С-500, — которая будет способна уничтожать межконтинентальные баллистические ракеты. Иными словами, для того, чтобы «перекрыть» весь спектр возможных угроз — от ЛА, летящих на высотах в несколько метров до баллистических ракет — необходима система, объединяющая разные по своему назначению комплексы и, конечно, система обнаружения, сопровождения и наведения. Одному государству создать такой комплекс не под силу.

Таким образом евразийские государства оказываются перед выбором. Либо признать свою уязвимость от угрозы массированного воздушно-космического удара средствами ВТО и так или иначе подчиниться политическому давлению, либо создавать собственную или общую систему ВКО, гарантирующую от такой угрозы.

Перед таким выбором так или иначе будут стоять все страны, включая те, которые покупают системы ПРО–ПВО как у США, так и России. Обслуживание этих систем, подготовка кадров — та же самая зависимость. Но в случае с Россией эта зависимость превращается в сотрудничество, а в случае с США — переходит из зависимости во внешнюю управляемость. Как заметил заместитель руководителя «Рособоронэкспорта» В. Комардин, «Мы предлагаем индийским вооруженным силам нашу ЗРС большой дальности С-300ВМ („Антей-2500“)», — уточнил Комардин, добавив при этом, что система ПВО в Индии построена на американских и израильский технологиях, поэтому России будет непросто победить. Вместе с тем замглавы «Рособоронэкспорта» подчеркнул, что Россия предлагает Индии комплексные системы.

Мобильная многоканальная зенитная ракетная система С-300ВМ («Антей-2500») предназначена для поражения со-

временных и перспективных самолетов тактической и стратегической авиации, в том числе выполненных с применением «стелс»-технологий, баллистических ракет средней дальности, оперативно-тактических и тактических ракет, аэробаллистических и крылатых ракет, а также самолетов радиолокационного дозора и наведения, разведывательно-ударных комплексов и барражирующих постановщиков помех[1].

Развитие интеграционных процессов в военно-политической области, в частности, создание евразийской ВКО, как главного элемента обеспечения региональной безопасности, зависит от готовности государств — участниц к тесному военно-политическому и военно-техническому сотрудничеству. Понятно, что степень такой готовности будет разная. И она во многом сегодня определяется интеграционными процессами в других областях. Что, конечно, совершенно неправильно. Так, в июле 2006 г. на неформальном саммите президент Казахстана выдвинул идею «разноскоростной интеграции», в соответствии с которой в СНГ может быть выделено ядро государств, готовых перейти от переговоров об условиях объединения непосредственно к самому объединению. Эта идея впервые была озвучена еще в 80-е годы XX века применительно к интеграции в рамках ЕЭС, но разница заключается в том, что в то время в ЕЭС уже были достигнуты результаты в военно-политической интеграции. Он предложил план реформирования Содружества, включающий пять направлений: миграционная политика, транспорт, образовательная система, вопросы борьбы с вызовами сегодняшнего дня и гуманитарная проблема.

Лидеры стран СНГ предложили расширить этот список, добавив в него вопрос о формировании единого подхода в международных вопросах и общего пространства в части оборонной политики.

Формирование Евразийского экономического союза Беларуси, Казахстана и России было объявлено в качестве главной

[1] Россия планирует участвовать в тендере на поставку в Индию систем ПВО / Цит. по: Эл. ресурс «Евразийская оборона». 2013. 7 февраля / http://eurasian-defence.ru

цели дальнейшего развития интеграции в Декларации о евразийской экономической интеграции, подписанной главами государств-членов Таможенного союза (ТС) 18 ноября 2011 года. Одновременно был подписан Договор о Евразийской экономической комиссии (ЕЭК), которая призвана выполнять функции наднационального регулирующего органа ТС и Единого экономического пространства (ЕЭП).

Таким образом, на постсоветском пространстве сформировалось ядро интеграционных процессов, направленное на формирование Таможенного союза и Единого экономического пространства трех стран — Беларуси, Казахстана и России.

Углубление экономической интеграции на евразийском пространстве является стратегической целью на ближайшие два года. Стоит задача добиться полномасштабной реализации четырех свобод — движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы. Сегодня экономическая интеграция находится в фазе Таможенного союза, который заработал в полномасштабном формате с середины 2011 года. Это первая свобода — движения товаров. Но и в ней остаются достаточно серьезные секторальные и горизонтальные изъятия из свободы движения товаров: лекарственные средства, алкоголь, табак и огромный ряд других товаров, которые остаются в зоне национального регулирования.

С начала 2012 г. идет работа по формированию ЕЭП, по завершению которого в 2015 г. планируется перейти к следующему уровню интеграции — созданию евразийского экономического союза. Чтобы перейти к договору о евразийском экономическом союзе в период до 2015 г. необходимо завершить кодификацию норм ТС и ЕЭП (а это разработка 52 документов, дополняющих 17 базовых соглашений, которые сформировали основу ЕЭП) и формулирование новых задач углубления интеграции на ближайшую перспективу. Три указанных направления лежат в основе договора о евразийском экономическом союзе.

В идеале стыковка военно-политических подходов в сфере ВКО и текущих интеграционных процессов на постсоветском пространстве в сфере экономики могла бы осуществиться путем включения в проект договора о евразийском экономическом союзе общих принципов политического сотрудничества и положений о стремлении к координации политики обороны, как это было сделано в Едином европейском акте 1987 года. Но с учетом того, что указанный проект договора должен быть подготовлен правительствами Беларуси, Казахстана и России до 1 мая 2014 г. и пройти внутригосударственные процедуры до 1 января 2015 г., а общественной дискуссии по данному вопросу нет, сделать это будет крайне непросто.

Действительно в вопросе о дальнейшем развитии интеграции у Беларуси, Казахстана и России на данный момент нет согласованного подхода. Ни в Декларации о евразийской экономической интеграции 2011 г., ни в других документах, речь не идет даже о валютном союзе, не говоря уже о координации политики обороны и безопасности.

Разговор о тех границах интеграции, к которым готова подойти каждая из сторон, только предстоит. В условиях, когда работа над ЕЭП еще далека от завершения, такие предложения по дальнейшему углублению интеграции как выработка согласованной промышленной, аграрной, научно-технической политики или создание парламента ЕЭС, всячески пресекаются национальными правительствами и расцениваются как преждевременные. ЕЭП еще только будет дополнен функциями антимонопольного регулирования и контроля, согласования макроэкономической политики, гармонизации налоговых систем, регулирования ж/д перевозок и энергетического рынка. Также должны быть решены вопросы задачи расширения интеграционных процессов в отношении дальнейшего участия в них двух оставшихся членов ЕврАзЭС — Кыргызстана и Таджикистана.

При всех особенностях евразийской интеграции на современном этапе она идет в экономических рамках, которые заданы правилами ВТО. Для дальнейшего направления и углубления этого процесса необходима разработка и принятие единой стратегии развития, только в рамках которой возможно достижение синергетического эффекта интеграции.

В декабре 2012 года принято решение о создании объединенного командования ВКО. Пока что это важное решение скорее декларация о намерениях. Нужны весьма срочные, даже радикальные меры по военно-политической и военной интеграции. Причем во многом они будут зависеть от возможностей российского ОПК обеспечить новейшими ВВТ своих союзников. Между тем ставка на заимствование зарубежных технологий приводит к закономерным провалам. Так, как это случилось, например, с ГЛОНАСС, от которой «вежливо» отказываются союзники по СНГ. Причина — ненадежность тайваньских микросхем и сомнительные кадровые решения[1].

[1] Мясников В. Надежды Минобороны на ГЛОНАСС не оправдались // Независимая газета. 2012. 21 декабря. С. 1, 4.

Теоретически, сложившаяся в ОДКБ к концу 2012 г. стратегия «кризисного реагирования» предусматривает коллективные действия для защиты безопасности, стабильности, территориальной целостности и суверенитета государств-членов, а также совместные усилия по противодействию вызовам и угрозам и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций. Реализовать эту стратегию призваны Коллективные силы оперативного реагирования (КСОР), решение о создании которых принято в феврале 2009 г. Но это только теоретически. Пока что дело ограничивается заявлениями, а КСОР остаются малоэффективным и неиспользуемым военным инструментом.

Процесс возрождения единого оборонного пространства ОДКБ при лидирующей роли России, как представляется, должен идти параллельно по трем направлениям: собственно военному, военно-политическому и военно-техническому. При этом необходимо учитывать, что основное преимущество РФ перед

США и их союзниками в Евразии состоит в том, что только у России существует реальная возможность в сжатые сроки наращивать группировки войск в западном и южном регионах, а также в регионе Центральной Азии. Это хорошо понимают, например, в Китае, который рассматривает в последние годы Россию в качестве главной стабилизирующей силы в Евразии, способной сдерживать американскую политику «управляемого хаоса».

Стратегия «управляемого хаоса» в Евразии — реальная политика США в Евразии, которая абсолютно не приемлет евразийскую интеграцию в любой ее форме, о чем недвусмысленно заявила Х. Клинтон в конце 2012 года. Эта стратегия дестабилизации политических режимов требует военно-силового обеспечения, которое (как показал опыт Афганистана и Ирака) отнюдь не ведет к окончательной победе или формированию дееспособных государств. Цель в другом — с помощью новейших систем ВТО угрожать политическому руководству этих стран, требуя от него соответствующих действий, а в случае неудачи — использовать оружие непосредственно. Поэтому, когда говорят о «провале» политики США в Афганистане и Ираке, имея в виду стабилизацию обстановки, то надо полагать, что это не являлось главной целью США. Целью была дестабилизация и хаос. При этих условиях США, инвестируя не в инфраструктурные проекты, а в дестабилизацию, получают искомый результат.

Публично, конечно, об этом говорится мало. В официальных документах такие цели замаскированы и носят скрытый характер.

Военное направление возрождения единого оборонного пространства ОДКБ в силу объективных причин распадается на три относительно автономные региональные направления: восточноевропейское (Россия — Белоруссия), кавказское (Россия — Армения) и центральноазиатское (Россия — страны бывшей Средней Азии и Казахстан). При этом возрождение единого оборонного пространства возможно в несколько этапов[1].

[1] Захаров В. Евразийский проект // Национальная оборона. 2012. Август. № 8.

Евразия и стратегические неядерные вооружения

Без всякой иронии мы должны быть признательны и США, и ЕС … за честное и не слишком запоздалое раскрытие карт, за прекращение затянувшегося спектакля под названием «К России — с любовью…[1]

А. Торкунов,
ректор МГИМО(У)

Геополитически, Евразия всю свою новейшую историю находилась вне угрозы массированного использования неядерных вооружений. После многочисленных войн, в ядерную эпоху, она оказалась относительно неуязвимой: вооруженные конфликты второй половины XX века показали (Корея, Вьетнам, Афганистан), что великие державы далеко не всегда могут использовать свое могущество в Евразии.

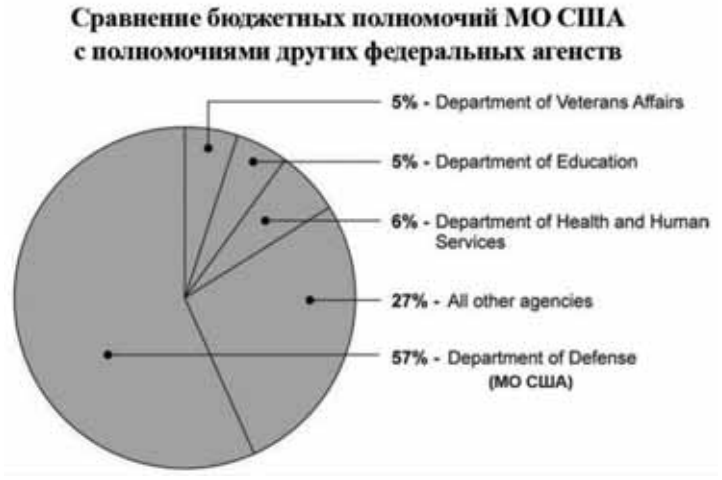

[1] Торкунов А. В. По дороге в будущее. М.: Аспект Пресс, 2010. С. 198.

Ситуация стала радикально меняться в XXI веке, когда в массовом порядке стало распространяться неядерное ВТО, способное решать стратегические задачи. Политически — как это было в Югославии, Ираке, Ливии — это означало, что у великих держав появилась эффективная возможность использования военной силы. Что немедленно отразилось на структуре государственного бюджета США.

Отдельно существует проблема организации совместного противодействия государств Евразии стратегическим неядерным вооружениям, развертываемым США вблизи континента и на его территории.

В концепции военного строительства США формально декларируется отказ от многолетней позиции, в соответствии с которой американская армия должна была быть способна вести две крупные войны одновременно. В настоящее время ставится другая цель — борьбы и сдерживания, т.е. участие в одном крупном конфликте при одновременном сдерживании на другом стратегическом направлении как максимум. Согласно новой стратегии, США планируют как можно дольше кооперировать с союзническими и коалиционными силами. При этом необходимо значительно сократить наземные

[1] Statement of Asif A. Khan, Director Financial Management and Assurance. Challenges in Attaining Audit Readiness and Improving Business Processes and Systems. GAO-12-642T, April 18, 2012. DOD Financial Management / http://www.gao.gov/assets/600/590203.pdf

войска и больше полагаться на потенциал авиации и флота, чтобы сдерживать Китай или таких противников, как Иран или Северная Корея. Сокращение армии требует и менее интенсивного военного присутствия в Европе. В то же время США перенесут центр тяжести военной силы в АТР, а их присутствие на Ближнем Востоке сохранится столь же значительным. Военно-силовой приоритет государства хорошо иллюстрирует распределение федерального бюджета США по основным направлениям, среди которых на МО США приходится более 57% расходов.

В стратегии дестабилизации Евразии огромная роль принадлежит неядерным стратегическим вооружениям. С точки зрения воздушно-космических средств нападения и обороны следует отметить появление двух новых принципиальных моментов.

Во-первых, воздушно-космическое пространство фактически уже превратилось в единую область для ведения боевых действий от высот в несколько десятков метров до сотен километров. Сегодня крайне трудно, если вообще возможно, выделить зоны ответственности ПРО и ПВО как по высоте обнаружения и сопровождения целей, так и по возможностям их поражения. Это неизбежно ведет к появлению новых видов и систем оружия, «расширению» военного соперничества на новые области, а также к разработке новых способов ведения боевых действий. Так, в США много внимания уделялось развитию беспилотников, тогда, как в России эти программы оказались в забвении. Теперь и в нашей стране создан специальный центр беспилотных программ, который должен определить перспективы этих систем оружия на ближайшие три года[1].

[1] Центр беспилотных программ Генштаба РФ определит повестку на три года / 26 декабря 2012 г. / http://eurasian-defence.ru

Применительно к государствам Евразии это означает, что прежний «войсковой» подход развития ВВТ стал малоэффективным. Для защиты требуется комплекс средств, которыми большинство государств Евразии в принципе обладать не могут, — от космических систем до систем ПВО–ПРО ближней, средней и большой дальности. Причем интегрированных в единую систему. И не только территории страны, но ряда стран.

Это возможно только при тесной кооперации нескольких государств Евразии, причем не только военно-политической, но и военно-технической.

Во-вторых, удешевление и совершенствование ВТО и ЛА создало качественно новую ситуацию, когда КР, ГЗЛА, беспилотники и другие неядерные вооружения фактически превратились в часть стратегического наступательного потенциала, которому невозможно пока что противопоставить эффективные средства ВКО. Ответ на нападение с помощью этих средств, используя встречно-ответный удар СЯС, становится неизбежным, что требует ясного оформления в Военной доктрине России, Концепции национальной безопасности и Концепции внешней политики страны.

Но это же справедливо и для других евразийских государств, включая те, у кого есть ядерные силы сдерживания. Непонятно, например, как будет вести себя Китай, если оценки некоторых экспертов свидетельствуют, что с помощью ВТО в неядерном оснащении может быть уничтожено 100% стратегических целей страны.

Тем более ситуация становится практически безвыходной для других государств. Опыт Ливии показал, что достаточно нескольких дней, чтобы дезорганизовать сопротивление и уничтожить потенциал обороны.

Перспективы развития средств поражения и информационных средств воздействия таковы, что следует ожидать уже

в самом ближайшем будущем радикальных изменений во всем балансе стратегических (ядерных) сил и средств, а также роли РВСН страны. Между тем в России сохраняется убеждение, что модернизация СЯС приведет к сохранению ракетно-ядерного паритета. Создание новых и модернизация комплексов МБР, БРПЛ и ТБ вряд ли сможет гарантировать эффективную защиту от сотен тысяч единиц ВТО, используемых с разных, практически всех, стратегических направлений. Тем более, что подлетное время таких средств все время сокращается, точность увеличивается, а координация между ними совершенствуется. Можно представить себе авианалет, в котором участвуют десятки (сотни) тысяч ударных беспилотников, гиперзвуковых и крылатых ракет, уничтожающий все стратегические цели на нашей территории. Некоторые расчеты экспертов показывают, что даже защищенные ШПУ МБР уже не являются неуязвимыми.

Кроме того, следует очень внимательно отслеживать эволюцию НИОКР, создания и развития неядерных высокоточных вооружений, концепций их использования и распространения в другие регионы планеты. Во многом это вносит и существенные коррективы в планы развертывания систем ВКО России и концепции их использования. Но не только. Похоже, что постсоветские государства слишком увлеклись своей многовекторной политикой и балансированием между различными центрами силы, не осознавая, что в конечном счете им придется все-таки определяться с приоритетами. В том числе и в военной области, прежде всего в области новейших обычных вооружений. Это политический выбор, который должны сделать все страны Евразии. В том числе, как справедливо считают эксперты, и по формированию консенсуса относительно политики в отношении США, Китая и Евросоюза[1].

Объективно возникает и вопрос о переговорах по ограничению неядерных вооружений не только в Европе, но и в Ев-

[1] Ястремский А. М. Интеграция на постсоветском пространстве: проблемы и перспективы // Мир и политика. 2012. № 10 (73). С. 103.

разии, несмотря на всю трудность этой проблемы. Следует напомнить, что еще при подписании Договора ДОВСЕ[1] в его мандате подчеркивалась важность сохранения стабильности, ликвидации потенциала для внезапного нападения[2]. Во втором десятилетии XXI века именно опасность внезапного и массированного нападения с помощью ВТО становится политической реальностью, которую необходимо перестать игнорировать. Во всяком случае эта проблема должна быть сформулирована и поставлена в повестку дня.

Потенциальная опасность непосредственного использования военной силы с помощью новейшего ВТО растет и со стороны быстро развивающихся государств. Это хорошо видно из данных, иллюстрирующих закупки вооружений. Причем КНР, например, всего лишь за 10 лет превратилась из крупнейшего импортера В и ВТ в производителя и экспортера, что хорошо видно из данных СИПРИ. Кроме того, стремительно растет импорт В и ВТ Индии, Южной Кореи, Пакистана, Турции и ряда других государств[3]. В целом военные расходы этих стран за 10 лет удвоились, а новые технологии стали фактически общедоступными.

ВТО стремительно расползается по всему миру, делая потенциальные конфликты более реальными и быстротекущими. От ВТО и систем ПРО–ПВО сегодня зависит уже не только ход военных действий, но и в конечном счете суверенитет государств. Это имеет глубокие политические последствия.

Во-первых, государства попадают в серьезную политическую и военно-техническую зависимость от поставщиков новейших ВТО и систем ВКО, которые могут диктовать уже в мирное время им свою волю. Эти системы стали одним из главных предметов политических переговоров, по-своему формируя повестку для них даже на высшем уровне.

Во-вторых, поставки этих систем становятся средством политического давления или условием развития двусторонних

[1] Договор об ограничении обычных в вооруженных силах и вооружений в Европе был подписан 19 ноября 1990 года в Париже 6 участниками / Варшавского Договора и 16 государствами НАТО. Вступил в силу 9 ноября 1992 г.

[2] Антонов А. И., Аюмов Р. Контроль над обычными вооружениями в Европе — конец режима или история с продолжением? / Научные записки ПИР-центр. 2012. № 1(27). С. 9.

[3] Ежегодник СИПРИ. 2010. Вооружения, разоружение и международная безопасность. М.: ИМЭМО РАН, 2011. С. 345.

Поставщики основных видов обычных вооружений в 2005–2009 гг.

Ранг, 2005–2009	Ранг, 2004–2008	Получатель	Объем экспорта (значение показателя тренда)						Доля в %, 2005–2009
			2005	2006	2007	2008	2009	2005–2009	
1	1	США	6600	7394	7658	6093	6795	34539	30
2	2	Россия	5321	6156	5243	6026	4469	27216	23
3	3	Германия	1875	2510	3002	2499	2473	12359	11
4	4	Франция	1633	1577	2342	1831	1851	9234	8
5	5	Велико-британия	915	808	987	1027	1024	4762	4
6	6	Нидерланды	583	1221	1322	554	608	4288	4
7	7	Италия	743	525	706	424	588	2986	3

отношений. Так, давление США привело к отказу от поставок Сирии С-300, а размещение ЗРК «Пэтриот» в Турции — означало политическую поддержку «повстанцам».

В-третьих, наличие или отсутствие систем ВТО и ВКО решающим образом влияет на соотношение военных сил в любом регионе планеты, заведомо предопределяя способность той или иной страны сохранить свой суверенитет.

Сказанное имеет непосредственное отношение к евразийской интеграции и ЕвразВКО: интеграция в области ВКО становится гарантией суверенитета и независимости государства, освобождая его от внешнего враждебного влияния. Именно это обстоятельство делает проблему ЕвразВКО одной из наиболее важных политических проблем евразийской интеграции.

Как видно из таблицы, экспортеры вооружений (кроме России) — такие развитие государства, как США, Франция,

Получатели основных видов обычных вооружений в 2005–2009 гг.

Ранг, 2005–2009	Ранг, 2004–2008	Получатель	Объем импорта (значение показателя тренда)						Доля в %, 2005–2009
			2005	2006	2007	2008	2009	2005–2009	
1	1	Китай	3511	3831	1474	1481	595	10892	9
2	2	Индия	1036	1257	2179	1810	2116	8398	7
3	4	Южная Корея	686	1650	1758	1821	1172	7087	6
4	3	ОАЭ	2198	2026	938	748	604	6514	6
5	5	Греция	389	598	1796	563	1269	4615	4
6	6	Израиль	1113	1117	859	665	158	3912	3
7	14	Сингапур	543	52	368	1123	1729	3816	3
8	7	США	501	581	731	808	831	3453	3
9	11	Алжир	156	308	471	1518	942	3394	3
10	13	Пакистан	332	262	613	939	1146	3292	3
11	10	Турция	1005	422	585	578	675	3264	3
12	23	Малайзия	51	410	546	541	1494	3041	3

Германия, Великобритания, Нидерланды, Италия, Испания, др. контролируют более 60% мирового экспорта В и ВТ, фактически устанавливая на этом рынке свои правила игры и определяя условия безопасности[1]. При этом на рынке ВТО, безусловно, доминируют США, а также их союзники — Германия, Франция и Великобритания, чья доля в экспорте вооружений к 2013 году увеличилась по некоторым оценкам до 80%. Россия, как один из крупнейших экспортеров, мало присутствует на рынке ВТО.

Говоря сегодня о евразийской интеграции, следует иметь в виду, что наиболее важная и перспективная ее область —

[1] Ежегодник СИПРИ. 2010. Вооружения, разоружение и международная безопасность. М.: ИМЭМО РАН, 2011. С. 349.

сотрудничество в создании и совместном производстве неядерных (прежде всего стратегических) вооружений и систем ВКО — остается в тени. Точнее, явно недооценивается. И политически, и военно-технически. Совместная деятельность в этой области неизбежно будет иметь следующие последствия для евразийских государств:

— укрепление их суверенитета;
— развитие фундаментальной науки и НИОКР, включая гражданские области;
— освобождение от технологической зависимости;
— создание общей научно-образовательной и производственной базы.

Поэтому будущее место ВТО и ВКО в евразийской интеграции будет зависеть во многом от адекватности в понимании правящими элитами государств значения этих систем ВВТ для их безопасности, суверенитета и социально-экономического развития. Полномасштабное военно-политическое и военно-техническое сотрудничество имеет огромные перспективы и позитивные последствия, но для этого надо выйти за рамки только экономических и правовых аспектов интеграции, которые сегодня по сути дела сконцентрировали на себе внимание всего дискурса.

На мой взгляд, необходимо решительнее выходить на обсуждение этой темы в самых разных аудиториях и на разных уровнях, не боясь критики определенной части элит в «империализме», «возврату к СССР» и т.д. Эта критика — и в России, и в СНГ, и в других странах Евразии — будет неизбежной как следствие эгоизма национальных элит, так и как результат давления извне.

10.
Практическая реализация идеи евразийской ВКО

На всем протяжении XVII–XVIII вв. именно Россия «втягивала» восточные вопросы в европейскую политику[1]

А. Торкунов,
ректор МГИМО(У)

Уже к 2015 г. … США планируют развернуть в рамках своей системы ПРО около 900 ракет — перехватчиков баллистических ракет[2]

Л. Калашников,
1-й заместитель КМД Госдумы РФ

В 2012 году четко обозначились две геополитические тенденции, от развития которых будет зависеть перспектива создания евразийской ВКО. С одной стороны, это интеграция, сочетание взаимных интересов и ценностей евразийских государств — от Белоруссии до Китая и даже от стран Западной Европы до Юго-Восточной Азии как в области экономики, безопасности, экологии, так и в других областях. Эта тенденция, очевидно, развивается не только исходя из общеэкономических, но и из военно-политических реалий и интересов, которые не всегда заметны и публично обсуждаются.

С другой стороны, четко обозначилась и позиция США и их союзников по отношению к этим процессам, озвученная Х. Клинтон в декабре 2012 года. Она заключается в том, что США сделают всё, чтобы замедлить или недопустить этот процесс. Ее позиция была категорична до предела: «Нет разницы, как это называется… Мы знаем, какова цель, и мы попытаемся найти эффективные способы замедлить или предотвратить это»[3].

Аналогичны выступления по этой проблеме и других западных политиков, которые отражают в целом доминирующую в США и ряде стран Западной Европы и структурах Евросоюза точку зрения. Противоборство разных групп правящих элит по этому вопросу во многом будет предопределять перспективы евразийской интеграции, что очень наглядно проявляется в последние годы на примере Украины.

[1] Торкунов А. В. Россия в системе международных отношений (ретроспективный взгляд) // Вестник МГИМО(У). 2012. № 5 (26). С. 47.

[2] Калашников Л. Повестка дня саммита НАТО в Чикаго: место России в планах альянса / В сб.: НАТО: мифы и реальность. Урока для России и мира. М.: Кучково поле. 2012. С. 35.

[3] Чувакин О. Евразийский союз: взгляд в будущее // Военное обозрение. 2012. 30 декабря / http://topwar.ru

Способность элит евразийских государств реализовать геополитический проект

К сожалению, сами евразийские государства слишком увлеклись «многовекторностью» своей политики, лавируя и пытаясь извлечь максимальную выгоду из происходящих в Евразии турбулентных процессов. Даже один из авторов евразийской идеи и интеграции в ее современной интерпретации Н. Назарбаев, озвучивая стратегию «Казахстан–2050», обозначил перспективу для своей страны как «отдельно взятого государства вне конъюнктуры блоков, союзов, объединений»[1]. Очевидное противоречие между идеей евразийской интеграции и заявлением о том, что страна будет «вне конъюнктуры … объединений» — налицо.

Таким образом, в ближайшие годы практическая реализация идеи коллективной обороны Евразии и создание объединенной ВКО будет зависеть от того, насколько одна из тенденций станет преобладающей в самих государствах Евразии. Победит ли вновь эгоизм и недальновидность национальных элит, либо они признают реалии и наконец-то выберут ясный курс на интеграцию и создание евразийской системы безопасности. Это касается в том числе и России, где достаточно сил, которые не хотели бы реализации этого проекта, и которые активизируются по мере его продвижения.

В конечном счете все будет зависеть от способности национальных элит адекватно оценить те коренные изменения, которые произошли в последние десятилетия в мире, характере, способах и средствах использования военной силы. И прежде всего с точки зрения «социализации» войны, превращения ее из инструмента политики, направленного про-

[1] Противоречивый Назарбаев // Военное обозрение. 2012. 29 декабря / http://topwar.ru

тив государства, в инструмент, направленный против нации и общества. Некоторое представление об этих изменениях дают оценки экспертов[1].

[1] Вооруженные Силы Российской Федерации: модернизация и перспективы / под ред. И. Коротченко. М.: Национальная оборона, 2010. С. 34.

Сравнение некоторых характеристик прежних и будущих войн и конфликтов

Характеристики	Прежние войны и конфликты	Войны и конфликты будущего
Восприятие угрозы	Агрессия, ядерная война	Широкий спектр угроз
Основные субъекты	Государства и их коалиции	Государства и негосударственные структуры. Коалиции создаются для решения краткосрочных задач
Пространственный размах военных действий	Ограниченный, локальный	Глобальный. Завершение трансформации традиционного поля боя в боевое пространство
Основное содержание и цель военных действий	Разгром вооруженных сил противника, захват его территории	Дезорганизация государства и общества, подрыв боеспособности вооруженных сил, смена политического режима
Приоритетные объекты поражения	Личный состав вооруженных сил, вооружение и военная техника	Системы государственного и военного управления, критические объекты инфраструктуры
Роль армии в нейтрализации угроз	Нейтрализация военных угроз	Армия — целостный универсальный военно-силовой инструмент
Основной компонент военной силы	Массовые армии	Относительно небольшие профессиональные армии, негосударственные вооруженные формирования
Основные функции военнослужащего	боец, менеджер, техник	боец, полицейский, дипломат, социальный работник
Численность гражданского персонала в армии	низкая	высокая
Роль гражданского компонента в войнах и конфликтах	низкая	высокая

Исторически Россия являлась многие века тем политическим игроком, который неизбежно оказывался в эпицентре отношений Европы и Азии на всем евразийском континенте. И сегодня в противовес опасной и дестабилизирующей политики США, необходимо предложить ясную политическую инициативу, перспективную с точки зрения безопасности для всех государств, включая членов НАТО. «Нам обязательно нужен свой геополитический проект, на базе которого станет возможным построение российского „центра силы“ и геополитического пространства вокруг него»[1], — считает генерал-полковник Л. Ивашов. И таким проектом может стать ЕвразВКО.

[1] Ивашов Л. Геополитика и проблема «геополитического одиночества» // Мир и политика. 2012. № 4. С. 12.

Именно «геополитический проект», способный объединить в интересах безопасности многие страны Евразии, которые сегодня разъединены. Так же, как в свое время объединились страны Евросоюза именно на военно-политической основе.

Сегодня страны Евразии не просто разобщены. Они нередко угрожают друг другу, а иногда даже вступают в военные конфликты. И им — всем вместе — угрожают извне. Причем использование высокоточных воздушно-космических вооружений может реально превратить их в объект прямой угрозы и шантажа уже в среднесрочной перспективе.

Достаточно посмотреть на карту, на которой видно, что США и относительно благополучная западная европейская часть Евразии сегодня могут доминировать не только в Европе, но и в Азии. Ровно так же, как это происходит сегодня в Афганистане и Ираке: Иран, страны Средней Азии, государства Юго-Восточной Азии — первые потенциальные объекты для политического шантажа и прямого использования военной силы — воздушно-космического нападения с помощью ВТО.

Из этого списка отнюдь не выпадают и Россия, и Казахстан. Скорее даже именно Казахстан может стать одной из первых стран, которые, следуя западной логике, подвергнутся поли-

тическому давлению и, возможно, нападению. Именно из-за ключевой геополитической роли страны в Евразии.

Учитывая ту приоритетную роль, которую приобрели в последние годы средства воздушно-космического нападения и обороны, можно предположить, что именно они станут тем реальным политическим и военным инструментом, который будет обеспечивать геополитические интересы Запада в Евразии. Именно поэтому объединенная система ВКО становится по сути единственным средством, способным нейтрализовать подобные амбиции. Соответственно именно поэтому задача создания евразийской ВКО становится самой приоритетной.

Понимая все политические, военные и технологические трудности, неизбежно вытекающие из постановки этой задачи, можно полагать, что только адекватность правящих элит в осознании реальности угрозы и необходимости её противодействия может стать той основой, на которой будет реализована идея евразийской ВКО. На трудностях ее создания следует остановиться подробнее, оставляя за скобками внимания смежные проблемы — КВ, СЦВ, системы управления вооруженными силами, — которые, конечно же, имеют важное значение.

Трудности в создании евразийской ВКО

Решение любой крупной задачи неизбежно сопровождается известными и неизвестными, возникающими как в процессе ее постановки, так и реализации, трудностями и проблемами. Важно сформулировать политическую цель, наметить сроки и выделить ресурсы, а не исходить изначально из невозможности решения такой задачи.

Есть и другая точка зрения, которой, например, придерживается сотрудник Института США и Канады М. Старчак. Он выдвигает следующие аргументы, чья суть, по его мнению, «ставит под сомнение создание эффективной ЕС ПВО ЦА»[1]. Приведем их коротко, хотя их перечень, в целом, отражает спектр аргументов противников создания объединенной ВКО.

Аргумент № 1. Системы ПВО стран ЦА давно морально и физически устарели.

[1] Старчак М. В. Единая система ПВО Центральной Азии: проблемы создания. 2012. 26 декабря / http://eurasian-defence.ru

Действительно, это так, но создание ЕвразВКО предполагает изначально не использование устаревших вооружений, а оснащение всей Объединенной системы ПВО СНГ (а, возможно, и других стран) новыми системами оружия российского производства. Других просто нет. И в ближайшие годы не будет. Проблема устаревших средств ВКО характерна для всех евразийских стран, включая Россию, но это не непреодолимая проблема ни для России, ни, тем более, для ее потенциальных союзников. Она вполне может быть решена поэтапно, в течение 7–10 лет.

Аргумент № 2. Финансовый. Никто, кроме Белоруссии, пока средств на создание ОС не выделяет. Но, во-первых, это только пока, а, во-вторых, создание таких систем и подготовка специалистов выгодны России. И нашей стране —надо отчетливо это понимать — придется за это платить. Тем более, что масштабы возможного участия других стран крошечные. Они не являются и не будут являться реальным финансовым источником, хотя перспектива участия в евразийской ВКО не исключает такие мощные экономики как экономики стран Китая, Индии и стран Евросоюза. Тем более не исключается новый уровень ВТС в области ВКО..

Аргумент № 3. Поддержание боеготовности. По сути аналогичен второму. Здесь не надо также питать иллюзий — запчасти и модернизация будут проводиться Россией, преимущественно за счет аренды военных объектов, на которых будут устанавливаться системы, обеспечивающие безопасность в том числе и России.

Аргумент № 4. Позиция Узбекистана. Эта позиция будет зависеть во многом от России, а надежность этой страны — от позиции руководства страны. Проблема, конечно, есть, но ровно такие же проблемы есть и всегда будут и у других стран. Их надо и можно решать.

Аргумент № 5. Необходимость кардинального перевооружения национальных систем ПРО СНГ на современные ЗРС

и ЗРК, что в условиях ограниченных финансовых ресурсов государств СНГ потребует значительных временных затрат. Действительно, для создания ВКО Евразии потребуется какое-то время. Но, во-первых, этот процесс будет проходить поэтапно (как, впрочем, он проходит и в США), создавая на каждом из этапов новые возможности обороны. Во-вторых, можно прогнозировать, что глобальная ПРО США будет создана к 2023–2025 годам, а региональные системы ПРО на Ближнем Востоке и в Юго-Восточной Азии до тех пор не смогут гарантировать безопасность при попытке нанести первый удар.

Аргумент № 6. Военное обоснование ЕС ПВО Центральной Азии — оценка угрозы, которая сводится только к Ирану и Китаю, не соответствует действительности. Средства нападения могут использоваться со всех стратегических направлений, где расположены СЯС США или стратегические неядерные вооружения США и их союзников — от Пакистана и Японии до морского компонента на севере и северо-западе.

Неизбежность военно-политической интеграции и нового уровня ВТС в Евразии

Думается, что пространственный охват системы евразийской безопасности не должен ограничиваться созданием единой системы ВКО России, Белоруссии и Казахстана, что уже представляется реальностью с подписанием соответствующих соглашений по объединенной ПВО и намерениями подписать аналогичные соглашения с Арменией, Киргизией, Таджикистаном и, возможно, Узбекистаном (пока что с последним государством приостановлена работа над документами по единой ПВО Центрально-Азиатского региона)[1]. Таким образом, в практическую плоскость постепенно переходит решение вопроса о создании объединенной ПВО, который в дальнейшем может быть продвинут до создания единой системы ВКО — (ПРО и ПВО) ряда евразийских государств.

Следовательно вполне возможно уже сегодня перейти от декларации об объединенной ПВО СНГ к созданию единой (или на первом этапе — объединенной) системы ВКО стран СНГ. Это выглядит вполне логичным. Как уже говорилось, границы между воздушным и космическим пространством с военной точки зрения условны. Они будут ещё более условными с появлением у третьих стран высокоточных неядерных СКР, ГЗЛА и ударных БПЛА, способных выполнять стратегические функции, в т.ч. нанесение ударов по политико-административным целям. И правящие элиты евразийских государств должны это понять.

Речь идет фактически о том, чтобы предотвратить дальнейшее развитие ситуации в Евразии в дестабилизирующем

[1] Президент России поручил подписать соглашение с Казахстаном о единой системе ПВО / Эл. ресурс «Евразийская оборона». 2012. 6 ноября / http://eurasian-defence.ru

направлении, чреватом новыми военными конфликтами, создать зону стабильности на континенте. Ее основой может стать единая система ВКО Евразии, которая могла бы гарантировать с военно-технической точки зрения такую стабильность. Зона стабильности Евразии может стать первым шагом в открытом для всех евразийских стран проекте обеспечения безопасности. В противном случае произойдет сначала разделение, а затем и противопоставление территорий безопасности, как это произошло де-факто в ОБСЕ. Например, на европейскую и центральноазиатскую. Это — политическая сторона проблемы. Понятно, что именно дестабилизации в Евразии хотят США. Но кроме них этого же хотят и некоторые представители национальных элит, для которых такая дестабилизация означает возможность захвата политической власти.

Другая сторона проблемы создания объединенной ВКО Евразии заключается в том, что создание многих ее компонентов не под силу — экономически и технологически — одному государству. Например, создание замкнутого радиолокационного поля раннего предупреждения о ракетном нападении (ПРН) и ВКО. В России, например, нынешняя система ПРН построена

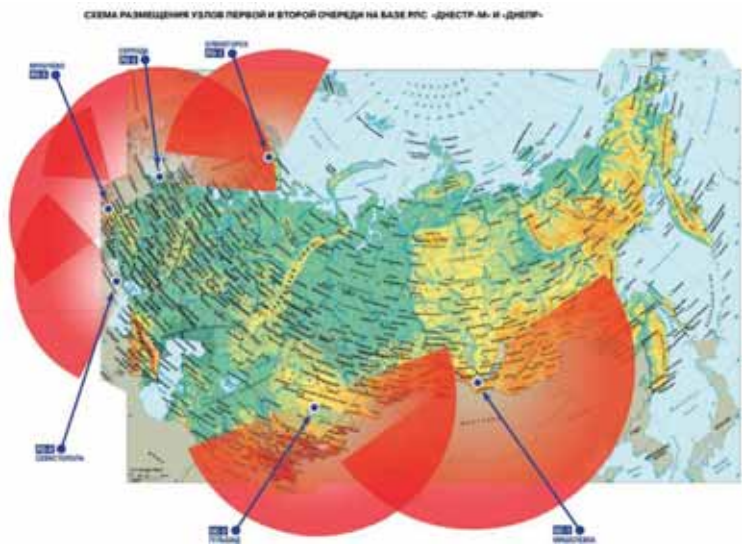
из двух эшелонов — группировки спутников раннего предупреждения и наземных сверхмощных надгоризонтных радиолокационных станциях. «Космический эшелон ПРН был введён в эксплуатацию относительно недавно. Первая серия спутников наблюдения за местами пусков на территории противника начала работу с 1982 года и окончательно сформирована запуском девятого космического аппарата только в 1987 году. Система имеет название «Око». В дополнение к ней, с 1991 года реализовывалась программа «Око-1», которая позволяла вести наблюдение не только за стартовыми площадками на территории противника, но и за всеми потенциально опасными районами суши и мирового океана. Технические возможности спутников второй серии существенно выше, чем у первого поколения. Для обновления группировки с 2001 по 2008 годы запущено четыре новых спутника системы ПРН. Дальнейшее развитие первого эшелона ПРН будет строиться на принципиально новых платформах космического базирования.

Система наземных радиолокационных станций ПРН имеет более давнюю историю. Первые загоризонтные РЛС типа «Днестр-М» и «Днепр» были построены ещё в 60-х годах прошлого века. В 1970-х их дополнили РЛС противоракетной обороны Москвы типа «Дунай», интегрированные в общую систему. В 1980-х годах для противодействия стратегическим крылатым ракетам и средствам нападения, выполненным по технологии «Стелс», в районах городов Печора и Габала были возведены станции нового поколения, типа «Дарьял»[1], — отмечает А. Горбенко.

[1] Горбенко А. Новости воздушно-космической, противоракетной и противовоздушной обороны. 15 мая 2012 / Эл. ресурс: http://www.odnako.org

Модернизации средств ПРН уделяется особое внимание, в том числе и созданию принципиально новых, например, оптико-электронных средств. Однако все они требуют огромных экономических и материальных затрат, на которые пока что способны только США и Россия. Очевидно, что отдельные евразийские государства еще долго не смогут создать нечто подобное. Китай только приступил к решению задачи.

Проблема сотрудничества в области ВКО между евразийскими государствами становится особенно актуальной, если перспектива ограничения СНВ и обычных вооружений окажется под вопросом[1]. Что вполне реально.

Предполагается, что концепция евразийской ВКО может быть реализована поэтапно, через развитие политического и военно-технического сотрудничества, открытого для всех евразийских государств (включая страны Евросоюза, Иран, КНДР). При этом, «неожиданно» интерес к такому сотрудничеству могут проявить Вьетнам, Мьянма, да и другие государства Евразии. Пока что только Россия, Белоруссия и Казахстан подписали Договор о создании Единой системы ПВО, хотя Объеди-

[1] Новикова Д. О. Создание общеевропейской системы ПРО и перспективы участия в ней России в оценках западных политиков и аналитиков / Эл. ресурс «Евразийская оборона. 28 октября 2012 г. / http://eurasian-defence.ru

ненная система ПВО стран, входящих в СНГ, была декларирована практически одновременно с СНГ еще в начале 90-х годов XX века. Объединенная система ПВО предполагала контроль за воздушным пространством по границам этих государств, а также над ними, и передачу информации об обстановке в небе, как говорят военные, в режиме реального времени (то есть секунда в секунду с происходящим) на Центральный командный пункт российской системы ПВО, расположенный в подмосковном поселке «Заря» (в Балашихе). Кроме того, эта система предполагала поставки боевой техники ПВО по льготным ценам, проведение тактических учений армий, входящих в договор, на российских полигонах, а также другие действия. Но ограничивала право принимать решение по пресечению полета того или иного нарушителя границы собственным командованием ПВО[1].

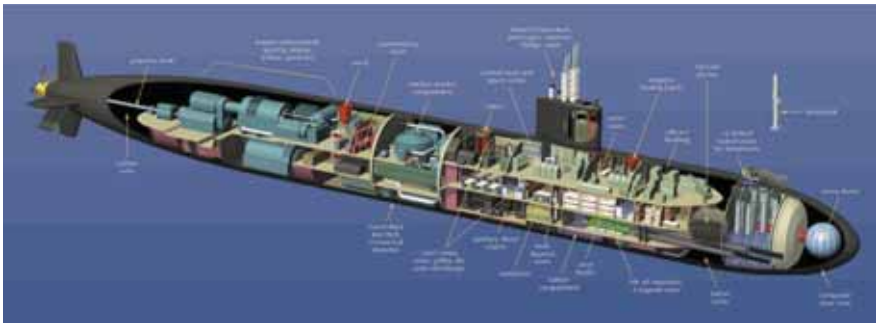
Однако с расширением НАТО на восток и с усилением террористических угроз эффективность идеи создания Объединенной системы ПВО стала выглядеть уже недостаточной. В странах НАТО — Италии, Германии, Норвегии, Великобритании

[1] Две системы ПВО в одних руках. Эл. ресурс «Евразия» / http://eurasia.org

и Турции, — например, находится от 200 до 400 американских атомных бомб свободного падения B-61. Подвешенные под фюзеляж F-16, они могут представлять для Белоруссии и России серьезную угрозу. Так, от Шауляя до Минска истребителю лететь не более 5–6 минут, до Смоленска и Москвы чуть больше — 10–15 минут. Это требует быстрой реакции. В любом случае решение о прекращении такого полета надо принимать быстро, из единого центра.

Массированное развертывание СКР морского базирования по периметру евразийских государств — другая потенциальная угроза. Замена БРПЛ на КР МБ означает, что вместо 20–22 баллистических ракет на одной ПЛАРБ размещается до 154 высокоточных СКР, способных выполнять по сути те же задачи. Использование КР против Ирака и Ливии именно с подводных лодок показало, что их эффективность с точки зрения уничтожения приоритетных объектов очень высока.

Наконец, развертывание США и их союзниками региональных систем ПВО и ПРО от Европы до Юго-Восточной Азии свидетельствует о том, что вокруг Евразии складывается по сути глобальная система ПРО, способная защитить нападающего от ответного удара.

Думается, что развитие стратегического наступательного потенциала не является достаточным средством для нейтрализации этих усилий. И программы развития СНВ России, Китая и Индии предполагают «традиционно-асимметричный» ответ — создание МБР с разделяющимися боеголовками различных типов. Однако вряд ли стоит рассчитывать, что этого будет достаточно. **Необходим более диверсифицированный потенциал стратегической обороны.**

Говоря о «ЕвразВКО», следует иметь в виду именно объединенную, а не единую систему ВКО, которой вряд ли пока возможно управлять из единого центра, но которая может объединить многие функции национальных систем ПВО и ПРО (если говорить о Китае, Индии и некоторых других странах). Сотрудничество в области ВКО между странами ОДКБ вполне укладывается, например, в уже принятый мандат Межгосударственной комиссии по военно-экономическому сотрудничеству (МКВЭС) стран ОДКБ, который предполагал еще в 2010 году развитие следующих направлений, которые могут стать основой сотрудничества в области ВКО:

— формирование оптимальной, в формате ОДКБ, системы совместных предприятий по разработке, производству, модернизации, ремонту и утилизации ПВН, с всесторонней отработкой механизма их деятельности, в том числе и контроля, как в формате Организации, так и при выходе на внешний рынок вооружений;
— создание нормативной правовой базы, обеспечивающей единые принципы и правила взаимодействия по всем аспектам ВЭС;

— проведение согласованной политики по унификации и стандартизации образцов вооружения и военной техники;
— переход к долгосрочному планированию военно-экономического и военно-технического сотрудничества[1].

Таким образом, существует принципиальное понимание об основных направлениях военного сотрудничества, которое, однако, удивительно медленно трансформируется в реальные программы. В частности, только осенью 2012 года на X заседании МКВЭС в Астане представители России, Белоруссии, Казахстана, Таджикистана и Киргизии рассмотрели «проекты перечня предприятий и организаций, специализацию которых целесообразно сохранить в интересах военно-экономического сотрудничества государств-членов ОДКБ и Программы военно-экономического сотрудничества государств-членов ОДКБ на период до 2015 года и дальнейшую перспективу.

Предполагалось также, что в ходе заседания будут обсуждены вопросы стандартизации оборонной продукции, создания межгосударственной системы каталогизации предметов снабжения вооруженных сил государств-членов ОДКБ, совершенствования механизма поставок продукции военного назначения, развития интеграции предприятий боеприпасных отраслей промышленности и другие»[2].

Похоже, что ОДКБ повторяет путь, по которому гораздо быстрее двигалось НАТО в 60-е и 70-е годы XX века. Нужен ли именно этот вариант развития отношений?

В этой связи остро встает вопрос о будущем СНГ и ОДКБ, которые некоторые эксперты называют «мертворожденными» и «недееспособными» организациями, которые «никак себя не проявили[3]. Их будущее, действительно, будет зависеть прежде всего от того, удастся ли лидерам этих государств, и в целом Евразии, найти для себя некую общую систему ценностей, которая (как в Евросоюзе) смогла бы обеспечить про-

[1] Межгосударственная комиссия по военно-экономическому сотрудничеству ОДКБ / Эл. ресурс «ОДКБ» / http://www.odkb-csto.org/

[2] В городе Астана (Республика Казахстан) открылось юбилейное X заседание МКВЭС ОДКБ. 2012. 2 ноября / http://www.opkodkb.ru/0490511240...

[3] Дубнов А. Ташкент ушел, проблемы остались // Россия в глобальной политике. 2012. Т. 10. № 5. С. 75.

цесс интеграции. Пока что такие попытки найти эту систему называют «неудачными». Так, в 2011 году Николай Бордюжа собрал за круглым столом экспертов и политологов, предложив им устроить мозговой штурм в поисках новых идей для совершенствования деятельности Организации. Попытка обнаружить какую-либо идеологию, которая объединяла бы входящие в нее государства по примеру либеральных ценностей западной демократии для стран — членов НАТО, закончилась конфузом»[1]. И это не случайно. Может быть, не там искали? «С трудом отыскали одну такую ценность — стабильность. Но, как заметила директор центра европейской безопасности ИНИОН РАН Татьяна Пархалина, на Западе эту стабильность понимают как консервацию автократических режимов, для обеспечения которой как раз и создана ОДКБ. И никто, по ее мнению, не оспаривал очевидное: главные угрозы стабильности — внутри каждой из стран, а вовсе не вовне.

Эта позиция отражает, к сожалению, общее отношение части (преимущественно либеральной) элит евразийских государств, которые либо стремятся как можно быстрее «европеизироваться» и «американизироваться», либо сохранить «многовекторность» своей политики, т.е. способность к бесконечному внешнеполитическому маневрированию, что представляется едва ли возможным в новых геополитических условиях. Думается, что неизбежно придется выбирать. От этого выбора в конечном счете будет зависеть безопасность и суверенитет евразийских государств, что может быть положено в основу формирующейся общей ценностной системы евразийских государств.

[1] Дубнов А. Ташкент ушел, проблемы остались // Россия в глобальной политике. 2012. Т. 10. № 5. С. 75.

Общность интересов и ценностей как основа военно-политической интеграции в Евразии

Общих ценностей вполне достаточно для того, чтобы говорить о серьезном фундаменте для развития интеграции. Это:

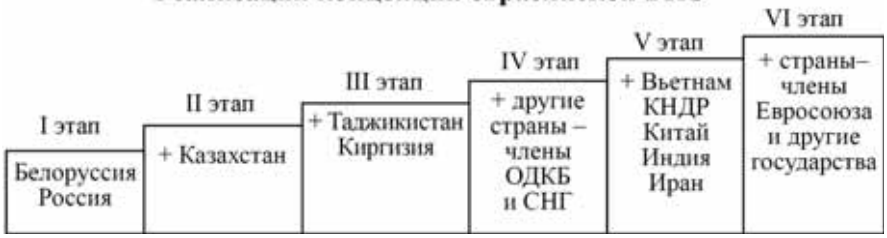
— общая история и во многом общая культура;
— общее геополитическое пространство;
— географическая близость и взаимозависимость;
— интересы торговли, транспортных коридоров и логистических центров;
— наконец, интересы безопасности единого континента.

Но искать такую общую систему ценностей среди либеральных систем — дело заведомо бессмысленное. Нужна евразийская система ценностей как совокупность национальных систем тех народов, которые проживают на евразийском континенте. От этого в конечном счете зависит как евразийская интеграция в целом, так и ее воздушно-космическая оборона в частности.

Такой общей ценностью не только для ОДКБ, но и для всей Евразии может стать воздушно-космическая безопасность континента или его части, т.е. обеспечение суверенитета и независимости находящихся на этом континенте государств, в условиях, когда только одна, западноевропейская часть Евразии создала для себя систему безопасности и не стремится интегрировать в нее другие государства.

Как видно из рисунка, I и II этапы фактически уже начали реализовываться. Более того, на саммите в Ашхабаде в декабре 2012 года были приняты решения по перспективным направлениям развития Объединенной системы ПВО (ОС ПВО) СНГ

Реализация концепции евразийской ВКО

и назначен новый председатель координационного комитета по вопросам ПВО заместитель министра обороны РФ О. Остапенко. Это означает, что фактически страны СНГ приступили к реализации III и IV этапов. Хотя ОС ПВО СНГ формально и была создана в 1995 году, в ее состав входят 20 авиаполков, 29 зенитных ракетных полков, 22 радиотехнических подразделения и 2 батальона РЭБ[1].

Параллельно планируется совершенствовать оборону в рамках ОДКБ, имея в виду, как сказал НГШ В. Герасимов, создание в перспективе объединенной ПВО–ПРО. Не ясно, чем ОС ПВО СНГ будет отличаться от ПВО ОДКБ, но очевидно, что есть движение в определенном направлении интеграции сил и средств стран СНГ и ОДКБ.

Важно, чтобы эти системы не существовали декларативно-формально. Их военно-техническое насыщение будет означать реальное продвижение в области военно-политической интеграции, демонстрируя другим странам (не членам ОДКБ и СНГ) возможности интеграции, а не только военно-технического сотрудничества:

— до 2020 года — локальные полосы предупреждения вокруг позиционных районов РВСН;
— до 2030 года — полноценная система разведки и контроля воздушного пространства.

Перспективная система поражения и подавления СВКН должна представлять собой совокупность противоракетных и противоспутниковых, зенитных ракетных и авиационных

[1] Мухин В. Противоракетное содружество // Независимая газета. 2012. 7 декабря. С. 1.

группировок воинских частей и подразделений РЭБ. Причем, она должна строиться эшелонированно[1]. Понятно, что чем выше степень сотрудничества, тем раньше и эффективнее страны ОДКБ и СНГ могут подключиться к этим процессам. Тем более, что у других стран просто нет экономических и технологических возможностей создавать такие системы самостоятельно. «Ни у одной зарубежной страны пока нет радиолокационных станций системы предупреждения о ракетном нападении (СПРН), сравнимых по тактико-техническим характеристикам с российскими станциями высокой заводской готовности типа „Воронеж“». Об этом заявил генконструктор отечественной СПРН Сергей Боев. «Тактико-технические характеристики наших станций выше зарубежных аналогов: по дальности обнаружения целей, по потребляемой мощности. Все остальные эксплуатационные показатели наших РЛС также лучше»[2], — может быть, излишне оптимистично сказал он.

Бывший командующий Войсками воздушно-космической обороны ВС РФ (ныне заместитель МО РФ) генерал-полковник Олег Остапенко также находит возможности российского ОПК на данном направлении выше зарубежных: «В том, что они на данном этапе отстают, я не сомневаюсь. Наши ОПК и научный потенциал в этом плане я считаю значительно выше»[3].

Таким образом существуют объективные геополитические, научно-технические и военно-политические предпосылки реализации идеи евразийской ВКО, которые ложатся в основу такой политики. Основная проблема превращения таких предпосылок в реальность будет заключаться в позиции национальных элит и внешнем противодействии.

[1] Богданов О. Выступление // Воздушно-космическая оборона. 2012. № 4(65). С. 12.

[2] Новости в России // Воздушно-космическая оборона. 2012. № 4(65). С. 22.

[3] Там же.

Внешняя и военная политика России и международное сотрудничество в Евразии

Особое значение для развития сотрудничества в области ВКО имеет активность России в ЦА. Это вызвано целым рядом обстоятельств.

Во-первых, внешняя, прежде всего воздушно-космическая угроза наиболее актуальна для государств ЦА. Именно против этих государств направлены усилия по дестабилизации и использованию «мягкой силой», убедительность и актуальность которых обеспечены СВКН. Вряд ли любой из этих режимов — будь то в Казахстане или Узбекистане — хочет участи стран, подвергшихся воздушно-космическому нападению. Все их усилия по проведению «многовекторной» политики в конечном счете столкнутся с требованиями США и НАТО по «демократизации», т.е. отказу от власти. Это именно то, чего больше всего боятся правящие элиты.

Во-вторых, потенциал сотрудничества с государствами ЦА далеко не полностью используется, хотя для этого есть все формальные и неформальные основания. В настоящее время наибольшие перспективы расширения евразийские институты и структуры имеют именно в ЦА. Там расположены три из пяти государств — членов ЕврАзЭС.

В-третьих, можно говорить о том, что в связи с выводом войск западной коалиции из Афганистана и их заинтересованностью в стабильности в Центральной Азии складываются наилучшие перспективы для евразийско-евроатлантического диалога именно в этом регионе. В том числе и диалога по вопросам евразийской безопасности. Странам Евросоюза еще

предстоит осознать, что евразийская безопасность, так же, как и европейская, нераздельное понятие. Понятно, что сотрудничество между ОДКБ и Евросоюзом пока что только теоретически допустимая возможность. Но это только пока. Думается, что интересы США (которые, безусловно, будут выступать против такого диалога) и стран Евросоюза могут разойтись в будущем. В этом плане возможные перспективы налаживания евразийско-евроатлантического диалога имеет ОДКБ. В свое время Советом Коллективной безопасности ОДКБ в июне 2004 г. было принято решение об основных направлениях диалога и взаимоотношений ОДКБ с НАТО. По различным политическим и геополитическим соображениям блок НАТО это предложение проигнорировал. В следующем году секретариатом ОДКБ из предложенной ранее обширной повестки сотрудничества была выделена особо актуальная сфера — борьба с незаконным оборотом наркотиков, особенно афганских. Но и это предложение не нашло понимания в НАТО. Позиция альянса заключалась в том, что приоритетом для него является развитие двусторонних отношений с государствами-членами ОДКБ[1].

Вместе с тем, в НАТО есть и много сторонников диалога с ОДКБ, так что можно говорить о серьезном расколе в данном вопросе. В частности, в рекомендациях Группы экспертов по новой Стратегической концепции НАТО «НАТО в 2020 году: гарантированная безопасность, динамичное взаимодействие (май 2010 г.)»[2] указывалось: «НАТО должна рассмотреть возможность формирования новых региональных подгрупп, если страны заинтересованы в этом. Еще одна и, может быть, более предпочтительная альтернатива для НАТО — наладить более формальные связи с такими органами, как … Шанхайская организация сотрудничества или Организация Договора о коллективной безопасности. Подобные взаимоотношения должны быть основаны на принципах равенства, взаимного доверия и взаимной выгоды». Некоторые эксперты даже считают, что

[1] Казанцев А. А. Перспективы развития евразийско-евроатлантического интеграционного диалога / Аналитическая записка. ИМИ МГИМО(У). 2012. Октябрь. С. 15.

[2] http://www.nato.int/cps/ru/natolive/official_texts_63654.htm

«В настоящее время сложилась благоприятная международная атмосфера для изменения позиции Запада. В этом плане стоит отметить, что в июне 2010 г. было принято Совместное заявление президентов России и США по Афганистану, в котором впервые зафиксирована готовность сторон изучить возможность налаживания сотрудничества международной коалиции и ОДКБ на антинаркотическом треке»[1].

В отличие от НАТО, ЕС уже начал формирование базы для взаимодействия с ОДКБ. В частности, в официально принятой «Центральноазиатской стратегии ЕС» (2007 г.) формулируется необходимость «вступить в открытый и конструктивный диалог» с ОДКБ (а также с ЕврАзЭС и ШОС)[2].

Представляется, что «подтолкнуть» евроатлантические структуры к сотрудничеству с ОДКБ может прагматичное сотрудничество по линии отдельных программ. В частности, операция «Канал» ОДКБ хорошо согласуется с антинаркотической программой Европейской комиссии КАДАП, поэтому вполне логично было бы начать сотрудничество не между ОДКБ и ЕС в целом, а между двумя структурами, реализующими эти программы. Вместе с тем, не следует ожидать, что евросотрудничество обеспечит безопасность в Евразии. Необходимо параллельно и в приоритетном порядке формировать такую систему в Евразии на базе существующих систем (ОДКБ, СНГ) и — в перспективе — создавая новые институты. Так, по мнению профессора В. Захарова, «…достижение лидирующей роли России в военно-политических интеграционных процессах должно быть связано:

— во-первых, с определением того, что для Российской Федерации является более приоритетным — дальнейшее сближение с Западом на базе ценностей западноевропейской цивилизации или возрождение постсоветского пространства на основе общих цивилизационных истоков новых независимых государств;

[1] Казанцев А. А. Перспективы развития евразийско-евроатлантического интеграционного диалога / Аналитическая записка. ИМИ МГИМО(У). 2012. Октябрь. С. 15.

[2] Европейский Союз и Центральная Азия: стратегия нового партнерства: совершено г. Брюссель, 1 июня 2007 г., SN 2907/07 / Совет Европейского Союза, Генеральный секретариат // Бюро по правам человека и соблюдению законности. С. 12.

— во-вторых, с привлечением государств-членов ОДКБ к обсуждению общемировых проблем;
— в-третьих, с осуществлением национального военного строительства государств-членов ОДКБ в рамках общей концепции создания единого оборонного пространства»[1].

Необходимо отметить в этой связи два обстоятельства. Во-первых, вряд ли можно пока говорить об ОДКБ как о сложившейся единой военно-политической организации. Неслучайно А. Арбатов говорит критически об ОДКБ: «Настоящий военно-политический союз, на статус коего ОДКБ претендует, предполагает помощь друг другу хотя бы в политическом плане, не говоря уж о военном. Отсутствие этой помощи продемонстрировало серьезную внутреннюю слабость организации»[2]. Очевидно, что укрепление ОДКБ — важнейшая задача, стоящая перед политикой России в Евразии.

Во-вторых, разные участники ОДКБ и другие постсоветские государства видят по-разному приоритеты политической и военной безопасности, что выражается прежде всего в их военных расходах[3]. Так, самый высокий долевой показатель соотношения расходов на оборону в процентах от ВВП за период 2004–2011 гг. имеет Грузия — 4,96%. От 3% до 4% имеют: Армения (3,43%) и Узбекистан (3,68%). Показатель от 2% до 3% имеют: Азербайджан (2,79%) и Россия (2,95%). Показатель от 1% до 2% имеют: Беларусь (1,48%), Киргизия (1,06%), Латвия (1,43%), Литва (1,09%), Таджикистан (1,9%), Украина (1,09%) и Эстония (1,65%). Остальные страны имеет показатель менее 1%: Казахстан (0,89%), Молдавия (0,35%) и Туркмения (0,96%).

Эти различия свидетельствуют не столько об экономическом положении государств, сколько о том, какую приоритетность вопросам безопасности уделяют местные элиты. Как представляется, эти элиты еще не осознали до конца значение военного фактора в обеспечении национального суверенитета, полагаясь на международное право и между-

[1] Захаров В. Евразийский проект // Национальная оборона. 2012. Август. № 8 / http://www.oborona.ru/includes/periodics/geopolitics/2012/0305/11098005/detail.shtml

[2] Арбатов А. Г. ОДКБ как военного союза не существует / Эл. ресурс «Национальная безопасность. 19 июля 2012 г. / http://nationalsafety.ru/

[3] По военным расходам страны на постсоветском пространстве занимают 6 мест из 10 регионов мира / Эл. ресурс «Национальная безопасность. 19 июля 2012 г. / http://nationalsafety.ru/

народные институты. Похоже, что процесс такого осознания еще только начался с «арабской весной», но неизбежно будет развиваться. У этих государств по сути будет альтернатива: либо полагаться целиком на «международное сообщество» в вопросах безопасности, либо выстраивать свою собственную, национальную политику. Если для прибалтийских государств такой выбор уже сделан, то для других бывших советских республик его предстоит еще сделать. Эта тенденция дает основания полагать, что для целого ряда государств, которые захотят выстраивать собственную систему безопасности в рамках евразийской интеграции, неизбежно встанет вопрос о создании объединенной ВКО. Можно напомнить, что в феврале 2013 года исполняется 18 лет Объединенной системе ПВО СНГ, которая накопила определенный опыт и историю, куда первоначально вошли 32 соединения и части зенитных ракетных войск, 6 частей истребительной авиации, 23 соединения и части радиотехнических войск[1].

Начиная с 1995 года дежурные по ПВО силы и средства участвуют в многосторонних командно-штабных тренировках с выполнением целого комплекса задач. К тренировкам привлекаются дежурные боевые расчеты, пункты управления, вооружение и техника, несущие боевое дежурство по ПВО.

Логичным шагом развития координации в рамках объединенной системы ПВО стала организация совместного боевого дежурства по ПВО с целью охраны внешних границ государств-участников СНГ.

Первыми (с 1 апреля 1996 года) к нему приступили войска ПВО Беларуси и России. После подписания трехсторонней Инструкции по совместным действиям дежурных по ПВО сил к ним присоединились Казахстан и Киргизия. На сегодняшний день, кроме названных стран, совместное боевое дежурство по ПВО несут силы и средства противовоздушной обороны Армении и Узбекистана. Созданная система боевого дежурства

[1] Объединенной системе противоздушной обороны СНГ — 17 лет / Эл. ресурс «Национальная безопасность. 19 июля 2012 г. / http://nationalsafety.ru/

позволяет охранять воздушные границы и контролировать воздушное пространство наших государств.

Действует и специальный орган, координирующий деятельность в этой области. Так, в июле 2012 года в городе Чолпон-Ата (Киргизия) состоялось очередное заседание Координационного комитета по вопросам противовоздушной обороны при Совете министров обороны государств — участников Содружества Независимых Государств. В его работе приняли участие делегации от Министерств обороны Армении, Белоруссии, Казахстана, Киргизии, России, Таджикистана, Туркменистана, Узбекистана и Украины.

На заседании были рассмотрены вопросы, касающиеся совершенствования и развития объединенной системы противовоздушной обороны, а также укрепления военного сотрудничества государств — участников Содружества Независимых Государств в области ПВО.

Участники заседания подвели итоги деятельности Координационного комитета и его рабочих органов за первое полугодие 2012 года, согласовали вопросы о внесении изменений в его состав, проведении совместных мероприятий оперативной и боевой подготовки во втором полугодии и в 2013 году.

Подводя итоги, можно сказать, что у цели создания евразийской ВКО есть практическая перспектива, которая характеризуется следующими основными факторами:

1. Объективной потребностью государств Евразии защитить свой суверенитет и территориальную целостность от внешнего воздействия, которое, если говорить о военном факторе, сводится прежде всего к возможности воздушно-космического нападения.
2. Потребностью национальных элит защитить свою власть и сложившиеся режимы управления, избежать «оранжевых» революций и военно-политического шантажа.

3. Объективной потребностью к интеграции в Евразии, которая в перспективе будет затрагивать не только ВТС, но и более глубокие пласты военно-политического сотрудничества.
4. Неизбежностью в конечном счете политического выбора между «разновекторностью» и ориентацией на региональную интеграцию. Период внешнеполитической неопределенности не может тянуться бесконечно. Думается, что формирование широкой коалиции США в Евразии только ускорит этот процесс.

Евразийская ВКО: основные выводы

… мы говорим о противоракетной обороне в Европе. А, кстати, как насчет Азии?[1]

А. Арбатов, академик РАН

Необходимо также перестать воспринимать многосторонние институты как дипломатические декорации

А. Торкунов, ректор МГИМО(У)

1. Сегодня принято считать, что успех или неудача в процессе региональной (в т.ч. евразийской) интеграции зависит от экономического сотрудничества. На самом деле в основе успешных интеграционных процессов лежат интересы более высокого — политического и военного — уровня, прежде всего в области национальной безопасности. Именно эти интересы объясняют наиболее успешный пример интеграции — создание Евросоюза. Можно напомнить и другой пример — интеграция в рамках Совета Экономической Взаимопомощи (СЭВ) социалистических стран, в основе которой также лежала идея военно-политической интеграции стран Организации Варшавского Договора (ОВД).

Поэтому процесс реинтеграции на постсоветском пространстве и во всей Евразии может и должен стимулироваться процессами военно-политического и военно-технического сотрудничества. Наиболее актуальной областью практического продвижения военно-политической интеграции становится интеграция систем ПВО и ПРО, и в целом ВКО большинства евразийских государств, создания в конечном счете объединенной, а затем и единой Евразийской ВКО.

Подписание в декабре 2012 года в Ашхабаде на саммите глав государств-членов СНГ ряда документов, прежде всего

[1] Арбатов А.Г. Выступление на научно-практической конференции РСМД «Евроатлантическое сообщество безопасности: миф или реальность». М. 23 марта 2012 г. // РСМД. 2012. С. 50.

решения по перспективным направлениям развития Объединенной системы противовоздушной обороны (ОС ПВО) СНГ и назначение нового председателя координационного комитета Содружества по вопросам ПВО российского заместителя министра обороны О. Остапенко — не случайно. (Именно он командовал ВВКО России с момента их создания в России в декабре 2011 года). Это тенденция, отражающая обеспокоенность евразийских государств стремительным развитием стратегического потенциала наступательных вооружений и создания региональных компонентов глобальной ПРО США и их союзников в Евразии.

Понятно, что это только самый первый шаг, ведь и до этого формально Объединенная система ПВО десяти стран существовала с 1995 года: проводились учения не менее двух раз в год, уточнялись совместные задачи, были выделены соответствующие силы и средства. Но именно в декабре 2012 года главы стран СНГ поддержали инициативу Москвы, чтобы в ОС СНГ были интегрированы ВВКО России. Более того, речь идет уже о создании не только объединенной, но и в перспективе единой (с единой системой управления) системы ВКО ОДКБ[1] или СНГ.

2. С военно-политической точки зрения необходимо признать, что создание эффективной ВКО территории России неизбежно и не может быть компенсировано никакими политическими (односторонними инициативами «а-ля Э. Шеварднадзе»), дипломатическими (переговорами с США) или военно-техническими («асимметричными» мерами по развитию СНВ) мерами. Необходимо признать, что такие попытки, сделанные с конца 1980-х годов советским и российским руководством, не привели ни к каким практическим результатам: США не только продолжали НИОКР в области ПРО, но и стали развертывать элементы глобальной ПРО и стратегический потенциал ядерных и неядерных вооружений, предназначенных для первого удара.

[1] Мухин В. Противоракетное содружество // Независимая газета. 2012. 7 декабря. С. 1–2.

Дальнейшее сдерживание развития ВКО в России неизбежно приведет к тому, что в США в среднесрочной перспективе будет создан не только потенциал для нанесения «разоружающего» удара, но и потенциал, нейтрализующий уцелевшие силы ответного удара. Как минимум, это дестабилизирует ситуацию в мире, сделает военную силу вновь глобальным инструментом внешней политики США и НАТО.

России предстоит в короткие сроки не только восстановить НИОКР и кадровый потенциал ВКО, но и убедить потенциальных союзников в необходимости сотрудничества в области производства и развертывания систем ВКО и создании единой системы военно-политического управления ВКО континента.

3. Создание структуры ВВКО и ее оснащение новыми ВВТ в России происходит медленно и не соответствует масштабам возможной угрозы для страны. Это связано как с интересами ряда родов и видов вооруженных сил, так и нерешенностью принципиальных доктринальных вопросов относительно оценки будущих военных угроз, отсутствием качественного стратегического прогноза и системы стратегического планирования как в общенациональном масштабе (о чем свидетельствует в том числе и соответствующее поручение В. Путина МО и Генштабу), так и в военно-политической и военно-промышленной областях. Как следствие, требуется и корректировка Концепции ВКО, которая в 2013 году уже не отражает существующие реалии.

Значительно обострилась ситуация и с качеством человеческого потенциала не только в России, но и в ОПК и ВКО. Подготовка личного состава ВВКО требует ежегодно более 1200 офицеров[1]. Иначе просто некому будет служить в тех 28 полках, где планируется развернуть С-400 к 2020 году.

Последние решения нового НГШ ВС России В. Герасимова о создании специальной рабочей группы, которая должна проанализировать силы и средства, входящие в ВКО,

[1] Военно-космическая оборона? Продано! / http://news.rambler.ru/16268534

свидетельствуют о возможном пересмотре прежних решений[1], которые необходимы практически во всех областях — от концептуальной проработки военной стратегии и коррективов в Военную доктрину и Концепцию ВКО, до программ создания ВВТ, которые должны исходить как из задач стратегического планирования, так и расширения возможностей российского ОПК.

4. Принципиальное значение имеет создание системы управления ВКО и четкое определение задач, стоящих перед силами и средствами ВКО России и ее союзников, чего до сих пор нет. Как отмечают эксперты, «…главные проблемы новых войск — не в их оснащении и не в недостаточной мощи огневой составляющей ПРО — ПВО. Дело в том, что уже в январе 2012 г. из публичного доклада самого генерала О. Остапенко неожиданно выяснилось, что у России „в действующих на сегодня доктринальных документах нет четкого понятия системы ВКО“. По его словам, „…под системой ВКО следует понимать развернутые на земле и на море, в воздушном и околоземном пространстве объединенные функциональными связями силы и средства, обеспечивающие защиту РФ и ее союзников от нападения с воздуха, из космоса и через космос“. Из такой собственной трактовки он же сам сформулировал и „совокупность задач“ нынешней и будущей ВКО, куда были включены:

— предупреждение о ракетном и космическом нападении, разведка космической обстановки и оповещение о ней войск;
— уничтожение боевых блоков межконтинентальных баллистических ракет и баллистических ракет подводных лодок, уничтожение или функциональное подавление военных КА противника;
— предупреждение о воздушном нападении, разведка воздушной обстановки и контроль использования воздушного пространства, оборона важнейших объектов государствен-

[1] Сафронов И. Войскам воздушно-космической обороны подбирают командование / Коммерсант. 2012. 15 ноября.

ного и военного управления от ударов СВКН экономики и инфраструктуры, основных группировок войск и объектов Вооруженных сил;

— вскрытие радиоэлектронной обстановки, обеспечение радиоэлектронной защиты объектов ВКО.

Бывшему командующему ВВКО, однако, придется признать, что между таким пониманием системы и такой совокупностью задач уже есть противоречия: перечисленная совокупность, вероятно, действительно сможет помочь защитить отдельные важнейшие объекты (как в ней прямо и сказано), но никогда не обеспечит защиту территории всей РФ и уж тем более ее союзников. По сути обнаружившаяся „вдруг" в 2012 г. „доктринальная пустота" в области ВКО России не может не вызвать, как считают эксперты, резонный и очень важный вопрос: неужели Концепция ВКО на период до 2016 г. и дальнейшую перспективу не содержит в себе и намека на основные понятия и задачи системы? Тогда кто и для чего писал эту концепцию целых три года? Или положения документа, подписанного президентом В. Путиным в 2006 г., спустя шесть лет признаны устаревшими и неверными?»[1]

5. Важно, чтобы при доработке стратегических документов и принятии организационных решений по ВВКО учитывались политические потребности интеграции в Евразии и перехода ВТС России с ее союзниками на новый уровень сотрудничества. Изначально необходимо проводить параллельно консультации с союзниками и партнерами, которые бы уже сейчас (как в случае с соглашением о размещении военной инфраструктуры на территориях стран ОДКБ) формировали единое пространство безопасности и сферу деятельности будущей объединенной ВКО.

Следует отдавать отчет в том, что процесс евразийской интеграции и ЕвразВКО зависит, во-первых, от адекватной оценки элитами этих государств ситуации в мире и развитии

[1] Стукалин А. Войска воздушно-космической обороны России // Экспорт вооружений. 2012. № 3. С. 47.

основных политических тенденций, а, во-вторых, от выбора ими вектора развития. Этот вопрос становится на постсоветском пространстве, в Евразии и в современной России центральным политическим вопросом, от решения которого будет зависеть в том числе интеграция стран Евразии и развитие ЕвразВКО.

6. Очевидно, что современная российская элита разделена в подходах к решению этого вопроса на две основные группы. Первая из них, как и прежде, ориентирована на «европейскую систему ценностей», исходя из чего сама по себе евразийская интеграция (а тем более ее военно-политическая составляющая) не находится в системе приоритетов. Более того, подобный выбор означает изначально готовность пойти на серьезные уступки как в области национального суверенитета, так и национальных интересов. Эта группа со времен М. Горбачева настойчиво проводит политику, которая в конечном счете привела не только к развалу ОВД и СССР, но и неизбежно приведет к развалу России.

Вторая группа элиты ориентирована на сохранение национальной идентичности, защиту национальных интересов и суверенитета, хотя из-за отсутствия четкой политической идеологии и других издержек эффективность ее влияния на политику страны, в том числе военную, справедливо ставится под сомнение. Запоздалая смена руководства Минобороны продемонстрировала не только неэффективность государственного управления и запредельный уровень коррупции, но и фактический провал военной реформы. Этой группе национальной правящей элиты предстоит серьезная коррекция военной политики страны и исправление допущенных ошибок.

Противоречие между этими двумя группами элит отчетливо проявляются в вопросах создания и развертывания ВКО. Представители первой группы, как и во времена М. Горбачева и Б. Ельцина, продолжают настаивать фактически на отказе от

создания национальной ВКО и, соответственно, на необходимости поиска союзников в Евразии. Они по-прежнему продолжают продвигать идеи «асимметричных» мер, под которыми в конечном счете предполагается свертывание НИОКР в области ВКО и отказ от массового производства соответствующих видов и систем ВВТ. Они же настойчиво продолжают продвигать идею «компромисса» с США и НАТО, переговоров по ограничению и сокращению СНВ без учета неядерного стратегического потенциала США и СЯС их союзников.

Представители второй группы правящей элиты с опозданием пришли к выводам относительно опасности такой политики СССР и России, но в последние годы пытаются перехватить инициативу. На их стороне — адекватность оценки существующих реалий и прежде всего характера возможной военной угрозы. Как и на общенациональном уровне, где происходит прямое противоборство этих групп в экономике, финансах, образовании, культуре и т. д., подобное противоборство существует и в области военной политики. В центре его находится вопрос о ВКО и евразийской интеграции.

7. Вслед за изменением соотношения сил в мире (процесс которого резко ускорился в XXI веке) происходит и резкое усиление борьбы за продвижение и силовое навязывание одними государствами своей системы ценностей другим государствам. Эта тенденция характерна для большинства государств: страны Евросоюза эволюционизируют от защиты интересов к «защите ценностей», Китай — после ноябрьского съезда (2012 г.) КПК — также делает акцент на такую политику. Но наиболее эффективно это делают США, которые смогли обеспечить свою политику не только «мягкой силой» (soft power), но и мощным военно-космическим ресурсом — интегрированными наступательными и оборонительными вооруженными силами, способными фактически безнаказанно уничтожать политические, административные центры

управления и инфраструктуры государств, сопротивляющихся такой политике. Гарантией от ответного удара служат современные системы ПРО и ПВО.

Примеры последних лет — Югославия, Ирак, Афганистан, Ливия, Сирия — наглядная иллюстрация этой стратегии. Очень показательна в этой связи стратегия нанесения Израилем ударов по ХАМАС в секторе Газа в ноябре 2012 года, когда точечно уничтожались конкретные лидеры этой организации и ПУ ракет (операция «Облачный столп»), а созданная система ПРО «Железный купол» обеспечила уничтожение большинства запущенных в сторону Израиля ракет[1].

[1] Воробьев В. Столпометатели // Российская газета. 2012. 16 ноября. С. 8.

Поэтому любые, даже, казалось бы, частные аспекты военной политики, включая переговоры об ограничении и сокращении вооружений и военной техники, являются в конечном счете следствием этих новых реалий, т. е. ставки на силовое продвижение западной системы ценностей, обеспеченной мощным гуманитарным воздействием, который «подкреплен» интегрированным военным потенциалом в воздушно-космической области.

8. Новой геополитической реальностью становится формирование двух военно-политических центров силы — Китая и США, — которые будут не только соперничать, но и сотрудничать в ближайшее десятилетие. Масштабы сотрудничества и соперничества, их последствия трудно предугадать, но очевидно, что и первое, и второе может осуществляться за счет других стран, которые могут стать в том числе и «разменной монетой» такого «соперничества–сотрудничества». В этой связи можно согласиться с некоторыми выводами авторитетного французского эксперта Ж.-Б. Пинателя, который полагает, что:

«— Россия и Европа должны объединиться, чтобы контролировать евразийский хартленд;

— США делали и делают все возможное и невозможное, чтобы помешать этому;

— и Китай, и США уже работают негласно совместно, чтобы поделить мир и не допустить появления третьего игрока;
— НАТО необходима в первую очередь для того, чтобы „раздражать“ Россию и предотвращать объединение Европы;
— внешняя политика США по-прежнему, как и предостерегал президент Д. Эйзенхауэр, во многом определяется интересами военно-промышленного комплекса»[1].

9. Силовое продвижение западной системы ценностей в отношении России предполагает не только изменение российской национальной системы ценностей, но и отказ в конечном счете от суверенитета и территориальной целостности. Это важно подчеркнуть для тех российских политиков и экспертов, которые, как и в горбаческие времена, наивно полагают (или делают вид?), что «России никто не угрожает». Подобная наивность, казалось бы, уже дорого обошлась СССР и России, но она продолжает оставаться «аргументом», иногда даже претендующим на научность.

При этом военная сила, как политический инструмент Запада, может быть по-прежнему использована в двух формах. Во-первых, для политического давления на правящую элиту и поддержку тех кругов, которые разделяют эти цели (так, известный оппозиционер писатель А. Быков заявил, что «Россия упустила момент, когда еще можно было жить единой территорией», а также, что надо будет привыкнуть жить с независимым Кавказом, Сибирью, Дальним Востоком»)[2]. Создание военных условий, в том числе в области СНВ и ВКО, для обеспечения политики силы, безусловно, является доминирующим фактором в политике США, который становится особенно актуальным по отношению к современной ситуации в Евразии.

Во-вторых, военная сила в ее прямой форме по-прежнему рассматривается как средство нанесения военного поражения и получения «традиционного» военного и политического

[1] Пинатель Ж.-Б. Россия — Европа: жизненно важный союз / перев. с франц. Д.Х. Халиллуллиной. М.: Книжный клуб 36.6, 2012. С. 10–11.

[2] Геополитическая мозаика / Эл. ресурс «Военное обозрение». 6 ноября 2012 г. / http://www.topwar.ru

результата. Хотя именно это и пытаются отрицать не только на Западе, но и в России, утверждая, что «в новом мире захват прямого контроля над территорией и находящимися на ней ресурсами… действительно больше не работает»[1]. Любопытно, хотелось бы возразить, если это действительно так, то зачем нужно было оккупировать Афганистан, а до этого Ирак и Югославию? Зачем нужны многочисленные базы за рубежом и широкая инфраструктура, которая стоит десятки миллиардов долларов ежегодно? Наконец, практика США свидетельствует как раз об обратном. Сеть баз расширяется и модернизируется, а их дислокация приближается к районам потенциальных конфликтов. Даже сокращение войск США в Ираке и Афганистане отнюдь не означает, что они готовы уйти из этих стран.

И в первом, и во втором случае использования различных форм военной силы, речь идет в конечном счете не только о государстве — его территории, суверенитете, ресурсах, транспортных коридорах, — но и о существовании самой нации, ее самоидентификации, борьбе этносов в Евразии. «Размывание» национальной идентичности и суверенитета уже в действительности происходит во многих областях, что, естественно не может не беспокоить. Так, арест В. Бута, российских граждан в Ливии, «список Магнитского», явная поддержка из-за рубежа политической оппозиции и другие примеры свидетельствуют о том, что стратегия «демократизации» России осуществляется жестко последовательно.

На этом фоне усилия российской власти обеспечить военно-техническое равновесие пока что выглядит не вполне убедительными. И не только в силу объективных причин — огромной разницы в военно-экономических потенциалах России и США, которая (учитывая потенциалы союзников) составляет десятки раз, — но и в силу субъективных причин. Прежде всего ошибки военно-политического характера, которые стремительно нарастали с конца 80-х годов XX века. Лишь во второй

[1] Караганов С. А. Зачем оружие? // Россия в глобальной политике. 2012. Т. 10. № 5. С. 11.

половине первого десятилетия нынешнего столетия ситуация стала медленно изменяться: некоторые разрушительные тенденции были остановлены, а некоторые даже удалось исправить. Но, во-первых, эти исправления происходили медленно и нередко непоследовательно (что, кстати, характерно для систем ВКО), а, во-вторых, некоторые тенденции так и не удалось исправить до сих пор. В частности, если речь идет о реализации государственного оборонного заказа, приватизации военных активов, развитии кадрового потенциала (чего стоят одни реформы бывшего руководства МО в области военной науки), развитии НИОКР и т.д. В итоге, по свидетельству бывшего начальника ГОУ ГШ РФ, «оснащенность современными вооружениями, военной и специальной техникой — три–пять процентов»[1].

10. Во втором десятилетии XXI века продолжается стремительное превращение воздушного, космического и информационного пространства в единое поле боя, где не будет ни четких границ «по высоте», ни «по пространству», ни по информационному воздействию. Этот новый глобальный театр военных действий становится решающим, оттесняя на второй план традиционные пространства использования военной силы — сухопутные и морские. Соответственно средства ведения военных действий в таком едином воздушно-космическо-информационном пространстве становятся ключевыми, решающими для победы. Такая интеграция неизбежно приведет к интеграции государственного и военного управления стратегическими наступательными (ядерными и обычными) и оборонительными вооружениями (СНВ и ВКО), а также средствами информационного воздействия. Она должна учитываться не только в стратегических прогнозах и планировании, но и уже сегодня приниматься во внимание при бесконечных реорганизациях органов политического и военного управления страны.

[1] Рукшин А. Некоторые итоги реформы Вооруженных Сил // ВПК. 2012. №45(462) / http://www.vpk-news.ru

Учитывая геополитическое положение большинства стран Евразии, этот процесс в наибольшей степени и быстрее всего затронет именно этот континент. Разрабатываются новые виды и системы ВВТ, концепции их использования именно с учетом переноса основного акцента в использовании — политическом и военном — военной силы в эту сферу, что превращает проблему защиты в наиболее актуальную проблему для евразийских государств. Они уже не могут гарантировать свою безопасность национальными средствами (кроме России, Китая и Индии в определенных масштабах). Поэтому будут вынуждены идти не просто на закупку ВВТ, но и на военно-политическую интеграцию, смену политики «разновекторности» на более определенно ориентированную политику по отношению к тем или иным странам.

Интеграция воздушно-космического и информационного пространства, с одной стороны, и наступательных, информационных и оборонительных систем, с другой, позволяет говорить уже сегодня, что традиционное деление на наступательные и оборонительные системы и военную технику устарело. Речь идет о формировании единого комплекса, в который входят как СЯС, так и системы ПРО, ПВО и обычные вооружения, способные решать стратегические задачи, а также средства РЭБ, СЦВ и другие информационные возможности. Признание этой тенденции означает, что происходит революционная ломка стратегии и концепции, традиционной организации вооруженных сил, систем управления, подготовки кадров, ВВТ, а главное — ментальности высшего политического и военного руководства.

По своим политико-психологическим последствиям этот процесс не менее радикален, чем появление в конце 1940-х годов ядерного оружия и стратегических средств его доставки. Это — революция не только в военном деле, но и в политике, и в дипломатии, включая переговоры по ограничению и со-

кращению вооружений. Так, сегодня уже нельзя игнорировать при переговорах об ограничении СНВ, как минимум, четыре фактора:

— стратегические неядерные вооружения;
— системы ВКО;
— стратегические потенциалы третьих стран;
— ВВТ, размещенные в космическом пространстве.

11. Пока что процесс интеграции в России проявляется на интеграции отдельных средств защиты. Это нашло свое отражение в создании в декабре 2011 года войск воздушно-космической обороны (ВКО) — принципиально нового рода войск, который предназначен для обеспечения безопасности России в воздушно-космической сфере. Причем нельзя сказать, что за прошедший год удалось сделать многое, исходя из тех задач, которые были поставлены перед ВВКО к декабрю 2011 года. Так, предполагалось, что Войска воздушно-космической обороны решают широкий спектр задач, основными из которых являются:

— обеспечение высших звеньев управления достоверной информацией об обнаружении стартов баллистических ракет и предупреждение о ракетном нападении;
— поражение головных частей баллистических ракет вероятного противника, атакующих важные государственные объекты;
— защита пунктов управления (ПУ) высших звеньев государственного и военного управления, группировок войск (сил), важнейших промышленных и экономических центров и других объектов от ударов средств воздушно-космического нападения (СВКН) противника в пределах зон поражения;
— наблюдение за космическими объектами и выявление угроз России в космосе и из космоса, а при необходимости — парирование таких угроз;

— осуществление запусков космических аппаратов на орбиты, управление спутниковыми системами военного и двойного (военного и гражданского) назначения в полете и применение отдельных из них в интересах обеспечения войск (сил) Российской Федерации необходимой информацией;
— поддержание в установленном составе и готовности к применению спутниковых систем военного и двойного назначения, средств их запуска и управления и ряд других задач[1].

Решение этих задач частично или полностью требует времени (которое ограничено для России 2020–2030 гг.) и средств (которые ограничены ГОЗ-2020 примерно в три трлн рублей). Но, главное, решение этих задач ограничено качеством национального человеческого потенциала (НЧП) страны, который требуется как ОПК и ВВКО, так и для военно-политического руководства страны (пример смены руководства МО и ГШ очень примечателен).

12. Обеспечение надежной безопасности России, суверенитета и безопасности ее союзников в Евразии предполагает принятие решений для ускорения развития следующих тенденций:

— создание в России единой системы сдерживания потенциальных агрессоров, в которую входили бы как СНВ, так и системы ВКО, а также те неядерные вооружения и ВТ и информационно-коммуникационные средства, которые будут способны обеспечить надежную защиту от угрозы воздушно-космического нападения как с помощью обычных, так и ядерных и информационных ВВТ;
— поэтапное развертывание системы ВКО (а не только ПВО) на территории России, Белоруссии и Казахстана и других государств Евразии, включая создание объединенной системы ВКО Евразии и (внутри ее) единой системы ВКО, управляемой из одного центра.

[1] Министерство обороны Российской Федерации: Войска воздушно-космической обороны / structure.mil.ru/structure/forces/cosmic.htm?fid=null&_print=true

Объединенная ЕвразВКО должна обеспечивать не только гарантированную защиту традиционных стратегических объектов от воздушно-космического нападения, но и защиту евразийской инфраструктуры, прежде всего транспортных коридоров, коммуникаций, трубопроводов и политико-административных центров евразийских государств, а также приграничных акваторий морского пространства. В определенном смысле эта идея аналогична тому, что делают сегодня в Персидском заливе США, где по информации «The New York Times», «…США вместе с рядом арабских стран активизировали усилия по созданию в регионе укрепленного района системы противоракетной обороны для защиты месторождений углеводородов и перерабатывающей инфраструктуры от ракетной угрозы, исходящей от Ирана»[1].

В определенном смысле США показывают России конкретную цель и план действий по созданию евразийской ВКО. Конечно, можно игнорировать эти реалии. Для того, как всегда, можно найти множество аргументов. Но следует понимать, что реальность такова: стратегические средства нападения и защиты неуклонно продвигаются Соединенными Штатами вглубь Евразии и, соответственно, приближаются к районам центральной России. «В регионе (Ближнего Востока. — *А. П.*) будут размещены американские радары раннего обнаружения, ракеты-перехватчики, а также единый командный и информационный центр, — пишут эксперты. — В общую систему ПРО будут также включены расквартированные на американских базах корабли ВМС США, оснащенные зенитно-ракетными комплексами Aegis.

Как отмечает New York Times, Пентагон уже поставил странам Персидского залива вооружений, оборудования и материалов на несколько миллиардов долларов»[2].

— Объединенная ЕвразВКО должна стать частью более широкого политического соглашения, аналогичного Хельсинкскому

[1] Госдеп: США разместят ПРО в Персидском заливе // Взгляд. 2012. 10 августа / http://vz.ru

[2] Там же.

Акту ОБСЕ 1975 года, в котором она бы гарантировала суверенное право обеспечения военной безопасности национальных территорий. Тем более, что ряд евразийских государств, прежде всего Китай и Индия, быстро продвигаются в этом направлении самостоятельно. Расширяется и двухстороннее сотрудничество. Так, США разрабатывают совместно с Японией противоракету SM-3IIA, которая будет состыкована с боевой информационно-управляющей системой «Иджис». Индия уже добилась прогресса в разработке национальной двухуровневой системы ПРО, компонентами которой являются противоракеты AAD для перехвата баллистических ракетных носителей ядерного оружия в пределах земной атмосферы. Кроме этого, они создают заатмосферную ракету-перехватчик, базой для которой служит модифицированная баллистическая ракета «Prithvi». Уже сейчас, как считается, их система ПРО способна перехватывать ракеты противника с дальностью стрельбы до двух тысяч километров, а к 2016 году ей будет по силам сбивать ракеты с радиусом действия в пять тысяч километров. Руководитель индийской Организации оборонных исследований и разработок /DRDO/ Виджай Кумар Сарасват признал, что создаваемая его подчиненными ПРО по возможностям уже вполне сопоставима с первыми вариантами американского комплекса «Patriot». На очереди новые модификации индийских противоракет и завершение работы над планом размещения системы ПРО, который будет передан на утверждение правительству страны. Найдется ли в этих планах DRDO место сотрудничеству с американцами — это вопрос открытый. Во всяком случае, как следует из слов заместителя главы Пентагона Э. Картера, этого за океаном весьма хотели бы. Тем более, что индийцы в принципе не отвергают взаимодействие с иностранцами в сфере создания ПРО — участие в их программе принимает Израиль, оказывающий

помощь в разработке РЛС раннего предупреждения о ракетном нападении[1].

13. Не только будущие переговоры об ограничении и сокращении СНВ, но и переговоры ДОВСЕ, переговоры о неразмещении оружия в космосе, РФ ставятся сегодня в зависимость от темпов и эффективности развития будущих систем ВКО США и НАТО, с одной стороны, и России и государств Евразии, с другой. В случае отказа США от ограничений ВВТ в области ВКО под реальной угрозой оказывается вся существующая практика переговоров по ограничению вооружений и военной деятельности.

Это может привести к бесконтрольному распространению ОМУ и современных военных технологий в мире прежде всего, в Евразии, на которую приходится в XXI веке более 80% всех военных конфликтов. Стремительный рост военных расходов в АТР (более чем в два раза за последние 10 лет) наводит на мысль о том, что этот процесс уже не просто запущен, но и приобретает необратимый характер. Фактически речь идет о том, что великие державы, прежде всего США, Япония и их союзники в АТР, переносят главный акцент в планах военного строительства в Евразию.

14. Требуется программа мобилизации национальных ресурсов в интересах быстрого развития возможностей ВКО России. Эта программа должна состоять из двух уровней. Первого, отражающего развитие современной системы ПВО и ПРО промышленности, где необходимы скорейшие меры по ее модернизации. Причем, не только отраслей ОПК, но и смежных гражданских отраслей, без которых отдельные отрасли ОПК развиваться не в состоянии.

Второй уровень — интеграция всех мощностей и активов ОПК, изготавливающих ВВСТ к ВКО в одной вертикально-интегрированной структуре с целью избежать дублирования, форсирования НИОКР, а в целом НЧП, финансовых и материальных ресурсов.

[1] Котов Л. Индия и США: Возможно партнерство по ПРО? // ИТАР-ТАСС. 2012. 17 августа / http://www.itar-tass.com

Сокращения, используемые в работе

А	в обозначениях американской военной техники и вооружения показывает модификацию основных образцов
А/Ц	аналого-цифровое (преобразование)
А-135	«Амур» — стационарная система ПРО Москвы (с 1995 г.), использующая различные типы для заатмосферного и внутриатмосферного перехвата баллистических целей с поражением ядерными боевыми частями
АВО	авиация военного округа
АДС (ACD)	Азиатский диалог сотрудничества (Asia Cooperation Dialogue)
АзБР	Азиатский банк развития
АЭС	Атомная электростанция
АОЛЦ	Алтайский оптико-лазерный центр имени Г. С. Титова
АПЗ	ОАО «Арзамасский приборостроительный завод имени П. И. Пландина»
Аркон-2М	Космический спутник (по ФКП России)
АСЕАН	Ассоциация стран Юго-Восточной Азии (Association of South-East Asian Nations, ASEAN)
АСЕАН+3	Объединение стран в рамках диалоговых механизмов АСЕАН (десять стран АСЕАН, Китай, Япония и Республика Корея)
АСЕАН+6	Объединение стран в рамках диалоговых механизмов АСЕАН (десять стран АСЕАН, Китай, Япония, Республика Корея, Индия, Австралия и Новая Зеландия)
АСЕМ	Форум «Азия — Европа»
АСУ	автоматизированная система управления
АТПФ	Азиатско-Тихоокеанский парламентский форум
АТР	Азиатско-Тихоокеанский регион (Asia Pacific) в узком смысле (обычно используемом в международной статистике) — Восточная Азия, Австралия и Океания (Австралия, Афганистан, Бангладеш, Бруней, Вьетнам, Индия, Индонезия, Камбоджа, Китай (включая Гонконг и Макао), КНДР, Лаос, Малайзия, Монголия, Мьянма, Непал, Новая Зеландия, Пакистан, Папуа – Новая Гвинея, Республика Корея, Сингапур, Таиланд, Тайвань, Филиппины, Шри-Ланка, Япония, Бутан, Восточный Тимор, Мальдивы, Вануату, Кирибати, Острова Кука, Маршалловы острова,…

	…Науру, Ниуэ, Палау, Самоа, Соломоновы острова, Тонга, Тувалу, Федеративные Штаты Микронезии, Фиджи)
АТР+	В широкой трактовке «АТР+» включает в себя страны, перечисленные выше, а также Россию, Канаду, Мексику, США, Гватемалу, Гондурас, Колумбию, Коста-Рику, Никарагуа, Панаму, Перу, Сальвадор, Чили, Эквадор (см. АТРАМ)
АТТУ	Зона от Атлантики до Урала (ATTU, Atlantic-to-the Urals zone)
АТЭС-2012	Саммит АТЭС, состоявшейся в сентябре 2012 года во Владивостоке
АУГ	авианосные ударные группы
АУТ	активный участок траектории
БГУ	концепция «Быстрого глобального удара»
БЖРК	боевой железнодорожный ракетный комплекс
БИМЬЮС	Система раннего предупреждения (РПРН) BMEWS (Ballistic Missile Early Warning System)
БИУС	Боевая информационно-управляющая система
БЛА (БПЛА)	Беспилотный летательный аппарат
БЛА «Boeing X-45C»	Беспилотный (ударный) летательный аппарат (США)
БЛА «Нейрон»	Беспилотный (ударный) летательный аппарат «nEUROn» (Франция)
БМП	Боевая машина пехоты
БР	баллистическая ракета
БРВЗ	баллистическая ракета «воздух–земля»
БРИК	Страны-участницы — Бразилию, Россию, Индию и Китай
БРИКС	Страны-участницы — БРИК + Южно-Африканская Республика
БРМД	Баллистическая ракета малой дальности
БРПД	Баллистическая ракета промежуточной дальности
БРПЛ	Баллистические ракеты подводных лодок
БРСД	Баллистическая ракета средней дальности
БРСМД	Баллистическая ракета средней и малой дальности

Сокращения, используемые в работе

БТР	Бронетранспортер
ВА	Восточная Азия
ВВ	взрывчатые вещества
ВВКО	Войска воздушно-космической обороны
ВВС	Военно-воздушные силы
ВВСТ	Вооружения, военная и специальная техника
ВВТ	Вооружения и Военная техника
ВДВ	воздушно-десантные войска
ВЗГ	высокой заводской готовности (технологии ПРН)
ВЗСЗЦ	высокозащищенные и сильнозаглубленные цели
ВИКА	Военная инженерно-космическая академия имени А.Ф. Можайского
ВК	Военный комитет Европейского Союза
ВКН	средства воздушно-космического нападения
ВКО	Воздушно-космическая оборона
ВМА	Военно-медицинская академия
ВМС	Военно-морские силы
ВМФ	Военно-морской флот
ВНИИРА	ОАО Всероссийский научно-исследовательский институт радиоаппаратуры (ОАО «Концерн ПВО «Алмаз-Антей»)
ВНИИРТ	ОАО Всероссийский научно-исследовательский институт радиотехники
ВНИИТФ	ВНИИ технической физики
ВНИИЭФ	ВНИИ экспериментальной физики
ВО	военный округ
Возврат-МКА	космический спутник (ФКП России)
ВТО	Высокоточное оружие
ВТС	Военно-техническое сотрудничество
ВКЦ	Воздушно-космические цели

ВШ	Военный штаб Европейского Союза
Высокий представитель по ИДПБ	Высокий представитель по иностранным делам и политике безопасности
Г-8	Группа восьми
ГА ООН	Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций
ГАЗ ГОЗ	Государственная автоматизированная система государственного оборонного заказа
ГВП РФ	Главная военная прокуратура РФ
ГВСУ	Главное военное следственное управление
ГЗЛА	Гиперзвуковые летательные аппараты
ГИС	геоинформационная система
ГК «Росатом»	Государственная корпорация по атомной энергии «Росатом»
ГЛОНАСС	Глобальная навигационная спутниковая система
ГОЗ	Гособоронзаказ
ГОЗ	Государственный Обуховский завод (ОАО «Концерн «Алмаз-Антей»)
Госдеп США	Государственный департамент Соединённых Штатов Америки
ГОУ ГШ РФ	Главное оперативное управление Генштаба России
ГПБГ	гиперзвуковые планирующие боеголовки
ГПУ	грунтовые пусковые установки
ГЧ	головная часть
ГУРЛС	Главное управление по работе с личным составом МО РФ
ДВЗЯИ	Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний
ДЗО	дочернее и зависимое общество
ДКК	Двусторонняя консультативная комиссия
ДМЗ	демилитаризованная зона
ДН	Движение неприсоединения

Сокращения, используемые в работе

ДНЯО	Договор о нераспространении ядерного оружия
ДОВСЕ	Договор об обычных вооруженных силах в Европе
Договор о ЕС	Договор о Европейском Союзе от 7 февраля 1992 г:
Договор РСМД	Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности
Договор СНВ	Договор о сокращении стратегических наступательных вооружений
ДП	Дополнительный протокол
ДПРОК	Договор о предотвращении размещения оружия в космосе
ДРЛОиУ	Самолеты дальнего радиолокационного обнаружения и управления
ДСНВ- 2010	Договор между Россией и США о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений
ЕАГ	Евразийская группа по противодействию легализации преступных доходов (финансовых разведок)
ЕАС	Евразийский Союз
ЕАСТ	Европейская ассоциация свободной торговли
ЕврАзЭС	Евразийское экономическое сообщество
ЕПАП	Европейский поэтапный адаптивный подход (США) к ПРО
ЕПБО	Европейская политика в области безопасности и обороны (1997 г.)
ЕРГ ПВО	Единая региональная система ПВО (России и Белоруссии)
ЕРЛС	Единая радиолокационная система
ЕС	Европейский Союз (Евросоюз), Европейское сообщество
ЕС ЗРО (ПВО–ПРО)	Единая система зенитно-ракетного оружия
ЕСБ	Европейская стратегия безопасности
ЕСИМО	Единая государственная система информации об обстановке в Мировом океане
ЕСУ ТЗ	Единая система управления в тактическом звене (Россия)
ЕТР	Европейская территория России
ЕТТ	Единый таможенный тариф

Евразийская воздушно-космическая оборона

ЕЭИ	журнал «Евразийская экономическая интеграция»
ЕЭП	Единое экономическое пространство
ЕЭС	Европейское экономическое сообщество
ЖРД	жидкостный ракетный двигатель
ЗЕС	Западноевропейский союз
ЗПРМ	запрещение производства расщепляющихся материалов
ЗРВ	Зенитно-ракетные войска
ЗРС	Зенитно-ракетная система
ЗСОМУ	зона, свободная от оружия массового уничтожения и средств его доставки
ЗСЯО	Зона, свободная от ядерного оружия
ЗУР	Зенитная управляемая ракета
ИА	Истребительная авиация
ИМЭМО РАН	Институт мировой экономики и международных отношений Российской академии наук (РАН)
ИПМБ РАН	Институт проблем международной безопасности РАН
ИПМТ ДВО РАН	Институт проблем морских технологий Дальневосточного отделения РАН
ИППМ РАН	Институт проблем проектирования в микроэлектронике РАН
ИР	Информационная революция
ИРЧК	Индекс развития человеческого капитала
ИРЧП	Индекс развития человеческого потенциала
ИСК РАН	Институт Соединенных Штатов Америки и Канады РАН
К ПВО и ПРО	Командование противоздушной и противоракетной обороны
КА	космический аппарат
КБ	конструкторское бюро
КБТО	Конвенция о запрещении биологического и токсического оружия
КВ	кибервойна

Сокращения, используемые в работе

КВ	Космические войска
КВВП	(самолеты) короткого и вертикального взлета и посадки
КЗХО	Конвенция о запрещении химического оружия
КИК	командно-измерительный комплекс
КК	Космическое командование
КМД	Комитет по международным делам Государственной Думы ФС России
КМП	Корпус морской пехоты (США)
КМСЕ	Комитет министров Совета Европы
КнААПО	ОАО «Комсомольское-на-Амуре авиационное производственное объединение имени Ю. А. Гагарина»
КНИТУ им. А. Н. Туполева	Казанский национальный исследовательский технический университет им. А. Н. Туполева с 2009 ранее: КазГТУ
КПК	Кодекс поведения в космосе
КР	Конференция по разоружению
КРВБ	крылатая ракета воздушного базирования
КРВБ БД	крылатая ракета воздушного базирования большой дальности
КРК	космический ракетный комплекс
КРМБ	крылатая ракета морского базирования
КРМБ БД	крылатая ракета морского базирования большой дальности
КРНБ	крылатая ракета наземного базирования
КРНС	Космическая радионавигационная система
КРТ	компонент ракетного топлива
КСДЛ	Комитет старших должностных лиц
КСОР	Коллективные силы оперативного реагирования
КСП ПРО	Комплексы средств преодоления ПРО
КТРВ	«Корпорация «Тактическое ракетное вооружение»
КТС	Комиссия таможенного союза

КЯР	Комиссия по ядерному регулированию США
ЛА	летательный аппарат
ЛАГ	Лига арабских государств
ЛКВБ	Лазерный комплекс воздушного базирования
ЛСО	Легкое и стрелковое оружие
МАГАТЭ	Международное агентство по атомной энергии
МБР	Межконтинентальная баллистическая ракета
МБРР	Международный банк реконструкции и развития
МДБ	Меры укрепления доверия и безопасности
«Меридиан»	спутник (КА) связи двойного назначения
МИД	Министерство иностранных дел
Минобороны России	Министерство обороны Российской Федерации
Минэкономразви-тия России, (МЭР)	Министерство экономического развития Российской Федерации
МИОМ	Машины инженерного обеспечения и маскировки (для РВСН)
МКВЭС (ОДКБ)	Межгосударственная комиссия по военно-экономическому сотрудничеству (стран ОДКБ)
МО	международные отношения
МО РФ	Министерство обороны РФ
МСУО	многофункциональная система управления оружием
Мт	мегатонна
МУД	меры укрепления доверия
МЧС России	Министерство Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных действий
МШПИ	Московская школа политических исследований
НАМС	Национальная ассоциация машиностроителей России
НАН США	Национальная академия наук США

НАПО	Новосибирское авиационное производственное объединение им. В. Чкалова
НАСА	Национальное управление по воздухоплаванию и исследованию космического пространства. NASA (National Aeronautics and Space Administration)
НАТО	Организация Североатлантического договора (North Atlantic Treaty Organization, NATO)
НАФТА	Североамериканское соглашение о зоне свободной торговле (North American Free Trade Agreement, NAFTA)
НГШ	начальник Генерального Штаба (России)
НИЧК	Национальный индекс человеческого капитала
НЛО	неопознанный летающий объект
НЛЦ	низколетящие цели
НПО	научно-производственное объединение
НПО	неправительственная организация
НСЯО	нестратегическое ядерное оружие
НТСК	национальные технические средства контроля
ОАПЕК	Организация арабских стран–экспортеров нефти (наименование — Organization of Arab Petroleum Exporting Countries, OAPEC)
ОАЭ	Объединенные Арабские Эмираты: Абу-Даби, Аджман, Дубай, Рас эль-Хайма, Умм эль-Кайвайн, Фуджейра и Шарджа
ОБСЕ	Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе
ОБТ	основной боевой танк
ОВ	отравляющие вещества
ОВВС	Объединенные военно-воздушные силы
ОВД	Организация Варшавского договора
ОВПБ	Общая европейская внешняя политика и политика безопасности (1992 г.) (ЕС)
ОВС СНГ	Объединённые Вооружённые силы СНГ

ОГПМО РАН	Отделение глобальных проблем и международных отношений РАН
ОДВЗЯИ	Организация Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний
ОДВТ	Ограничиваемые Договором вооружения и техника
ОДК	Объединенная двигателестроительная корпорация
ОЗХО	Организация по запрещению химического оружия
ОИК	Организация Исламская конференция
ОМУ	оружие массового уничтожения
ОНС (МО США)	Оборонный научный совет министерства обороны США
ООН	Организация Объединенных Наций
ОООВ ВС	Общероссийская общественная организация ветеранов Вооруженных сил
ОС ПВО	Объединенная система ПВО (СНГ)
ОС ПВО–ПРО ОДКБ	Объединенная система ПВО–ПРО ОДКБ
ОС СНГ	Объединенная система (ВКО СНГ)
ОТРК	оперативно-тактический ракетный комплекс
ОЦУ	Объединенный центр управления
ОЧ	отделяющаяся часть
ОЭСР (OECD)	Международная организация экономического сотрудничества и развития (Organization for Economic Cooperation and Development)
ОЭСР/АЯЭ	Агентство по ядерной энергии Организации экономического сотрудничества и развития
ОЯТ	отработавшее ядерное топливо
ПА	палубная авиация
ПВО	противовоздушная оборона
ПГВКП	предотвращение гонки вооружений в космическом пространстве
ПЛ	подводная лодка
ПЛАРБ	атомная подводная лодка с баллистическими ракетами

Сокращения, используемые в работе

ПЛАРК	атомная подводная лодка — носитель крылатых ракет
ПЛО	противолодочная оборона
ПНО	промышленно-научное объединение
ПО	программное обеспечение
ППМ	противопехотная мина
ПРК	противоракетный комплекс
ПРМ НАТО	Программа НАТО «Партнерство ради мира»
ПРО	Противоракетная оборона
ПРО ТВД	противоракетная оборона театра военных действий
ПРОК	Договор по предотвращению размещения оружия в космосе
ПРООН	Программа развития Организации Объединенных Наций — организация при ООН по оказанию помощи странам-участницам в области развития
ПРО-ПВО ТВД	противоракетная и противовоздушная оборона театра военных действий
ПСС	противоспутниковая система
ПТРК	противотанковый ракетный комплекс
ПУ	пусковая установка
РАКА	Российское авиационно-космическое агентство
РБП	район боевого патрулирования
РГ СРН	Рабочая группа Совета Россия-НАТО
РГЧ	разделяющаяся головная часть
РГЧ ИН	разделяющаяся головная часть индивидуального наведения
РД	ракетный двигатель
РДР	разоружение, демобилизация и реинтеграция
РЗУ	Российские загранучреждения
РЗЭ	редкоземельные элементы
РКК «Энергия»	Ракетно-космическая корпорация «Энергия»

Евразийская воздушно-космическая оборона

РКО	Ракетно-космическая оборона
РКТ	ракетно-космическая техника
РЛС	радиолокационная станция
РН	ракета-носитель
РП	район падения
РПК (СН)	ракетный подводный крейсер (стратегического назначения)
РПП	ракета класса «поверхность–поверхность»
РСД	ракеты средней дальности
РСМД	Российский совет по международным делам
РЭБ	Система радиоэлектронной борьбы
СБ	Совет Безопасности
СБЕР	Совет Баренцева/Евроарктического региона
СБ ООН	Совет Безопасности ООН
СБСЕ	Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе
СБЦ	сложная баллистическая цель
СВА	Северо-Восточная Азия
СВАФ	Северо-Восточный форум
СВК	северо-восток Китая
СВКН	Средства воздушно-космического нападения
СВН	Средства воздушного нападения
СГБМ	Совет государств Балтийского моря
СГС	Совет по гуманитарному сотрудничеству (СНГ)
СЕ	Совет Европы
СЕА	Срединная Евразия
СЕАП	Совет Евроатлантического партнерства
СК РФ	Следственный комитет РФ

Сокращения, используемые в работе

СККП	Системы контроля космического пространства
СМО	Совет министров обороны
СМП	Северный морской путь
СНВ	Стратегические наступательные вооружения
СНС	Стратегические наступательные силы
СОИ	Стратегическая оборонная инициатива
СПД	стационарный плазменный двигатель
СПРН	система предупреждения о ракетном нападении
СПЧ	Совет по правам человека
СРН	Совет Россия — НАТО
«Стерх»	космический спутник (ФКП России)
СУА	система управления антенной
СУУ	совместное уменьшение угрозы (программа)
СЦВ	сетецентрическая война
США	Соединенные Штаты Америки
СЭВ	Совет Экономической Взаимопомощи
СЯС	Стратегические ядерные силы
ТА	тактическая авиация
ТБ	тяжелый бомбардировщик
ТВД	театр военных действий
ТМИ	телеметрическая информация
ТПР	третий позиционный район
«Триумф»	зенитная ракетная система средней и большой дальности С-400
ТТД (В и ВТ)	тактико-технические данные вооружений и военной техники
ТТХ	тактико-технические характеристики
ТУ	технические условия

ТХААД	зональный комплекс ПРО (THAAD — Theatre High Altitude Area Defense)
ТЯО	тактическое ядерное оружие
УА	ударная армия
УББ	управляемые боевые блоки
УКВ	ультракороткие волны
УОГ	ударно-оборонительная группировка
УПН (ООН)	Управление по наркотикам и преступности ООН
ФАР	фазированная антенная решетка
Ц/А	цифро-аналоговое преобразование
ЦА	Центральная Азиая
ЦАМТО	Центр анализа мировой торговли оружием
ЦВА	Центрально-Восточная Азия
ЦВЕ	Центральная и Восточная Европа
ЦВТ	Центр высоких технологий
ЦОД	Центр обработки данных
ЧП	человеческий потенциал
ЧС	чрезвычайная ситуация
ШОС	Шанхайская организация сотрудничества — региональная международная организация, основанная в 2001 году лидерами Китая, России, Казахстана, Таджикистана, Киргизии и Узбекистана
ЭПР	эффективная площадь рассеивания (РЛС)
ЮСАИД	Агентство по международному развитию США
ЯБ	ядерная безопасность
ЯБЗ	ядерные боезаряды
ЯБХО	ядерное, биологическое и химическое оружие
ЯГ	ядерное государство
ЯМ	ядерный материал

ЯМР	ядерный магнитный резонанс
ЯО	ядерное оружие
ЯР	ядерный реактор
ЯТЦ	ядерный топливный цикл
ЯЭУ	ядерная энергетическая установка

ABNL	Admiral Benelux — адмирал стран Бенелюкс (главком объединенных сил ВМФ Нидерландов и Бельгии)
ACDA	Американское агентство по контролю над вооружениями (Arms Control and Disarmament Agency)
ACP	African, Caribbean and Pacific — страны Африки, Карибского бассейна и Тихоокеанского региона, сокр. страны АКТ
ACT	Allied Command Transformation — Командование трансформации ОВС НАТО
AFV	Armoured Fighting Vehicle — Боевая бронированная машина
AOSIS (Alliance of Small Island States)	Альянс малых островных государств. АОСИС, подверженный угрозе повышения уровня моря
APEC	Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество, АТЭС (Asia-Pacific Economic Cooperation)
ASD (HA)	помощник министра обороны по здравоохранению (Assistant Secretary of Defense for Health Affairs)
ASD (LA)	юридический помощник министра обороны (Assistant Secretary of Defense for Legislative Affairs)
ASD (SO/LIC)	помощник министра обороны по специальным операциям и конфликтам низкой интенсивности (Assistant Secretary of Defense for Special Operations and Low Intensity Conflict)
ASEAN PTA	Зона преференциальной торговли АСЕАН (ASEAN Preferential Trade Agreement)
ATSC	Малайзийская корпорация космических технологий (Aerospace technology system corporation)
AU	African Union — Африканский Союз

Евразийская воздушно-космическая оборона

BG	Battle group — боевая группа
BMDS	Система ПРО — против баллистических ракет (Ballistic Missile Defense System)
BRICS	Brazil, Russia, India, China and South Africa — БРИКС
BTA	военно-транспортная авиация
CAR	Central African Republic — Центрально Африканская республика
CBRN	Chemical, Biological, Radiological and Nuclear — Химическое, биологическое, радиологическое и ядерное оружие
CC	Киберкомандование (Cyber Command)
CCC	Capabilities Commitment Conference — Конференция по объединению потенциалов
CD, MD и DVD	оптические носители информации
CDM	Capability Development Mechanism — Механизм развития потенциалов
CDP	Capability Development Plan — План развития потенциалов
CDRUSSCOM	командир, командование специальными операциями США (Commander, United States Special Operation Command)
CENTCOM	Центральное командование (региональное командование США на Ближнем и Среднем Востоке, а также в Северной Африке)
CFSP	Common Foreign and Security Policy — Общая внешняя политика и политика безопасности
CHODs	Chiefs of Defence — главнокомандующий
CI/KR	критически важная инфраструктура и ключевые ресурсы (Critical Infrastructure and/or key Resources)
CIA	ЦРУ — Центральное разведывательное управление США (Central Intelligence Agency)
CIDA	Канадское агентство помощи развитию
CMPD	Crisis Management and Planning Directorate — Управление по планированию и реагированию на угрозы

CPCC	Civilian Planning and Conduct Capacity — Гражданские Силы кризисного планирования и реагирования
CS	информационная безопасность или кибербезопасность (cyber security)
CSBMs	Confidence and Security-Building Measures — меры по укреплению доверия и безопасности
CSCI	Центр стратегических и международных исследований (США)
CSDP	Common Security and Defense Policy — Политика общей безопасности и обороны
DATTs	военные атташе (Defense attaches)
DCI	критическая инфраструктура безопасности (Defense Critical Infrastructure)
DCIP	Программа развития критической инфраструктуры безопасности (Defense Critical Infrastructure Program)
DDR	Disarmament, Demobilization and Reintegration — разоружение, демобилизация и реинтеграция
DFID	Департамент международного сотрудничества Великобритании
DHS	Министерство внутренней безопасности США (Department of Homeland Security)
DIA	Агентство военной разведки (Defense Intelligence Agency)
DIB	промышленно-оборонная база (Defense Industrial Base)
DISLA	Управляющий промышленным сектором обороны (Defense Infrastructure Sector Lead Agent)
DoD CIO	Директор по информационным технологиям Министерства обороны США (DoD Chief Information Officer)
DoDD	директива Министерства обороны США (DoD Directive)
DoDI	Инструкция министерства обороны (DoD Instruction)
DRC	Democratic Republic of Congo — Демократическая республика Конго
DRDO	Организация оборонных исследований и разработок (Индия)
DSCA	Агентство по оборонному сотрудничеству и безопасности МО США (Defense Security Cooperation Agency)

Евразийская воздушно-космическая оборона

EAS	External Action Service — Служба внешнеполитической деятельности
EATC	European Air Transport Command — Европейское командование военно-транспортной авиации
EATF	European Air Transport Fleet — Европейский транспортный военно-воздушный флот
ECAP	European Capability Action Plan — Европейский план действий
EDA	European Defence Agency — Европейское оборонное агентство
EDC	European Defence Community — Европейское сообщество безопасности
EEC	European Economic Community — Европейское экономическое сообщество
EMP	Euro-Mediterranean Partnership — Евро-средиземноморское партнерство
EMV	Заатмосферные средства перехвата (Exo-atmospheric Kill Vehicle)
ENP	European Neighbourhood Policy — Европейская политика соседства
EPC	European Political Cooperation — Европейское политическое сотрудничество
ESDP	European Security and Defense Policy — Европейская политика безопасности и обороны
ESS	European Security Strategy — Европейская стратегия безопасности
EU	European Union — Европейский Союз
EUBAM	European Union Border Assistance Mission — Миссия ЕС по приграничной помощи
EUFOR	European Union Force — Силы быстрого реагирования ЕС
EUJUST	European Union Justice Mission — Миссия ЕС по восстановлению справедливости
EUMC	European Union Military Committee — Военный комитет ЕС
EUMM	European Union Monitoring Mission — Наблюдательная миссия ЕС
EUMS	European Union Military Staff — военный контингент ЕС
EUPAT	European Union Police Advisory team — Команда полицейских консультантов ЕС

EUPM	European Union Police Mission — Полицейская миссия ЕС
EUPOL	European Union Police Mission — Полицейская миссия ЕС
EUTM	European Union Training Mission — Обучающая миссия ЕС
EUNAVFOR	European Union Naval Force — Военно-морские силы ЕС
FARDC	Forces Armees de la Republique Democratique du Congo — Вооруженные силы демократической республики Конго
FGA	Форт Грили, Аляска
FHQ	Force Headquarters — Штаб квартиры вооруженных силы
FMS	Программа военной помощи иностранным государствам США (Foreign Military Sales)
FTH	Future Transport Helicopter — Тяжелый транспортный вертолет
FTUAS	Future Tactical Unmanned Aerial System — проект по созданию тактической беспилотной воздушной системы
FYDP	Оборонная программа на будущие годы (Future Years Defense Program)
FYROM	Former Yugoslav Republic of Macedonia — бывшая югославская республика Македония
G–20 (G20)	Группа двадцати, Большая двадцатка
G7	Большая семерка
G–77, Group of 77	Группа 77 (и Китай) является основной переговорной группой развивающихся стран, представляющей более 120 сторон на многих международных переговорах
G-8	Группа восьми, Большая восьмерка
GC DoD	Совет по общим вопросам министерства обороны США (General Counsel of the Department of Defense)
GCC	Gulf Cooperation Council — Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива
GBI	Противоракеты шахтного базирования (Ground Based Interceptor)
GDP Gross Domestic Product	Валовый внутренний продукт (ВВП)

Евразийская воздушно-космическая оборона

GIG	Глобальная информационная сетка (Global Information Grid)
GMD	Система ПРО наземного базирования для перехвата ракет над национальной территорией (Ground-based Midcourse Defense Ground Missile Defense)
GOOS	Глобальная система наблюдений за океаном (Global Ocean Observing System)
HG	Headline Goal
HHC	Helsinki Headline Goal Catalogue — Перечень мероприятий по реализации основополагающей цели ЕС
HTF	Headline Goal Task Force — Рабочая группа по реализации основополагающей цели ЕС
IA	обеспечение безопасной информации (Information Assurance)
IAMD	Объединенная система ПВО и ПРО (Integrated Air and Missile Defense)
IED	Improvised Explosive Device — самодельные взрывные устройства
IISS	Лондонский международный институт стратегических исследований (International Institute for Strategic Studies)
IMS	International Military Staff (of NATO) — Международный военный контингент НАТО
ISI	Межведомственная разведка Пакистана
ISAF	International Security Assistance Force — Международные силы содействия безопасности
ISTAR	Intelligence, Surveillance, Target Acquisition and Reconnaissance — разведка, наблюдение, установление целей и рекогносцировка
JFCOM	Joint Forces Command — Объединенное командование
KFOR	Kosovo Force — Силы для Косово (международные силы под руководством НАТО, ответственные за обеспечение стабильности в Косово)
MAD	Взаимное гарантированное уничтожение (Mutual Assured Destruction)
MANPAD	Counter Man-Portable Air Defence System — Система защиты против переносных зенитно-ракетных комплексов
MAWA	Military Airworthiness Authorities — орган контроля летной годности ВВС

MDA	Агентство противоракетной обороны (Missile Defense Agency) США
MIADS	Интегрированная Мьянманская система противоздушной обороны (Myanmar Integrated Air Defense System)
MIT	Массачусетский технологический институт (Massachusetts Institute of Technology)
MONUC	Mission de Г Organisation des Nations Unies en Republique democratique du Congo
MONUSCO	Mission de Г Organisation des Nations Unies pour la stabilisation en Republique democratique du Congo — Миссия Организации Объединенных Наций по стабилизации в Демократической Республике Конго
NAC	North Atlantic Council — Совет НАТО
NATO	North Atlantic Treaty Organization — НАТО
NBIC	Перспективные развивающиеся технологии (нано-, био-, инфо-, когно-)
NCW	Концепция сетецентрической войны (Network Centric Warfare)
NEC	Network-Enabled Capability — Сетевой потенциал
NGB	Бюро национальной гвардии США (National Guard Bureau)
NISP	Государственная программа промышленной безопасности (National Industrial Security Program)
NRF	NATO Response Force — Силы реагирования НАТО
NSS	National Security Strategy — Национальная стратегия безопасности
NTM	миссия НАТО по подготовке (полицейских) (NATO Training Mission)
NZAID	Агентство международной помощи и развития Новой Зеландии
OAK	Объединённая авиастроительная корпорация
OCCAR	Organisation Conjointe de Cooperation en Matiere d'Armement — Организация военного сотрудничества
OFAC	Управление министерства финансов США по контролю за иностранными активами
OHQ	Operational Headquarters — оперативный штаб

OSCE	Organization for Security and Co-operation in Europe — ОБСЕ
OUSD (AT&L.)	Замминистра обороны по вопросам закупок, технологии и логистики (Office of the Under Secretary of Defense for Acquisition, Technology, and Logistics)
PAA	Фазовый адаптивный подход развития региональных систем ПРО (Phased Adaptive Approach)
Patriot PAC-3	зенитный ракетный комплекс, обеспечивающий объектовую защиту на высотах до 20 км
PMG	Politico-Military Group — военно-политическая группа
PMS	Participating Member State (s) — государство участник
PESCO	Permanent Structured Cooperation — постоянное структурированное сотрудничество
PFP	Partnership for Peace — партнерство ради мира
PSC	Political and Security Committee — комитет по политике и безопасности ЕС
PSCD	Permanent Structured Cooperation in Defence — постоянное структурированное сотрудничество по безопасности
QMV	Qualified Majority Voting — голосования с квалифицированным большинством
R2P	Responsibility to Protect — Ответственность по защите
R&T	Research and Technology — Исследования и технологии
SDO/DATT	старший военный атташе (Senior Defense Official/Defense Attache)
SDR	Software-Defined Radio — программно-определяемая радиостанция
SFOR	Stabilization Force — силы НАТО по поддержанию мира в Боснии и Герцеговине
SHAPE	Supreme Headquarters Allied Powers Europe — Главные штаб-квартиры объединенных сил Европы
SM-3	ракеты-перехватчики США (Standard Missile)
SSR	Security Sector Reform — Реформа сектора безопасности
STANAG	Standardization Agreement — Соглашение по стандартизации

SWOT-матрица	Матрица для проведения SWOT–анализа: сильных и слабых сторон государства/корпорации
TAPs (Technology Assessment Panels)	экспертные группы технологических оценок
TEU	Treaty on European Union — Договор о ЕС
THAAD	Система ПРО для перехвата БР на высотах до 150 км и дальности до 250 км на ограниченных территориях (Theatre High Altitude Area Defense)
TFEU	Treaty on the Functioning of the European Union — Договор о функционировании ЕС
TSFDO	Управление технологической безопасности и передачи информации иностранным государствам (Technology Security and Foreign Disclosure Office)
UEWR	Модернизация радара раннего предупреждения в Туле (The Thule Upgraded Early Warning Radar)
UN	United Nations — Организация объединенных наций
UNIFIL	United Nations Interim Force in Lebanon — Временный контингент сил ООН в Ливане
UNSC	United Nations Security Council — Совет Безопасности ООН
USD (AT&L)	замминистра обороны по вопросам закупок, технологии и логистики (Under Secretary of Defense for Acquisition, Technology, and Logistics)
USD (C) / CFO	замминистра обороны (инспектор) / главный финансовый инспектор министерства обороны (Under Secretary of Defense (Comptroller) / Chief Financial Officer, Department of Defense)
USD (I)	замминистра обороны по вопросам разведки (Under Secretary of Defense for Intelligence)
USD (P&R)	замминистра обороны по кадрам и боевой готовности (Under Secretary of Defense for Personnel and Readiness)
USD (P)	замминистра обороны по военно-политическим вопросам (Under Secretary of Defense for Policy)
USG	Правительство США (US Government)

US SC	Стратегическое командование США (U.S. Strategic Command), объединяет стратегические силы, силы ПРО, космические войска и киберкомандование)
USUI	Инициативный комитет США по проектам совместного осуществления (United States Initiative on Joint Implementation)
WEU	Western European Union — Западноевропейский союз
WMD	Weapons of mass destruction — Оружие массового поражения

Научное издание

Подберезкин Алексей Иванович

ЕВРАЗИЙСКАЯ ВОЗДУШНО-КОСМИЧЕСКАЯ ОБОРОНА

Согласно Федеральному закону РФ от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ
данная продукция не подлежит маркировке

Редактор *Т. Ф. Тищенко*
Компьютерная верстка *А. С. Туманова*

Выражаю глубокую признательность сотрудникам Центра военно-политических исследований МГИМО(У): Дегтереву Д. А., Кабернику В. В., Салюкову Д. О., Родионову О. Е.; экспертам ОАО «Концерн ПВО «Алмаз-Антей», а также сотрудникам издательства МГИМО(У): Ручкину Г. Р., Тищенко Т. Ф., Абдряхимовой Н. Ф., Тумановой А. С.

Подписано в печать 02.04.13.
Формат 84x108M/16. Усл. печ. л. 30,5. Уч.-изд. л. 16.
Тираж 50 экз. Заказ № 188

Издательство «МГИМО–Университет»
119454, Москва, пр. Вернадского, 76

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии
и множительной техники МГИМО(У) МИД России
119454, Москва, пр. Вернадского, 76